

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XLV

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XLV

Керчь
Kerch

Симферополь
Simferopol

2022

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 5 от 12.10.2022 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., проф., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Зубарев В.Г., д.и.н., проф., Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого (Тула)
Казанский М.М., д.и.н., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Пецхладзе Г.Р., PhD, проф., главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция).

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального
университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 04.04.2022г.)*

Боспорские исследования. Вып. XLV / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2022. – 304 с.
ISBN 978-5-6046127-3-6

В юбилейном XLV выпуске «Боспорских исследований» публикуются статьи и материалы по результатам исследований античных и средневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья, а также по отдельным вопросам изучения истории материальной культуры и методике археологических исследований. Значительная часть публикаций посвящена раскопкам боспорского города Тиритака, которые были начаты 90 лет назад.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082

ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938

ISBN 978-5-6046127-3-6

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2022

© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2022

© Авторы, текст, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2001 году в свет вышел первый выпуск «Боспорских исследований». Материалы для этого тома, как и всех последующих, были собраны под руководством В.Н.Зинько. Он не только проводит первичное редактирование поступивших материалов, но также находит финансирование для верстки и печати всех томов. На протяжении всего времени все выпуски «Боспорских исследований» печатаются в Керченской городской типографии, которой бесценно руководит М.В. Озаркив, оказывающий большую помощь изданию.

«Боспорские исследования» практически с первого тома привлекли внимание исследователей, занимающихся античной и раннесредневековой археологией, историей Северного Причерноморья, и в первую очередь Боспора. В издании стали публиковаться не только ученые России и Украины, но и Польши, Франции, Швейцарии, Венгрии, Германии и Великобритании. «Боспорские исследования» очень скоро приобрели статус ведущего академического научного ежегодного крымского издания. После событий 2014 года «Боспорские исследования» были перерегистрированы в законодательном поле Российской Федерации и индексируются в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), а также входят в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология.

Юбилейный XLV выпуск «Боспорских исследований» посвящен 90-летию археологических исследований боспорского города Тиритака. Археологические раскопки Тиритаки были начаты 16 июня 1932 года Керченским музеем под руководством Ю.Ю.Марти. В течение первых трех лет им исследовался юго-западный участок нижнего города (раскопы I-II, 1932–1934 гг.), где были открыты куртины и башни эллинистического времени, а также крупный комплекс рыбозасолочных цистерн римского времени. В 1933 г. общее руководство раскопками на Тиритаке принял Л.М.Славин. В западной части городища им были заложены два новых раскопа –V и VI, работы на которых велись до 1936 г. С 1935 г. Керченскую археологическую экспедицию ИИМК АН СССР возглавил В. Ф. Гайдукевич, который продолжил исследования на

ранее начатых раскопах, а также заложил новые раскопы в периферийных районах Тиритаки. В 1939-1940 гг., а затем в 1946-1947 гг. В. Ф. Гайдукевичем проводились раскопки на участке XV, примыкающем с северо-востока к раскопу V-VI.

В послевоенные годы (1946 – 1957 гг.) В. Ф. Гайдукевич продолжил работы на исследованных ранее раскопах V-VI, XIV, XV и на новых участках XVI – XXI, разбитых в северной, западной и восточной частях городища. В 1974 году исследования на городище проводил сотрудник КИАМ Д. С. Кирилин (раскопы XXII и XXIII), а в 1983 – 1985 гг. раскопки вела экспедиция КИАМ под руководством О. Д. Чевелева, которым в западной части Тиритаки был разбит раскоп XXIV, а в восточной – раскоп XXV.

В 2002 г. В. Н. Зинько был начат многолетний научно-исследовательский проект «Боспорский город Тиритака», который состоял из трех главных частей: комплексные археологические исследования; создание археологического парка и регулярное издание результатов всех исследований. За 20-летний период научным коллективом под руководством В. Н. Зинько проделан значительный объем работ по всем направлениям, по результатам которых Тиритака стала одним из самых изученных городищ Европейского Боспора¹.

Редколлегия поздравляет авторов с юбилейным выпуском «Боспорских исследований», а всех участников проекта «Боспорский город Тиритака» – с 90-летием начала археологических раскопок Тиритаки, а также с 20-летием проекта и желает плодотворной работы, новых интересных результатов и находок.

Редколлегия.

¹ Подробнее об этом см. статью В. Н. Зинько и А. В. Зинько в этом юбилейном томе.

СТАТЬИ

А.В. ПОРОТОВ¹, В.Н. ЗИНЬКО²
A. V. POROTOV, V. N. ZINKO

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГО- ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИМОРСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ТИРИТАКСКОГО ГОРОДИЩА

THE PRINCIPAL RESULTS OF ARCHAEOLOGIC- PALAEOGEOGRAPHICAL STUDY OF THE MARITIME AREA OF THE TIRITAKA'S SETTLEMENT

Вопросы развития рельефа побережья Керченского полуострова за последние 3,5-4 тыс. лет продолжают привлекать к себе внимание в связи с детализацией реконструкций изменений уровня моря и рельефа береговой зоны, которые до настоящего времени сохраняют дискуссионный характер. Ограниченная археолого-палеогеографическая изученность современной прибрежной полосы на участках крупных античных центров Керченского полуострова не позволяет также затронуть вопросы влияния портовых сооружений античного времени на развитие береговой полосы. Для детализации реконструкций ландшафтно-геоморфологического облика прибрежных территории в античное и средневековое время в течение ряда лет на побережье Керченского пролива (древний Боспор Киммерийский) проводятся комплексные археолого-палеогеографические исследования приморской территории античных Тиритаки и Нимфея, осуществляемые НИЦИАК КФУ им. В.И. Вернадского, Центром археологических исследований Фонда «Деметра» и географическим факультетом МГУ.

Наряду с археолого-палеогеоморфологическим изучением побережья Камыш-Бурунского залива был также обследован ряд участков Европейского Боспора, среди которых следует отметить побережья Еникальской [Поротов и др., 2020] и керченских бухт [Поротов, Зинько, 2022], а также озер Тобечик [Поротов, Зинько, 2019] и Чокрак [Kelterbaum et al., 2012]. Материалы этих исследований наряду с локальными палеогеоморфологическими реконструкциями на участках поселений античного времени позволили получить сравнительный материал по особенностям эволюции прибрежных территорий в ходе изменения уровня моря в историческое

¹ Работа выполнена по программе «Палеоклиматы, развитие природной среды и долгосрочный прогноз ее развития» и при поддержке гранта РФФИ 18-05-00296.

² Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

время на различных в структурно-геоморфологических условиях. Основными задачами проведенных исследований являлись детализация реконструкций изменения относительного уровня моря за последние 3,5-4 тыс. лет и их влияние на эволюцию рельефа береговой зоны в районах основных поселений античного времени как фактора, определявшего локализацию и функционирование в качестве приморских центров.

Методика проведенных исследований

Комплекс проводимых работ включал геолого-геоморфологическое изучение рельефа и прибрежных отложений на участке Крымского побережья Керченского пролива от Камыш-Бурунской бухты до оз. Тобечик и был дополнен сейсмоакустическим изучением полосы прибрежного мелководья (рис. 1). Материалы бурения изучались с помощью литологического, биостратиграфического и геохронологического анализа. Это позволило провести литолого-фациальное расчленение разреза позднеголоценовых отложений и охарактеризовать основные этапы развития этого участка побережья за последние 5,0 тыс. лет. Для детализации реконструкций изменений уровня моря использованы материалы археологических разведок как на прибрежной территории суши в окрестностях античных поселений, так и в полосе прибрежного мелководья. Дополнительно для детализации представлений о строении толщи прилегающих к городищу отложений были проведены опытно-методические геофизические работы с применением метода электротомографии (ЭТ). Аппаратурный комплекс геофизических исследований включал многоканальную многоэлектродную станцию Syscal Pro Switch 72 (Франция), а также геодезическое цифровое оборудование и беспилотный летательный аппарат (БПЛА) Phantom 4 Advanced с камерой формата UHD, позволивший получить ортофотоплан района работ. Привязка координат к местности осуществлялась с использованием комплекса геодезического оборудования GNSS станции Leica Viva GS 10. Обработка данных проводилась в специализированном центре кафедры разведочной геофизики и компьютерных систем РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина.

Основные черты геолого-геоморфологического строения территории

Основные очертания и рельеф коренных берегов залива определяются разломной тектоникой [Плахотный и др., 1989]. В частности, тектоническими деформациями объясняются отличия в рельефе южного и северного бортов впадины Камыш-Бурунского озера: более крутой и местами обрывистый южный берег, оканчивающийся скалистым Камыш-Бурунским мысом, выступает как в качестве южной границы расположенного севернее залива. [Науменко, 1977], так и геологии Керченского рудного месторождения [Андреев и др., 1981; Науменко и др., 1979]. Долина реки Чурубашки приурочена к тектонической впадине, характеризуется сложным ступенчатым рельефом кровли коренных миоцен-плиоценовых отложений. Ряд вертикальных разломов придает тектонической впадине характер многоступенчатого грабена [Керченский пролив, 1984]. Коренные борта в низовьях долины сложены верхнесарматскими глинами с прослоями из-

вестняков, мэотическими глинами и лессовидными четвертичными суглинками.

Полоса низменной суши в вершине залива представляет собой сильно измененную антропогенным воздействием (комплекс судоремонтного завода, отвал шлама горно-обогатительного комбината и т.п.) аккумулятивную морскую террасу, образованную серией древних береговых валов, которые отчетливо прослеживаются как на топографических картах 50-х годов, так и по аэрофотосъемочным материалам начала 50-х годов (рис. 3). Особенности конфигурации системы древнебереговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палеозалива, которая на фоне продолжавшегося подъема относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурубашский лиман от моря, превратив его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором расположено Тиритакское городище. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-Бурунского залива составляет 2-2,5 км.

В морфодинамическом отношении рассматриваемый участок побережья Керченского пролива представляет собой абразионно-аккумулятивную систему, объединяющую участок абразионного берега протяженностью около 4 км к северу от оз. Тобечик, примкнувшую аккумулятивную террасу протяженностью около 1,5 км и Камыш-Бурунской косы, прилежащей с севера к одноименному мысу и представляющей собой конечное звено этой системы. Как показали результаты проведенных исследований, возникновение этой системы произошло в ходе новочерноморской трансгрессии при более низком положении уровня моря, а ее эволюция охватывает последние 5,0 тыс. лет.

На абразионном участке протяженностью около 4 км береговой уступ высотой 8-12 м сложен морскими верхнеплейстоценовыми отложениями, перекрываемыми континентальными суглинками. Транзитный участок абразионно-аккумулятивной системы протяженностью около 2,5 км образован аккумулятивной террасой с абсолютными отметками +2,5-3,5 м и шириной до 500-600 м, примкнувшей к древнему абразионному уступу. Аккумулятивной участок системы образован низкой морской террасой, состоящей из серии древних береговых валов, генераций, отчленяющих от моря низовья долины р. Чурубашки. Современная Камыш-Бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Следует отметить, что отдельные звенья абразионно-аккумулятивной системы располагаются в пределах различных морфоструктур побережья, характеризующихся разнонаправленными неотектоническими движениями, что в целом определяет различия в изменении относительно уровня моря за последние 5,0 тыс. лет.

Изменения уровня моря за последние 4,0 тыс. лет

Один из основных вопросов изучения при реконструкции рельефа прибрежной территории в античное время побережья Керченского пролива связан с оценкой положения относительного уровня моря. Несмотря на то, что этот вопрос давно при-

влекает к себе внимание, до настоящего времени он остается дискуссионным. Одна из причин различия взглядов на изменение уровня за последние 3-4 тыс. лет – недостаточно полная изученность его изменений из-за отсутствия надежных геолого-геоморфологических индикаторов. В связи с этим наиболее часто используются археологические материалы, показывающие некоторый верхний предел положения уровня в тот или иной интервал времени. Обзоры результатов археологических наблюдений в прибрежной зоне моря Северного Причерноморья показывают, что в основном подводными обследованиями установлено присутствие культурных слоев эллинистического времени, залегающих на современных глубинах 3-4 м. Другой причиной неопределенности в реконструкции уровня моря является сложность тектонического строения побережья, на котором соседствуют блоки, подверженные часто разнонаправленным неотектоническим движениям. Это снижает надежность реконструкций на основе данных, полученных по близлежащим, но структурно разнородным участкам побережья. Кроме этого, на высотное положение индикаторов положения уровня моря в прошлом существенное влияние могли оказать сейсмические события, следы которых фиксируются на основе палеосейсмических исследований на побережье Восточного Крыма [Овсюченко и др., 2015; Хапаев, 2008]. Приведенные выше общие замечания в полной мере относятся и к ситуации с реконструкциям изменения уровня моря в античное тысячелетие и на побережье Керченского пролива.

Для реконструкции положения уровня моря использованы три типа индикаторов: фации древнебереговых валов, которые для условий кутовой части мелководного залива позволяют реконструировать синхронное им положение уровня с точностью $\pm 0,5$ м. Вторым, наиболее многочисленным типом индикаторов являются отложения древнего залива, вскрытые бурением практически на всей территории прибрежной низменности на вершине Камыш-Бурунского залива. Современные условия формирования подобных типов донных осадков охватывают полосу прибрежного мелководья на полуизолированных участках акваторий до глубин 1,0-1,5 м, что позволяет их использовать для реконструкции положения уровня с точностью ± 1 м. Следует отметить, что на точность реконструкции могут оказывать влияние локальные особенности палеорельефа (в частности, наличие палеорусел и др. форм предшествующего субаэрального рельефа), которые учесть при современном уровне изученности территории не представляется возможным. Третьим типом индикаторов являются субаэральные суглинки в краевой части уступа коренного берега в окрестностях Тиритакского городища, содержащих керамический материал античного времени. Несмотря на сложности более точной хронологической привязки культурного слоя, стратиграфическое положение линз в разрезе использовалось в качестве самостоятельного маркера для оценки палеотопографии вблизи юго-восточной окраины городища и приближенного хронологического индикатора. На рис. 2 приведено распределение различных типов индикаторов положения уровня моря за последние 5 – 7 тыс. лет.

В литолого-стратиграфии позднеголоценовой аккумулятивной террасы в посел-

ке Героевском (окрестности боспорского города Нимфей) выделяются следы, по крайней мере двух трансгрессивных фаз, первая из которых относится к интервалу 4,0-3,3 тыс. лет, а вторая охватывает последние 1,5 тыс. лет. Несмотря на то, что фрагменты среднеголоценовой террасы прослежены почти на всем западном (Крымском) побережье Керченского пролива, геохронологически она оставалась практически не охарактеризованной. Полученные нами данные показали, что реликт древнеберегового вала залегает на абсолютных отметках 0,5-1,5 м ниже современного уровня моря и протягивается практически параллельно современной береговой линии. Выше по разрезу они перекрываются слоем континентальных суглинков, формирование которых связано с понижением относительного уровня моря в I тыс. лет до н.э. и осушением части прибрежной полосы. Возраст регрессивной фазы по археологическим материалам охватывает вторую половину I тыс. до н.э. – первую половину I тыс. н.э.

Кроме отчетливо выраженного по площади культурного слоя в строении берегового вала, в прибрежной полосе отмечалось присутствие остатков построек, сложенных из крупных известняковых блоков, залегавших на глубинах от 1 до 3 м. Среди камней найдены обломки амфорных стенок и фрагменты боспорских черепиц IV-III вв. до н.э., некоторые фрагменты предположительно V в. до н.э. Выявленный в прибрежной полосе разнообразный археологический материал античного времени находится в переотложенном состоянии благодаря активному штормовому размыву и общему отступанию профиля подводного берегового склона в ходе повышения уровня за последние 1,5 тыс. лет, поэтому глубины его современного залегания могут использоваться в качестве приближенных оценок нижней границы территории освоения приморской зоны.

Амплитуда и временные рамки этой регрессивной фазы для побережья Керченского полуострова до настоящего времени оставались не охарактеризованными геологическими данными из-за плохой сохранности синхронных ей древнебереговых образований. Частично этот пробел восполняли результаты археологических исследований в прибрежной зоне моря, которые хронологически ограничивались античным тысячелетием. Современная топография подводных археологических объектов позволила оценить положение уровня моря в IV в. до н.э. на отметках 4,5-5,0 м ниже современного [Зинько, 2003; Зинько А., 2016], что оказывается достаточно близким к величинам реконструкций положения уровня моря в античное время на побережье Керченско-Таманского побережья [Никонов, 1994; Паромов, 2015]. Находки средневековой керамики в районе «лодочной стоянки» как в районе Нимфея [Зинько, 2003], так и Акры позволяют предположить, что относительно низкое положение уровня моря сохранялось вплоть до IX-X вв., что подтверждает оценку начала последней трансгрессивной фазы, основанную на материалах исследований античного Херсонеса [Благоволин, Щеглов, 1965; Шилик К.К., 1991].

Реконструкции положения уровня моря в античное время на основе археологических материалов по прибрежному мелководью хорошо согласуются с данными по

изучению литостратиграфии толщи отложений, слагающих низкую террасу в вершине палео-Камыш-Бурунского залива. Вскрытый бурением разрез прибрежных отложений (рис.5) показал, что аккумулятивная терраса с поверхности сложена толщиной относительно крупнозернистых детритовых песков серо-коричневого цвета, мощностью 4-6 м. Присутствующий раковинный материал представлен редкими целыми окатанными раковинами и раковинным детритом, несущим черты переотложения. Фаунистический комплекс представлен широким набором видов, характерных для позднеголоценовых отложений Керченского пролива: *Ostrea edulis*, *Chione gallina*, *Cardium edule*, *Chlamys glabra*, *Donax trunculus*. Покров грубозернистых отложений, слагающих древние береговые валы, подстилается слоем мелкозернистых, хорошо сортированных серых песков с редкими раковинами *Chione gallina*. Мощность песчаного слоя возрастает от 2-3 м во внутренней, прилежащей к коренному западному борту палеозалива, части аккумулятивной террасы до 4-5 м во внешней, приморской ее полосе.

Залегание культурного слоя античного времени на глубинах свыше 3,0-3,5 м ниже современного уровня моря под толщиной более молодых лиманно-морских отложений, наряду с многочисленными радиоуглеродными датировками толщи мелководно-заливных отложений, прилежащих к древнебереговым отложениям с мористой стороны, позволяют оценить положение уровня моря во второй половине I тыс. до н.э. в 4,0-4,5 м. Полученная серия 14С датировок дает возможность оценить возрастной рубеж начала раннесредневековой фазы трансгрессии, которая приходится на 900-е годы н.э., что также позволяет охарактеризовать время начала формирования низкой заболоченной террасы, занимающей внутреннюю часть древнего Камыш-Бурунского залива.

Эволюция рельефа береговой зоны Камыш-Бурунского залива за последние 3,0 тыс. лет

При изучении древних поселений на побережье Керченского пролива одним из вопросов, представляющих самостоятельный интерес, связан с реконструкцией палеотопографии прилежащей территории. Для расположенных в приморской полосе античных городов на побережье Керченского пролива актуальность палеогеоморфологических исследований обуславливается изменениями рельефа прибрежной полосы суши под влиянием повышения уровня моря за последние 1,5 тыс. лет. Подъем уровня моря сопровождался масштабными плановыми перестройками контура береговой линии, последствия которых особенно заметны в вершинах открытых бухт и заливов. Примеры античных поселений, ранее располагавшихся на побережье и в настоящее время на значительном удалении от моря в результате активного нарастания приморской полосы береговой линии, широко известны на побережье Черного и Средиземного морей.

Участок побережья к северу от мыса Ак-Бурун представляет собой полосу низкой суши шириной до 2,5 км, приуроченной к низовьям долины р. Чурубашки. Проведенное в последние годы изучение развития этого участка побережья показа-

ло, что в античное время территория приморской низменности была занята глубоким морским заливом, вершина которого, возможно, занимала низовья долины Чурубашки (рис.4). Древнебереговая линия античного времени залегает непосредственно вблизи подножий уступов коренного берега, ограничивающих древний залив с севера и юга. На северном борту его находился боспорский город Тиритака, а на южном – город Нимфей. Возможно, что вблизи северной окраины плато, на котором находится Нимфей, располагалась упоминаемая в античных источниках нимфейская гавань. Одной из характерных черт рельефа коренных бортов долины р. Чурубашки является наличие развитой системы балок и мелких оврагов, одна из которых расположена вблизи южной окраины платообразной возвышенности, на которой находится Тиритакское городище. Повышение уровня моря за последние 1,5 тыс. лет сопровождалось размывом мористой части косы и общим смещением ее в сторону суши. Материал от размыва древней косы поступал на формирование ранних генераций косы, выполняющих внутренние участки палеозалива. Особенности конфигурации системы древнебереговых валов показывают последовательность выполнения береговыми наносами и осушения южной части палеозалива, которая на фоне продолжавшегося подъема относительного уровня моря превращалась в заболоченную низменность. Нараставшая к северу аккумулятивная терраса полностью отгородила палео-Чурубашский лиман от моря, превратив его в озеро, а также протянулась севернее, отгородив от моря восточную окраину возвышенного плато, на котором расположено Тиритакское городище. Общая ширина сформировавшейся аккумулятивной террасы в вершине Камыш-Бурунского залива составляет 2-2,5 км [Зинько, Поротов, 2013]. В настоящее время территория представляет собой сильно измененную антропогенным воздействием (комплекс судоремонтного завода, отвал шлама горно-обогатительного комбината и т.п.) аккумулятивную морскую террасу, образованную серией древних береговых валов, которые отчетливо прослеживаются как на топографических картах 50-х годов XX века, так и по аэрофотосъемочным материалам начала 50-х годов.

Реконструкции палеотопографии южной окраины Тиритакского городища на основе детализации представлений о строении верхней части осадочной толщи представляют интерес в связи с ограниченностью археологических материалов по этой территории, также со значительной техногенной освоенностью территории, что крайне ограничивает проведение геоархеологических исследований. К южной окраине древней Тиритаки вплотную примыкает устье глубокой балки, низовья которой в античное время могли представлять собой небольшой залив, на северном берегу которого располагалась припортовая часть античного города [Зинько, Зинько А., 2018].

Материалы проведенных на этом участке геоморфологических работ [Зинько, Поротов, 2013] показали, что под приповерхностным насыпным грунтом и грубозернистым песком древних береговых валов общей мощностью 2,5 – 4,0 м залегают тонкие серые пески с раковинами хорошей сохранности, представленные соленолобивым видом – *Chione gallina*, что позволяет рассматривать их как типичные лито-

фации мелководного полуизолированного залива, современным аналогом которого может рассматриваться прилежащая к северу внутренняя часть Камыш-Бурунского залива (рис.1). Серии радиоуглеродных датировок раковинного материала показали, что возраст этого залива – период от сер. I тыс. до н.э. до конца I тыс. н.э. Одной из скважин, расположенных в 100–150 м южнее юго-восточного выступа городища, в толще мелководных заливных песков на глубине 4,5-5,3 м были встречены тонкие прослойки серо-зеленых илов, формирование которых характерно для внутренних затишных частей лиманов вблизи устьев небольших водотоков. В целом, это подтверждает расположение на этом участке приустьевой зоны небольшого водотока и дренировавшего балку вблизи южной окраины Тиритакского городища. Вблизи городища в двух скважинах на глубинах 5-6 м от дневной поверхности (на абс. отметках 3-4 м) были встречены остатки культурного слоя, представленные обломками керамики, бутового камня. Культурные остатки (мелкие обломки керамики местного типа розово-глиняного цвета) встречены в основании слоя мелкозернистых коричневых песков с раковинным детритом (интервал 4,7-5,1 ниже поверхности). Ниже залегает слоистая толща, состоящая из прослоев бурых суглинков и серых песков с обломками раковин. В составе песков встречены мелкие окатанные обломки керамики. На глубине 6,7 м от поверхности была вскрыта кровля коренных глин. Таким образом, полученные геолого-геоморфологические материалы подтверждают то, что в античное – раннесредневековое время береговая линия древнего залива-лимана располагалась вблизи южного берегового уступа коренного берега, на котором расположено Тиритакское городище. На месте прилежащей к городищу с востока низменности располагался мелководный залив, частично отгороженный от открытой акватории пролива древней Камыш-Бурунской косой.

Для расширения представлений о строении верхней части осадочной толщи на территории, непосредственно прилежащей к южной окраине Тиритакского городища, и детализации реконструкций рельефа этой территории в античное время были проведены опытно-методические геофизические работы с применением метода электротомографии (ЭТ) [Зинько и др., 2018]. Полученные в результате проведенных исследований геоэлектрические разрезы приведены на рис. 3а-3г. Величины электросопротивления рыхлых отложений в общем случае определяются широким набором факторов, среди которых в первую очередь следует отметить состав и крупность наносов, степень их обводненности, состав грунтовых вод и ряд др. Кроме этого, следует отметить сравнительную изменчивость физико-механических свойств как по площади, так и по разрезу, отражающих условия их формирования, что в целом определяет довольно мозаичную картину распределения удельной проводимости по профилю. Следуя принятой практике проведения геоэлектрических исследований для целей геоархеологии, для обоснования интерпретации геоэлектрических разрезов использованы материалы проведенного в окрестностях южного борта городища бурения.

Приведенные на рисунках 2 – 4 геоэлектрические разрезы имеют высокое каче-

ство, довольно выдержанное строение и в общем случае состоит из трех различных по сопротивлениям пластов. Первый (верхний) пласт (А) высокоомный, состоит из песков и супесей. Мощность пласта колеблется от 1 до 3 м. Второй (средний) пласт (Б) более низкоомный, состоит из тонких раковинных песков мощностью 2-3 м. Третий пласт (В) проассоциирован с плиоценовыми глинами или четвертичными покровными суглинками, залегающими в основании разреза рыхлых отложений, мощность его превышает 3 – 5 м и полностью нигде не вскрыта. Нижний представлен отдельными блоками (останцами), которые имеют высокое сопротивление. Первые два пласта в качестве своих разновидностей включают слои, обогащенные переотложенным культурным материалом, как правило, представленным керамикой и известняковым щебнем. Геоэлектрические аномалии, обусловленные добавлением крупнообломочного материала искусственного происхождения, приурочены к ряду участков у подножий южного и восточного уступов городища и определяются осыпанием культурного слоя вниз по склону, вслед за обрушением склона плато (профили 2 и 4). В качестве сравнительного материала индивидуально природа аномалии показана на профиле 2, расположенного у подножия городища. Ее возникновение связано с залеганием фрагментов кладки, вскрытых раскопками на этом участке в ходе предшествующих археологических исследований.

Отдельно следует остановиться на результатах профилирования в районе южной окраины Тиритакского городища (профиль 3), который был призван дополнить материалы проведенного ранее бурения с целью уточнения палеотопографии на этом участке. Скважины, пробуренные в западной половине профиля на абс. отметках 3÷5м, вскрыли прослой хорошо сортированных мелкозернистых песков с раковинным материалом, которые интерпретировались как отложения прибрежной части залива, существовавшего в окрестностях Тиритакки в античное тысячелетие. Полученные 14С датировки раковинного материала показали, что возраст формирования нижней части песчаных отложений охватывает вторую половину I тыс. до н.э. С учетом относительно более низкого уровня моря в этот период возможно реконструировать положение древней береговой линии на участке, непосредственно прилежащем к южному подножию Тиритакского городища.

На геоэлектрическом профиле, примерно в его центральной части, выделяется область низкой проводимости, которая ассоциируется с поднятием кровли коренных глин. Расположенная южнее ложбина в рельефе кровли базальной толщи может рассматриваться как часть эрозионной ложбины, к которой была приурочена приустьевая зона небольшого водотока, долина которого ограничивает с юга Тиритакское плато. Это хорошо согласуется с материалами бурения, показавшими на этих глубинах залегание линзы заиленных отложений с тонкими прослоями органического материала, характерного для затишных участков вблизи устьев водотоков.

Результаты геоэлектрического профилирования, дополненные материалами геологических исследований, несмотря на их небольшую пространственную плотность, позволили уточнить пространственные особенности строения прибрежных отложе-

ний на участке территории, прилегающей к южной окраине Тиритакского городища. Особенно информативным данные ЭП оказались на тех участках, для которых благодаря наличию транспортной и коммунальной инфраструктуры проведение геологических исследований крайне затруднено.

Сопоставление материалов геоэлектрического профилирования с геологическими данными показало вполне удовлетворительное отражение основных особенностей литологического строения толщи рыхлых отложений в распределении величин относительной проводимости. Согласно предварительному анализу материалов геоэлектрического профилирования выделяются пласты, в той или иной мере обогащенные материалом из культурного слоя, обуславливающим резкое изменение фоновой проводимости.

Заключение. Изложенные материалы позволяют сделать следующие выводы в отношении особенностей развития рельефа побережья Керченского пролива в позднем голоцене:

В строении толщи прибрежных отложений Керченского пролива по сейсмоакустическим данным прослеживаются следы ритмичности, отражающей неравномерный ход голоценовой трансгрессии Черного моря. Периоды замедления трансгрессии маркируются следами древних береговых линий в виде перерывов в осадконакоплении или фрагментами древних береговых валов.

Участки аккумулятивного берега в районе с. Героевское и Камыш-Бурунского залива, сформировавшихся во время двух трансгрессивных фаз в изменении уровня Черного моря. Первая трансгрессивная фаза относится к возрастному интервалу 4,2-3,3 тыс. лет назад, а вторая охватывает последние 1,5 тыс. лет. Возраст регрессивной фазы по археологическим материалам охватывает вторую половину I тыс. до н.э. - первую половину I тыс. н.э. В это время осушалась прибрежная полоса морского дна шириной до 400 м.

Современный рельеф прибрежной суши Камыш-Бурунского залива представляет собой серию древних генераций Камыш-Бурунской косы, формировавшихся в ходе последовательного выполнения палеозалива на месте устьевой зоны Чурубашского лимана. Средняя величина выдвижения береговой линии в Камыш-Бурунском заливе составляет 2-2,5 км. Современная Камыш-Бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Западная граница палеолимана непосредственно прилегала к коренному берегу, обрамляющему современный Камыш-Бурунский залив. Время существования этого водоема относится к периоду середины II тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Палеогеографические данные позволяют предполагать существование припортовых частей античных поселений в этом районе в пределах внутренних участков палео-Чурубашского лимана.

В античное время, несмотря на относительное понижение уровня моря, коса продолжала выступать в роли барьера, отделявшего мелководный палео-Чурубашский лиман от акватории Керченского пролива. Повышение уровня моря за последние

1,5 тыс. лет сопровождалось размывом мористой части косы и общим ее смещением в сторону суши. В ходе последующего повышения уровня часть материала была размыта и поступила на формирование древних генераций косы, выполняющих внутренние участки палеозалива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанов И.П., Измайлов Я.А.* Изменение уровня и гидрохимического режимов Черного и Азовского морей за последние 20 тысяч лет // Водные ресурсы. 1988. № 6. С.54 – 62.
- Бадинова В.П., Зубаков В.А.* Радиоуглеродные датировки лаборатории ВСЕГЕИ. Список III// Бюлл. комисс. по изуч. четверт. периода. № 45. М. Наука. 1976. С. 154 – 167.
- Благоволин Н.С., Щеглов А.Н.* Изменения уровня Черного моря в историческое время по археолого-геоморфологическим данным по побережью Юго-Восточного Крыма // Изв. АН СССР, сер. Геогр. 1965. № 2. С.49 – 58.
- Зинько А.В.* Новые подводные археологические исследования в Керченском проливе // МАИ-ЭТ. – Вып. XXI. 2016. С.19 – 29.
- Зинько В.Н.* Хора Боспорского города Нимфея. Симферополь-Керчь. 2003.320 с.
- Зинько В.Н.* Особенности природно-ландшафтной ситуации на европейском побережье Боспора Киммерийского в период эллинской колонизации // БИ. Вып. XXXIII. Керчь, 2016. С. 1 – 16.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Древние гавани западного побережья Керченского пролива // Материалы XVIII Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Торговля: пути – товары – отношения». Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2017.С.180 – 186.
- Зинько А.В., Зинько В.Н.* Новые сведения о гавани Тиритаки // «Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира». С-Петербург, 2018. С. 234 – 239.
- Зинько В.Н., К.С. Сергеев, А.В.Поротов* Опыт применения электроразведки (ЭТ) при изучении Тиритакского городища (Керченский пролив) // Материалы конф. XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья «Торговля: пути – товары – отношения». Керчь, 22 – 26 мая 2018 года. С.162 – 169;
- Керченский пролив.* Киев: Наукова Думка, 1984.278 с.
- Науменко П.И., Кривошеина И.П.* Геология Чурубашского озера. – Сб.: Литолого-геохимические условия формирования донных отложений. Киев: Наукова думка, 1979. С. 17 – 26.
- Невесский Е.Н.* К вопросу о новейшей Черноморской трансгрессии – Тр. Инст. океанологии АН СССР, 1958. т. XXVIII. С. 23 – 29.
- Никонов А.А.* Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // Российская археология. 1998. № 3. С. 57 – 65.
- Овсюченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С., С.В.Мараханов* Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным// Вопросы инженерной сейсмологии, 2015.т. 142. №3. С. 33-34.
- Паромов Я.М.* Краеугольный камень Таманской палеогеографии //КСИА. 2015. Вып. 241. С. 137–153.
- Плахотный Л.Г., Пасынков А.А., Палинский Р.В. и др. Тектоническое положение и струк-

- турное районирование Керченского пролива // Советская геология. 1989. № 3. С. 77 – 84.
- Поротов А.В., Зинько В.Н. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритакки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // БИ. – Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 3 – 20.
- Поротов А.В., Зинько В.Н. К палеогеографии побережья Керченской бухты в эпохи бронзы-раннего Средневековья: Геoархеологический аспект. XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. // Материалы международной научной конференции XXIII Боспорские чтения. Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2022. 272 – 278 с.
- Федоров П.В. Плейстоцен Понто-Каспия.-М.: Наука, 1978. 163 с.
- Ханаев В.В. Письменные источники по истории крымских землетрясений античного и средневекового периодов // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та. Сер. История. 2008. Т. 21 (60), № 1. С. 3–8.
- Шилик К.К. Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Четверти международеи симпозиум Тракия Понтика IV – Созополь 6-12 октомври 1988. София. 1991. С. 427 – 434.
- Kelterbaum D., Bruckner H., Gerhard St., Plint A., Porotov A., Zin'ko V. Palaeogeographic Changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during the Mid- and Late-Holocene // Geoarchaeology: An International Journal 27 (2012) 206–219.

REFERENCES

- Balabanov, I.P., & Izmailov, Y.A. (1988). *Izmenenie urovennogo rezhima Chernogo i Azovskogo morei za poslednie 20000 let. Vodnye resursi*, 6, 54–62 (in Russian).
- Fedorov, P.V. (1982). *Poslednikovaia transgressiia Chernogo moria i problema izmeneniia urovnia okeana za poslednie 15000 let* (The post-glacial transgression of the Black Sea and the problem of ocean level change during the last 15000 years). In P.A. Kaplin, R.K. Klige, & A.L. Chepalyga (Eds.), *Kolebaniia urovnia morei i okeanov za 15000 let* [Sea and oceanic level fluctuations over the last 15000 years] (pp. 151–156). Moscow: Nauka (in Russian).
- Nevessky, E.N. (1967). *Processe Osadkonakopleniya V Proibreznoi Zone Moria* (The processes of sedimentation in the marine near shore zone). Moscow: Nauka, p. 255 (in Russian).
- Nikonov, A.A. (1994). *Manifestations of young tectonic activity in the southern Azov and Kerch fault zones (Crimea)*. *Geotectonics*, 28 (5), 380–390 (english translation from Russian original).
- Plakhotnyi L.G., Pasyukov A.A., Palinskii R.V. *I dr. Tektonicheskoe polozhenie i strukturnoe raionirovanie. Kerchenskiy proliv*. Geology ahelf UkSSR 1984. Kiev. 278 p.
- Porotov A.V., Zin'ko V.N. *Izmenenie urovnia moria i rel'ef primorskoj polosy khory Tiritakki i Nimfeii v antichnoe vremia (Zapadnoe poberezh'e kerchenskogo proliva)*. БИ. – Вып. XXVIII. Симферополь - Керчь, 2013, pp. 3–20.
- Zin'ko V.N. *Khora bosorakogo goroda Nimfeia*. БИ. Вып. IV, Симферополь-Керчь, 2003, 320 p.
- Zin'ko V.N. *Osobennosti prirodno-landshaftnoi situatsii na evropeiskom poberezh'e Bospora Kimmeriiskogo v period ellinskoi kolonizatsii*. БИ. Вып. XXXIII. Керчь, 2016, pp. 1–16.
- Zin'ko V., Zin'ko A. *Drevnie gavani zapadnogo poberezh'ia Kerchenskogo proliva. Bosporskie chteniia*. Вып. XVIII; Симферополь-Керчь, 2017, pp. 180–185.

Kelterbaum D., Bruckner H., Gerhard St., Plint A., Porotov A., Zin'ko V. Palaeogeographic Changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during the Mid- and Late-Holocene // *Geoarchaeology: An International Journal* 27 (2012), 206–219.

Резюме

Статья посвящена обзору основных результатов проведенных исследований по реконструкции истории развития рельефа побережья в районе античных Тиритаки и Нимфея за последние 3,0 тыс. лет. Современный рельеф прибрежной суши Камыш-Бурунского залива представляет собой серию древних генераций Камыш-Бурунской косы, формировавшихся в ходе последовательного выполнения палеозалива на месте устьевой зоны Чурубашского лимана. Средняя величина выдвигения береговой линии в Камыш-Бурунском заливе составляет 2-2,5 км. Современная Камыш-Бурунская коса представляет собой наиболее молодую генерацию береговых валов. Западная граница палеолимана непосредственно прилегала к коренному берегу, обрамляющему современный Камыш-Бурунский залив. Время существования этого водоема относится к периоду середины II тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Палеогеографические данные позволяют предполагать существование припортовых частей античных поселений в этом районе в пределах внутренних участков палео-Чурубашского лимана.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, Нимфей, Камыш-Бурунский залив, археологические и геоморфологические исследования.

Summary

The article dealt with the results of archaeological and geomorphologic research on the Crimean's coastline of the Kerch strait in vicinity of the two classic cities: Nymphaeum and Tyritaka. On the base of sedimentology, geochronology and macrofaunistic study the several litho-facial types of coastal sediments have been distinguished that permitted to reconstruct the sea level change and coastal evolution pattern for the last 3, 0 ka.

The relief of the coastal lowland in the inner part of the Kamish-Burun bay comprises the several generation of the beach ridges that have been formed during the infilling of the inner part of the former bay under condition of the sea level rise in the past 1?5 ka. The paleo-bay environment existed in this area during the middle-holocene transgression of the Black sea and have covered the classic period till the early medieval time. The western boundary of the old bay reaches the toe of the the cliffed coast on the eastern doudary of the settlement. The obtained reconstruction of the paleo-environment permitted to precise the configuration of the paleoshorelinr in vicinity of the tiritaka settlement and to substantiate to substantiate the localisation the port-area of the classic Nimphaem.

Key words: Cimmerian Bosphorus, Tyritake, Nimphaem, Kamish-Burun bay, archaeological and geomorphologic research.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Поротов Алексей Васильевич, к.г.н.,
доцент,
Московский государственный университет,
географический факультет.
alexey-porotov@yandex.ru

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
zinko@bf-demetra.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Porotov Alexej Vasil'evich, CSc,
Associate professor,
Moscow State University, Faculty of Geography.
alexey-porotov@yandex.ru

Zin'ko Viktor N., DSc,
Leading Researcher
V.I. Vernadsky Crimean
Federal University,
Research center of History and Archaeology
of the Crimea,
Prospekt Vernadskogo, 4,
295007, Simferopol, Russian Federation.
zinko@bf-demetra.ru

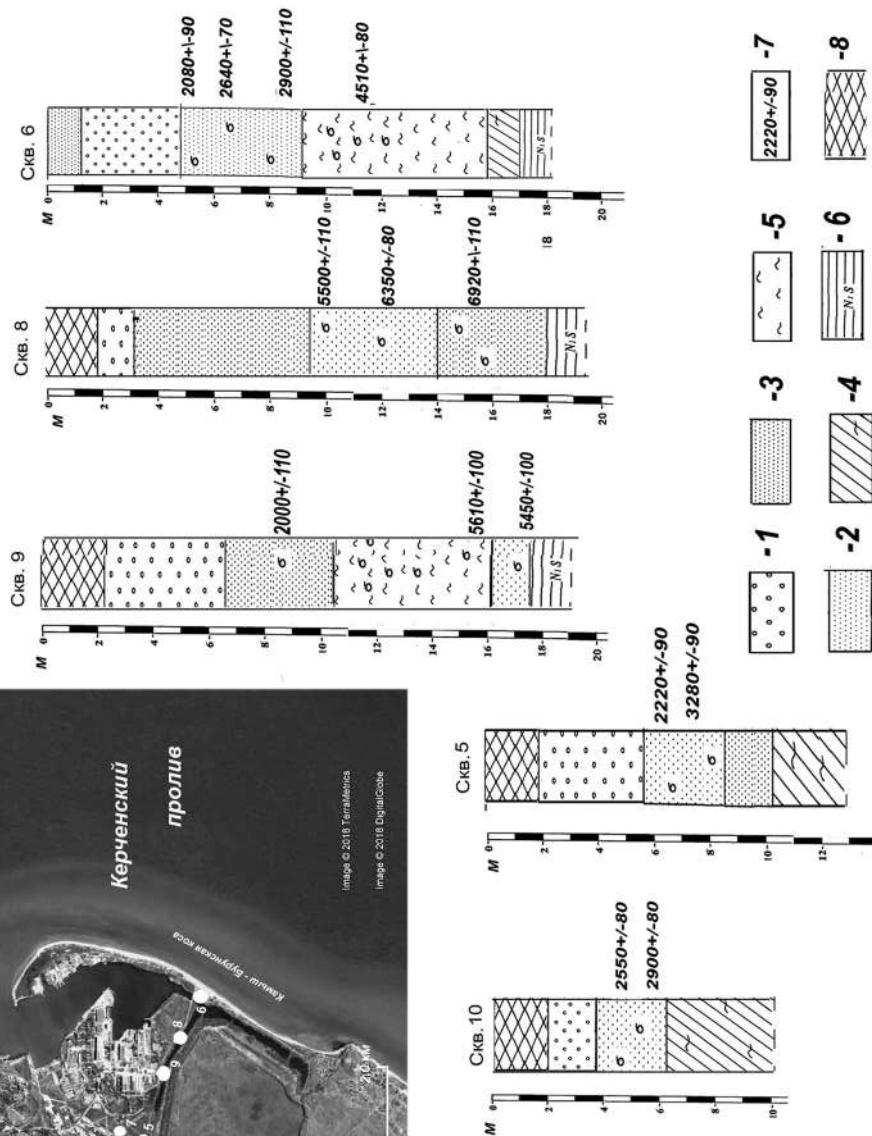
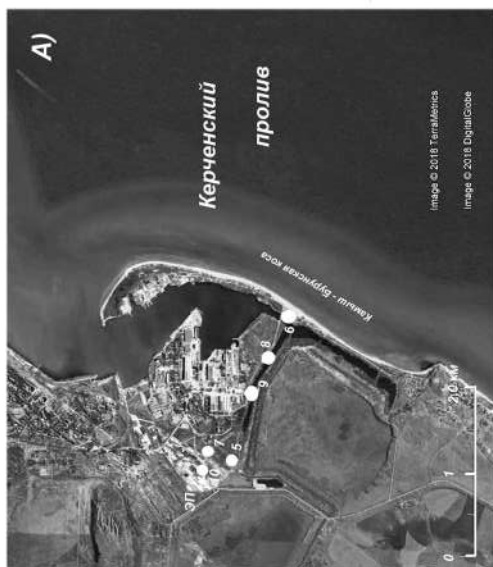

Рис. 1. Расположение скважин в окрестностях Тиритакского городища. Условные обозначения: 1 – детритовые пески; 2 – пески среднезернистые с раковинным детритом; 3 – пески мелкозернистые; 4 – супглинки; 5 – илы; 6 – коренные породы; 7 – 14 С даты, д.н.; 8 – насыпной грунт.

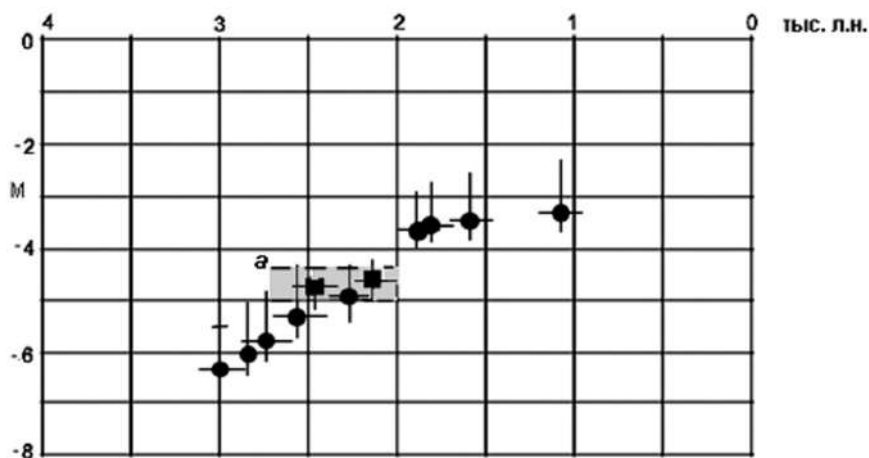

Рис. 2. Изменения уровня моря за последние 3 тыс. лет для побережья Камыш-Бурунского залива по археологическим (а) и геологическим (б) данным.

Рис.3а.Схема расположения геоэлектрического профилирования и скважин.

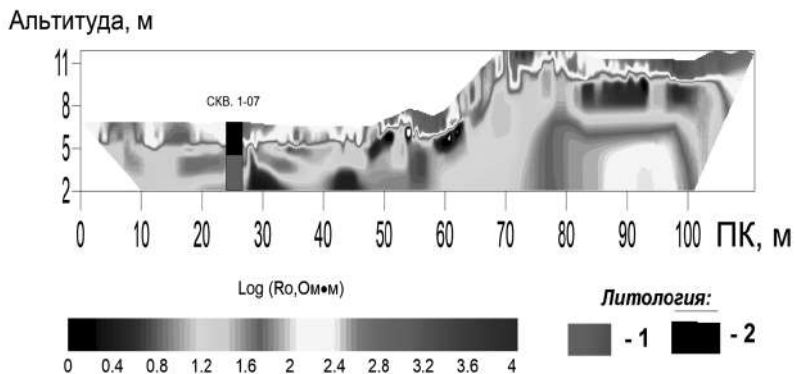

Рис. 36. Геоэлектрический профиль 1. Расположение на рис. 1.

Литология: 1 – раковинные пески; 2 – техногенный грунт.

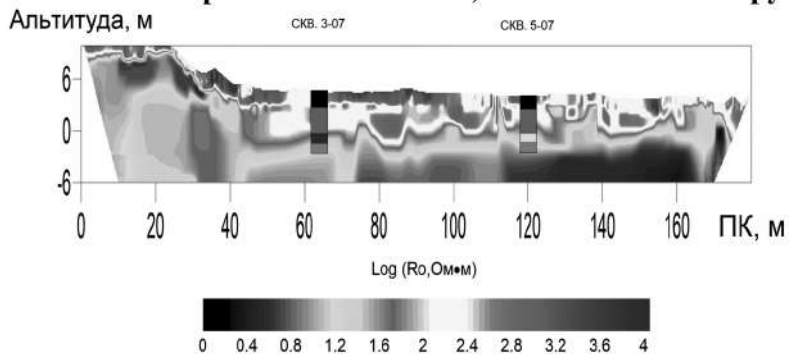

Рис. 3в. Геоэлектрический профиль 2. Расположение на рис. 1.

Литология: 1 – раковинные пески.

Альtitуда, м

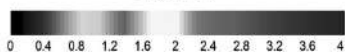
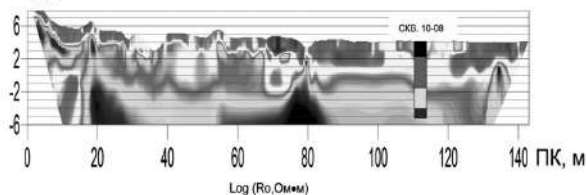

Рис. 3г. Геоэлектрический профиль 3. Расположение на рис. 1.
Литология: 1 – раковинные пески; 2 – техногенный грунт.

Рис. 3. Геоэлектрические профили в окрестностях Тиритакского городища. Расположение профилей на рис. 1 А.

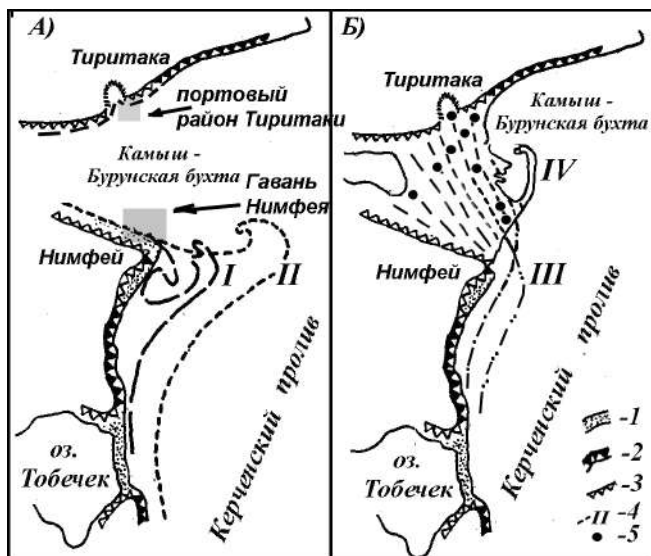

Рис. 4. Эволюция береговой линии Камыш-Бурунского залива:

Основные фазы в развитии берега: I – 4-3 тыс. лет назад (л.н.); II – 2,7-1,5 тыс. л.н.; III – 1,5-0,7 тыс.л.н.; IV – за последние 300 лет.

А. Г. БУКИНА
A. G. BUKINA

ФРАГМЕНТЫ АТТИЧЕСКИХ ЧАШЕВИДНЫХ КРАТЕРОВ ИЗ ТИРИТАКИ

FRAGMENTS OF ATHENIAN CALYX-KRATERS FOUND IN TYRITAKE

Материалы раскопок 2002 – 2019 гг. на городище Тиритака содержат фрагменты более чем трех десятков керамических кратеров разных форм VI – IV вв. до н.э. афинского производства. Это обломки в основном профильных частей крупных сосудов для смешивания вина с водой и сервировки этого напитка на пиру (см. о термине «кратер» в рамках филологической реконструкции древнегреческой номенклатуры ваз [Birch, 1858, p. 368]). Около двух третей этих фрагментов чернофигурные, но есть экземпляры и с краснофигурной росписью, а отдельные сохранили только чернолаковый декор. Впрочем, статистика исследований аттической керамики VI – IV вв. до н. э. показывает, что чернофигурные и краснофигурные аттические кратеры подавляюще преобладали в количестве над чернолаковыми [Agora 12, p. 54; Rotroff, Oakley, 1992, p. 10]. Поэтому чернолаковые обломки разных частей кратеров с наибольшей вероятностью относились именно к чернофигурным или краснофигурным сосудам, точнее это определяется не всегда [см. Петракова, Букина, 2021, кат. 5.3, 8.9, 10.1, 60.7]).

Большую часть фрагментов кратеров из Тиритаки [Петракова, Букина, 2021, кат. 3.1, 5.3, 8.8, 8.9, 9.1, 10.1, 17.1, 20.2, 23.1, 23.2, 23.9, 39.2, 41.6, 43.14, 43.15, 50.1, 54.1, 60.4, 60.5, 60.6, 60.7, 61.9] можно отнести к кратерам с колонками (column-krater; о форме см. [Agora 23, p. 23–24; Agora 30, p. 21–22; Alexandridou, 2011, p. 9–11 с библиографией]). Кратер с колонками – это основной вид сосуда для смешивания вина с водой в быту афинян и иноземных потребителей афинской керамики на протяжении VI – первой половины V в. до н. э. По сравнению с этим обломки чашевидных кратеров из Тиритаки разительно малочисленны – их определено пока только два, однако отмеченное обстоятельство связано прежде всего с историческими особенностями самой формы.

Название «чашевидный кратер» (calyx-krater; о форме см. Agora 23, p. 26–27; Agora 30, p. 26–27) отражает специфическое сходство сосуда (рис. 1–7) с двуручным кубком на профилированной ножке. Пара петлеобразных горизонтальных ручек прикреплена к неглубокому округлому вместилищу, которое переходит в воронкообразный венеч, во много раз превосходящий его по высоте и имеющий профилированный край. Основной фигурный декор чашевидного кратера занимает поверхность стенки венца, профилированный край которого украшает, как правило, раститель-

ный орнамент. Сосуд значительно более открыт по сравнению с другими формами афинских кратеров, и его внутренняя поверхность обычно покрыта лаком наиболее высокого качества.

Начало производства чашевидных кратеров в мастерских афинского Керамика относится к последней трети VI в. до н. э. Сейчас среди первых производителей называют Эксекия (ΕΞΗΚΙΑΣ) и Никосфена (ΝΙΚΟΣΘΕΝΕΣ) [см. Tiverios, 2001 с библиографией]. Первые чашевидные кратеры украшены чернофигурной росписью, а с конца 510-х гг. до н. э. появились также краснофигурные. Количество опубликованных в настоящее время [см. актуальные данные VARD] черно- и краснофигурных чашевидных кратеров (целых и фрагментированных), относящихся к последней трети VI в. до н. э., сопоставимо: приблизительно по два десятка тех и других. Чернофигурный фрагмент из Тиритаки (рис. 1,1) таким образом существенно дополняет этот ряд.

Другой фрагмент из Тиритаки украшен краснофигурной росписью (рис. 6,1), как это характерно для значительно более многочисленных чашевидных кратеров V-IV вв. до н. э.

Так, от V в. до н. э. сохранилось до 700 (целых и фрагментированных) чашевидных кратеров с краснофигурной росписью [по актуальным данным VARD]. Для этого времени определен ряд гончарных мастерских афинского Керамика, в продукции которых были чашевидные кратеры. Чаще всего сохранившиеся изделия этих мастерских отмечены если не выдающимися художественными достоинствами, то просто высоким качеством.

Для известных сейчас афинских чашевидных кратеров IV в. до н. э. характерно более низкое качество и меньшее число зафиксированных экземпляров: до 380 целых и фрагментированных образцов [по актуальным данным VARD]. Возможно, тем не менее в силу изменившейся формы (прежде всего это касается края венчика, часто не отличимого от венчиков кратеров колоколовидной формы) фрагменты чашевидных кратеров этого периода просто не вполне поддаются корректному определению, и это искажает статистику. Так или иначе, для IV в. до н. э. можно отметить некоторое снижение интереса к афинским чашевидным кратерам у иноземных покупателей. Это относится как к восточной [Hermary, 2000; Curti, Parrini, 2013], так и к западной части Средиземноморья [Villard, 2000; Campenon, Chausserie-Laprée, 2000]; в обоих регионах чашевидные кратеры зафиксированы только в отдельных центрах и в считанных экземплярах. Примечательно, что при этом, например, на Западе это не компенсировалось и местным итальянским производством краснофигурной керамики, в которой чашевидные кратеры тоже представляли собой маргинальную форму [RVSIS, p. 9]. С другой стороны, если и можно наблюдать сокращение доли чашевидных кратеров в афинской краснофигурной продукции IV в. до н. э., то оно, вероятно, не было резким. Так, например, в середине V в. до н. э. для профильных в отношении этой формы мастерских Полигнота (The Polygnotes Group) и Мастера Ниобид (Workshop of the Niobid Painter) (рис. 7,1–2) чашевидные крате-

ры составляют 11–12% от их сохранившейся краснофигурной продукции [см. актуальные данные VAPD]. В то же время для мастерской Мастера Мелеагра (Workshop of the Meleagres Painter), важнейшего афинского предприятия по производству кратеров первой половины IV в. до н. э., это до 10% [Curti, 2000, p. 24].

Иными словами, говоря о чашевидных кратерах в Тиритаке (два экземпляра на более чем три десятка афинских кратеров VI – IV вв. до н. э.), мы рассматриваем в целом сравнительно редкие сосуды, производившиеся в Афинах в небольших количествах.

Незначительные объемы производства, очевидно, были связаны с тем, что чашевидные кратеры не предназначались для обиходного употребления или даже для любого симпосия (греч. *συμπόσιον*). В настоящее время считается, что чашевидные кратеры были изобретены «накануне перехода к демократии» [Pasquier, 2000] как элемент обстановки наиболее изощренного по организации, наиболее элитарного из всех вариантов симпосия, который практиковали в высших аристократических слоях (мужского) афинского общества [Pasquier, 2000; Trombetti, 2011]. Изображения чашевидных кратеров на таких симпозиах можно найти в афинской вазопиcи [ср. VAPDB 2573, 9426, 301874, 200448]. Другая серия изображений показывает чашевидные кратеры в обстановке ритуальных дионисийских пиршеств и празднеств [ср. VAPDB 8255, 202563, 213561, 215343, 216949, 218153, 301551, 302454, 331223]. На афинских вазах V-IV вв. до н. э. также встречаются сцены женских обрядов поклонения Адонису и Эроту и предсвадебных и свадебных ритуалов, включая сцены священного брака, в которых чашевидные кратеры фигурируют в ритуальной праздничной обстановке [ср. VAPDB 46588, 230498, 230500, 230842, 9033662].

На всех этих особых пирах чашевидные кратеры, по-видимому, изначально использовали в комплекте с психтерами (греч. *ψυκτήρ*, «охладитель, охладительная чаша»; название имеется в античных письменных источниках [Klein, 1886, S. 106]).

Психтер – сосуд характерной формы с цилиндрическим низом и выпуклым объемным верхом, иногда с крышкой (рис. 3,2–5). Возможно, первые такие психтеры появились на рубеже последней трети VI в. до н. э. и были изготовлены в мастерской упомянутого гончара Никосфена [Tiverios, 2001, с. 426]. В продукции этой мастерской зафиксирован целый ряд оригинальных форм собственного изобретения [см. Петракова, Букина, 2021, с. 169 с библиографией]. Психтер помещали внутрь чашевидного кратера и, очевидно, заполняли смесью воды с вином, а кратер – охлаждающим агентом [Agora 23, p. 21; Agora 30, p. 36; Pasquier, 2000; Lynch, 2011, p. 131 с библиографией]. Существует также идея, что содержимое распределялось в обратном порядке [Drougou, 1975; Trombetti, 2011] и вино вычерпывали из узкого зазора между стенками грибовидного психтера и воронкообразного кратера, насколько бы это ни выглядело неудобным. Отметим, что практика охлаждения вина снегом, льдом или холодной, как лед, водой и способы хранения хладагентов также зафиксированы в источниках (Симонид Кеосский фр. 9 (25); Ксенофонт, Воспоминания о

Сократе II.1.30; Афиней, Пир мудрецов, III.123e; III.124b–d; XIII.125c–d; XIII.579e–580a; Марциал, Эпиграммы XIV.103, 104, 116, 117) [см. также Broneer, 1947, p. 239; Карпюк, 2010, с. 25; Scahill, 2012, p. 299–301].

Если сосуд снаружи – чашевидный кратер – не заполняли вином, то он не выполнял в прямом смысле слова функцию кратера. То есть чашевидные кратеры, фрагменты которых были найдены в Тиритаке, предназначались исключительно для изысканной сервировки и для размещения изображений, которые были важны в контексте пира. Очевидно, именно поэтому такие сосуды с чернолаковым декором исключительно редки, тогда как чернолаковых психтеров известно немало.

Наличие фрагментов чашевидных кратеров и/или психтеров формы в материалах раскопок боспорских городов (в частности, Тиритаки) свидетельствует о том, что в конце VI в. до н. э. в здешней городской культуре находили место новейшие изобретения афинян в области сервировки симпозиа, а также, вероятно, и о том, что изображения, размещаемые на чашевидных кратерах, были значимы в контексте местных особо торжественных, возможно, общественных пиршественных собраний.

В Тиритаке фрагмент чашевидного кратера, который позволяет рассуждать об этом, был обнаружен при раскопках городища в 2012 г. и извлечен из заполнения хозяйственной ямы № 20 (кв. 5, раскоп XXVII) (рис. 1,1). Комплекс находок из ямы № 20 в целом датируется не позднее первой четверти V в. до н. э. Здесь, в частности, был обнаружен обломок аттического чернофигурного скифоса, атрибутированного как изделие так называемой Группы СНС (The СНС (Chariot-Courting) Group) [Петракова, Букина, 2021, кат. 31.2; о группе см. Malagardis, 2017, p. 89–92 с библиографией]. Продукция этой группы в настоящее время датируется между 500 и 470 гг. до н. э., то есть ее относят к заключительному этапу массового производства афинской чернофигурной керамики, хотя подавляющее большинство скифосов Группы СНС, очевидно, поступило на рынок в 490–480 гг. до н. э. [см. подробнее Malagardis, 2017, p. 47, 90]. Также в яме № 20 был найден фрагмент чернофигурной чаши-скифоса, роспись которой напоминает манеру так называемого Мастера Хаймона (The Haimon Painter) [Петракова, Букина, 2021, кат. 31.3]. Это одно из изделий в манере Мастера Хаймона (или «Группы Хаймона», как их также обозначают; [см. подробнее Sapirstein, 2013, appendix 1, p. 22 с библиографией]). Оно относится к самой массовой афинской продукции из разряда чаш, мелких столовых сосудов и лекифов, которую можно датировать от начала V в. до н. э. [Jubier-Galinier, 2016, p. 134] до 470-х гг. до н. э. [Malagardis, 2017, p. 120 с библиографией].

Обломок чашевидного кратера из ямы № 20 (рис. 1,1) относился к верхней части стенки воронкообразного венца, немногим ниже перехода к профилированному краю. Показательными для определения формы являются такие особенности фрагмента, как его значительная толщина (ок. 9 мм) и малый изгиб, а также высокое качество черного лакового покрытия на внутренней стороне. Это, как отмечалось выше,

не характерно для кратеров других чернофигурных вариантов, которые более закрыты по форме, в связи с чем лакового покрытия подобной плотности при их производстве не создавали.

На фрагменте снаружи сохранилась часть изображения человеческой головы. Лоб покрыт накладной белой краской по лаку, что в общем случае в чернофигурной афинской вазописи служит признаком изображения женщины [Boardman, 1974, p. 197]. Также сохранилась часть изображения венка из листьев плюща, надетого низко, ниже линии роста волос, так что волосы не видны. Каждый второй лист в венке окрашен по лаку накладной красной краской. Гравировками показаны контуры листьев и полосы-основы венка.

Изображенная женщина в плющевом венке – это спутница Диониса. Венки и гирлянды из плюща атрибутируют изображенных именно как спутников Диониса, «бога, увенчанного плющом» (Гомеровы гимны, XXVI, К Дионису, 1; Пиндар, Дифирамб к афинянам, фр. 75,9), «Вакха, увенчанного цветущим плющом» (Пиндар, фр. 139,2, пер. М.Л. Гаспарова) [см. также ThesCRA, vol. VI, p. 386–414].

Возможно, речь идет об изображении участницы вакхического фиаса (греч. θίασος, «священнодействующая братия, гурьба, шумно веселящаяся толпа», шестые свиты Диониса). Очевидно, это одна из нимф-фиаситид (греч. θιαστίτιδες; менады, вакханки). Участники фиаса, согласно общим представлениям античного времени, должны были пребывать в священном экстазе; это, в частности, выражалось в их бурном и шумном движении и в танце-комосе (греч. κῶμος) [ThesCRA, vol. II, p.332]. Иными словами, возможно, что в связи с фрагментом кратера из Тиритаки речь идет о части изображения с танцующими менадами.

Также возможно, что сохранившаяся часть росписи относилась к иной ритуальной деятельности в честь Диониса; например, наподобие обрядового пира с участием женщин в плющевых венках, собравшихся в саду. Такое изображение можно рассмотреть в росписи на гидрии, атрибутированной в качестве продукции одной из афинских мастерских последней трети VI в. до н. э., в которой работали вазописцы так называемой Группы Леагра (The Leagros Group) [BAPD 302070]. Подход к изображению голов и венков на этой вазе напоминает то, что можно наблюдать на фрагменте из Тиритаки.

Наконец, возможно, что сохранившаяся часть росписи относилась к изображению Ариадны, супруги Диониса. Почитание священного брака (греч. ἱερός γάμος, ἱερωαμία; то же, что греч. θεογαμία, «брак богов, божественный брак») Диониса и Ариадны имело важное значение в религиозной практике архаических и классических Афин. В тот период (Аристотель, Афинская полития, II.3.5) весной, очевидно, во второй день праздника Анфестерий (Ἀνθεστήρια) жрица (греч. βασιλίνα, βασιλίσσα, «царица»), супруга архонта-базилевса (греч. ἄρχων βασιλεύς) вступала в брак с Дионисом [ThesCRA, vol. VI, p. 86]. «Подробности обряда неизвестны, а значение его объясняется различно; проще и естественнее всего принять, что «царица», как представительница страны, соединялась брачными узами с богом возрождаю-

щейся весной растительности в знак того, что страна вполне предана его служению и надеется на его защиту и помощь; или, быть может, эта церемония совершалась в воспоминание брака Диониса с Ариадной» [Латышев, 1889, с. 145]. Эта праздничная идеология созвучна с подчеркнuto неповседневным характером формы чашевидного кратера. Изображения на дионисийские темы могут указывать на конкретный обрядовый характер пира, для которого он предназначался.

Кроме упомянутых выше вакханок в венках, которые можно найти на вазах Группы Леагра, сходством с изображением на фрагменте из Тиритаки обладают также женские фигуры с чуть опущенной головой, которые встречаются на кратерах чашевидной формы, произведенных в мастерской так называемого Мастера Антимена (The Antimenes Painter) [см. о мастере Sapirstein, 2013, appendix 1, p. 11–12 с библиографией]. Это изделия «сродни Мастеру Антимена» [ABV, p. 281; см. BAPD 320238, 320239]. Также очень похожи головы менад и венки в росписи на амфоре круга Мастера Антимена [BAPD 9032010]. Примечательно, что в отличие от мастерской Группы Леагра кругу (мастерской) Мастера Антимена атрибутирован целый ряд именно чашевидных кратеров и их фрагментов с дионисийскими сценами. Вероятно, это можно считать доводом в пользу атрибуции кратера, фрагмент которого найден в Тиритаке, именно этой мастерской [ср. аргументацию такого рода в отношении кратера с психтером в Лувре Pasquier, 2000, p. 26–30].

Чашевидные кратеры с чернофигурной росписью на темы дионисийских праздников круга Мастера Антимена достигают в высоту 30–35 см. На другом кратере в Лувре [BAPDB 320239] женские головы, аналогичные той, что сохранилась на фрагменте из Тиритаки, подходящего размера и стиля исполнения, есть как в правом, так и в левом повороте. Поэтому для реконструкции первоначального облика рассматриваемого изделия использован именно луврский образец (рис. 1,2). Оба сосуда принадлежали к ранней фазе производства афинских чашевидных кратеров, немногим позже момента изобретения этой формы. В соответствии с современными представлениями о хронологии афинского вазового производства эту продукцию можно датировать в пределах 520–510 гг. до н. э. [см. Agora 23, p. 86].

Вазы и фрагменты ваз с росписью Мастера Антимена до сих пор не слишком многочисленны в материалах раскопок к востоку от материковой Греции, хотя изделия второстепенных вазописцев его круга (мастерской) известны [Lemos, 1997, p. 460]. Можно упомянуть единичные, но определенно атрибутированные находки на Родосе, в Клазоменах, Даскилеоне, а также в Пантикапее и «Керчи» [Lemos 1997, p. 460; Görkay 1999, cat. 169; Giudice et. al., 2013, p. 756; BAPD 25499, 25507, 25555, 45269, 320264, 9006754].

В дополнение можно указать еще пример именно чашевидного кратера мастерской Мастера Антимена из боспорских раскопок. Это обломок с сохранившейся частью изображения менад (Государственный Эрмитаж), найденный к северу от Первого кресла горы Митридат, на склоне («на Пепелище») [см. Букина, 2022]. На нем есть характерные гравировки контуров драпировок [ср. BADB 12968; 340502;

Pasquier, 2000] и, очевидно, тоже была изображена вереница участников фиаса, включавшая менад в длинных одеждах с узорчатыми подолами (рис. 1,3).

Фрагменты из Тиритаки и Пантикапея – наиболее ранние известные сейчас образцы афинских чернофигурных чашевидных кратеров из раскопок на Боспоре. Немного более поздние фрагменты также найдены на городище Пантикапея. Это части венчиков двух кратеров с изображениями воинов в шлемах (Государственный Эрмитаж; рис. 2,1; ВКИКМЗ [Самар, 2017, кат. Атл.56]; рис. 2,2). Облик этих сосудов можно реконструировать по аналогии с фрагментированным чашевидным кратером в Лувре, на котором была изображена сцена битвы [BADB 10697] (рис. 2,4). Судя по профильным частям луврского кратера, его и фрагменты из Пантикапея можно датировать в пределах 510-х гг. до н. э.

Еще один крупный обломок чернофигурного чашевидного кратера, который хранится в ГМИИ [BADB 9006756] (рис. 2,3), тоже был найден в центральной части пантикапейского городища (на участке между вершиной и западным плато Первого кресла Митридата). В этом районе, как считается в настоящее время, в последней четверти VI в. до н. э сложился первый архитектурно оформленный центр города – «ансамбль, возведенный на основе ориентированной по сторонам света системы планировки», включавший, «может быть, пританей – место заседаний магистратов полиса» [Толстиков, 2011, с. 150-151]. Роспись кратера содержала изображение шествия с колесницей. Вероятно, это было стандартное для аттической чернофигурной иконографии шествие, которое иногда определяют как свадебное (возможно, иерогамия) и реже – как апофеоз Геракла. Роспись, по определению Н. А. Сидоровой, имеет много общего с изделиями, атрибутированными так называемому Мастеру Приама (The Priam Painter) [ср. BADB 301794]. Поэтому время изготовления этого сосуда определяется в пределах 510-х гг. до н. э. [см. ARV2, p. 330–334; Boardman, 1974, p. 112; Agora 23, p. 92].

Обломок еще одного чашевидного кратера той же мастерской найден «на Пепелище» (Государственный Эрмитаж; [Букина, 2022]). На нем сохранилась часть росписи, в которой была изображена женщина, вероятно, с венком в руке, стоящая около пальмового дерева. Эти элементы находят прямые аналогии на вазах с росписью так называемого Мастера Рикрофт (The Rycroft Painter), сотрудника Мастера Приама [ср. BADB 351102; ср. также гравированные контуры драпировок плаща, обернутого вокруг верхней части женской фигуры BADB 30492; 301832]. Этот сосуд, еще более поздний, по сравнению с находкой в Тиритаке, можно датировать 510 – 500-ми гг. до н. э. [см. ARV2, p. 335–338; Boardman, 1974, p. 113; Agora 23, p. 92].

Приведенные примеры (включая четыре вновь определенных экземпляра и один из них – из Тиритаки) свидетельствуют о том, что сколь бы ни было ограниченным (по существующим представлениям) производство афинских чашевидных кратеров с чернофигурной росписью, они поступали на Боспор в течение всей последней четверти VI в. до н. э.

Материалы из Нимфея показывают, что эта тенденция сохранялась и в дальней-

шем – в период производства ранней краснофигурной керамики, находки которой в Северном Причерноморье в целом зафиксированы весьма отрывочно [ср. Παλαιοθόδωρος, 2006; Paleothodoros, 2007, p. 168; Giudice, Santagati, 2017, p.349; см. подробнее о проблеме Jaeggi, Petrakova, 2022].

В Нимфее найден фрагмент венчика, украшенный орнаментом в виде ветки плюща, который мог относиться и к черно-, и к краснофигурному чашевидному кратеру конца VI-начала V в. до н. э. (рис. 3,1). Фрагмент был обнаружен при исследовании участка жилой застройки архаического и раннеклассического времени на мысовой части города [см. подробнее о месте Чистов, 2017, с. 137–147].

Там же были найдены два из трех обломков венчика, определенно краснофигурного чашевидного кратера. Венчик этого сосуда был украшен чернофигурным орнаментом, состоящим из пальметт, завитков и точек (рис. 4,2–3). Еще один фрагмент венчика того же кратера происходит из северо-восточной части нимфейского плато, из раскопок так называемого «святилища Деметры» (рис. 4,1). На этом месте, как сейчас предполагается, во второй половине VI в. до н. э. существовал скорее производственный, чем сакральный объект, в то время как позже (в начале V в. до н. э. и во второй половине V и IV вв. до н. э.) были возведены новые строения, и «культовую функцию комплекса построек классического <...> времени следует признать» [Чистов, 2021, с. 206]. Возможно, распределение фрагментов одного чашевидного кратера между жилым кварталом и нижележащим «святилищем» говорит о том, что один из обломков был перемещен туда в позднейшее время. Роспись на венчике кратера из Нимфея свидетельствует о том, что его роспись, по-видимому, была исполнена выдающимся художником своего времени – так называемым Мастером Клеофрада (The Kleophrades Painter) [ABV, p. 404–405; ARV2, p. 181–193; Beazley, 1974; Boardman, 1975, p. 91–94; Sapirstein, 2013, appendix 1, p.23-24]. Такой же узор (с одной стороны, в краснофигурной технике, а с другой – в чернофигурной) можно найти на венчике сосуда в Тарквинии [BAPDB 201687] (рис. 4,4). Как и кратер в Тарквинии, находку из Нимфея следует отнести к рубежу VI-V вв. до н. э., или к 490-м гг. до н. э.

В районе нимфейского «святилища Деметры» были обнаружены также и обломки чернолаковых псиктеров (Государственный Эрмитаж) (рис. 3,2, 3,4). Их можно сравнить с профильными частями псиктеров из раскопок в районе афинской Агоры. Один из них, с частью поддона (рис. 3,2), очевидно, относится к более ранней форме с округлым верхом, 510 – 500-х гг. до н. э. [ср. Agora 12, cat. 35; Roberts, Glock, 1986, cat. 66; Lynch, 2011, cat. 110] (рис. 3,3). Другой, часть венчика с выступом для крышки (рис.3,4), близок к образцам 490 – 480-х гг. до н. э., для которых характерна почти полусферическая верхняя часть [ср. Agora 12, cat. 38; Lynch, 2011, cat. 109] (рис. 3,5). Эти две находки подтверждают поступление афинских псиктеров конца VI-V вв. до н. э. на Боспор. Они позволяют предполагать, что и в Тиритаке комплекты для пира, включавшие чашевидные кратеры, в это время использовали в должном составе.

К тому же времени, что и более поздний нимфейский псиктер, к раскопкам на

месте «святилища Деметры» относится еще и большой обломок венца краснофигурного чашевидного кратера с частями двух фигур воинов (рис. 4,5). Особенности росписи указывают на то, что это изделие тоже вышло из мастерской упомянутого Мастера Клеофрада. Фигуры воинов (с характерным для этого вазописца поворотом спиной к зрителю, в широком выпаде в сторону противника) можно найти на вазах с изображением битв, датируемых в пределах 480-х гг. до н. э. [ср. BADB 201704; 201754]. Детали фигур (линии, обрисовывающие профиль лица; характерные длинные локоны, спадающие из-под шлема; очертания мышц и связок на бедрах и коленях) отчетливее всего напоминают элементы почерка Мастера Клеофрада в его поздний период (конец 480 – начало 470-х гг. до н. э.) [ср. BADB 201724; 201658; 201753].

На фрагменте сохранилась часть надписи *καλος*, которая близка к таким надписям на вазах Мастера Клеофрада, датируемых около 480 г. до н. э. [ср. BADB 201720]. Также имеется отверстие от античной починки (вероятнее всего, с помощью свинцовых скоб [см. Doonijes, Nieuwenhuys, 2007 с библиографией; см. также Егорова, 2019, с. 246]). Это обстоятельство свидетельствует о том, что сосуд мог быть в употреблении в течение десятилетий [Reiterman, 2014; Егорова, 2019], то есть еще и тогда, когда на месте находки фрагмента определенно существовало святилище. Поэтому, вероятно, следует отметить использование чашевидных кратеров и психтеров в Нимфее как в городском контексте, так и в контексте святилища; и это было характерно для местной культуры с конца VI до второй четверти V в. до н. э.

Ко второй четверти V в. до н. э. относится и второй фрагмент краснофигурного чашевидного кратера из раскопок Тиритаки (рис. 6,1). Он был найден в 2018 г. в слое на уровне вымостки I – III вв. до н. э. и представляет собой профилированного края венца; вдоль края расположен ряд диагонально ориентированных пар пальметт, соединенных завитками.

Поскольку сохранился только второстепенный орнамент, атрибуция (а значит, и более узкая датировка этого сосуда) осложнена. Тем не менее в данном случае речь все же идет о работе индивидуального мастера, хотя и второстепенного (подмастерья, исполнявшего в своей мастерской орнаментальные части росписи) [см. о сходной практике в более ранних мастерских по производству чашевидных кратеров Frank, 1990; Huber, 1992]. В росписи на гидрии в Виченце [BAPDB 206564] (рис. 5,1–2) справа от центра изображен как раз такой работник [Williams, 2016. S. 57], который уже исполнил орнамент на профилированном крае венца чашевидного кратера и заканчивает роспись его вместилища. Широкий фриз на венце при этом остается пустым, поскольку, очевидно, предназначен для работы более квалифицированного специалиста.

Орнамент, сохранившийся на фрагменте из Тиритаки, относится к наиболее стандартному варианту декора венчика афинских чашевидных кратеров первой половины V в. до н. э. Среди сотен сохранившихся фрагментов с подобным орнаментом (включая образцы из Пантикапея, которые хранятся в Эрмитаже [см. Букина,

2022]) мы можем, тем не менее, остановиться на нескольких аналогиях. Эти кратеры и фрагменты считаются продукцией мастерской так называемого Мастера Виллы Джулия (The Villa Giulia Painter) [см. Sapirstein, 2013, appendix 1, p. 38 с библиографией]. Этого вазописца характеризуют как «одного из наиболее типичных представителей раннеклассического искусства» [Передольская, 1967, с. 160] и приверженца «спокойной, корректной, утонченной, в старом смысле <слова> ‘классической’» художественной манеры [Beazley, 1912. S. 286].

Мастерская специализировалась в производстве больших краснофигурных сосудов, в том числе чашевидных кратеров. В этот период они стали крупнее, чем раньше, и, судя по аналогиям, чашевидный кратер, фрагмент которого найден в Тиритаке, достигал 40 см как в высоту, так и в диаметре верхнего края. Росписи подобных ваз, кроме орнаментов на второстепенных частях, включали фризы с рядами больших фигур, занимавших всю поверхность воронкообразного венца. Их исполняли несколько человек – сам Мастер Виллы Джулия и его сотрудники: так называемые Мастер Чикаго (The Chicago Painter) и Мастер Метузы (The Methyse Painter). Нужно отметить, что сохранившийся обломок из Тиритаки находит ближайшие аналогии среди ваз, атрибутированных не этим вазописцам, а самому Мастеру Виллы Джулия [ср. BAPD 207150, 207152] (рис. 6,3–4).

Продукцию мастерской Мастера Виллы Джулия активно вывозили на рынки за пределы Атики, как на запад Средиземноморья (вплоть до центров Каталонии (Эмпорий, Ульястрет [BAPD 8312, 31319 и др.], так и в восточном направлении (Навкратис [BAPD 12767, 207228]; Родос [BAPD 207171, 207222; Giudice et. al., 2013, p. 758]; Тарс (Малая Азия) [BAPD 207161]). «В Керчи» обнаружена фрагментированная ойнохоя, атрибутированная Мастеру Метузы [BAPD 24844, 30688], а в Нимфее – обломки кратера с росписью Мастера Чикаго [BAPD 207283].

Мастерская в целом действовала во второй четверти – середине V в. до н. э. [Agora 30, p. 109–110; Robertson, 1992, p. 169–173; Sapirstein, 2013, appendix 1, p. 38 с библиографией]. Работы Мастера Виллы Джулия, как правило, датируются в пределах 470 – 460-х гг. до н. э. [Agora 30, p. 109], и такова вероятная датировка фрагмента из Тиритаки.

В тот же период в Керамике Афин действовала и другая мастерская, производившая чашевидные кратеры, которой владел гончар и вазописец Сирик (ΣΥΡΙΣΚΟΣ) [см. Sapirstein, 2013, appendix 1, p. 15; Pevnick, 2016]. Фрагмент изделия, очевидно, этой мастерской был найден на городище Пантикапея («на Пепелище»; Государственный Эрмитаж [Букина, 2022]). Оба кратера (и этот и тот, чей обломок происходит из Тиритаки) относятся к концу периода использования комплектов из чашевидного кратера с психтером первоначальной грибовидной формы.

Считается, что психтеры перестали производить в течение второй четверти V в. до н. э. [Drougou, 1975; Rotroff, Oakley, 1992, p. 25; Lynch, 2011, p. 131 с библиографией], хотя первые сохранившиеся письменные свидетельства об использовании афинскими симпосиастами каких-то психтеров относятся только к IV в. до н.э. Так,

однажды Алкивиад, вторгшись в собрание пирующих, заметил, что вокруг все слишком трезвы, и потребовал «принести чару побольше, если такая найдется. А, впрочем, <...> лучше <...> холодильную чашу <τὸν ψυκτήρα ...>, увидев, что в нее войдет котил восемь <1,8 – 2,7 литра – А. Б.>, если не больше. Наполнив ее, он выпил сначала сам, а потом велел налить Сократу» (Платон. Пир. 213e–214a; пер. С. К. Апта). Сообразуясь с возрастом и предполагаемым временем жизни Алкивиада, можно сказать, что эта сцена разворачивалась в конце 430-х гг. до н.э. и еще в первой четверти IV в. до н. э., когда Платон описывал ее, представление о психтере сохранялось. Поэтому если грибовидных психтеров, датированных позже второй четверти V в. до н. э., до сих пор не зафиксировано, то в более позднее время чашевидные кратеры, возможно, дополняли сосудами иных форм.

Так или иначе, чашевидные кратеры из Афин продолжали поступать на Боспор в течение всей второй половины V и начала IV в. до н. э.

К числу наиболее поздних (начала IV в. до н. э.) относятся три сосуда, найденные при раскопках элитных варварских некрополей в районе Куль-Обы [BADB 215695, 217506] и в некрополе Фанагории вблизи столицы Сенной [Morgan, 2004, p. 221, note 360]. Последний сосуд – единственный достоверно известный сейчас образец чашевидного кратера с азиатской стороны Боспора. Все три сосуда были обнаружены разбитыми в насыпи курганов и, вероятно, использовались во время тризн. С другой стороны, целый ряд находок свидетельствует о том, что чашевидные кратеры продолжали использовать и в городах. Из Мирмекия происходит редкий фрагмент изысканного полихромного кратера с росписью по белой облицовке [Петракова, 2007] (рис. 7,3). Эта роспись атрибутирована так называемому Мастеру Фиалы (The Phiale Painter) – одному из самых изысканных художников третьей четверти V в. до н. э. [Sapirstein, 2013, appendix 1, p. 31 с библиографией]. Десяток краснофигурных обломков производства разных афинских мастерских, работавших во второй половине V – начале IV в. до н. э., происходит из Пантикапея (Государственный Эрмитаж; [Букина, 2022]) (рис. 7,1–2). Иными словами, весьма вероятно, что лучшие люди Боспора в течение всего этого периода продолжали следовать уже выходящей из моды афинской практике и собирались на своих наиболее торжественных симпозиях вокруг чашевидного кратера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Афиней.* Пир мудрецов: В 15 кн. / Подгот. Голинкевич Н. Т. и др.; РАН. Кн. 1-8. М., 2004. (Литературные памятники).
- Афиней.* Пир мудрецов: В 15 кн. / Подгот. Голинкевич Н. Т. и др.; РАН. Кн. 9–15. М., 2010. (Литературные памятники).
- Букина А. Г.* Аттические чашевидные кратеры на Боспоре // Материалы круглого стола «Вокруг Боспора» / Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 15.02.2022, в печати.
- Егорова Т. В.* К вопросу о продолжительности использования чернолаковой посуды (по материалам Пантикапея и Танаиса) // Античный мир и археология: Межвузовский научный сборник. Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Т. 19. Саратов, 2019. С. 242–257.

- Картюк С.Г.* Климат и география в человеческом измерении (архаическая и классическая Греция) / Институт всеобщей истории РАН. М., 2010.
- Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе / Пер., статья Соболевского С. И. М., 2018. (Librarium).
- Латышев В. В.* Очерк греческих древностей: Пособие для гимназистов старших классов и для начинающих филологов / 2-е изд., перераб. Ч. 2: Богослужбные и сценические древности. СПб., 1889.
- Марк Валерий Марциал.* Эпиграммы / Вступ. ст. Дурова В. СПб., 1994. (Античная библиотека. Художественная литература).
- Передольская А. А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже: Каталог. Л., 1967.
- Петракова А. Е.* Фрагмент белофонного кратера из Мирмекия // Сообщения Государственного Эрмитажа [вып.] LXV (2007). С. 44–51.
- Петракова А. Е., Букина А. Г.* Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритак. СПб.–Керчь, 2021.
- Пиндар, Вакхилид.* Оды, фрагменты / Подгот. Гаспаров М. Л. М., 1980. (Литературные памятники).
- Платон.* Собрание сочинений в 4 т. / Общ. ред. Лосев А. Ф., Асмус В. Ф., Тахо-Годи А. А.; Институт философии РАН. Т. 2. М., 1993. (Философское наследие; т. 116).
- Самар О. Ю.* Аттическая расписная керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1945–2017 гг. // Древнейший Пантикапей от апоикии к городу / Авт.-сост. Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. М., 2017. С. 165–198.
- Толстиков В. П.* Орднерная архитектура раннего Пантикапея как источник по истории Боспора Киммерийского // Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. М., 2011. С. 149–170.
- Чистов Д. Е.* Урбанизация архаического Нимфея // ТГЭ [Т.] 88: Перипл: От Борисфена до Боспора: Материалы юбилейных конференций. СПб., 2017. С. 137–160.
- Чистов Д. Е.* Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / ИИМК РАН. СПб., 2021.
- Эллинские поэты VIII—III вв. до н.э.* Эпос, элегия, ямбы, мелика / Подгот. М.Л. Гаспаров и др. М., 1999. (Античная классика).

REFERENCES

- Alexandridou A.-F. The early black-figured pottery of Attika in context (ca. 630–570 BCE). Leiden, 2011.
- Beazley J. D. The master of the Villa Giulia calyx-crater // Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Bd. 27 (1912). S. 286–297.
- Beazley J. D. The Kleophrades Painter. Mainz, 1974. (Forschungen zur antiken Keramik : Bilder griechischer Vasen; Heft 6.).
- Birch S. History of ancient pottery in two volumes. Vol. 1: Egyptian, Assyrian, and Greek. London (UK), 1858.
- Boardman J. Athenian black-figure vases: A handbook. London (UK), c1974.
- Boardman J. Athenian red-figure vases, the Archaic Period : A handbook. London (UK), c1975.
- Broneer O. Investigations at Corinth, 1946-1947 // Hesperia vol. 16 (1947). P. 233–247.
- Camponon Ch., Chaussserie-Laprée J. La céramique attique de Martigues au IVe siècle // Le esportazioni della bottega del Pittore di Meleagro nel Mediterraneo Occidentale // La céramique attique du 4e siècle en Méditerranée occidentale : Actes du colloque international / Ed. par Sabattini B.; Centre Camille-Jullian; Centre Jean Bérard. Naples, 2000. P. 145–157.
- Curti F. Le esportazioni della bottega del Pittore di Meleagro nel Mediterraneo Occidentale // La céramique attique du 4e siècle en Méditerranée occidentale : Actes du colloque international / Ed. par Sabattini B.; Centre Camille-Jullian; Centre Jean Bérard. Naples, 2000. P. 23–34.
- Curti F., Parrini A. Iasos: Importazioni di ceramica attica figurata nel V e nel IV sec. a.C. // 4th century Karia: Defining a Karian identity under the Hekatomnids / Ed. par Henry O. Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil. Istanbul - Paris, 2013. (VARIA ANATOLICA; [vol.] XXVIII). P. 163–187.
- Dooijes R., Nieuwenhuys O. Ancient repairs: Techniques and social meaning // Konservieren oder

Restaurieren: Die Restaurierung griechischer Vasen von der Antike bis heute / Hrsg. von Bentz M., Kästner U. München, 2007. (Beihefte zum Corpus vasorum antiquorum; Bd. 3). S. 15–20.

Drougou S. Der Attische Psykter. Würzburg, 1975. (Beiträge zur Archäologie; [Bd.] 9).

Frank S. Attische Kelchkratere: Eine Untersuchung zum Zusammenspiel von Gefäßform und Bemalung. Frankfurt, 1990. (Europäische Hochschulschriften; Archäologie; Bd. 24).

Giudice F., Giudice E., Giudice G., Scicolone R., Luca Tata C. Le importazioni di ceramica attica a Rodi: Costruzione del quadro di riferimento // L'indagine e la rima : Scritti per Lorenzo Braccisi / A cura di Raviola F., Bassani M., Debiasi A., Pastorio E.; Università degli Studi di Padova; Università degli Studi di Bologna; Università degli Studi di Urbino. Roma, 2013. (Hesperia; [vol.] 30 = Studi sulla grecità d'occidente). Vol. 2. P. 739–782.

Giudice F., Santagati G. Ceramica attica nella costa settentrionale del Mar Nero: Da Berezan-Olbia a Panticapeo // «Kithon Lydios»: Studi di storia e archeologia con Giovanna Greco / A cura di Cicala L., Ferrara B.; Università degli Studi di Napoli Federico II, Dipartimento di Studi Umanistici; Centro Interdipartimentale di Studi per la Magna Grecia. Napoli, 2017. (Quaderni del Centro Studi Magna Grecia; vol. 22). P. 345 – 352.

Görkay K. Attic black-figure pottery from Daskyleion // Studien zum antiken Kleinasien [Bd.] IV. Bonn, 1999. (Asia Minor Studien, Bd. 34). S. 1–100.

Hermay A. La céramique attique du IVe s. à Chypre // La céramique attique du 4e siècle en Méditerranée occidentale: Actes du colloque international / Ed. par Sabattini B.; Centre Camille-Jullian; Centre Jean Bérard. Naples, 2000. P. 277–281.

Huber K. Werkstattgesellen: Zur Produktion früher Kelchkratere // Euphronios und seine Zeit: Kolloquium in Berlin 19./20. April 1991 anlässlich der Ausstellung «Euphronios, der Maler» / Red. Wehgartner I. Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz. Berlin, 1992. S. 57–72.

Jaeggi O., Petrakova A. Attic painted pottery from the northern Black Sea area // AtticPOT : Αττική γραπτή κεραμική στην αρχαία Θράκη (6ος – 4ος αι. π.Χ.): Νέες προσεγγίσεις και ψηφιακά εργαλεία = Attic painted pottery in ancient Thrace (6th – 4th century BC): New approaches and digital tools / Επιμέλεια Τσιαφάκη Δ., Αβραμίδου Α., Μιχαηλίδου Ν., Μούρθος Γ., Καρτά Μ.; Ερευνητικό Κέντρο Καινοτομίας στις Τεχνολογίες της Πληροφορίας, των Επικοινωνιών και της Γνώσης, Αθηνά. Ξάνθη, 2022. Σ. 405–419.

Jubier-Galinier C. Les attributions des vases à figures noires tardives en question // Töpfer– Maler–Werkstatt: Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion / Hrsg. von Eschbach N., Schmidt S. München, 2016. (Beihefte zum Corpus vasorum antiquorum; Bd. 7). S. 130–138.

Klein W. Euphronios: Eine Studie zur Geschichte der griechischen Malerei / 2. umgearb. Aufl. Wien, 1886.

Lemos A. A. Athenian black-figure : Rhodes revisited // Athenian potters and painters [vol. I] : The conference proceedings / Ed. by Oakley J., Coulson W. D. E., Palagia O. Oxford (UK), 1997. P. 457–468.

Lynch K. The symposium in context : Pottery from a Late Archaic house near the Athenian Agora. Princeton (NJ), 2011. (Hesperia. Supplement; [vol.] 46).

Malagardis N. Skyphoi attiques a figures noires: Typologie et recherches: Ateliers et peintres. Athènes, 2017. (Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας ; αρ. 313).

Morgan C. Attic fine pottery of the Archaic to Hellenistic periods in Phanagoria / Ed. by Tsatskhadze G. R. Leiden, Boston, 2004.

Παλιοθόδωρος Δ. Η παρουσία και η διάδοση της πρώιμης αττικής ερυθρόμορφης κεραμικής στη Μαύρη Θάλασσα (525–480 π.Χ.) // ΕΥΛΙΜΕΝΗ : Μελέτες στην κλασική αρχαιολογία, την επιγραφική, τη νομισματική και την παπυρολογία [τ.] 6–7 (2005–2006). Σ. 54–76.

Paleothodoros D. Commercial networks in the Mediterranean and the diffusion of early Attic red-figure pottery (525–490 BCE) // Mediterranean historical review, vol. 22, (2007). P. 165–182.

Pasquier A. Un cratère-rafraîchissoir au musée du Louvre // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot, t. 78 (2000). P. 5–51.

- Pevnick S. D. Le style est l'homme même? On Syriskan attributions, vase shapes, and scale of decoration // *Töpfer-Maler-Werkstatt : Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion* / Hrsg. von Eschbach N., Schmidt S. München, 2016. (Beihefte zum *Corpus Vasorum Antiquorum*; Bd. 7). S. 36 – 46.
- Reiterman A. S. Keimêlia in context : Toward an understanding of the value of antiquities in the past // *Valuing the past in the Greco-Roman world : Proceedings from the Penn-Leiden Colloquia on ancient values, VII* / Ed. by Pieper Ch., Ker J. Leiden, 2014. (Mnemosyne, Supplements; Vol.369). P. 146 –172.
- Roberts S. R., Glock A. The Stoa Gutter Well a Late Archaic deposit in the Athenian Agora // *Hesperia* vol. 55 (1986). P. 1–74.
- Robertson M. The art of vase-painting in classical Athens. Cambridge (UK) – New York (NY), 1992.
- Rotroff S. I., Oakley J. H. Debris from a public dining place in the Athenian Agora. Princeton (NJ), 1992. (*Hesperia* supplements; vol. 25).
- Sapirstein Ph. Painters, potters, and the scale of the Attic vase-painting industry // *AJA* Vol. 117 (2013). P. 493–510; open access appendices 1, 2 – <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.3764/aja.117.4.online> дата обращения 19.04.2022.
- Scahill D. R. The South Stoa at Corinth: Design, Construction and Function of the Greek Phase / PhD Thesis; University of Bath. Bath (UK), 2012.
- Tiverios M. A new krater-psykter in the J. Paul Getty Museum // *Zona archeologica : Festschrift für Hans Peter Isler zum 60. Geburtstag* / Hrsg. von Sabrina B., Käch D., Kistler E., Mango E., Palaczyk M., Stefani O. Bonn, 2001. (*Antiquitas : Abhandlungen zur Vor- und Frühgeschichte, zur klassischen und provinzial-römischen Archäologie und zur Geschichte des Altertums*; Bd.42). S. 421–431.
- Trombetti C. La breve vita dello psykter : Parabola dell'habrosyne sullo scorcio dell'arcaismo // *Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde* [Bd.] 16 (2011). S. 11–41.
- Villard F. La place de l'Occident dans les exportations attiques à figures rouges au IVe siècle // *La céramique attique du 4e siècle en Méditerranée occidentale : Actes du colloque international* / Ed. par Sabattini B.; Centre Camille-Jullian ; Centre Jean Bérard. Naples, 2000. P. 7–10.
- Williams D. Peopling Athenian kerameia : Beyond the Master Craftsmen // *Töpfer-Maler-Werkstatt : Zuschreibungen in der griechischen Vasenmalerei und die Organisation antiker Keramikproduktion* / Hrsg. von Eschbach N., Schmidt S. München, 2016. (Beihefte zum *Corpus Vasorum Antiquorum*; Bd. 7). S. 54–68.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л. –СПб., 1956–.
- ABV – Beazley J. D. Attic black-figure vase-painters. Oxford (UK), 1956.
- Agora 12 – Sparkes B. A., Talcott L. The Athenian Agora : Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 12 : Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton (NJ), 1970.
- Agora 23 – Moore M. B., Philippides M. Z. P. The Athenian Agora : Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 23 : Attic black-figured pottery / With coll. of D. von Bothmer. Princeton (NJ), 1986.
- Agora 30 – Moore M. B. The Athenian Agora : Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. 30 : Attic red-figured and white-ground pottery. Princeton (NJ), 1997.
- ARV2 – Beazley J. D. Attic red-figure vase-painters / 2nd ed. Oxford, 1963–1968.
- BAPD – база данных расписных ваз Архива Бизли, Classical Art Research Center, University of Oxford, <https://www.cvaonline.org/XD/ASP/default.asp>
- Hesperia – *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Princeton (NJ), 1932–.
- RVSIS – Trendall A. D. Red Figure vases of South Italy and Sicily: A handbook. London, 1989.
- ThesCRA – *Thesaurus Cultus Et Rituum Antiquorum*. Fondation pour le lexicon iconographicum mythologiae classicae; Getty Publications. Basel–Los Angeles, 2004–.

Резюме

На городище Тиритака найдены два обломка чашевидных кратеров афинского производства. Один (чернофигурный) сохранил часть изображения дионисийского фиаса. Это изделие мастерской Мастера Антимена 520 – 510-х гг. до н. э. Столь же ранние чернофигурные экземпляры найдены на городище Пантикапея. Из Нимфея (городские кварталы, святилище) происходят фрагменты как чашевидных кратеров (черно- и краснофигурные), так и дополняющих их психтеров (чернолаковые). Эти материалы свидетельствуют о распространении элементов элитарной афинской симпозиальной практики конца VI – начала V в. до н. э. на Боспоре. Второй фрагмент из Тиритаки (краснофигурный) относится ко времени окончания этой практики в Афинах, и его можно сравнить с изделиями Мастера Виллы Джулия 470 – 460-х гг. до н. э. К более позднему времени относится ряд фрагментов чашевидных кратеров V – начала IV в. до н. э., из Пантикапея и Мирмекия, а также из курганных некрополей Пантикапея и Фанагории (в том числе единственный достоверно зафиксированный чашевидный кратер с азиатской части Боспора).

Ключевые слова: аттическая чернофигурная вазапись, аттическая краснофигурная вазапись, чашевидный кратер, симпосий, элитарный обычай, Тиритака, Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Боспор Киммерийский, Северное Причерноморье.

Summary

Two fragments of Athenian calyx-kratets were found at the site of Tyritake. The black figure one belonged to the piece by the workshop (circle) of the Antimenes Painter, ca. 525–510 BC; decoration of this krater included depiction of thyasus. It is as early as also several black-figure fragments found at the settlement of Pantikapaion. Fragments of both calyx-kratets (black- and red figure) and psykters (black glazed) came from neighbor Nymphaion (settlement, sanctuary). These materials testify to the spread of elements of the elite Athenian symposia practice of the late 6th - early 5th centuries BC in Bosphorus. The red figure fragment of Athenian calyx-kratets from Tyritake dates back to the end of this practice in Athens; it is comparable with vases by the Villa Giulia Painter, 470s-460s BC. A number of later fragments of calyx-kratets of the 5th and early 4th centuries BC found in Pantikapaion and Myrmekion, as well as in the barrow necropolises of Pantikapaion and Phanagoria (including the only reliably recorded calyx-krater from the Asian Bosphorus).

Key word: Athenian black figure vase painting, Athenian red figure vase painting, calyx-krater, Tyritake, Pantikapaion, Nymphaion, Myrmekion, Cimmerian Bosphorus, North Black Sea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Букина Анастасия Геннадьевна,
доктор искусствоведения,
научный сотрудник,
Государственный Эрмитаж,
Отдел античного мира,
Россия, 190000, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, 34.

Anastasia Bukina, Professor Dr.
The State Hermitage Museum,
Greek and Roman Department,
34, Dvortsovaya emb. Saint Petersburg,
190000, Russia.

Рис. 1,1 – фрагмент кратера из Тиритаки, Афины, 520–510-е гг. до н. э. © БФ «Деметра»;
1,2 – реконструкция кратера (рис. 1,1); 1,3 – реконструкция кратера из Пантикапея,
Афины, 520–510-е гг. до н. э.

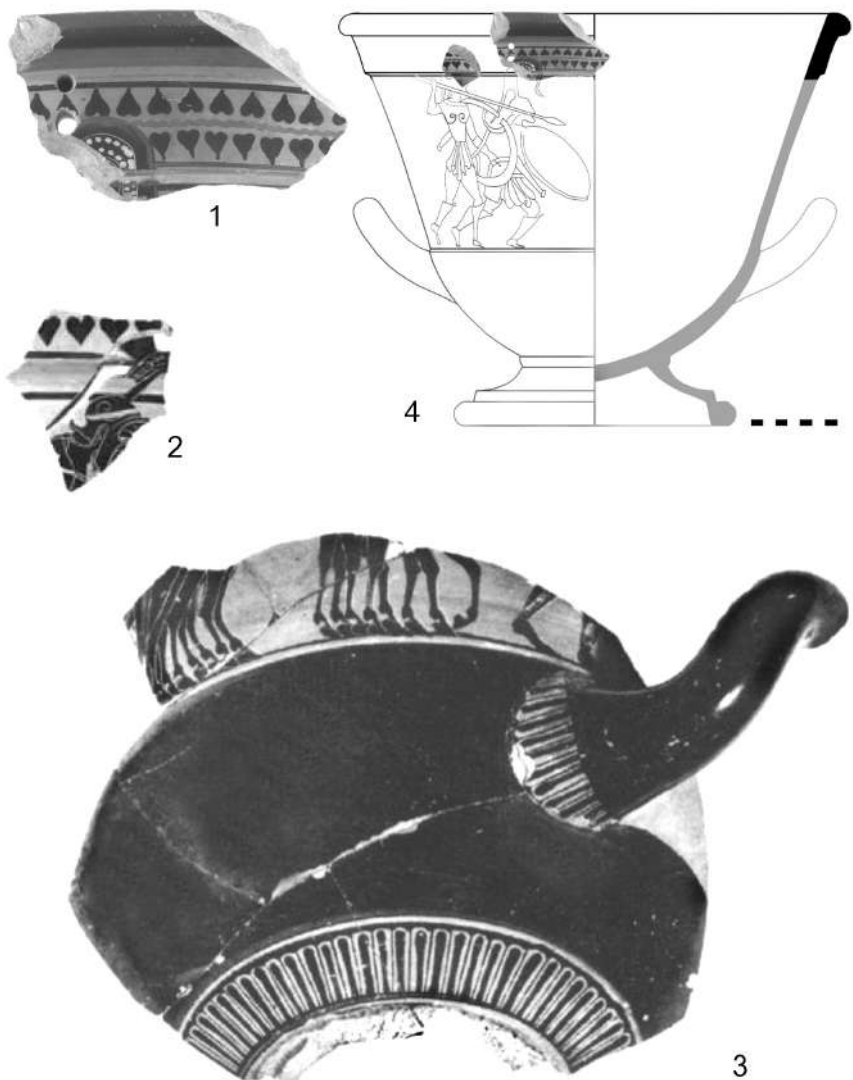
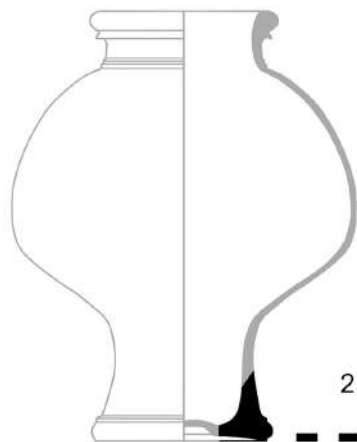

Рис. 2,1–3 – фрагменты кратеров из Пантикапея, Афины, 510-е гг. до н. э.

© 2,1 – Государственный Эрмитаж, 2,2 – ВКИКМЗ, 2,3 – Москва, ГМИИ; 2,4 – реконструкция кратера (рис. 2,1).

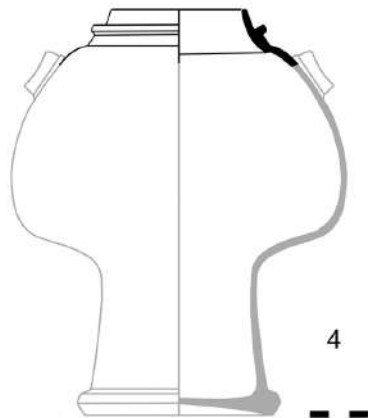
1

2

3

4

5

Рис. 3,1 – фрагмент крагера из Нимфея, Афины, 500-490-е гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж; 3,2, 3,4 – реконструкции психтеров из Нимфея, Афины (3,2 – 510-500-е гг. до н.э.; 3,4 – 490-480-е гг. до н.э.); 3,3, 3,5 – психтеры с афинской Агоры, Афины (3,3 – 510-500-е гг. до н. э.; 3,5 – 490-480-е гг. до н. э.) ©American School of Classical Studies at Athens.

Рис. 4,1-3, 4,5 – фрагменты кратеров из Нимфея, Афины, 490-480-е гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж; 4,4 – кратер, Афины, 490-е гг. до н. э. © Тарквиния, Национальный археологический музей; 4,6 – реконструкция кратера из Нимфея (рис. 4,5).

1

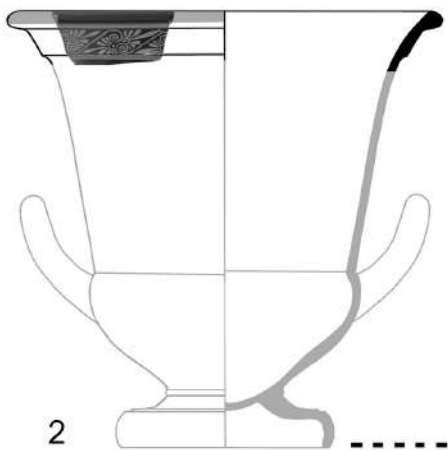

2

Рис. 5,1–2 – краснофигурная гидрия-кальпида, Афины, 460-е гг. до н. э.
© Виченца, собрание Банка Интеза.

1

2

3

4

Рис. 6,1 – фрагмент кратера из Тиритаки, Афины, вторая четверть V в. до н. э.
 © БФ «Деметра»; 6,2 – реконструкция кратера (рис. 6,1); 6,3 – кратер, Афины, вторая четверть V в. до н. э. © Москва, ГМИИ; 6,4 – фрагмент кратера Афины, 460-е гг. до н.э. © Париж, Лувр.

Рис. 7,1 – фрагмент кратера из Пантикапея, Афины, 540-е гг. до н. э. © Государственный Эрмитаж; **7,2** – реконструкция кратера (рис. 7,1); **7,3** – фрагмент кратера из Мирмекия, Афины, третья четверть V в. до н. э. © Керчь, ВКИКМЗ; **7,4** – кратер, Афины, третья четверть V в. до н. э. © Ватикан, Этрусский Грегорианский музей.

В.Н. ЗИНЬКО, А.В. КОТИНА, А.К. КАСПАРОВ
V.N. ZINKO, A.V. KOTINA, A.K. KASPAROV

ЖЕРТВЕННО-САКРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС С ЗАПАДНОГО ТЕМЕНОСА ТИРИТАКИ

SACRED-SACRIFICIAL COMPLEX FROM THE WESTERN TEMENOS OF TYRITAKE

В. Ф. Гайдукевич, возглавивший с 1935 г. Керченскую археологическую экспедицию ИИМК АН СССР, продолжил исследование Тиритаки и заложил новые раскопы в периферийных ее районах, из которых в предвоенные годы основным стал участок на западной окраине – раскоп XIV. Здесь на площади более тысячи кв. м были исследованы ранняя западная крепостная стена города и прилегающие к ней постройки первых веков н.э. В южной части участка впервые удалось непосредственно под этими постройками выявить два здания позднеархаического времени, из которых наибольший интерес представляет «дом А», встроенный в крепостную стену. Он состоял из трех помещений, из которых в крайнем западном были найдены терракоты женских божеств, керамический алтарь и прочая утварь, датируемая с 540-530 гг. до н.э. по первую треть V в. до н.э. В.Ф. Гайдукевич предположил, что здесь располагалось домашнее святилище [Гайдукевич, 1952, с.78]. На длительное время этот небольшой участок с позднеархаическими постройками оставался эталонным для характеристики ранней городской застройки Тиритаки.

Лишь в 2008 г. работы в этой части Тиритаки нами были возобновлены и через несколько лет раскопок на большей площади нового раскопа XXVII, включившего в себя центральную и южную части старого раскопа XIV В.Ф. Гайдукевича (рис.1), удалось выйти на ранее не исследованные позднеархаические слои города. Их изучение во многом изменили представление об этом участке позднеархаической Тиритаки, в первую очередь о времени возведения ранней западной крепостной стены [Зинько, 2015; 2020]. В то же время, учитывая результаты наших исследований квартала позднеархаических домов в центральной части города на раскопе XXVI [Зинько, 2014], стало понятно, что участок на западной городской окраине с самого начала застройки был выделен под иные цели. Анализ результатов старых и новейших раскопок представил возможность выдвинуть обоснованное утверждение, что на этой территории, площадью не менее 500 кв. м, располагался священный участок, получивший условное наименование «Западный теменос Тиритаки». Время его функционирования следует датировать с 540-530 гг. до н.э. и вплоть до рубежа эр, учитывая наиболее позднюю сакральную постройку в южной части священного участка [Зинько, Зинько А., 2020].

В позднеархаическое время Западный теменос представлял собой незастроен-

ную территорию (в настоящее время ее исследованная площадь определяется в 350 кв. м), ограниченную с севера и юга нежилыми постройками, а с запада – возведенной в последние два десятилетия VI в. до н.э. крепостной стеной¹. Восточная граница теменоса пока не определена и в значительной части разрушена во время военных действий 1943-1944 гг. (участок в восточной части раскопа XXVII). На всей территории теменоса исследовано значительное количество небольших зольных пятен с разбитыми чернофигурными сосудами и ям-ботросов². Одной из них, обозначенной нами в ходе раскопок как яма № 19, и посвящена данная статья. Она уже неоднократно упоминалась в публикациях одним из авторов [Zinko, 2014, р.58-59; Зинько, 2021], но полный анализ этого объекта дается впервые.

Этот закрытый археологический комплекс был исследован в 2012 г. и находился в восточной части теменоса (рис.1; рис.2). На древней дневной поверхности (на уровне 15,54 м) площади священного участка, представляющей собой плотно утоптаный слой светло-коричневого суглинка, четко прослеживалось темное круглое пятно заполнения ямы № 19. Она расположена на границе квадратов № 4 и № 18, около 0,75 м от южного борта раскопа XXVII. Верхняя граница ямы № 19 была частично уничтожена военной траншеей. В плане яма округлая, диаметром в устье около 1,70 м (рис.4). В разрезе яма трапециевидная, расширенная в нижней части. На уровне дна, находящегося на глубине около 14,20 м, диаметр дна ямы достигает около 2,00 м. Общая глубина ямы составляет 1,35 м, и она была частично впущена в материк.

Заполнение ямы № 19 состояло из сыпучего тёмно-коричневого грунта с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин моллюсков, а также фрагментов керамики. На уровне около 14,75 м в заполнении ямы прослеживается слой небольших камней мощностью около 0,10м. Непосредственно под ним на уровне около 14,65-14,60 м были открыты кости четырех лошадей³. В случае одной особи – в яму была сложена половина животного: передние ноги, фрагмент позвоночника, несколько рёбер и череп. В случае двух других коней – в яме сложены только черепа и передние ноги животных. Четвертая особь – жеребенок, представлен обломком челюсти и дистальными частями передних и задних конечностей. Черепа трех взрослых лошадей были размещены близ стенок ямы. Одна из них находилась в северо-западной части объекта, другая – с западной стороны, а третья – на восточной. Череп на северо-западе был уложен в восточном направлении, на западе – в западном направлении, а на востоке – в южном

¹ Стратиграфически установлено, что западная куртина строится после первого пожара города около 520-510 гг. до н.э., а слой следующего, второго пожара, датируемого 480-470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с каменной кладкой этой стены [Зинько, 2015, с.318].

² Анализ чернофигурных сосудов с теменоса (по 2019 г. включительно) представлен в каталоге А.Е. Петраковой и А.Г. Букиной [2021]. См. также статью А.Г. Букиной в этом выпуске БИ.

³ Публикацию костных останков лошадей см. в статье А.К. Каспарова в этом выпуске БИ.

направлении. На длинных костях одной из лошадей, находящихся в южной части ямы, на уровне 14,53 м был обнаружен фрагмент известнякового камня и бронзовый трёхгранный втульчатый наконечник стрелы II типа по Мелюковой (рис.5. 4) [Мелюкова, 1964]. В восточной части был сложен самый большой фрагмент конской туши – череп, передние ноги, а также часть позвоночника и грудной клетки животного. Элементов конского снаряжения не обнаружено. В центре, среди конских костей, находился слой раковин моллюсков. После изъятия конских черепов трех взрослых особей оказалось, что под каждым из них находилась перевернутая вверх дном чернолаковая чаша (рис.5 1-3). Ниже конских захоронений, располагавшихся на 0,30 м выше дна ямы № 19, характер заполнения объекта изменился. Уже отсутствовали древесные угольки, прослойки пепла, а также раковины моллюсков и кости рыб. Однако цвет грунта не изменился. В этом нижнем слое, на уровне 14,21 м, были обнаружены раковины моллюсков, покрытые красной охрой. На отметке 0,20м выше дна ямы, в её северной стене, находилась небольшая ниша высотой около 0,15м и глубиной около 0,10 м.

Материалы из заполнения ямы № 19 представлены, как уже отмечалось выше, костными останками четырех лошадей: особь № 1 – молоденькая самка, возраст менее одного года, почти жеребенок; особь № 2 – самка полувзрослая, примерно 4-х с небольшим лет; особь № 3 – взрослая самка, примерно 10-летнего возраста; особь №4 – старый самец, возраст примерно 17 – 20 лет. Особи № 2 и 3, возможно, взнуздывались металлическими удилами. Жеребенок и старый самец в обозримое время до смерти под удилами не ходили, возможно, лишь использование веревочного недоуздка. Лошади представлены в материалах заполнения черепами с нижней челюстью, одной правой грудной стенкой и концевыми частями конечностей, метаподиями и фалангами, которые были отчленены ножом, поскольку следов рубки нет. Ни запястных, ни таранных костей, ни пяточных нет, стало быть, они отрезались на более низком уровне. Прочие кости посткраниального скелета: позвонки, лопатки и другие трубчатые кости конечностей отсутствуют.

Также из заполнения ямы № 19 был взят на зоо-палинологический анализ грунт, который был подвержен флотации в ходе раскопок. Выбранный из него материал состоял из 164 небольших сколов костей крупных и мелких рогатых животных (большая часть костей была обожжена), костей и бляшек осетровых рыб. Кроме того, в результате проведенного археоботанического анализа макроскопических растительных остатков было выявлено 38 обожженных зерен неопределенных зерновых. Лишь удалось определить 3 обожженных зерна ячменя и 5 зерен пшеницы обыкновенной твердой.

Керамический материал из комплекса насчитывал 260 фрагментов, которые в количественном соотношении распределяется следующим образом: транспортная керамика – 186 фрагментов, столовая керамика – 61 фрагмент, лепная керамика – 13 фрагментов. Транспортная керамика представлена большим количеством (147шт.) стенок, среди которых выделяется несколько достаточно больших фрагментов не-

скольких тулов амфор⁴, а также 39 фрагментами профильных частей позднеархаических амфор. Среди последних большинство составляли пухлогорные амфоры Хиоса типа III-B (рис.6. 1,4,6), датируемые С.Ю. Монаховым $\frac{1}{4}$ V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.17], а также несколько экземпляров с воронковидным горлом типа III-B (рис.6. 2-3,5), датируемых С.Ю. Монаховым $\frac{3}{4}$ VI в. до н. э. [Монахов, 2003, с.15-16].

Продукция Лесбоса представлена преимущественно красноглиняными сосудами, среди которых наиболее ранним является фрагмент горла пифоидной амфоры типа I-A (рис.7. 1), датируемый С.Ю. Монаховым $\frac{3}{4}$ VI - $\frac{1}{4}$ V в. до н.э. [Монахов, 2003, с.48]. Остальные фрагменты лесбосских амфор следует отнести к типу I-C (рис.7. 2-3), датируемые С.Ю. Монаховым кон. VI- $\frac{1}{2}$ V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.49]. Амфоры неустановленных центров Северной Эгеиды («протофасосские») практически равны по количеству лесбосским. Они относятся к III и IV сериям этого типа тары (рис.8. 3-4) и датируются кон. VI-нач. V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.40-41]. Амфоры Фасоса и круга Фасоса представлены в меньшем количестве, однако и они хронологически однородны всему открытому амфорному комплексу в яме № 19. Эти фрагменты (рис.8. 1-2,5-6) датируются в пределах кон. VI- $\frac{1}{4}$ V в. до н. э. [Монахов, 2003, с.60]. Находки фрагментов амфор Самоса (рис.7. 4-5) единичны и могут быть датированы кон. VI- $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.

В группе столовой керамики можно выделить четыре категории: фрагменты сероглиняной и красноглиняной посуды, чернолаковые, а также восточногреческого происхождения. Среди первых двух категорий следует отметить фрагменты закраин мисок (рис.9. 1-2), а также фрагменты кувшинов (рис.9. 3-5). Чернолаковые фрагменты (9 шт.) незначительны и характерны для чаш и киликов. Восточногреческая посуда представлена всего одним сколом стенки чаши.

К лепной керамике относится всего 3 фрагмента венчиков лепных горшков (рис.9. 6-7) и 10 фрагментов стенок. Такая малочисленность лепной посуды характерна для всех комплексов позднеархаической Тиритаки. Этот материал настолько незначителен, что делать какие-либо этнокультурные выводы на нем практически не представляется возможным [Зинько, 2014, с.309].

В заключение обзора керамики отдельно следует остановиться на трех чернолаковых аттических чашах⁵, аккуратно положенных доньями вверх под черепа взрослых особей лошадей. Две из них (рис.5. 2-3): чернолаковые глубокие чаши с выпукло-вогнутым профилем, А. Г. Букина датирует второй четвертью V в. до н. э. В то же время отмечая, что большая часть таких аттических чаш с вогнутым профилем ножки относится к началу V в. до н. э., но производство продолжалось

⁴ К сожалению, в ходе камеральной обработки керамического материала реконструировать амфоры не удалось из-за малочисленности и нестыковки фрагментов.

⁵ Искренне благодарим А.Г. Букину за помощь и предоставленные материалы по датировке этих чернолаковых чаш.

до конца века (500 – 430 гг. до н.э.). Их никогда не было много, наверное, из-за хрупкости тонких стенок, подставки и лакового покрытия, которое обычно имеет сильный блеск [Agora 12, p. 130; cat. 809 – 814]. Третья – чернолаковая одноручная мисочка, отличается наличием петлеобразной ручки (рис.5. 1) и датируется А. Г. Букиной второй-третьей четвертью V в. до н. э. Судя по утолщенному венчику, изначально одноручная мисочка не задумывалась как чаша для питья, хотя это и не исключается. Таким образом, согласно датировкам А.Г. Букиной, все три чернолаковые чаши следует отнести ко второй четверти V в. до н.э. Судя по всему, это наиболее поздняя керамика из ямы № 19 и соответствует времени совершения некоего жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки на общегородском священном участке.

Завершая обзор керамики из нашего закрытого комплекса, особо следует отметить, что он по составу и хронологии в основных чертах коррелируется с аналогичной керамикой из раскопок позднеархаических городских усадеб, открытых в центральной части города Тиритака [Буйских, 2014]. На позднем этапе они соответствуют строительной фазе II-Б (конец VI – первая четверть V в. до н.э.), которая завершается сильным пожаром и разрушениями, датируемыми 480 – 470 гг. до н.э. [Зинько, 2014, с.313 – 315]. Тем самым, в соответствии с керамическим материалом и общей стратиграфией городища время совершения уникального жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки следует датировать самым началом второй четверти V в. до н.э.

Возвращаясь к уникальному для теменоса Тиритаки жертвенно-сакральному комплексу с лошадьми, следует отметить, что культ коня был хорошо известен как в Греции, так и в Скифии. В случае с последней, безусловно, значение коня в жизни скифов, как и других кочевых народов, переоценить невозможно, особенно велика была его роль в погребальном обряде. Конь не только доставлял покойного к месту захоронения, но и служил перевозчиком души в другой мир – в царство предков [Фиалко, 1996, с. 17].

Хорошо известен пассаж из «Истории» Геродота, в котором описывается обряд, проводимый спустя год после смерти скифского царя: убивали пятьдесят лучших слуг-юношей из числа свободных скифов и пятьдесят самых красивых коней, делали из них чучела и расставляли вокруг кургана, укрепив каждого коня па двух кольях и двух половинках колес [Herod. IV, 72]. Кроме того, «отец истории» указывает, что особое место в жертвоприношениях, производимых скифами, занимают лошади. «Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец верёвки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец взывает к богу, которому приносят жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его... После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса» [Herod. VI, 60, 61].

По мнению Д.А. Мачинского, сюжет подобного жертвоприношения представлен на знаменитой серебряной чертомлыцкой амфоре⁶, которая иллюстрирует один из аспектов взаимопроникновения скифской и эллинской культур. Так, исследователь рассматривает в качестве божества, которому скифы могли приносить жертву, – Фагимасада, представленного на амфоре в образе головы «фантастического» коня со своеобразным «воротником», который можно понимать как исходящее сияние, и двумя расправленными крыльями [Мачинский, 1978, с. 238]. Геродот указывает, что «...этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы ещё и Посейдону. На скифском языке... Посейдон называется Фагимасад» [Herod. IV, 59]. Д.А. Мачинский замечает, что: «...На первый взгляд подобное утверждение Геродота кажется странным: каким образом коневоды и степняки могли иметь «национальное» божество, аналогичное морскому богу Посейдону? Однако это сомнение легко устранимо: известно, что функция морского божества является отнюдь не древнейшей в «биографии» Посейдона. В древности он был тесно связан с сушей (о чём говорит его эпитет «колебатель земли») и являлся покровителем скотоводства, в особенности коневодства, причём сам мыслился в образе огромного небесного жеребца, в виде которого он и предстал перед своими возлюбленными – Деметрой, Меланиппой и Медузой. Рождались от него зачастую также жеребцы. Так, Медуза родила крылатого коня Пегаса, отцом которого был Посейдон. И, конечно, именно эту древнюю функцию Посейдона имел в виду Геродот, когда сопоставлял его с национальным божеством царских скифов – Фагимасадом» [Мачинский, 1978, с.238]. И, хотя в классическую эпоху в греческом искусстве Посейдон не изображался в виде коня, образы, которые его окружали (Гиппокамп, Пегас), послужили для мастера, изготовившего амфору источником создания облика скифского божества, «покровителя коневодства, жеребца Фагимасада — Посейдона, которому приносится в жертву прекрасная кобылица» [Мачинский, 1978, с. 239].

С.С. Бессонова, анализируя наиболее значимые образы и композиции скифского искусства культово-мифологического содержания, приводит интересное изображение с оковки ритона из Мерджанского кургана, на которой изображена сидящая на троне богиня, всадник, а между ними – конский череп, надетый на кол. По мысли автора, кол с конским черепом свидетельствует о важной роли жертвоприношения коня в культе изображенного божества, подчеркивает важную роль головы коня в ритуале, а также выделяет хтонический характер персонажей [Бессонова, 1983, с. 111]. Стоит отметить иконографическую близость изображения богини на троне архаическим терракотовым статуэткам, которые хорошо известны в Нимфее, Пантикапее и Мирмекии, а также были найдены на Западном теменосе Тиритаки. Большинство исследователей ассоциирует их с Деметрой. В выработке иконографии этого культового образа большую роль

⁶ Исследователь также полагает, что чертомлыцкая серебряная амфора не использовалась в повседневности, а лишь в особых, торжественных случаях заключений союзов или проведения обрядов.

сыграла статуя Матери Богов работы Агоракрита, широко воспроизводившаяся по всему античному миру [Бессонова, 1983, с. 111].

Деметра – греческая богиня плодородия, заняла очень важное место в духовной жизни боспорян, в том числе и тиритакцев. О неочевидной, на первый взгляд, связи этого божества с культом коня в греческой традиции имеется свидетельство Павсания, в котором он описывает Черную Деметру с головой лошади из Аркадии: «...Другая гора, Элайон (Масличная), находится от Фигалии приблизительно на расстоянии 30-ти стадиев; на ней есть священная пещера так называемой Деметры Мелайны (Черной). 2. Всему тому, что рассказывают жители Фельпусы относительно сочетания Посейдона и Деметры, верят и признают и фигалейцы; только они говорят, что Деметра от этого брака родила не коня, а ту, которую аркадяне называют Деспойной. Говорят, что после этого Деметра в гневе на Посейдона и одновременно в печали о похищении Персефоны надела черные одежды и, уйдя в эту пещеру, на долгое время скрылась в ней. Когда вследствие этого погибло все, что производит земля, а также погибла от голода большая часть человеческого рода и в то же время никто из богов не знал, где скрылась Деметра... Фигалейцы говорят, что по этому случаю они решили считать пещеру священной пещерой Деметры и в ней поставили деревянную статую богини. Эта статуя, по их рассказам, была сделана следующим образом. Богиня сидит на скале, во всем подобная женщине, кроме головы: голова и волосы на ней – лошадиные, к голове у нее приделаны изображения драконов и других диких животных. На ней надет хитон, спускающийся до самых пят; в одной руке у нее дельфин, в другой – горлица... Когда древнее изображение погибло, то фигалейцы не поставили богине другой статуи и даже перестали выполнять многие обряды, связанные с ее праздниками и жертвоприношениями; за это бесплодие поразило их страну... [Paus. VIII, 42, 1 – 4].

У Павсания мы находим свидетельства связи культа коня и с другими греческими божествами. Древний автор, приводя описание жертвенников из Олимпии, упоминает «...жертвенники Посейдону Гиппию (Покровителю коней) и Гере Гиппии, а около колонны — алтарь Диоскурам. При входе в так называемый Корабельный нос с одной стороны находится алтарь Ареса Гиппия, с другой — Афины Гиппии» [Paus. V, 15, 4].

Следует отметить, что у древних греков, судя по данным мифологии, элементы культа коня прослеживаются начиная с середины II тыс. до н. э. Лошадь либо являлась частью ценного имущества, либо служила проводником в другой мир, либо была пищей во время церемониального поминального пира [Zinov'ev, 2011, p. 83]. Некоторые исследователи полагают, что греческая мифология демонстрирует очевидную связь между лошадьми и героями. Вероятно, это коренится в общей предрасположенности к антропоморфизации лошадей и сопутствующей гиппоморфизации людей и находит свое выражение среди наиболее узнаваемых фигур греческой мифологии – кентаврах [Kaliff, Oestigaard, 2020, с. 32].

О связи коня с культом героя имеются многочисленные свидетельства. Одно из

самых ярких находим у Гомера, в описании похорон Патрокла: «Там же расставил он с медом и с светлым елеем кувшины. Все их к одру прислонив; четырех он коней гордыйных. С страшною силой поверг на костер, глубоко стеная. Девять псов у царя, при столе его вскормленных, было. Двух и из них заколол и на сруб обезглавленных бросил. Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных...» [Ном. II. 23, 170 – 175]. В контексте героического погребального обряда следует рассматривать и захоронения лошадей рядом с могилой человека (хозяина?), который практиковался в Греции в XII–VII вв. и в редких случаях до конца VI в. до н. э. и даже позже, сохраняясь и на окраинах, в первую очередь в Македонии [Иванов, Сударев, 2017, с. 182].

В целом, конские захоронения часто связаны со статусными, воинскими захоронениями как в Греции, так и на Боспоре. Находки захоронений лошадей (или их частей) на Боспоре хорошо известны. Практически все они в той или иной степени прочно связаны с некрополем и погребальной культурой. Захоронения лошадей встречаются рядом с захоронением человека или в непосредственной близости от него. При исследовании некрополей разного времени подобные находки хорошо известны: захоронение вблизи могилы хозяина на Нимфее (не ранее середины V в. до н. э.), погребения лошадей (или их частей), примыкавших к мужским погребениям на некрополе Волна-1 и Артющенко-2 (V в. до н. э.) [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с.82 – 96] и другие⁷.

Как отмечают некоторые исследователи, подобные захоронения «чаще всего рассматривают как признак, абсолютно чуждый грекам, и даже как признак прямого проникновения варваров в среду греческих колонистов и в состав знати Боспорского государства» [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с.82]. Однако в результате анализов материалов, полученных при раскопках некрополей Волна-1 и Артющенко-2, археологи отмечают: в первой половине V в. до н. э. в грунтовых некрополях Азиатского Боспора фиксируется традиция погребения лошадей к югу от могилы воина, которая сохраняется до середины – третьей четверти IV в. до н. э., проникая и на Европейский Боспор (Нимфей и мыс Ак-Бурун). Кроме того, у этой группы захоронений много общих черт и с памятниками Северной и Восточной Фракии, известными там с более раннего периода. Погребения с лошадьми, открытые на некрополях Европейского Боспора, по наблюдению исследователей, хотя и имеют отличительные черты, но тем не менее довольно близки подобным сооружениям именно Азиатского Боспора,

⁷ Исследователь А.В. Зиновьев, правда, на материалах, полученных при раскопках в Калининградской области (Замланд и Натанген), рассматривая их в контексте античного и средневекового символизма, представляет классификацию конских ритуальных захоронений, в которой выделяет 4 типа: **тип 1** – захоронения целых лошадей (это наиболее распространенный тип захоронений лошадей в Европе); **тип 2** – голова или голова с передними ногами (появляется позже, ок. V в. до н. э.); **тип 3** – разбросанные останки лошади (в том числе сожженные) в захоронении (это жертвоприношение часто сопровождалось разделкой других животных, таких как собаки, козы и курицы); **тип 4** – захоронение без лошадиных костей, но содержащее элементы узды или орудия труда. Считается, что такой тип появляется наиболее поздно и связывается с появлением в регионе христианства [Zinov'ev, 201, p. 25 – 35].

а не скифским погребениям Крыма [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с.91]. В итоге исследователи, учитывая хоть и немногочисленные, но имеющиеся свидетельства конских захоронений в собственно греческих некрополях, приходят к выводу, что захоронения лошадей на некрополях Боспора – это свидетельство чрезвычайно сложных этнокультурных процессов между представителями знати, и рассматривать их, вероятно, нужно через призму культуры элит [Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020, с. 92].

В основном археологические свидетельства использования лошади в религиозной практике боспорян тесно связаны с погребальным контекстом. Однако в случае с конским жертвоприношением из Тиритаки его уникальность состоит, кроме прочего, в месте находки – это священный участок города, функционировавший долгий период времени, с 540-530 гг. до н. э. и вплоть до начала рубежа эр [Зинько, 2021, с. 26 - 27]. Единственной близкой аналогией нашему комплексу, известной на сегодняшний день на Боспоре, является неоднократно кратко опубликованная находка магической жертвы коня из Пантикапея. Несмотря на наличие ряда публикаций этой жертвы, считаем целесообразным еще раз обратиться к ней, остановившись на описании важнейших сходных и отличных деталей обряда жертвоприношения из Пантикапея и Тиритаки.

Авторы пантикапейской находки считают, что найденное в 2010 г. на Новом Верхнем Митридатском раскопе конское захоронение – жертвенное и датируется первой четвертью V в. до н. э. [Толстикова, 2011, с. 165; Толстикова, Муратова, 2013, с.188-189], а по публикации 2017 года они датируют пантикапейского коня второй четвертью V в. до н. э. [Толстикова, 2017, с.272-273]. Как бы то ни было, датировка в целом соответствует тиритакской находке. Сходны и места находки – теменос (однако в случае с Пантикапеем он располагался на акрополе города). По описанию автора раскопок, в непо потревоженном культурном слое был открыт скелет коня, представленный фрагментами грудины и четырьмя конечностями с копытами. Череп отсутствовал. Еще одной отличительной чертой является наличие элементов сбруи – 29 мелких полусферических бляшек, три крупные прорезные бляхи в виде свернувшегося кошачьего хищника (пантеры?), а также крупная подвеска-лунница. Все декоративные элементы выполнены в скифском зверином стиле. Интересной особенностью также является упомянутое исследователем в докладе наличие под конским костяком горл трех эолийских амфор, вкопанных вертикально в землю и образовывавших в плане треугольник [Толстикова, 2011, с. 165]. В случае с захоронением из Тиритаки – под черепами коней были также обнаружены три чернолаковые чаши, перевернутые вверх дном⁸, их расположение также образовывало в плане треугольник. Вероятно, эта деталь, как и другие, не случайна. Как известно, в различных мифологических системах треугольник символизировал наряду с тремя космическими зонами также триаду: жизнь – смерть – новая жизнь [Бессонова, 1983, с. 108].

⁸ О значении перевернутых предметов в ритуальной практике неоднократно писали различные исследователи [Завойкин, Сударев, 2009, с.180; Винокуров, Крыкин, 2019, с.70].

В.П. Толстикова и М.Б. Муратова утверждают, что находку захоронения коня на пантикапейском акрополе можно классифицировать как sphagion – ритуальное заклание коня, а не обыденное жертвоприношение. В пользу этой гипотезы говорят отсутствие алтаря, выбор нетипичной жертвы, оставленные, несожженные останки, наличие элементов сбруи. Возможно, сбруя была оставлена из-за того, что это животное было не специально подготовленной жертвой⁹, а вражеским боевым конем, который должен был ассоциироваться с врагом. По мнению исследователей, возможно, это свидетельство симпатической магии, призванной защитить город и жителей от последующих нападений [Толстикова, Муратова, 2013, с. 190]. Предположение авторов и трактовка захоронения коня как элемента симпатической магии, на наш взгляд, вполне имеет основания. Тиритакское жертвоприношение вряд ли можно отнести к группе магических ритуальных закланий. По крайней мере, у нас отсутствуют сведения о наличии шкуры и какие-либо элементы сбруи. По всей вероятности, в отличие от пантикапейского тиритакские лошади были как раз специально подготовленной жертвой, о чем свидетельствуют особенности конструкции ямы-ботраса (наличие ниши, каменного заклада над уложенными лошадьми), специально подобранный состав погребенных особей (все они разновозрастные и символизируют в аллегорической форме весь состав табуна), наличие частей туш, традиционно оставляемых в дар богам, подсыпка из створок раковин водных моллюсков¹⁰ и охры, сопровождение жертвоприношения пиром (что подтверждают чаши, костные останки и стратиграфия комплекса в целом). Специалисты отмечают, что сакральный смысл трапезы хорошо известен и мясо животных в данном контексте служило как бы знаком преодоления, превращения природного в культурное [Тульпе, 1996, с.3].

В источниках и литературе описан древнегреческий обычай буфоний («убиение быка»), который совершался после сбора урожая и молотьбы и символизировал ежегодное умирание и воскресение бога. Основной сутью церемонии было принесение в жертву быка и его поедание. Так называемое богоядение – жертвоприношение священного животного, в котором воплощалось божество, для ритуального поедания

⁹ А. К. Каспаров в личной беседе высказывал мысль о том, что если сравнивать пантикапейское и тиритакское захоронения коней, то складывается впечатление, что в первом случае отнесли к ритуалу конского погребения гораздо более небрежно, чем во втором. То есть просто поместили в яму крупные куски туши: заднюю часть с ногами, передние ноги и половину грудной клетки.

¹⁰ Среди вотивных даров особо следует выделить материалы природного происхождения, в первую очередь створки раковин водных моллюсков, которые были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди греческого населения архаическими представлениями о трёхчленной модели мира, где море выступало эквивалентом хтонической, нижней сферы. Раковины моллюсков, с одной стороны, выражали идеи изобилия, плодovitости и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, применялись в обрядах перехода, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. В целом раковины моллюсков (морского гребешка, мидий, перловицы, каури) в ритуальной практике святилищ принадлежали кругу хтонических атрибутов [Кузина, 2020, с.49-52].

его мяса. Посредством богоядения человек приобщался к богу, его силе и благодати. Подобные жертвоприношения приносились не только Зевсу, но и Дионису (жертвенными животными чаще всего выступали быки или козлы), Деметре (приносили в жертву свиней). Важным свидетельством крупных жертвоприношений у греков являются так называемые гекатомбы, известные еще по произведениям Гомера: «Мы, окружая поток, на святых алтарях гекатомбы... Вечным богам совершали, под явром стоя прекрасны...» [Ном. II, 305]. Гекатомба – первоначально жертва из ста быков, в основном Зевсу либо Аполлону, затем вообще торжественное публичное жертвоприношение, независимо от числа и породы животных [Буркерт, 2004, с. 36].

После ритуального убийства животных небольшая часть туш сжигалась для богов, а оставшееся мясо использовалось для пира. «После, избрав совершенные Фебу царю гекатомбы, коз и тельцов сожигали у брега бесплодного моря; Туков воня до небес восходила с клубящимся дымом...» [Ном. II, I, 315]. В Афинах совершение гекатомбы было обязательной частью Панафиной. Лошадь, как отмечает ряд авторов, была нетипичной жертвой, хотя и очень ценной для богов. Считается, что именно конь, по целому ряду причин, стал заменой человеческих жертвоприношений [Килуновская, 1996, с.18], как бы следующей ступенью в развитии мировоззрения и ритуальной практики древних. Павсаний, кроме сведений, упомянутых нами выше, описывает жертвоприношение коня в Лаконике: «Если идти дальше, то будет так называемый «Могильный памятник коня»: принеся здесь в жертву коня, Тиндарей брал клятву с женихов Елены, заставляя их стоять на разрезанных частях жертвенного животного. А клялись они в том, что избранного Еленой себе мужа они будут защищать от всякой обиды. После принесения клятвы конь был тут же зарыт» [Paus. III, 20, 9].

Жертвоприношение наряду с молитвой и приношением вотивных даров было одной из важнейших форм поклонения божеству, являясь главным аспектом большинства ритуалов. Их обычно разделяют на частные и общественные – совершаемые представителями полисов, дем, триттий, родов и фратрий и служившие каким-либо общественно значимым серьезным целям [Кузьмина, 2013, с. 96]. В зависимости от уровня жертвоприношения – варьировалось и количество приносимых в жертву животных. Выделяют следующие этапы церемонии: 1) ритуалы, совершаемые до самого жертвоприношения (какие-либо подготовительные действия, напр., омовение и др.); 2) собственно жертвоприношение; 3) ритуальные действия, совершаемые после жертвоприношения (ритуальный пир) [Кузьмина, 2013, с.99]. Ю. Н. Кузьмина отмечает, что в целом на основании письменных и археологических свидетельств ясно, что структура и организация сакрального процесса на Боспоре и в Греции особенно не отличались. В нашем случае из Тиритаки жертвоприношение, без сомнения, общественно-общеполисное, и, как отмечалось выше, специально подготовленное.

Итак, исходя из свидетельств, которые указывают на наличие практики жертвоприношений лошадей в Древней Греции, а также из имеющихся в нашем распоряжении материальных данных, мы можем предполагать, что комплекс, содержащий

жертвоприношение и захоронение расчлененных четырех лошадей на теменосе Тиритаки, по-видимому, является материальным свидетельством общегородского сакрального ритуала, связанного с каким-то экстраординарным и судьбоносным для всего полиса событием. В церемонии, вероятно, принимали участие все взрослые мужчины, в первую очередь главы тиритакских семей¹¹, а сама она могла, предположительно, выглядеть следующим образом.

Первоначально происходило жертвоприношение (убиение или удушение) 4-х лошадей. Особо следует отметить их возраст и состав. В аллегорическом смысле они должны были символизировать весь состав табуна врага (?). Эти лошади, по утверждению одного из авторов, являлись лошадьми скифского типа и относились к восточно-крымской морфологической группе верховых коней. Все три взрослые лошади, принесенные в жертву, были весьма дороги и престижны по тем временам. Также напомним, что две из них (особь № 2 и особь № 3) долго ходили с металлическими удилами, а одна даже имела небольшое ранение (стрела в ногу). Все это, вероятно, свидетельствует, что эти лошади, могли участвовать в каком-то сражении или военном набеге. Поэтому их заклатие и очень аккуратное расчленение, судя по положенным в яму-ботрос частям, свидетельствуют как о важности и большой смысловой нагрузке этого ритуального действия, так и о высоком профессионализме исполнителей этого обряда. Наиболее мясные куски конских туш были оставлены для общегородского ритуального пира. Вероятно, одновременно происходило и сооружение на священном участке специальной ямы-ботроса для совершения самого сакрального обряда. Судя по заполнению ямы-ботроса, он состоял из нескольких фаз, которые призваны были символизировать определенные послания к тем или иным греческим богам или к одному конкретному богу, выраженные в положенных внутрь ямы материальных артефактов.

Напомним, что на дне были обнаружены створки раковин водных моллюсков, покрытые красной охрой, а чуть выше в стене была вырублена небольшая прямоугольная ниша. Какова могла быть сакральная смысловая нагрузка этой первой фазы совершения обряда обращения к богам? Как уже отмечалось ранее, раковины маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром и применялись в обрядах перехода, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира. Можно предположить, что это души убитых в сражении воинов-тиритакцев, а ниша – вход в Аид. Все это перекрывается прослойкой чистого (обращаем особое внимание!) грунта и происходит вторая фаза обряда. На слой чистого грунта в определенном порядке доньями вверх устанавливаются три чернолаковых чаши. О сакральности и смысловой на-

¹¹ Общая численность городского населения Тиритаки в это время определяется в пределах 2100 – 2900 жителей [Зинько, 2014, с.314]. Однако, если учитывать жителей неукрепленного предместья – поселение Аглофабрика (раскопки Ю.Ю. Марти, О.Д. Чевелева, А.В. Зинько), расположенного к западу от городских крепостных стен и существовавшего в VI – нач. III в. до н.э., то это количество увеличится.

грузке этого числа мы уже писали выше. Вряд ли эти чаши были пусты, вероятно, предварительно из них выливалось в яму-ботрос вино. Затем на каждую чашу были аккуратно уложены по отчлененной голове вражеских (?) взрослых лошадей и здесь же разложены отсеченные части всего аллегорического табуна, в первую очередь ноги этих скифских коней. Тоже какой-то символ? Вероятно, определенный посыл: «Не приходите и не топчите земли нашего полиса». Напомним, что в центре, среди конских костей, находился еще один слой раковин моллюсков. Однако в этом случае они уже не имели нанесенной на поверхность створок раковин красной охры.

Начинается третья фаза обряда. Все ранее помещенное в сакральный комплекс перекрывается слоем (толщина около 0,10 м) небольших камней¹². Возможно, это символ городской крепостной стены или побивания врага и его табунов, и каждый гражданин Тиритаки, участвовавший в обряде, принес этот камешек с собой и бросил в яму.

На этом, собственно, и завершается обряд жертвоприношения и определенных посланий к богам. А все затем переходят к последнему этапу – ритуальному пиру. Все, что связано с ним, прослеживается в верхней части заполнения ямы-ботроса, которое запечатало ниже расположенные слои. Это сыпучий грунт с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин моллюсков, а также фрагментов керамики. Вот так одному из авторов этой статьи представляется в общих чертах гипотетическая модель реконструкции уникального жертвенно-сакрального обряда на Западном теменосе Тиритаки, совершенного около 475 – 470 гг. до н.э.¹³ в ознаменование завершения судьбоносного для всего полиса события. Его можно с большой долей уверенности связать с победой, одержанной над напавшими на город врагами. Это нападение оставило четкие стратиграфические следы слоя пожара, содержащего большое количество наконечников стрел как у западной городской стены, так и в центральной части Тиритаки [Зинько, 2014, с.312].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гомер.* Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Л., 1990. 576 с.
Геродот. История. М., 1993. 600 с.
Павсаний. Описание Эллады. СПб., 1996. 652 с.
Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. К., 1983.
Буйских А.В. Амфоры и столовая посуда // в кн. Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI-V вв. до н.э. К.: АДЕФ, 2014. С.318 – 445.
Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика. СПб., 2004. 285 с.
Винокуров Н.И., Крыкин С.М. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии:

¹² К сожалению, во время раскопок не был произведен подсчет и учет количества этих известняковых камешков.

¹³ Событиям, происходившим на Боспоре около 480 – 470 гг. до н.э., посвящено большое количество публикаций, что освобождает нас от освещения этого вопроса.

общее и особенное // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. М. Магнитогорск-Новосибирск, 2019. С. 56 – 92.

- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935 – 1940 гг. // МИА № 25. Боспорские города. М. Л., 1952. С. 15 – 134.
- Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Поселение и святилище Береговой-4. Итоги исследований в 1999 – 2004 гг. // Археологические открытия. 1991 – 2004. Европейская Россия. М., 2009. С. 174 – 189.
- Зинько В.Н.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Комплексы VI-V вв. до н.э. К.: АДЕФ, 2014. 596 с.
- Зинько В.Н.* Крепостные сооружения боспорского города Тиритака // БИ. Вып. XXXI. Керчь, 2015. С. 100–109.
- Зинько В.Н.* К вопросу о датировке ранних крепостных стен боспорского города Тиритака // Археологические вести. Вып. 29. СПб, 2020. С. 129 – 135.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // БИ. Вып. XLI. Керчь-Симферополь, 2020. С.133 – 146.
- Зинько В.Н.* Из ранней истории Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021. С. 22 – 43.
- Иванов А.В., Сударев И.Н.* Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // Древности Боспора. Т. 21. М., 2017. С. 160 – 189.
- Кашаев С.В., Мимоход Р.А., Сударев Н.И.* Погребения с лошадьми в некрополях Волна-1 и Артющенко-2 // Археологические вести. Вып. 30. СПб., 2020. С. 82 – 96.
- Кузина Н.В.* Раковины в погребальной обрядности сельского населения Европейского Боспора: к вопросу об интерпретации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород, 2020, № 1, с.49 – 56.
- Кузьмина Ю.Н.* Организация ритуалов и жертвоприношений в эллином святилище // Самарский научный вестник. № 4 (5). Самара, 2013. С. 96 – 100.
- Мачинский Д.А.* О смысле изображений на чертомлыцкой амфоре // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 232 – 240.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. – Вып. Д 1-4. М., 1964.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. – М. – Саратов, 2003.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII –XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток-Иркутск, 2004. С. 306.
- Пантикапей и Фанагория.* Две столицы Боспорского царства / Под общ. ред. В.Д. Кузнецова, В.П. Толстикова. М., 2017. 438 с.
- Петракова А. Е., Букина А. Г.* Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.– Керчь, 2021.
- Соколова З.П.* Культ животных в религиях. М., 1972. 214 с.
- Толстиков В.П., Муратова М.Б.* К проблеме пространственного развития пантикапейской ойюкии в первой половине VI – первой половине V в. до н. э. // Вестник древней истории. 2013.
- Тульпе И.А.* Укрощенный хаос // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб, 1996. С. 3-4.
- Филалко Е.Е.* Конь-оберег в погребальном обряде скифов // Животные и растения в мифоритуальных системах. Материалы научной конференции. СПб, 1996. С. 17 – 19.
- Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1998. 958 с.
- Яворская Л.В.* Погребальные ритуалы по археозоологическим материалам // Курганы бронзового века в излучине Дона (опыт комплексных археологических и естественнонаучных исследований). Волгоград, 2012. С.116 – 127.
- Agora 12 – Sparkes В.А., Tallcott I.* Black and Plain Pottery. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies of Athens. – Vol. 12, 1970. 431 p.
- Brown D., Anthony D.* Bit wear, horseback riding and the Botai Site in Kazakstan // Journal of Archaeological Science. 998. Т. 25 № 4. P. 331 – 347.

- Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic / Medow R., Uerpman H.-P. // *Equids in ancient world. Beihefte zum Tubinger atl.des V.Orie.-Weisbaden: «Reihe A.»*, 1986. P.116 – 163.
- Kaliff, A. & Oestigaard, T. The Great Indo-European Horse Sacrifice: 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid. OPIA 72. Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. Uppsala, 2020. 400 p.
- Zinov'ev Andrei V. Horse burials of Samland, Natangen and adjacent areas in context of antique and medieval symbolic culture // *Archaeologia Lituana*. 2011. T. 12. P. 25 – 35.
- Zinko V.N. Tyritake in Archaic times // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. - Warzaw, 2014. P. 47 – 62.

REFERENCES

- Agora 12 – Sparkes B.A., Tallcott I. Black and Plain Pottery. The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies of Athens. Vol. 12, 1970. 431 p.
- Bessonova S.S. *Religioznye predstavleniia skifov. K.*, 1983.
- Brown D., Anthony D. Bit wear, horseback riding and the Botai Site in Kazakstan. *Journal of Archaeological Science*. 998. T. 25 № 4, pp. 331 – 347.
- Buiskikh A.V. Amfory i stolovaia posuda. //Zin'ko V.N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. II. Kompleksy VI-V vv. do n.e.* K.: ADEF, 2014, pp.318 – 445.
- Burkert V. *Grecheskaya religiya. Arkhaika ii klassika*. SPb., 2004.
- Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic / Medow R., Uerpman H.-P. Equids in ancient world. *Beihefte zum Tubinger atl.des V.Orie.-Weisbaden: «Reihe A.»*, 1986, pp.116 – 163.
- Fialko E.E. Kon'-obereg v pogrebal'nom obryade skifov. *Zhivotnye i rasteniya v miforitual'nykh sistemakh. Materialy nauchnoi konferentsii*. SPb., 1996, pp. 17 – 19.
- Frezer J. *Zolotaya vetv'*. M., 1998.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935 – 1940 gg. *MLA. № 25. Bosporskie goroda*. M. – L., 1952, pp. 15 – 134.
- Gerodot. *Istoriya*. M., 1993, 600 p.
- Gomer. *Iliada*. M., 1990, 576 p.
- Ivanov A.V., Sudarev I.N. Kurgan № 44/45 nekropolya Kep i ego mesto sredi drugikh pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskogo Bospora. *Drevnosti Bospora*. T. 21. M., 2017, pp. 160 – 189.
- Kaliff, A. & Oestigaard, T. *The Great Indo-European Horse Sacrifice: 4000 Years of Cosmological Continuity from Sintashta and the Steppe to Scandinavian Skeid. OPIA 72*. Department of Archaeology and Ancient History, Uppsala University. Uppsala, 2020. 400 p.
- Kashaev S.V., Mimokhod R.A., Sudarev N.I. Pogrebeniya s loshad'mi v nekropol'yakh Volna 1 i Aryushchenko 2. *Arkheologicheskije vesti*. Vyp. 30. SPb., 2020, pp. 82 – 96.
- Kuz'mina Yu.N. Organizatsiia ritualov ii zhertvoprinoshenii v ellinskom svyatilishe. *Samarskii nauchnyi vestnik. № 4 (5)*. Samara, 2013, pp. 96 – 100.
- Machinskii D.A. O smysle izobrazhenii na chertomlytskoi amfore. *Problemy arkeologii*. Vyp. II. L., 1978, pp. 232 – 240.
- Melyukova A.I. Vooruzhenie skifov. *SAI. 1-4*. M., 1964.
- Monakhov S.Yu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare. Katalog-opredelitel'*. M. – Saratov, 2003.
- Nikolaev V.S. *Pogrebal'nye kompleksy kochevnikov yuga Srednei Sibiri v 12-14 vekakh. Ust'-Tal'kinskaya kul'tura*. Vladivostok-Irkutsk, 2004. 306 p.
- Pantikapei ii Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva.* / Ed. Kuznetsov V.D., Tolstikov V.P. M., 2017. 438 p.
- Petrakova A.E., Bukina A.G. *Atticheskaya chernofigurnaya i chernolakovaya keramika Tiritaki*. SPb.-Kerch', 2021.

- Pavsanii. *Opisanie Ellady*. SPb., 1996. 652 p.
- Sokolova Z.P. Kul't zhivitnykh v religiyakh. M., 1972. 214 p.
- Tolstikov V.P., Muratova M.B. K problem prostranstvennogo razvitiya pantikapeiskoi apoikii v pervoi polovine VI – pervoi polovine V v do n.e. *Vestnik drevnei istorii*. 2013.
- Tul'pe I.A. Ukroshchennyi khaos. *Zhivotnye i rasteniya v mifiritual'nykh sistemakh. Materialy nauchnoi konferentsii*. SPb., 1996, pp. 3-4.
- Vinokurov N.I., Krykin S.M. Zhertvenniki dlya vozliyanii khtonicheski bozhestvam Bospora i Frakii: obshchee ii osobennoe. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. № 4. M. Magnitogorsk-Novosibirsk, 2019, pp. 56 – 92.
- Zavoikin A.A., Sudarev N.I. Poselenie i svyatilishche “Beregovoi-4”/ Itogi issledovaniy v 1990-2004 gg. *Arkheologicheskie otkrytiya. 1991-2004. Evropeiskaya Rossiya*. M., 2009, pp. 174 – 189.
- Zin'ko V.N. *Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. II. Kompleksy VI-V vv.do n.e.* K.: ADEF, 2014, 596 p.
- Zin'ko V.N. Tyritake in Archaic times. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus*. Warzaw, 2014, pp. 47 – 62.
- Zin'ko V.N. Krepostnye sooruzheniya bosporskogo goroda Tiritaka. *BI. XXXI. Kerch'*, 2015, pp. 100 – 109.
- Zin'ko V.N. K voprosu o datirovke rannikh krepostnykh sten Bosporskogo goroda Tiritaki. *Arkheologicheskie vesti*. Vyp. 29. SPb., 2020, pp. 129 –135.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Sakral'nyi kompleks iz raskopok bosporskogo girida Tiritaka. *BI. XLI. Kerch'-Simferopol'*, 2020, pp.133–146.
- Zin'ko V.N. Iz rannei istorii Tiritaki. *Bosporskie issledovaniya*. XLIII. Kerch'-Simferopol', 2021, pp. 22 – 43.
- Zinov'ev Andrei V. Horse burials of Samland, Natangen and adjacent areas in context of antique and medieval symbolic culture. *Archaeologia Lituana*. 2011. T. 12. P. 25 –35.
- Yavorskaya L.V. Pogrebal'nye ritually po arkeozoologicheskim materialam. *Kurgany bronzovogo veka v izluchine Dona (opyt kompleksnykh arkheologicheskikh ii estestvennonauchnykh issledovaniy)*. Volgograd, 2012, pp.116 – 127.

Резюме

На основании анализа результатов старых и новейших исследований у западной крепостной стены боспорского города Тиритаки установлено, что здесь, на площади не менее 500 кв. м, располагался священный участок, получивший условное наименование «Западный теменос». Время его функционирования следует датировать с 540 –530 гг. до н.э. и вплоть до рубежа эр. В позднеархаическое время Западный теменос представлял собой незастроенную территорию (ее исследованная площадь определяется в 350 кв. м), ограниченную с севера и юга нежилыми постройками, а с запада – возведенной в последние два десятилетия VI в. до н.э. крепостной стеной. Восточная граница теменоса пока не определена. На всей территории теменоса исследовано значительное количество небольших зольных пятен с чернофигурными сосудами и ям-ботросов. Одной из них – яме № 19 и посвящена данная статья.

Этот закрытый археологический комплекс был исследован в 2012 г. и находился в восточной части теменоса. Заполнение ямы № 19 состояло из тёмно-коричневого грунта с прослойками пепла и большим содержанием древесных угольков, костей животных, рыб и раковин, а также фрагментов керамики. В заполнении ямы прослеживается слой небольших камней, под который были открыты черепа и кости четырех лошадей. Под черепами трех взрослых особей находились перевернутые кверху дном 3 чернолаковые аттические чаши 2/4 V в. до н.э. Керамический материал из комплекса представлен фрагментами амфор (Хиос, Лесбос, Фасос,

Самос), столовой посуды и несколькими фрагментами лепных горшков. В соответствии с керамическим материалом и общей стратиграфией городища время совершения уникального жертвенно-сакрального обряда жителями Тиритаки следует датировать самым началом второй четверти V в. до н.э.

Культ коня был хорошо известен как в Греции, так и в Скифии. В случае с последней значение коня в жизни скифов, как и других кочевых народов, переоценить невозможно. Геродот указывает, что особое место в жертвоприношениях, производимых скифами, занимают лошади. У греков, судя по данным мифологии, элементы культа коня прослеживаются начиная с середины II тыс. до н. э. Лошадь либо являлась частью ценного имущества, либо служила проводником в другой мир, либо была пищей во время церемониального поминального пира. Археологические свидетельства использования лошади в религиозной практике боспорян тесно связаны с погребальным контекстом. Однако в случае с конским жертвоприношением из Тиритаки его уникальность состоит в месте находки – это священный участок города, функционировавший долгий период времени – с 540-530 гг. до н. э. В заключение статьи представляется модель реконструкции уникального общегородского жертвенно-сакрального обряда, совершенного в Тиритаке около 475 – 470 гг. до н.э. в ознаменование завершения судьбоносного для всех события.

Ключевые слова: Боспор, город Тиритака, Западный теменос, позднеархаический период, жертвенно-сакральный комплекс, культ коня в Греции.

Summary

Based on the analysis of the results of old and new research near the western fortress wall of the Bosporean city of Tyritate, it was found that here, on an area of at least 500 sq. m, there was a sacred site, which received the code name 'Western temenos'. The time of its functioning should be dated from 540-530 BC, and up to the turn of the era. In the late Archaic time, the Western temenos was an undeveloped territory (its explored area is determined to be 350 sq. m.). It was bounded on the north and south not by residential buildings, and from the west, by the fortress wall erected in the last two decades of the 6th century BC. The eastern border of the temenos has not been determined yet. Throughout the entire territory of the temenos, a significant number of small ash spots with black-figure vessels, and pits-bothroi have been explored. This article is devoted to one of them – the pit number 19.

This closed archaeological complex was explored in 2012, and was located in the eastern part of the temenos. The filling of pit No. 19 consisted of dark brown soil with layers of ash and a high content of charcoal, animal bones, fish and shells, as well as fragments of ceramics. In the filling of the pit, a layer of small stones can be traced, under which the skulls and bones of four horses were discovered. There were three black-glazed Attic cups under the skulls of three adults. Those cups dated to the second quarter of the 5th century BC were turned upside down. Ceramic material from the complex is represented by fragments of amphorae (Chios, Lesbos, Thasos, Samos), tableware and several fragments of hand-made pots. In accordance with the ceramic material and the general stratigraphy of the settlement, the time of the performance of a unique sacrificial-sacred rite by the inhabitants of Tyritate should be dated to the very beginning of the second quarter of the 5th century BC.

The cult of the horse was well known both in Greece and in Scythia. In cases with the latter, the

importance of the horse in the life of the Scythians, as well as in the life of other nomadic peoples, cannot be overestimated. Herodotus points out, that horses occupy a special place in the sacrifices made by the Scythians. Among the Greeks, judging by the data of mythology, elements of the cult of the horse can be traced from the middle of the second millennium BC. The horse was either a piece of valuable property, or served as a guide to another world, or could serve as food during a ceremonial funeral feast. Archaeological evidence of the use of the horse in the religious practice of the Bosporans is closely related to the funerary context. However, in the case of the horse sacrifice from Tyritake, its uniqueness lies in the location of the find - this is the sacred site of the city, which functioned for a long period from 540-530 BC. In conclusion, the article presents a model for the reconstruction of a unique citywide sacrificial- sacred rite performed in Tyritake around 470 BC in commemoration of the end of a fateful event for all.

Key words: Bosporus, city of Tyritake, Western temenos, late archaic period, sacrificial-sacred complex, horse cult in Greece.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
zinko@bf-demetra.ru

Котина Алла Викторовна, к. и. н.,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»,
РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50.
allakotina@mail.ru.
+79787775201

Каспаров Алексей Каспарович, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
заведующий лабораторией археологических технологий
Института истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб.,18,
191186, Санкт-Петербург, Россия.
alexkas@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zin'ko Viktor N. , DSc,
Leading Researcher,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History and Archaeology of the Crimea
Prospekt Vernadskogo, 4,
295007, Simferopol,
Russian Federation.
zinko@bf-demetra.ru

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Researcher,
Non-Profitable Foundation Demetra,
Krupskoy st., 50, Kerch, Republican Crimea,
Russia.
allakotina@mail.ru
+79787775201

Kasparov Aleksei, PhD,
senior researcher,
The head of Laboratory
of Archaeological Technologies of
Institut for History of Material Culture
of Russian Academy of Sciences,
Dvortsovaia emb.,18,
191186 St.-Petersburg,
Russia.
alexkas@yahoo.com

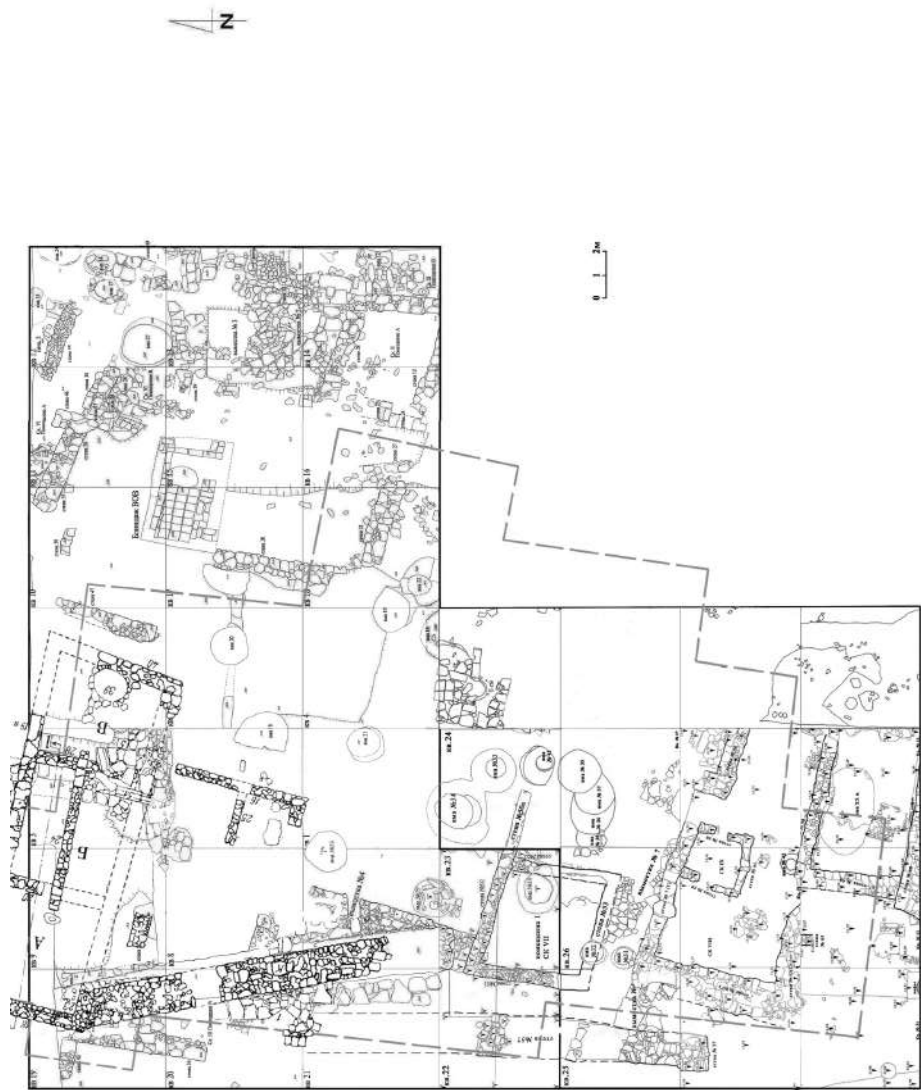

Рис. 1. Сводный план (раскопы XIV и XXVII) теменоса. Границы раскопа В.Ф. Гайдукевича показаны пунктиром.

Рис. 2. Южная и центральная части теменоса на раскопе XXVII, вид сверху. Фото 2018 г.

Рис. 3. Яма-богрос № 19 в процессе расчистки. Уровень костей лошадей. Вид сверху.

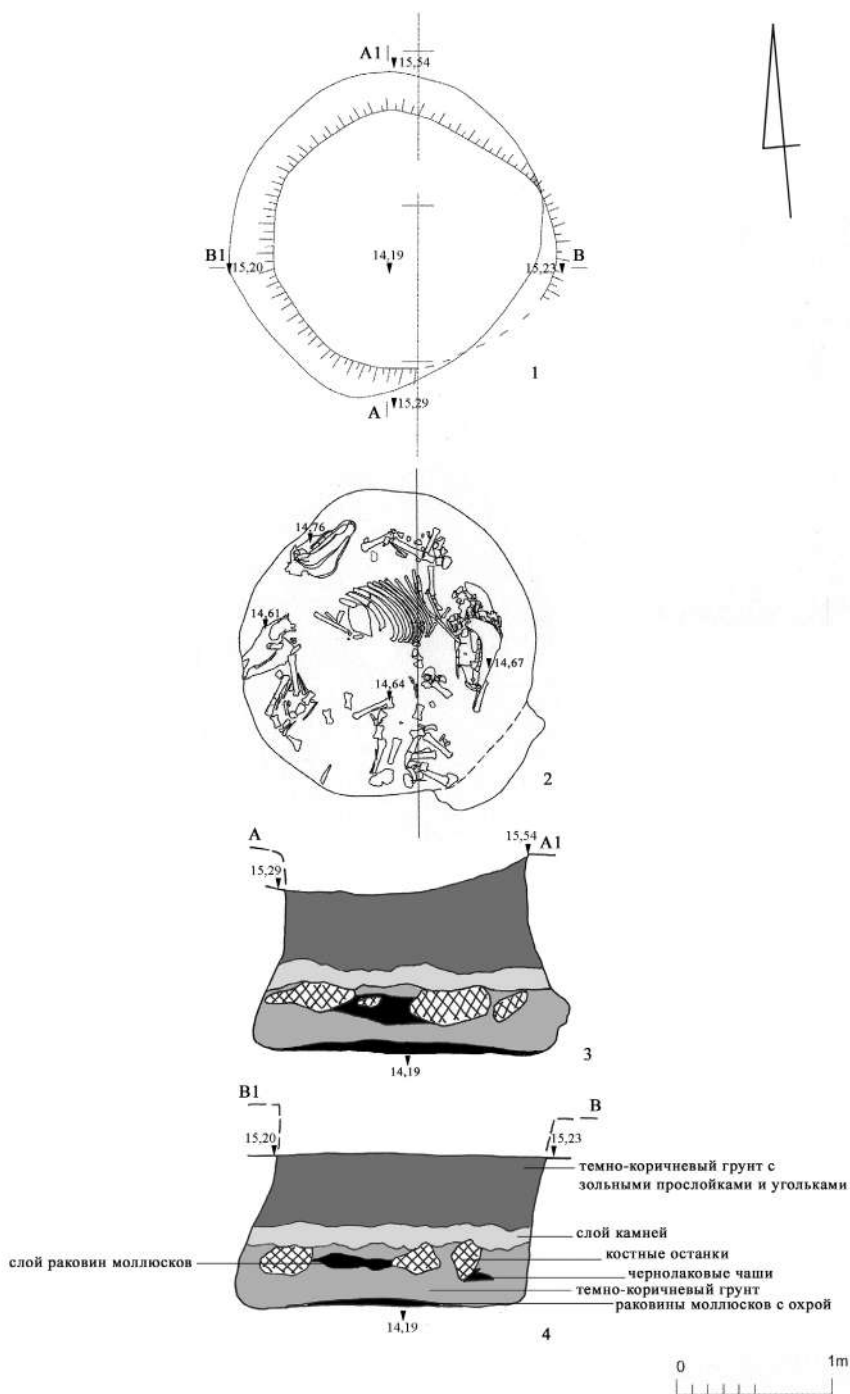

Рис. 4. Планы и разрезы ямы № 19.

Рис. 5. Чернолаковые аттические чаши (1 – 3) и бронзовый наконечник стрелы (4).

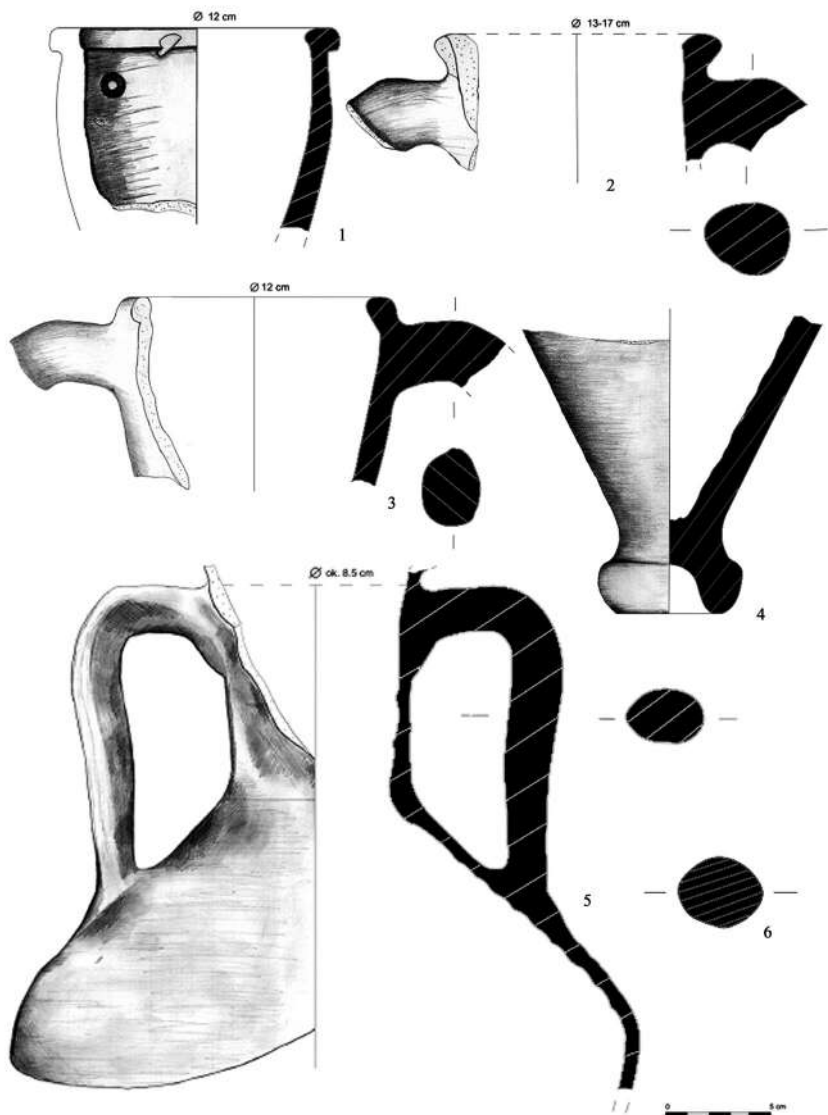

Рис. 6. Фрагменты амфор Хиоса:

- 1 – фрагмент горла пухлогорлой амфоры (тип III-B) с дипинто в виде кольца $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.
- 2 – фрагмент горла воронковидной амфоры (тип II) $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э.
- 3 – фрагмент горла воронковидной амфоры (тип II) $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э.
- 4 – ножка пухлогорлого варианта (тип III-B) $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.
- 5 – верхняя часть (горло с ручками и плечи) амфоры с воронковидным горлом (тип II) $\frac{3}{4}$ VI в. до н.э.
- 6 – ручка пухлогорлого варианта (тип III-B) $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.

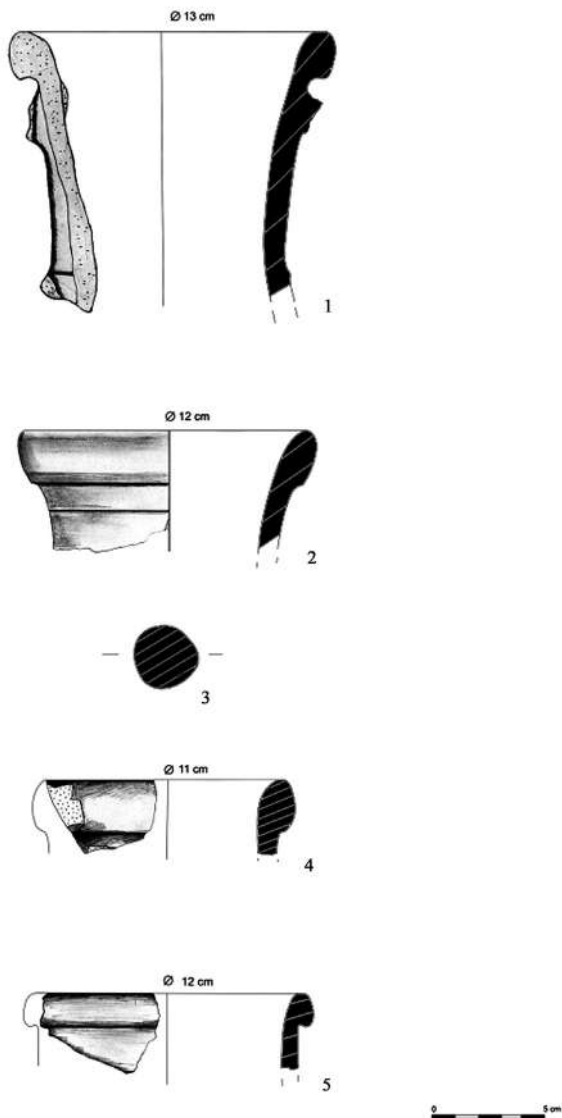

Рис. 7. Фрагменты амфор Лесбос, Самос:

1 – фрагмент горла лесбосской красноглиняной пифоидной амфоры (тип I-A) $\frac{3}{4}$ VI - $\frac{1}{4}$ V в. до н.э.

2 – фрагмент горла лесбосской красноглиняной амфоры (тип I-C) кон. VI – $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.

3 – фрагмент ручки лесбосской красноглиняной амфоры (тип I-C) кон. VI – $\frac{1}{2}$ V в. до н.э.

4-5 – фрагменты венчиков самосских амфор кон. VI – $\frac{1}{2}$ V в. до н. э.

Рис. 8. Фрагменты фасосских, «протофасосских» и амфор «круга Фасоса»: 1-2 – фрагменты горл фасосских амфор $\frac{1}{2}$ V в. до н. э. 3-4 – ножки протофасосских амфор кон. VI – нач. V в. до н. э. 5-6 – фрагменты горл амфор «круга Фасоса» кон. VI – $\frac{1}{4}$ V в. до н. э.

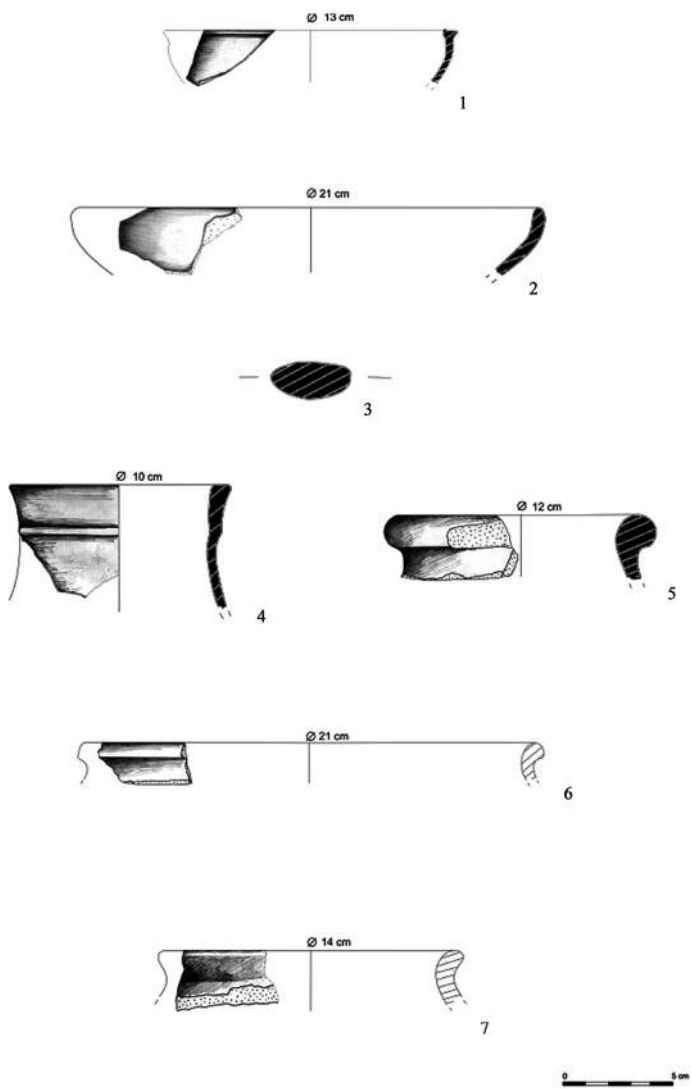

Рис. 9. Фрагменты столовой и лепной керамики:
 1-2 – фрагменты закраин красноглиняных мисок;
 3 – фрагмент ручки красноглиняного кувшина (?);
 4-5 – фрагменты венчиков сероглиняных кувшинов;
 6-7 – фрагменты венчиков лепных горшков.

И. В. ШОНОВ
I. V. SHONOV

МОНЕТНЫЕ ВЫПУСКИ ПАНТИКАПЕЯ 105 – 89 гг. до н. э.

COIN ISSUES OF PANTICAPAEUM 105 – 89 gg. bc.

Исследование Античного Боспора Киммерийского богато давними традициями науки. Эту тему исследовали советские, российские и зарубежные ученые: историки, археологи и эпиграфисты. Теперь же, суммируя их достижения, создалась необходимость продолжить эти исследования, привлекая нумизматический материал Боспора, Херсонеса, Понта и Сирии 105 – 88 гг. до н. э. Данная статья является продолжением моего исследования монограмм на монетах Боспора и Херсонеса Таврического II-I вв. до н. э. В этой работе будут рассмотрены монеты Боспорского царства 105 – 89 гг. до н. э. Исследование монограмм на этих монетах и их расшифровка позволяют продолжить тему о селевкидском влиянии на Боспорское царство и Херсонес.

Как мы знаем из научной литературы, включение Боспора в состав Понта произошло после разгрома скифов Савмака в 107-106 гг. до н. э. Смерть последнего Перисада и пленение Савмака, т. е. отсутствие царя, подвластного Митридату VI, изменили условия предполагавшегося объединения [Молев, 2017, с. 122]. Ранее считалось, что Боспор после разгрома армии Савмака не мог претендовать на роль вассального государства [Орешников, 1888, с. 100]. Д. Б. Шелов предполагал обособленное существование Боспора в рамках Понта, возглавляемым особым наместником царя, роль которого выполняли дети Митридата VI Евпатора [1985, с. 567]. Е.А.Молев опроверг данное предположение, т. к. в силу своего юного возраста сыновья Митридата VI Евпатора не могли править царством сразу после его подчинения. Самое раннее упоминание об управлении царством сыном Митридата VI относится к 87-86 гг. до н.э., имя которого Аркафий [Plut. Sulla. 11]. Предположение С.Ю.Сапрыкина, который ссылается на сообщение Плутарха и Аппиана о восстании в Колхиде и выдвижении сына Митридата VI Евпатора по имени Митридат, как самого старшего наследника на престол Боспора [Сапрыкин, 1996, с. 177], не подтверждается никакими фактами [Молев, 2017, с. 123]. Наиболее интересным является мнение В. Ф. Гайдукевича, рассматривавшего Боспор в составе Понта как сатрапию [1955, с. 124]. Несмотря на мнение Н. А. Фроловой о том, что метод определения принадлежности монет по монограммам, буквенным обозначениям и типам не может быть приемлем [1992, с.217], необходимо уделить особое внимание именно монограммам. Отсутствие четких указаний источников по этим вопросам, а именно документов, которые свидетельствовали об обособленном положении Боспора в составе Понта, заставляет

отнестись к монограммам на монетах Боспора этого времени с особым вниманием. На сегодняшний день расшифровка этих монограмм является единственным, что может пролить свет на историю Боспорского царства и Херсонеса Таврического в исследуемый период.

Денежное обращение Боспора времени до Митридатовых войн с Римом состоит из целого корпуса разных монет из серебра и меди. Эти монеты чеканились в Пантикапее от имени городов Боспора: Пантикапея, Фанагории, Горгиппии, а также боспорские монеты с символикой Херсонеса Таврического, который в 106 г. до н. э. вошел в состав Боспорского царства [Молев, 2017, с. 241].

Ко времени, после победы над Савмаком, о которой мы узнаем из надписи на пьедестале статуи Диофанта – полководца Митридата VI Евпатора [Latyschev., 1916, Vol. I. 2], можно отнести медные оболы типа «голова Посейдона вправо – прора корабля влево, внизу ПАНТИКА | ПАΙΤΟΝ» и датировать его 105 г. до н. э. (табл. 1, 1). Монета из коллекции Stancomb Collection. Roma Numismatics Ltd. Auction XIX. Lot 121. Вес 19,49 г. Ранее Е. А. Молев отмечал, что, вероятней всего, статуя Митридата в Нимфее была установлена сразу после побед Неоптолема около 106-105 гг. до н. э. [1980, с. 43-44].

Эти монеты впервые были опубликованы А. Н. Зографом и датированы концом II-началом I в. до н. э. [1951, табл. XLIII, № 1, с. 246]. Ученый отмечал, что наиболее ранняя группа монет, битых при Митридате VI Евпаторе, соответствует третьей группе классификации Имхоф-Блумера и относится к концу II-началу I в. до н. э. Данные оболы очень близки по фактуре и стилю оболам городов Понта типа «голова Зевса – орел». Исследователь ошибочно причислял к данному типу тетраخالки типа «Артемиды – лежащая лань», а также мелкую медь типа «Афина – трезубец». Он отмечает, что в это время Фанагория чеканит свои монеты типа «голова Артемиды – лежащая лань, ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΟΝ» [Зограф, 1951, с. 186].

К. В. Голенко датирует данный тип 100-90 гг. до н. э., что соответствует рамкам его хронологического бытования [1960, с. 35]. В. А. Анохин датирует этот медный обол 107 – 100 гг. до н. э. [1999, с. 106, рис. 27, № 3], ошибочно объединяя эту медь с выпусками серебра в виде драхмы и гемидрахмы [1999, рис. 27, № 1, 2]. В. А. Анохин в изображении головы Аполлона на гемидрахме видит Диониса, что ошибочно, поскольку изображения на аверсе и реверсе этого серебра традиционно связаны с символикой Спартокидов [1999, рис. 27, № 2]. В монетной иконографии Митридатидов (Ахеменидов) эти изображения не встречаются.

Второй тип этой монеты, чеканенной в Пантикапее, имеет две звезды на реверсе (табл. 1, 2). Данная монета – вес 17,52 г. [Шонов, 2019. Табл. XXXIX, № 351]. Это может указывать на последующий выпуск данной медной эмиссии в 104 г. до н. э. К нему примыкает такой же тип медного обولا, принадлежащий к Фанагории (табл. 1, 4), который впервые опубликовал В. А. Анохин и датировал 107 – 100 гг. до н. э. без комментариев [2011, с. 168-169, № 117]. Этот медный обол имеет те же изображения, что и обол Пантикапея. На фанагорийских оболах имеются две восьмиконечные звезды

над пророй корабля, что, возможно, указывает на верховную царскую власть в лице боспорского ставленника. К данной серии оболов примыкает младший номинал – пантикапейский тетрахалк (табл. 1, 3), который обозначен одной звездой, по всей видимости, отличающей номинал. Частная коллекция, вес 8,15 г.

Как было отмечено выше, эти монеты могут быть связаны с морской победой, о которой известно из сообщения Страбона [Strabo., VII. 3, 18]. Это могла быть победа митридатовского полководца Неоптолема над варварами в Керченском проливе, произошедшая летом неизвестного года. Из записей географа Страбона можно понять, что война длилась около года и в ней были задействованы флот Митридата VI Евпатора, флот боспорцев и корабли варваров. В устье Тираса (Днестр) находилась Неоптолемова башня [Strabo, VII. 3, 16], где, по-видимому, понтийский стратег также одержал одну из своих побед. Зимой в конной стычке Неоптолем также разбил варваров [Strabo, VII. 3, 18]. Эта битва, по-видимому, была с бастардами, которая произошла в последнее десятилетие II в. до н. э. [Gaidukevič, 1971, s. 318; Молев, 1976, с. 46]. Понтийцы выиграли эти войны, так как по данным источников в 89 г. до н. э. посол Митридата VI Евпатора Пелопид оповещал римлян, что бастарны и сарматы вошли в число друзей Митридата VI Евпатора [App. Mithr. 15; Justin. XXXVII. 3. 5]. Ранее данную серию монет я датировал 104 г. до н. э. [Шонов, 2019, с. 255].

К 103 г. до н. э. можно отнести боспорские драхмы типа «голова Диониса вправо – лань вправо, тирс, сверху и снизу надпись ΠΑΝΤΙΚΑ/ΠΑΙΤΩΝ или ΓΟΡΓΙΠ/ΠΕΩΝ». Первые серебряные драхмы Пантикапея – вес 3,63 г. [Roma Numismatics Ltd. Auction XVIII. Lot 38.] (табл. 1, 5) и Горгиппии – вес 3,89 г. [Бурачков, 1884, таб. XXIII, рис.2] (табл. 1, 6) этого времени не несут на своих реверсах никаких монограмм, что вполне согласуется с филэллинской политикой царя. Выпуск монет Пантикапея, Горгиппии, а также участие в изображениях этих монет иконографии Херсонеса (голова Артемиды, лань), может указывать на предоставление этим городам внутренней автономии. По мнению ученых, такие права могли быть предоставлены другим городам Боспора, таким как Гермонасса, Танаис, Феодосия, Нимфей [Vinogradov, 1993, p. 143; Молев, 2017, с. 126]. В нумизматике этого периода все эти города не отмечены какими-либо выпусками монет, что наталкивает на более скромные выводы. Эти выводы можно аргументировать появлением у городов классических полисных органов власти (совета и народа), о чем свидетельствуют надписи из Горгиппии и Фанагории [Сапрыкин, 1986а, с. 72; Виноградов, 1991, с. 16]. Несомненно, к ним примыкает Пантикапей. Исходя из этого, можно предположить, что после войны за Боспор был создан союз Понта, Сирии, Боспора, Херсонеса, символизирующий политическую систему государств этих регионов против Рима.

К 102 г. до н. э. можно отнести чеканку пантикапейских монет, вес 8,27 г. (табл.1, 8) и фанагорийских, вес 7,09 г. [Jencek Historical Enterprise, Inc.] (табл. 1, 7) тетрахалков типа «голова Артемиды вправо – лежащая лань влево, внизу ΠΑΝΤΙΚΑ/ΠΑΙΤΩΝ или ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΟΝ». Тетрахалки не имеют на своих ревер-

сах никаких монограмм, но херсонесская символика в виде Артемиды и лани позволяет предполагать, что в 103-102 гг. до н. э. Боспором управлял Антиох VIII Грип.

Приблизительно в 101 г. до н. э. для Фанагории чеканится медный тетрахалк с той же иконографией, что и предыдущий выпуск (Артемиды – лань). На реверсе этой монеты появляется монограмма **Α**, которая в античной нумизматике причисляется к селевкидским царям с именем Антиох. Монет с этой хорошо читаемой монограммой пока известно две. Одна опубликована в книге В. А. Анохина [1986, табл. 77, № 194а]. Вторая известная монета происходит из частной российской коллекции, вес 6,50 г. (табл. 1, 9). К данному времени к монограмме **Α** подходит имя Антиоха VIII Грипа. Очевидно, что Митридат VI после всех военных событий в 105 г. до н.э. возвращает Антиоха VIII Грипу и его сыновьям [Шонов, 2021, с. 452-453] доходы и экономическое влияние на Боспоре и, скорее всего, в Херсонесе. Исключительная чеканка этих монет только для Фанагории может указывать на то, что центром этой власти был этот город и ставленник Антиоха VIII, по-видимому, управлял Боспором и Херсонесом из Фанагории. Бюст сирийского царя Антиоха VIII Грипа находился в галерее союзников и друзей Митридата VI Евпатора в Делосском герооне, построенном жрецом Гелианактом [Durrbach, 1921, p. 221, N 136 g= ID. 1576]. Этот бюст поставлен задолго до 102 г. до н. э. Скорее всего, это произошло в конце 106 г. до н.э., после подавления восстания Савмака, в котором, по-видимому, участвовали вспомогательные войска Антиоха VIII на стороне Митридата VI. Эти войска Антиох VIII получил от Клеопатры II для борьбы против Птолемея Лафура и Антиоха IX [Бивен, 2011, с. 373; Юстин, XXXIX, 4]. По-видимому, после всех этих событий, царь царей Митридат VI Евпатор сохраняет за Селевкидами их сатрапию – Боспор и Херсонес. Скорее всего, в договоре было отмечено, что после смерти Антиоха VIII и его наследников сатрапия Боспор и Херсонес остаются за Ахемендами.

К 100 г. до н. э. можно отнести тетрахалки с новой иконографией типа «голова Диониса в венке вправо – венки, над ним монограмма ΠΑΝ - ΤΙΚΑ/ΠΑΙ – ΤΩΝ» (частная коллекция, вес 4,61 г). Эти пантикапейские тетрахалки на своих реверсах имеют две монограммы **ΜΕ ΠΘ** (табл. 1, 10). Очевидно, что монограмма **ΜΕ** может принадлежать сирийскому царю Антиоху VIII Грипу. Несмотря на то, что ранее предполагалось видеть в этой монограмме имя понтийского царя Митридата VI Евпатора [Анохин, 1986, с. 75], монограмма обозначает третье имя Антиоха VIII – Филометор. Монограмма присутствует на сирийских тетрадрахмах и драхмах Антиоха VIII [Houghton, Catherin, Oliver, 2008, pl. 47, № 2288. 1b; № 2286. F; № 2289. 1a]. Вторая монограмма **ΠΘ** может принадлежать сыну Антиоха VIII – Селевку VI и обозначать его прозвище – Эпифан. На монетах Сирии времени правления Селевка VI Эпифана эта монограмма отсутствует. Но модификации этой монограммы присутствуют у других сирийских правителей с прозвищем Эпифан. Как пример, Антиох IV Эпифан [Houghton, Catherin, Oliver, 2008, p.474 – 476]. По-видимому, в 100 г. до н. э. Антиох VIII Грип прочил в свои сопра-

вители своего сына – Селевка VI Эпифана, но в следующем 99 г. до н. э. планы Антиоха VIII изменились. Селевк VI Эпифан по каким-то неизвестным причинам был заменен на другого сына – Деметрия III Эвкера.

К 99 г. до н. э. могут относиться тетраخالки этого типа с двумя монограммами **MEIA** [forum.violity.kiev.ua] (табл. 1, 11). Первая монограмма, как было сказано выше, относится к Антиоху VIII Филометору Грипу. Вторая монограмма принадлежит его сыну Деметрию III Эвкеру. В 2019 году в очередной раз был поднят вопрос о монограммах на монетах Боспора. В частности, о монограмме **IA** на золотом статере и драмах архонта Гиgienонта. Данная монограмма относилась к теофорному имени Деметрия и была широко распространена в нумизматике III – I вв. до н. э. [Сидоренко, Шонов, 2019, с. 507 – 510]. Впоследствии было определено, что монограмма на монетах архонта Гиgienонта принадлежит македонскому царю Деметрию II [Шонов, 2020, с. 105-106]. Несомненно то, что полное имя Деметрия на монетах Боспора могло ставить лицо только царского рода. У Ахеменидов имя Деметрий в их царских именниках не встречается. Македонская династия к I в. до н. э. выродилась, а остатки ее отпрысков находились под властью Рима [Шофман, 1963, с. 269 – 275]. Из эллинских династий остаются только Селевкиды, где имя Деметрий входило в ее царский именник. Из всех Селевкидов Деметриев к изучаемому типу монет может относиться только Деметрий III Эвкер.

К 98 г. до н. э. можно отнести тетраخالки того же типа с монограммами Антиоха VIII Филометора – **ME** и Деметрия III Эвкера – **KOP**, вес 5,71 г. [Munzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin] (табл. 1, 12). О Деметрии III известно очень мало. Деметрий III был царем Дамаска в 95 – 88 гг. до н. э. Он был сыном Антиоха VIII и Трифаены. Когда погибли его отец и брат Селевк V, царь Египта Птолемей VIII провозгласил Деметрия царем Дамаска, а после того как в битве с парфянами погиб сирийский царь Антиох X, Деметрий и его брат Филипп разделили власть в Сирии [Флавий: «Иудейские древности; 13; 13; 4]. Деметрий III вел войну в Израиле, но не очень удачно. После чего он пошел войной на своего брата Филиппа. Филипп призвал на помощь арабов и парфянского царя Митридата Синака. После чего Деметрий был пленен. Умер этот правитель от болезни в плену [Флавий: «Иудейские древности; 13; 14; 1-3]. Жизнеописание этого правителя очень скудно на факты и даты. Известно, что Антиох VIII, чтобы заручиться симпатией жречества, отдает храму Зевса в Бэтокаке, на южной границе Апамейской сатрапии, территории, которыми ранее владел некий Деметрий, что известно из сохранившейся надписи: ἐντοῦρουῶνα τῆς περὶ Ἀπάμειαν σατραπείας – ‘на доходы от сатрапии вокруг Апамеи’ τοῦδρουον = красис τὸ ἔργον – ‘прибыль’, ‘доход’ [Bradford Welles, 1934, 70; Ранович, 1950, с. 161]. По-видимому, ранее с этих территорий собирал прибыль тогда еще принц Деметрий III Эвкер. Скорее всего, после передачи этих территорий храму Зевса в Бэтокаке, Деметрию, который являлся четвертым сыном Антиоха VIII Грипа, для получения дохода были отданы земли Селевкидской сатрапии Боспора. Все это происходило до принятия власти над Боспором Митридатом VI. Это подтверждает более раннее производство мегарских

чаш с именем Деметрий [Внуков, Коваленко, 1998, с. 61 – 76]. Очередная из этих чаш найдена на распаханном поселении Узун-Сырт вблизи Коктебеля (рис. 1), которые можно отнести к Деметрию III Эвкеру [Шонов, 2021, с. 453].

К 97 г. до н. э. можно отнести тетраخالки этого же типа с монограммой , вес 9,73 г. [Munzkabinett, Staatliche Museen zu Berlin] (табл. 1, 13), которая также относится к Деметрию III, обозначая его третье имя Филопатр (любящий своего отца). Ее новая модификация, скорее всего, связана с выходом новой серии тетраخالков. Если хозяин этой монограммы другой правитель из рода Селевкидов, то данный тетра-халк можно относить к 94 г. до н. э.

В 96 г. до н. э. выходит еще одна серия медных монет данного типа с новой модификацией данной монограммы , вес 8,04 г. [Bibliothèque nationale de France. Notice n°: FRBNF41830024] (табл. 1, 14), которую можно отнести к сирийскому принцу Деметрию III Эвкеру. В эллинистических государствах III – I вв. до н. э. существовали государственные посты, такие как визирь «Поверенный в делах», главный канцлер, министр правосудия-архидикаст. Также был пост главного контролера финансов. У Селевкидов он назывался «Поверенный в доходах». Селевкиды сохраняли персидскую систему сатрапии, увеличивая количество сатрапии, получая от каждой из них доходы. Очевидно, что одним из таких поверенных и был Деметрий III [Левек, 1989, с. 48-49].

Издrevле между населением Понта и греками существовали контакты. Понтийские правители хорошо осознали, что эллины очень образованы и проворны в государственных делах. Цари привлекали на свою сторону греков, которые для них были незаменимы в делах управления страной. Митридат VI устанавливал контакты со многими властелинами Переднего Востока, а также с царями Египта и Сирии. При этом Митридат VI организовал управление своего государства по эллинистическому образцу [Бенгтсон, 1982, с. 292, 293, 299, 309]. По всей видимости, царская семья Митридата Евпатора могла состоять из потомков Селевкидов, а именно их жен и родственников по материнской линии. По линии матери родословная Митридата была селевкидской. Его мать была дочерью Антиоха IV Эпифана [Бенгтсон, 1982, с. 293]. Одного из главных помощников Антиоха III, по имени Антипатр, Полибий называет «племянником царя». Его родство с династией могло быть только по материнской линии, дочери Антиоха II. После смерти Селевка III царский род представлял Ахей. Но он был кузеном царей только благодаря браку. Селевк I относился к своим племянникам, сыновьям своей сестры Дидимеи, как к принцам [Бикерман, 1985, с. 25]. Исходя из этого, можно предположить, что Деметрий III был племянником матери Митридата VI и кузеном самого Митридата VI по материнской линии и по традиции был призван на службу до своего царствования в Сирии, а именно до 99 г. до н. э. с сохранением какой-то части доходов с Боспора. Очевидно, что львиная доля доставалась Антиоху VIII Гриму и Митридату VI Евпатору.

К 95 г. до н. э. можно отнести тетраخالки этого же типа с двумя монограммами, вес 8,77 г. [из собрания ГМИ им. А.С. Пушкина Инвентарный №20414] (табл. 1, 15).

Одна из которых Т относится к царю Армении – Тиграну Великому. Вторая к селевкидскому принцу – Селевку VI Эпифану. К этому же году можно отнести перечеканку оболов Пантикапея типа «Посейдон – прора», вес 13,36 г. [forum.violity.com] и пантикапейских тетраалков типа «Артемида – лань», вес 7,69 г. [CNG 61, Lot: 512. Closing Date: Sep 25, 2002] (табл. 1, 16-17). Монеты, чеканенные при Антиохе VIII, зачеканены надчеканкой колос, который зачастую любили ставить на своих монетах цари Сирии [Шонов, 2019, с. 97 – 99]. 95 г. до н. э. очень богат на события в Сирии и Армении, после чего судьбы правителей этих государств переплелись в борьбе за власть и территорию. В этом году трон царя Армении опустел [Рыжов, 2001, с. 351 – 354]. Царевич Тигран выкупил свою свободу у парфян и возведен ими, а возможно, и Митридатом VI, на трон [Страбон, XI, 14, 15; Дьяконов, Неронова, Свеницкая, 1989, с. 399 – 414]. В 95 г. до н. э. советник Гераклеон – муж Сенанотис, порывался захватить власть у царя Антиоха VIII, но, потерпев неудачу, убивает его [Шонов, 2022, с.165]. В этом же году началась война между Антиохом IX и старшим сыном Антиоха VIII – Селевком VI Эпифаном [Rawlinson, 1899, 8]. Что, по-видимому, придавало Тиграну желание осуществить свои замыслы – подчинить себе Сирию.

В 94 г. до н. э. Тигран II официально заключил военно-политический союз с Митридатом VI Евпатором, породнившись с ним, женившись на его дочери Клеопатре [Рыжов, 2001, с. 352]. По-видимому, в этот год Тигран очень нуждался в Митридате VI Евпаторе. Скорее всего, по требованию Митридата VI Тигран отложил помыслы завоевать Сирию, тем более что в этом году умирает Селевк VI (по-видимому, протеже Тиграна), оставив все влияние на Боспор Деметрию III Эвкеру. К этому году можно отнести оболы Горгиппии типа «голова Мена вправо – стоящий Дионис с тирсом, слева пантера» [Новороссийский исторический музей-заповедник. Номер по КП (ГИК): НМ 3105/50] (табл. 1, 18). На реверсе монеты изображены две монограммы: слева – монограмма – Деметрия III Эвкера, справа – монограмма , возможно, принадлежащая его брату Филиппу I Филадельфу. При условии, что Филипп I, как и Деметрий III, имел третье имя – Филопатр. Как подтверждение, данная монограмма встречается на тетрадрахмах его отца Антиоха VIII Грипа [Houghton, Catherin, Oliver, 2008, P. 47, № 2290, P. 48, 2323. 5a]. Полное исчезновение монограммы Филиппа I Филадельфа на пантикапейских оболах может объясняться войной, начавшейся в 93 году до н.э. между сыном Антиоха IX, по имени Евсебис, и Филиппом, сыном Антиоха VIII [Rawlinson, 1899, 8]. После победы Филиппа Сирия отходит ему. А влияние на Боспор, по-видимому, остается за Деметрием III, что подтверждают монеты. Возможно, что монограмма принадлежит Антиоху X Филопатору. В 94 г. до н. э. Антиох X стал царем в Арвадосе и женился на своей мачехе Клеопатре Селене [Dumitru, 2016, p.262-263]. После этого Антиох X (годы правления 95 – 83 гг. до н. э.) спокойно правит в Антиохии, северной Сирии и Киликии. Филипп I и Деметрий III правили Верией и Дамаском [Ehling, 2008, p. 239]. Если это так, то это может указывать на то, что в жизни двух враждующих родственных династий Селевкидов были мирные годы.

Приблизительно в 93 г. до н. э. выходят медные оболы типа «голова Мена вправо – стоящий Дионис с тирсом, слева пантера» от имени трех городов: Пантикапея [Roma Numismatics Ltd., E-Sale 41. Lot 213, вес 16,89 г, Фанагории (British Museum. Registration number: 1995,0605.174, вес 17,87 г.)] и Горгииппии (частная коллекция, вес 18,44 г). Все монеты на своих реверсах, внизу справа от Диониса, имеют монограмму Деметрия III Эвкера (табл. 1, 19-21). Как правило, все монеты перечеканены на типе «голова Посейдона вправо – прора, внизу надпись ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ или ΦΑΝΑΓΟΡΙΤΩΝ». А. Н. Зограф датирует эти оболы 100 – 75 гг. до н. э. [1951, с. 186-187]. В. А. Анохин датирует их 90 – 83 гг. до н. э. [1999, с. 106-107, рис. 27, № 12, 20].

Приблизительно в 92 г. до н. э. на Боспоре чеканится драхма с херсонесской символикой типа «голова Артемиды – лань, сверху и снизу надпись ΠΑΝΤΙΚΑ-ΠΑΙΤΩΝ» [Анохин, 1986, с. 145, № 199]. Монограмма Деметрия III новой модификации на реверсе этих монет, изображена двух типов – сверху [Classical Numismatic Group, Inc. The Coin Shop, вес 3,84 г] и сбоку слева [staraya-moneta.ru, вес. 3,80 г] (табл. 1, 22-23), что может указывать на две серии этих монет в этом году.

По-видимому, в следующем 91 г. до н. э. выходят тетраخالки того же типа с монограммой Деметрия III (табл. 1, 24-27). Тетраخالки выпущены от имени трех городов Боспора: Пантикапея [Heidelberger Munzhandlung Herbert Grun e.K. Auction 53 (20.05.2010). Lot 66, вес 7,23 г; частная коллекция, вес 7,92 г], Фанагории (частная коллекция, вес 10,30 г) и Горгииппии (частная коллекция, вес 6,85 г). Монеты этого типа А. Н. Зограф датирует 100 – 75 гг. до н. э. [1951, с. 248]. В. А. Анохин датирует эти монеты 90 – 83 гг. до н. э. [1999, с. 106-107, рис. 27, № 13, 18, 21]. Расположение монограммы на всех медных монетах справа от треножника. Лишь монеты Пантикапея имеют вторую разновидность расположения монограммы – слева от треножника. Это указывает на две серии этого выпуска и количественное превосходство этих монет. Сохранение монограммы Деметрия без изменений с 94 г. до н. э. указывает на стабильную принадлежность Боспора Деметрию III Эвкеру. Отсутствие каких-либо других монограмм на монетах Деметрия III, а также исключение других модификаций монограмм этого царя до 89 г. до н. э., указывает, что у этого правителя с 94 по 89 г. до н. э. не было конкурентов.

К 90 г. до н. э. можно отнести дидрахмы от имени трех городов: Пантикапея [Gorny & Mosch Giessener Münzhandlung Auction 147 (07.03.2006) Lot 1137, вес 8,28г], Фанагории [Ashmolean Museum, вес 9,12 г.] и Горгииппии [Gorny & Mosch Giessener Munzhandlung Auction 146 (06.03.2006). Lot 118, вес 8,83 г] (табл. 1, 28 – 30). Понтийская иконография аверса этих дидрахм такая же, как и у тетраخالков с изображением головы Диониса, как тотемного божества Митридата VI, вправо. Реверс в виде плющевого венка, который встречается на крупных серебряных тетрадрахмах Понта, ходивших на денежном рынке малой Азии в конце II в. до н. э. [McGing, 1986, 90; Carbone, 2021, 6]. Эти крупные серебряные монеты Митридата VI редко встречаются на Боспоре, не смешиваясь с монетами внутреннего рынка. Лишь после отступления митридатовских войск с Понта на

Боспор эти монеты в изобилии стали участвовать в денежном обращении Боспора [Абрамзон, Новичихин, Сапрыкина, Смекалова, 2021, с. 9].

Датировки исследователей этих монет различны. Price M. чеканку этих монет связывал с периодом подготовки к первой войне с Римом [1968, р. 4,5]. Позднее В.А.Анохин присоединился к этому мнению, утверждая, что чеканка этих монет была предпринята во время первой войны с Римом [1986, с. 75].

А. Н. Зограф датировал эти дидрамы 100 – 75 гг. до н. э. [1951, с. 246, табл. XLIII, № 5, 6, 7].

В. А. Анохин датирует данный выпуск 85 – 70 гг. до н. э. [1986, с. 75]. Эти же датировки присутствуют у ряда исследователей [Абрамзон, Новичихин, Сапрыкина, Смекалова, 2021, с. 13; 2021, с. 416-417].

Фр. де Каллатай датирует выпуски дидрахм 85 – 70 гг. до н. э., предполагая, что эта эмиссия предназначалась для военных нужд [2007, 285-286]. Аргументация Фр. де Каллатай базируется на точном подсчете количества штемпелей и возможности ими чеканить количество дидрахм. И уже, исходя из этих данных, делать необходимые выводы для изучения данной эмиссии. Но, по мнению Т. Баттри, эти подсчеты невозможны [2011, 106, 111], что подтверждает ошибочные датировки Фр. де Каллатай.

В данных исследованиях датировки всех перечисленных авторов условны и по понятным причинам меня не устраивают. Ранее поддерживаемое мной мнение о том, что монограммы на серебряных и медных монетах Боспора принадлежат Митридату VI Евпатору [Price, 1968, 4, 5; Анохин, 1986, с. 75; Шонов, 2019, с. 257 – 261], вряд ли правдоподобно. Лишь один К. В. Голенко указывал, что монограммы на драмах и дидрахмах принадлежат одному и тому же лицу, хотя какому, он не назвал [Голенко, 1965, с. 144]. Несмотря на все эти исследования, отмечу, что на монетах Боспора до 89 г. до н. э., монограммы самого Митридата VI Евпатора и его детей отсутствуют полностью.

Введение крупного номинала серебра на Боспоре, якобы в конце 80 г. до н.э., К. В. Голенко объяснял нехваткой серебряных монет [1965, с. 153]. Но, на мой взгляд, необходимо вспомнить, что серебряные эмиссии всегда зависели от золотых эмиссий. В IV в. до н. э. начался выпуск золотых статеров Филиппа Македонского [LeRider, 1977, р. 422 – 426]. После Филиппа его сын Александр, захватив золото Ахеменидов, чеканит огромную эмиссию золотых статеров [Seltman, 1955, р. 204 – 206]. Эту финансовую политику с первой четверти III в. до н. э. продолжали диодохи. В Причерноморье золотые статоры Византии выпускались с монограммами македонских и селевкидских царей. Количество золота на денежном рынке достигает своего максимума и вытесняет из сферы торговли монеты из серебра. Но это никогда не было осуществлено полностью. Серебряные монеты становились более тяжелыми в номиналах. В районах с интенсивной розничной торговлей (к которой относился Боспор) по-прежнему использовались мелкие номиналы серебра [Reinach, 1902, р. 41 – 43]. Таким обра-

зом, увеличение номинала серебряных монет объясняется крупными сделками в регионе. А отсутствие их ведет к уменьшению крупной торговли, минуя данный регион через посредников, а значит, отсутствие крупных номиналов серебра. Во время войны с Римом или подготовки к ней отдаленный регион Боспор становится более значимым, экономически безопасным для поддержки понтийской армии и военных планов Митридата VI [Зограф, 1951, с. 185-186]. Можно сделать вывод, что изучаемые монеты Боспора с понтийской иконографией и монограммами селевкидских правителей, которые финансировали данные выпуски, указывают на политическую систему государств ближневосточно-причерноморского региона в борьбе против Рима в конце II-I вв. до н. э.

Исходя из всего вышесказанного, все монеты с монограммой Деметрия III Эвкера Филопатора чеканятся в рамках 94 – 90 гг. до н. э.

К следующему 89 г. до н. э. можно отнести драхму без этника. Это серебряная драхма с именем ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ [eu Numismatik AG Web Auction 2016, July 2022, Lot number: 380, вес. 3,37 г.] (табл. 1, 31). Для данного типа монет К.В. Голенко находит убедительные аналогии в выпусках монет боспорских городов с изображением Диониса. Но, несмотря на это, также относит эту драхму к чеканке Херсонеса, датируя ее 100-90 гг. до н. э., а отсутствие названия города на драхмах связывает с ущемлением прав последнего [Голенко, 1964, с. 46]. В. А. Анохин также относит эту драхму к херсонесской нумизматике на основании типового сходства реверса. Исследователь, как и К. В.Голенко, датировал эту драхму 100-90 гг. до н. э. [Анохин, 1977, с. 147, табл. XII, 191]. Позднее датировка была изменена на 90-80 гг. до н. э. [Анохин, 2011, № 817]. При всем при этом в дальнейшем было отмечено, что этот серебряный тип монет в находках встречался только на Боспоре [Сидоренко, Шонов, 2019, с. 510]. Изучение этих серебряных монет с именем Деметрия продолжалось. Благодаря фиксации находки в кладе этих монет я пришел к выводу, что эти драхмы следует относить к чеканке Пантикапея [Шонов, 2020, с. 415 – 417].

После восстания Савмака и гибели последнего Перисада V Селевкиды остаются на стороне своего союзника Митридата VI. Им были оставлены их исконные сагрэпии – Боспор и Херсонес.

Исходя из вышесказанного, драхму с именем Деметрия можно датировать 89 г. до н. э., когда Деметрий III уже стал царем Дамаска, что и объясняет отсутствие этника и саму херсонесскую символику на данной драхме. Отсутствие на драхме титула Деметрия указывает на то, что этот сирийский правитель соблюдает старую традицию со времен Александра Великого, когда царь обозначал на своих первых монетах свое имя без титула. Это был последний год чеканки Деметрия III Эвкера.

Прекращение чеканки монет этого правителя на Боспоре и в Сирии можно связывать с его пленением парфянами в конце 89 г. до н. э. Приблизительно в это же время начинается первая война Митридата VI Евпатора с Римом [Badian, 1976, p. 109]. В 88 г. до н. э. Деметрий III Эвкер умирает в плену от болезни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н.* Клад боспорских дидрахм из станицы Фонталовская (IGCH 1143): жалование наемников эпохи Митридатовых войн? – Москва. 2021. Институт археологии РАН. 168 с.
- Абрамзон М. Г., Новичихин А. М., Сапрыкина И. А., Смекалова Т. Н.* Жалование гарнизона наемников эпохи Митридатовых войн: Фонталовский клад (IGGH 1143) // МАИЭТ. Вып. XXVI. – Симферополь: Соло Рич, 2021. С. 411 – 423.
- Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса: (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). АН УССР. Ин-т археологии. - Киев: Наукова думка, 1977. 175 с.
- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора в VI – II вв. до н. э. – К.: Наукова думка. 1986. 179 с.
- Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. – К.: Одигитрия, 1999. – 249 с.
- Анохин В. А.* Античные монеты Северного Причерноморья: Каталог. – К.: Изд-во «Стилос», 2011. 328 с.
- Аппиан.* Римская история. Первые книги / Пер. с греч. А. И. Немировского. СПб.: Алтея, 2004. 288 с.
- Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. Изд-во «Наука». Москва. – 1982. 390 с.
- Бивен Э.* Династия Птолемеев. История Египта в эпоху эллинизма. Центрополиграф. 2011. 447 с.
- Бикерман Э.* Государство Селевкидов / Пер. с франц. Л.М. Глускиной. М.: Наука, 1985. 264 с.
- Бурачков П. О.* Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса. 1884. 289 с.
- Виноградов Ю. Г.* Фанагорийские наемники // ВДИ. 4. 1991. С. 14 – 33.
- Внуков С. Ю., Коваленко С. А.* Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М. 1998. С. 61 – 76.
- Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. I. 1955. С. 23 – 147.
- Голенко К. В.* Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. Т. II. Изд-во АН СССР М.: 1960. 212 с.
- Голенко К. В.* Херсонесские драхмы с именем магистрата Деметрия // СГМИИ. П. 1964. С. 45 – 52.
- Голенко К. В.* Фонталовский клад боспорских дидрахм I в. до н. э. // ВДИ. 4. Москва: Изд-во «Наука». 1965. С. 141 – 158.
- Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА, №16. М.-Л.: 1951. 264 с.
- История Древнего мира* т. 2. Расцвет древних обществ: в 3 т. Издание третье / Ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. – М.: Главная редакция восточной литературы. 1989. 571 с.
- Молев Е. А.* Митридат Евпатор: создание Черноморской державы // Под ред. Р. А. Стручалиной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. 1976. 76 с.
- Молев Е. А.* О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту // Проблемы античной истории и классической филологии. Харьков. 1980. С. 43-44.
- Молев Е. А.* Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории Античного Боспора: монография / Е. А. Молев; науч. ред. А. В. Махлаюк, С. К. Сизов. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 339 с.
- Левек П.* Эллинистический мир. Изд-во «Наука». Москва. 1989. 251 с.
- Орешиников А. В.* Босфор Киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам // Труды IV Археологического съезда. Т. II. Одесса. 1888. С. 80 – 103.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания М.: Альфа-книга, 2008. 1264 с.
- Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. Изд-во Академии наук СССР. Москва-Ленинград. 1950. 381 с.
- Рыжов К.* Все монархи мира. Древний Восток. М.: Вече. 2001. 608 с.
- Сапрыкин С. Ю.* Из эпиграфики Горгиипии // ВДИ. 1. 1986а. С. 62 – 75.
- Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. Москва. «Наука». 1996. 348 с.

- Сидоренко В. А., Шонов И. В.* Монограммы на монетах архонта Гюгиэнонта // БЧ. XX. Симферополь-Керчь. 2019. С. 507 – 512.
- Страбон.* География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 944 с.
- Шелов Д. Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси. 1985. С. 551 – 572.
- Шонов И. В.* Монетная чеканка правителей Боспора VI – I вв. до н. э. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. 476 с.
- Шонов И. В.* Серебряные монетные выпуски Херсонеса Таврического 178 – 164 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Вып. X. Симферополь: Колорит, 2019. С. 97 – 104.
- Шонов И. В.* Монограммы и изображения на монетах Пантикапея, как атрибуты македонских царей 256 – 221 гг. до н. э. // История и археология Крыма. Вып. XII. Симферополь. 2020. С. 101 – 114.
- Шонов И. В.* «Херсонесские» драхмы с именем Деметрия // БЧ. XXI. Симферополь-Керчь. 2020. С. 415 – 420.
- Шонов И. В.* Деметрий III Эвкер в истории Боспора // Боспорские чтения XXII / Материалы научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2021. С. 451 – 454.
- Шонов И. В.* Монограммы правителей на серебряных монетах Пантикапея 121 – 109 гг. до н. э. // БИ. Вып. XLIV. Керчь: Керченская городская типография, 2022. С. 162 – 176.
- Шофман А. С.* История Античной Македонии. Часть II // Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1963. 434 с.
- Флавий И.* Иудейские древности. В 2 т. Т. 1. - М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир». 2004. 784 с.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. до н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М.: Наука. 1992. С. 187 – 247.
- Юстин.* Эпитама сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб.: Издательство СПбГУ. 2005. 496 с.
- Badian E.* Rome, Athens and Mitridates // AJAH. 1976. Vol. 1. P. 105 – 128.
- Buttrey Th. V.* Quantification of Ancient Coin Production: the Third Element, in F. De Callatay (ed.) Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times: 105 – 112. Bari: Edipuglia.
- Bradford Welles C.* Royal correspondence in the Hellenistic period: a study in Greek epigraphy New Haven : Yale University Press, 1934. 403 p.
- Callatay Fr. De.* La revision de la chronologie es bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In A. Bresson, A.I.Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), Une koinu pontique. Cites grecques, societies indigunes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe. S.p.C.). Bordeaux, 2007. S. 271 – 308.
- Carbone L.* The introduction of Roman Currencies in Asia Minor in the First Century BC. <https://www.academia.edu/39115548/>.
- Dumitru Adrian.* Kleopatra Selene: A Look at the Moon and Her Bright Side // Seleucid Royal Women: Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleucid Empire. Franz Steiner Verlag, 2016. Vol. 240.
- Durrbach F.* Choix d'inscriptions de Délos . Paris. 1921. – 294 p.
- Ehling Kay.* Untersuchungen Zur Geschichte Der Späten Seleukiden (164-63 v. Chr.) Vom Tode Antiochos IV. Bis Zur Einrichtung Der Provinz Syria Unter Pompeius: [нем.]. — Franz Steiner Verlag, 2008. Vol. 196.
- Gaidukevich V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag, 1971. – 604 p.
- Houghton A., Catherin L., and Oliver H.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vol. II. New York and Lancaster, PA, 2008. – 536 pages, 120 plates, maps, appendices, concordances, and indices.
- Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae: Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae. Petropoli, 1916. 594 p.
- Le Rider G.* Le Monnayage d'Argent et d'Or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. – Paris: Bourgey, 1977. 484 p.

- McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden: Brill, 1986. (Mnemosyne, Suppl. 89.) 204 p.
- Vinogradov Ju. G.* Anmerkungen zu Kapitel VI: Staat und Kultur des Bosporenischen Reiches // *Historia*. 83. 1993. - 1, p. 135 – 152.
- Price M. J.* Mithradates VI Eupator, Dionysus, and the coinages of the Black Sea // *NC*. 1968. P. 1 – 12.
- Rawlinson G.* History of the Syrian Kingdom of the Seleucids (312 – 65 BC). Ancient history: from the earliest times to the fall of the Western empire: comprising the history of Chaldaea, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phœnicia, Syria, Judæa, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Parthia, and Rome. New York: Colonial Press, 1899. 488 p.
- Reinach Th. L.* Histoire par les monnaies. – Paris: Leroux, 1902. 269 p.
- Seltman C. T.* Greek coins: a history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdoms. – London: Methuen, 1955. – 2nd ed. 311 p.

REFERENCES

- Abramzon M. G., Novichikhin A. M., Saprykina I. A., Smekalova T. N.* Klad bosporskikh didrahm iz stanitsy Fontalovskaia (IGCH 1143): zhalovanie naemnikov epokhi Mitridatovykh voyn? – Moskva. 2021. Institut arkheologii RAN. 168 s.
- Abramzon M. G., Novichikhin A. M., Saprykina I. A., Smekalova T. N.* Zhalovanie garnizona naemnikov epokhi Mitridatovykh voyn: Fontalovskii klad (IGGH 1143) // *MAIET. Vyp. XXVI*. – Simferopol': Solo Rich, 2021. S. 411 – 423.
- Anokhin V. A.* Monetnoe delo Khersonesa: (IV v. do n. e. – XII v. n. e.). AN USSR. In-t arkheologii. Kiev: Naukova dumka, 1977. 175 s.
- Anokhin V. A.* Monetnoe delo Bospora v VI - II vv. do n. e. K.: Naukova dumka. 1986. 179 s.
- Anokhin V. A.* Istoriia Bospora Kimmeriiskogo. K.: Odigitriia, 1999. 249 s.
- Anokhin V. A.* Antichnye monety Severnogo Prichernomor'ia: Katalog. – K.: Izd-vo «Stilos», 2011. 328 s.
- Appian.* Rimskaiia istoriia. Pervye knigi / Per. s grech. A. I. Nemirovskogo. SPb.: Alteia, 2004. 288 s.
- Bengtson G.* Praviteli epokhi ellinizma. Izd-vo «Nauka». Moskva. – 1982. 390 s.
- Biven E.* Dinastiia Ptolemeev. Istoriia Egipta v epokhu ellinizma. Tsentropoligraf. 2011. 447 s.
- Bikerman E.* Gosudarstvo Selevkidov / Per. s frants. L.M. Gluskinoi. M.: Nauka, 1985. 264 s.
- Burachkov P. O.* Obshchii katalog monet, prinaldzhashchikh ellinskim koloniam sushchestvovavshikh v drevnosti na severnom beregu Chernogo moria, v predelakh nyneshnei Iuzhnoi Rossii. Odessa. 1884. 289 s.
- Vinogradov Iu. G.* Fanagoriiskie naemniki // *VDI*. 4. 1991. S. 14 – 33.
- Vnukov S. Iu., Kovalenko S. A.* Megarskie chashi s gorodishcha Kara-Tobe // *Ellinisticheskaia i rimskaiia keramika v Severnom Prichernomor'e*. M. 1998. S. 61 – 76.
- Gaidukevich V. F.* Istoriia antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (Kratkii ocherk) // *AGSP*. I. 1955. S. 23 – 147.
- Golenko K. V.* Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do n. e. // *NE*. T. II. Izd-vo AN SSSR M.: 1960. 212 s.
- Golenko K. V.* Khersonesskie drakhmy s imenem magistrata Demetriia // *SGMII*. P. 1964. S. 45 – 52.
- Golenko K. V.* Fantalovskii klad bosporskikh didrahm I v. do n. e. // *VDI*. 4. Moskva: Izd-vo «Nauka». 1965. S. 141 – 158.
- Zograf A. N.* Antichnye monety // *MIA*, №16. M.- L.: 1951. 264 s.
- Istoriia Drevnego Mira* t. 2. Rastsvet Drevnykh obshchestv: v 3-ekh t., Izdanie tret'e / Red. I. M. D'iakonova V. D. Neronovoi, I. S. Svetsitskoi. – M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 1989. 571 s.
- Molev E. A.* Mitridat Eupator: sozdanie Chernomorskoj derzhavy // Pod red. R. A. Struchalinoi. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 1976. 76 s.
- Molev E. A.* O propontiiskoi orientatsii bosporian v period podchineniia Bospora Pontu // *Problemy antichnoi istorii i klassicheskoi filologii*. Khar'kov. 1980. S. 43-44.

- Molev E. A. Bosporseie drevnosti. Problemy politicheskoi, sotsial'noi i kul'turnoi istorii antichnogo Bospora: monografiia / E. A. Molev; nauch. red. A. V. Makhlaiuk, S. K. Sizov. – Nizhnii Novgorod: Izd-vo NNGU, 2017. 339 s.
- Levek P. Ellinisticheskii mir. Izd-vo «Nauka». Moskva. 1989. 251 s.
- Oreshnikov A. V. Bosfor Kimmeriiskii v epokhu Spartokidov po nadpisiam i tsarskim monetam // Trudy IV Arkheologicheskogo saezda. T. II. Odessa. 1888. S. 80 – 103.
- Plutarkh. Sravnitel'nye zhizneopisaniia M.: Al'fa-kniga, 2008. 1264 s.
- Ranovich A. B. Ellinizm i ego istoricheskaia rol'. Izd-vo Akademii nauk SSSR. Moskva-Leningrad. 1950. 381 s.
- Ryzhov K. Vse monarkhi mira. Drevnii Vostok. M.: Veche. 2001. 608 s.
- Saprykin S. Iu. Iz epigrafiki Gorgippii // VDI. 1. 1986a. S. 62 – 75.
- Saprykin S. Iu. Pontiiskoe tsarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. Moskva. «Nauka». 1996. 348 s.
- Sidorenko V. A., Shonov I. V. Monogrammy na monetakh arkhonta Giugienonta // BCh. XX. Simferopol'-Kerch'. 2019. S. 507 – 512.
- Strabon. Geografiia / Per. G. A. Stratanovskogo. M.: Nauka, 1964. 944 s.
- Shelov D. B. Pontiiskaia derzhava Mitridata Evpatora // Prichernomor'e v epokhu elli-nizma. Tbilisi. 1985. S. 551 – 572.
- Shonov I. V. Monetnaia chekanka pravitelei Bospora VI-I vv. do n. e. Simferopol': IT «Arial», 2019. 476 s.
- Shonov I. V. Serebrianye monetnye vypuski Khersonesa Tavricheskogo 178 – 164 gg. do n. e. // Istoriiia i arkheologiiia Kryma. Vyp. X. Simferopol': Kolorit, 2019. S. 97 – 104.
- Shonov I. V. Monogrammy i izobrazheniia na monetakh Pantikapeia, kak atributy makedonskikh tsarei 256 – 221 gg. do n. e. // Istoriiia i arkheologiiia Kryma. Vyp. XII. Simferopol'. 2020. S. 101 – 114.
- Shonov I. V. «Khersonesskie» drakhmy s imenem Demetriia // BCh. XXI. Simferopol'-Kerch'. 2020. S. 415 – 420.
- Shonov I. V. Demetrii III Evker v istorii Bospora // Bosporskie chteniia XXII / Materialy nauchnoi konferentsii / Red.-sost. V. N. Zin'ko, E. A. Zin'ko. Simferopol'-Kerch', 2021. S. 451 – 454.
- Shonov I. V. Monogrammy pravitelei na serebrianykh monetakh Pantikapechia 121 – 109 gg. do n. e. // BI. Vyp. XLIV. Kerch': Kerchenskaia gorodskaia tipografiia, 2022. S. 162 – 176.
- Shofman A. S. Istoriiia antichnoi Makedonii. Chast' II // Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta. 1963. 434 s.
- Flavii I. Iudeiskie drevnosti. V 2 t. T. 1. - M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: «Ladimir». 2004. 784 s.
- Frolova N. A. Monetnoe delo Bospora VI v. do n.e. – sere diny IV v. do n.e. v svete novykh issledovaniia // Ocherki arkheologii i istorii Bospora. M.: Nauka. 1992. S. 187 – 247.
- Iustin. Epitoma sochineniia Pompeia Troga «Historia Philippicae». SPb.: Izdatel'stvo SPbGU. 2005. 496 s.
- Badian E. Rome, Athens and Mitridates // AJAH. 1976. Vol. 1. R. 105 – 128.
- Buttrey Th. V. Quantification of Ancient Coin Production: the Third Element, in F. De Callatay (ed.) Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times: 105 – 112. Bari: Edipuglia.
- Bradford Welles S. Royal correspondence in the Hellenistic period: a study in Greek epigraphy New Haven: Yale University Press, 1934. 403 r.
- Callatay Fr. De. La revision de la chronologie es bronzes de Mithridate Eupator et ses conséquences sur la datation des monnayages et des sites du Bosphore Cimmérien. In A. Bresson, A.I.Ivanchik, J.-L. Ferrary (eds.), Une koinu pontique. Cites grecques, societies indigunes et empires mondiaux sur le littoral nord de la Mer Noire (VIIe s.a.C. – IIIe. S.p.C.). Bordeaux, 2007. S. 271 – 308.
- Carbone L. The introduction of Roman Currencies in Asia Minor in the First Century BC. <https://www.academia.edu/39115548/>
- Dumitru Adrian. Kleopatra Selene: A Look at the Moon and Her Bright Side // Seleukid Royal Women: Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire. Franz Steiner Verlag, 2016. Vol. 240.
- Durrbach F. Choix d'inscriptions de Délos. Paris. 1921. – 294 r.
- Ehling Kay. Untersuchungen Zur Geschichte Der Späten Seleukiden (164 – 63 v. Chr.) Vom Tode Antiochos IV.

Bis Zur Einrichtung Der Provinz Syria Unter Pompeius: [nem.]. — Franz Steiner Verlag, 2008. — Vol. 196.

Gaidukevich V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag, 1971. — 604 r.

Houghton A., Catherin L., and Oliver H. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Part II: Seleucus IV through Antiochus XIII, vol. II. New York and Lancaster, PA, 2008. - 536 pages, 120 plates, maps, appendices, concordances, and indices.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae: Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae. Petropoli, 1916. 594 p.

Le Rider G. Le Monnayage d'Argent et d'Or de Philippe II frappé en Macédoine de 359 à 294. — Paris: Bourgey, 1977. 484 p.

McGing B. C. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden: Brill, 1986. (Mnemosyne, Suppl. 89.) 204 p.

Vinogradov Ju. G. Anmerkungen zu Kapitel VI: Staat und Kultur des Bospo-ra-nischen Reiches // Historia. 83. 1993. - 1, r. 135 — 152.

Price M. J. Mithradates VI Eupator, Dionysus, and the coinages of the Black Sea // NC. 1968. R. 1 — 12.

Rawlinson G. History of the Syrian Kingdom of the Seleucids (312-65 BC). Ancient history: from the earliest times to the fall of the Western empire : comprising the history of Chaldaea, Assyria, Media, Babylonia, Lydia, Phoenicia, Syria, Judaea, Egypt, Carthage, Persia, Greece, Macedonia, Parthia, and Rome. New York: Colonial Press, 1899. 488 p.

Reinach Th. L' Histoire par les monnaies. — Paris: Leroux, 1902. 269 p.

Seltman C. T. Greek coins: a history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdoms. — London: Methuen, 1955. — 2nd ed. 311 p.

Резюме

История Боспора с конца II в. до н. э. была связана с государством Селевкидов. Это продолжилось до 88 г. до н. э., а именно года смерти правителя Сирии и Боспора — Деметрия III Эвкера Филопатора. Изучение местного нумизматического материала 105 — 89 гг. до н. э. позволило по монограммам на этих монетах выявить правителей Боспора в данный период. Это Антиох VIII Грип и его дети: Селевк VI, Деметрий III, Филипп I, а также выявлена монограмма Тиграна II Великого. Все это проливает свет на политическую ситуацию на Боспоре в данный период. Очевидно, что в исследуемый период власть сирийских правителей, несмотря на отсутствие монограмм ахеменидов, поддерживалась союзом с царем Понта — Митридатом VI. Все монеты из серебра и меди являются индикатором денежно-торговых операций на территории Боспора, основные доходы от которых, по-видимому, получали цари Сирии и Понта.

Ключевые слова: Сирия, монограмма, Боспор, Антиох VIII Грип, Селевкиды, Деметрий III Эвкер, Селевк VI, Филипп I, Тигран II.

Summary

The history of the Bosporus from the end of the II century. BC e. was associated with the state of the Seleucids. This lasted until 88 BC. e., namely the year of death of the ruler of Syria and the Bosporus — Demetrius III Euker Philopator. The study of local numismatic material 105 — 89 years. BC e. allowed to identify the rulers of the Bosporus in this period by the monograms on these coins. These are Antiochus VIII Grip and his children: Seleucus VI, Demetrius III, Philip I, as well as the

monogram of Tigran II the Great. All this sheds light on the political situation in the Bosphorus at that time. Obviously, in the period under study, the power of the Syrian rulers, despite the absence of Achaemenid monograms, was supported by an alliance with the king of Pontus – Mithridates VI. All coins made of silver and copper are an indicator of monetary transactions in the territory of the Bosphorus, the main income from which, apparently, was received by the kings of Syria and Pontus.

Key words: Syria, monogram, Bosphorus, Antiochus VIII Grip, Seleucids, Demetrius III Euker, Seleucus VI, Philip I, Tigran II.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шонов Игорь Валентинович,
младший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН,
просп. Академика В. И. Вернадского, 2,
295007, г. Симферополь,
Российская Федерация.
crimea_1604@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Shonov Igor Valentinovich,
Junior Researcher,
Institute of Archeology of Crimea RAS,
ave. Academician V.I. Vernadsky, 2,
295007, Simferopol,
Russian Federation.
crimea_1604@mail.ru

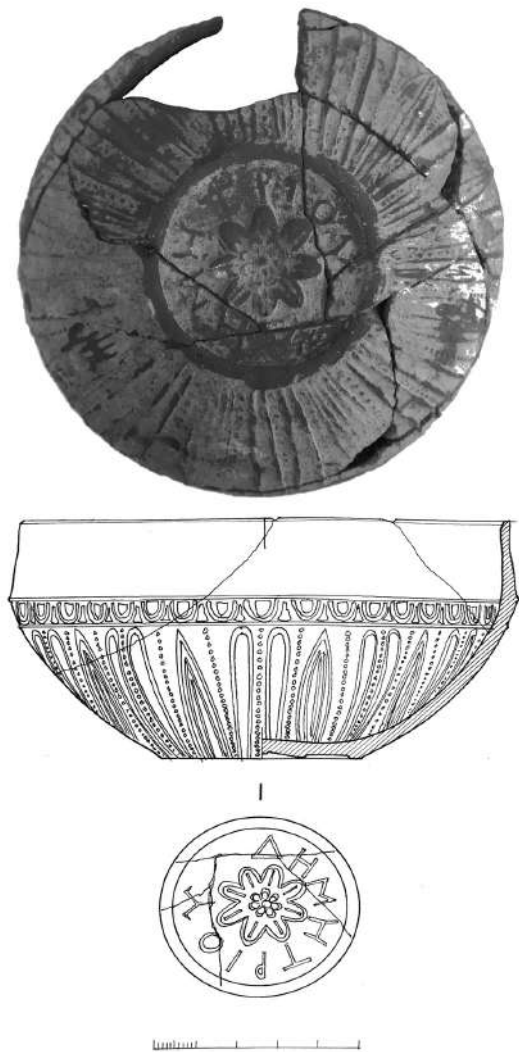

Рис. 1. Чаша с именем Деметрия с поселения Узун-Сырт.

Табл. 1. Монеты Боспора 105 – 89 гг. до н. э. 1.

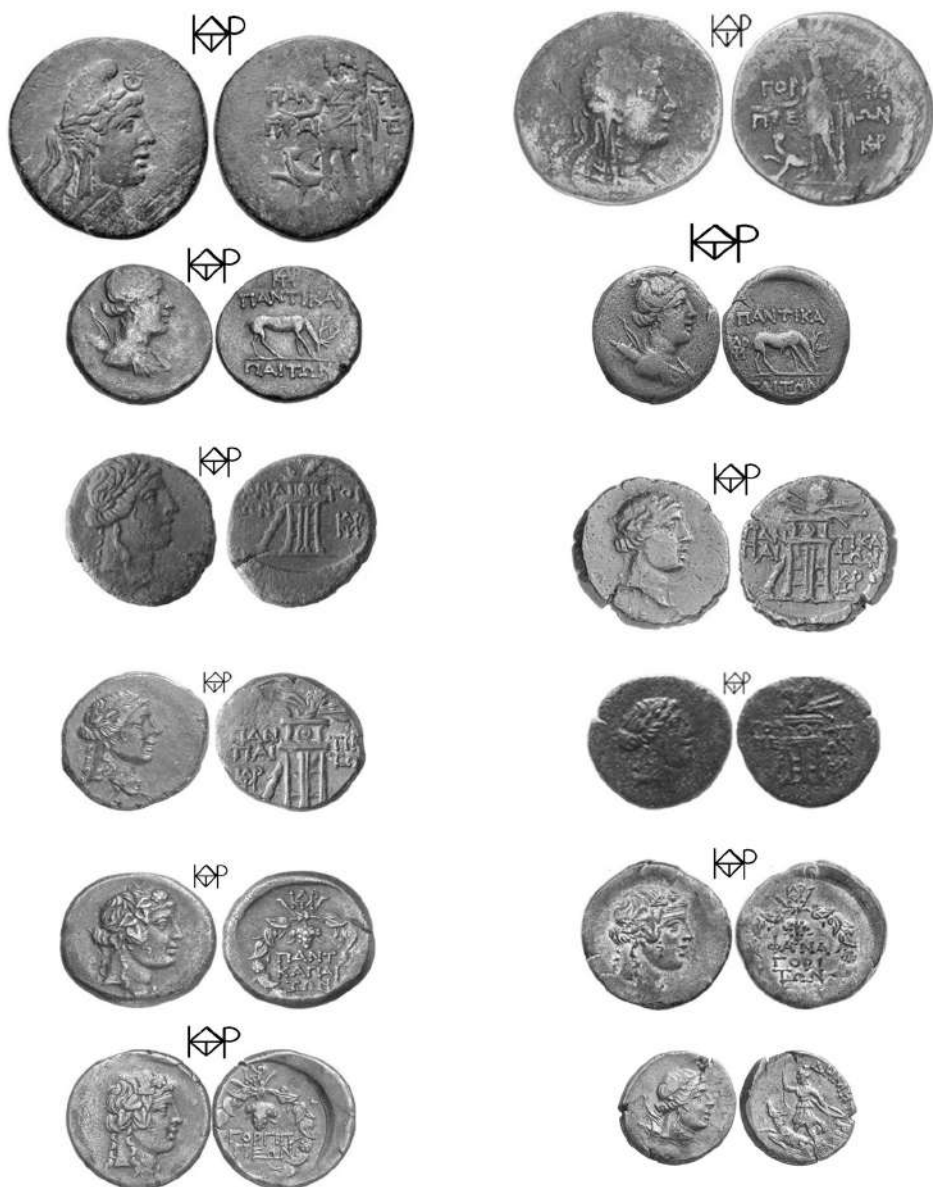

Табл. 1. Монеты Боспора 105 – 89 гг. до н. э. 2.

Табл. 1. Монеты Боспора 105 – 89 гг. до н. э. 3.

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

РАСПИСНОЙ СКЛЕП АНФЕСТЕРИЯ В КЕРЧИ¹

PAINTED CRYPT OF ANTHESTERIUS IN KERCH

История открытия и устройство склепа. Каждый из расписных склепов Боспора Киммерийского по своему уникален, ни один из них не повторяет другой. Склеп Анфестерия, сына Гегесиппа, в этом отношении особенно примечателен. Он был открыт в 1877 г. на северном склоне горы Митридат, но опубликованная информация об этом археологическом открытии, к сожалению, очень кратка и не во всём понятна [ОАК, 1877, с. XIII–XV; 1878–1879, с. 5–10; Кулаковский, 1896, с. 8; Шкорпил, 1912, с. 72–74]. Рукописные документы Научного архива ИИМК РАН содержат не так много материалов, которые могли бы существенно дополнить наши знания об этой гробнице, тем не менее, обстоятельства открытия в них обрисованы довольно подробно.

Прежде всего надо сказать, что 17 мая 1877 г. в Керченском музее получили распоряжение из Императорской археологической комиссии с требованием прекратить раскопки по причине начавшейся войны с Турцией [см. также: Виноградов, 2012, с. 143]. Это распоряжение было неукоснительно выполнено, но когда «один из опытейших разыскателей катакомб с фресками, керченский мещанин из цыган Мамет Орзали Оглу, оставшийся без заработков, обратился в Музей с просьбою дозволить ему продолжать разыскания на горе Митридатовой на счастье, то Музей, имея в виду пользу, могущую произойти от этих разысканий и занятия ими надсмотрщиков, остающихся без дела, разрешил ему приступить к ним согласно известным условиям и правилам» [НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1877 г. Д. 8. Л. 31]. Получив такое разрешение, Мамет Орзали Оглу приступил к раскопкам на северном склоне горы Митридат и открыл там несколько катакомб. Одна из них была гробница Анфестерия.

Вот что директор Керченского музея записал об этом в своём «Журнале раскопок» (там же. Л. 32–33):

«11 июня. На глубине 7 ½ аршин от поверхности насыпи, другая, меньших размеров катакомба № 24-й, длиною и шириною 3 ¾, высоту 2 ½ аршина, с 3-мя большими стенными углублениями в ней для покойников и 3-мя меньшими нишами.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

Катакомба эта оказалась также разорённую, через сквозное отверстие, пробитое в стене ея, несколько выше заставной плиты, которая была заметно тронута. Галерея, ведущая в неё, имела чрезвычайно малые размеры, простираясь в длину на 1 ¼, ширину 1 и высоту 1 ½ аршина. Впрочем, при костях остовов, лежащих в крайнем беспорядке на полу и в стенных углублениях описанной катакомбы, кроме 1 горшочка из чёрной глины с грубою вокруг шейки его резьбою и 2-х стеклянных сосудов в обломках, ничего уцелевшего от расхищения не найдено.

Зато в западной стене ея, не занятой никакими углублениями, возле упомянутой галереи, оказался внизу грабительский пролом, посредством которого они сообщались с другою, смежною с ними катакомбою № 25-й, хотя разорённую, но гораздо обширнейшею и украшенною на стенах ея, с трёх сторон, весьма интересною живописью, несмотря на значительное повреждение сей последней. Вновь открытая катакомба простиралась в длину от В к З на 9 аршин, в ширину от С к Ю, с восточной стороны 4 арш. 6 вершк., с западной, украшенной фресками 5 арш. 2 вершк. и в высоту от скалистого пола до коробового свода ея, высеченного в крепко-глинистом грунте и не имеющего никакой живописи 3 ¼ арш. Стены ея в уровень с плечами свода были украшены в виде карниза одною широкою полоскою коричневатого или бурого цвета, ниже которой поверхность их представляла несколько рядов параллелограммов, правильно очерченных и расположенных наподобие каменной кладки; причём 3 из этих стен, две продольные и одна поперечная (с западной стороны), имели каждая посередине небольшую нишу с полукруглым сводом. Галерея, ведущая в эту катакомбу, находилась с северной стороны ея, возле северо-западного угла; она имела такую же полукруглую нишу и простиралась в длину на 2, ширину 1 ½ и высоту 2 ½ аршина, была замкнута извне одною плотно приставленною к ней плитою из целого известкового камня. Почти такой же ход или, вернее, второй грабительский пролом оказался и в западной стене ея, возле того же угла; причём последний, хотя и замыкался плитою, но она была опрокинута, и позади ея находилась мина, из которой сыпалась земля. Что же касается фресковых изображений, находящихся на стенах означенной катакомбы, то, начинаясь на северной стене ея, с левой стороны от упомянутой галереи и переходя на западную, где над полукруглою нишею шириною 9, высоту 11 и глубину 5 вершков находится следующая, вырезанная в крепко-глинистом грунте надпись:

ΑΝΘΕΣΤΗΡΙΟΣ ΗΓΗ
 ΣΠΠΟΥ Ο ΚΑΙ
 ΚΤΗΣΑΜΕΝΟΣ

Они (росписи – Ю.В.) кончаются на южной стене в небольшом расстоянии от юго-западного угла. (Рисунки этих фресок будут представлены по изготовлении). Впрочем, опустошение этой катакомбы было так велико, что при расследовании находящегося на полу ея небольшого количества земли, никаких в ней остатков от гробов и человеческих костей не обнаружено. Только в одной из боковых ея ниш найдена одна простая, средней величины чаша из простой глины и возле пролома 1

женская бронзовая головка. За открытие описанных 2-х катакомб и за труды при расследовании их выдано Мамету Оразали Оглу в вознаграждение 11 руб. 75 коп.».

Вот так была обнаружена и исследована ныне столь знаменитая катакомба Анфестерия. Надо признать, что практика раскопок «на счастье», но под надзором сотрудников Керченского музея использовалась не только А.Е. Люценко, но и К.Е. Думбергом [Виноградов, 2012, с. 216–217]. В данном случае, однако, представляется, что денежное вознаграждение, выданное Мамету Оразали Оглу за столь замечательное открытие, было слишком скромным.

Теперь об устройстве гробницы Анфестерия (катакомбы № 25, как она названа в отчёте А.Е. Люценко). Наглядно представить её конструкцию помогает рисунок на виньетке, помещённой на заглавном листе «Отчёта ОАК за 1877 г.» (рис. 1). Это изображение позволяет признать, что склеп имел четырёхугольную форму; длинной стороной он был ориентирован по линии З–В, длина гробницы составляла 6,4 м. Ширина по восточной стене достигала 3,1 м, по западной, на которой находилась основная часть росписи, – 3,6 м. Высота достигала 2,3 м. Вход в гробницу находился с северной (длинной) стороны, при этом не по её центру, а ближе к северо-западному углу. Размеры входа составляли 1,8 × 1,1 м, длина «галереи» – всего 1,4 м. С внешней стороны он был закрыт каменной плитой. В западной стене находился грабительский пролом, который, как это ни странно, тоже был закрыт каменной плитой, но «она была опрокинута, и позади ея находилась мина, из которой сыпалась земля». Из трёх ниш, вырубленных в стенах склепа, в отчёте приведены размеры лишь одной, находящейся в западной стене, под надписью Анфестерия – 0,49 × 0,40, глубина – 0,22 м.

С огромным сожалением следует напомнить, что к 1894 г. росписи склепа Анфестерия были уничтожены владельцем земли, на которой этот замечательный памятник находился [Кулаковский, 1896, с. 8, прим. 3; Шкорпил, 1911, с. 81; Иванова, 1961, с. 26-27]. В распоряжении исследователей остались лишь краткое описание катакомбы и копия росписей, сделанная Ф.И. Гроссом [ОАК, 1878–1879, Атлас, табл. I], при этом у нас нет уверенности, что художник исполнил эту копию с фотографической точностью, к тому же мы не знаем, где хранится её подлинник. Во всяком случае, в Научном архиве ИИМК РАН он отсутствует.

Копия Ф.И. Гросса была многократно воспроизведена в различных научных изданиях. Обращаясь к ней ещё раз, следует признать, что орнаментальная композиция склепа Анфестерия в высшей степени любопытна. К примеру, на ней нет изображения загробного пира, батальных сцен, сакрального неба, взирающей с него богини и пр., что можно видеть в росписях других боспорских гробниц.

Характер росписей склепа. Хрестоматийное описание этой гробницы было сделано М.И. Ростовцевым в его непревзойдённой публикации, посвящённой античной декоративной живописи Северного Причерноморья [Ростовцев, 1913–14, с. 170–182]. Правда, практически в то же время вышла знаменитая книга Э. Миннса, на страницах которой уделено внимание и этому памятнику [Minns, 1913, p. 312].

Все остальные исследователи так или иначе повторяли и до сих пор повторяют сказанное М.И. Ростовцевым [Гайдукевич, 1949, с. 400, 402–404; Ернштедт, 1955, с. 258; Gajdukevič, 1971, S. 433–435]. Орнаментальная схема склепа состоит из трёх ярусов. Над полом идёт полоса цоколя, выше которого изображены ряды каменной кладки. Поверх неё была проведена широкая полоса коричневой краски. Главное изображение (всадники, сидящая женщина, шатёр) находилось выше этой полосы, в люнетке западной стены, расположенной справа от входа в катакомбу, но начать будет правильнее не с него, а с композиции, расположенной рядом с входом в склеп Анфестерия.

На северной стене усыпальницы, на простенках, соседствующих с входом, представлены две фигуры (рис. 2). На западном простенке был изображён Гермес в длинном одеянии с кадуцеем в левой руке и кошельком в правой. Это божество считалось не только покровителем торговцев, но и «проводником душ» (психопомпом), так что появление его изображения рядом с входом в гробницу вполне объяснимо. На восточном простенке изображена явно женщина, правой рукой удерживающая кадуцей. М.И. Ростовцев допускал, что эта фигура представляет женский коррелят Гермеса [Ростовцев, 1913–14, с. 180]. Не исключено, однако, что Ф.И. Гросс, делая копию этой росписи, допустил здесь ошибку, и на самом деле в руках у женщины был не кадуцей, а другой предмет (к примеру, рог изобилия), но утверждать это с уверенностью, конечно, нельзя.

Напротив входа в склеп, на его южной стене, представлено условное изображение дерева, по обе стороны от которого стоят две лошади без сёдел, одна из которых окрашена зелёной краской, а другая – коричневой (рис. 3). Гнедая масть лошади является вполне естественной, а вот зелёная вызывает некоторое удивление.

Главная орнаментальная композиция, как уже было сказано, находилась в люнетке западной стены (рис. 4). Без всякого преувеличения можно сказать, что она уже давно стала хрестоматийно известной. В левой её части представлено дерево с висящим на нём горитом. Справа от дерева находится шатёр, который обычно называют юртой, что абсолютно не верно. Вход в него открыт, так что внутри видны две сидящие фигуры. Со стороны дерева к шатру прислонено длинное копье. С другой стороны изображена женщина, сидящая в деревянном кресле. По обе стороны от неё расположены фигурки слуг, представленные в уменьшенном масштабе. Справа к шатру подъезжает безбородый всадник, который левой рукой удерживает поводья, а в правой сжимает кнут, кнотовище которого прижато к рукояти. На поясе этого всадника висит изогнутый меч. Далее следует ниша, над которой вырезана надпись: «Анфестерий, сын Гегесиппа, он же Ктесамен» [КБН, 302]. Правее ниши изображён ещё один всадник с длинным копьем в правой руке. Он ведёт на поводу вторую (заводную) лошадь. Третья лошадь идёт за ним, но она представлена не полностью, поскольку роспись здесь нарушена грабительским проломом.

На квадрате каменной кладки, расположенном непосредственно под шатром, изображён пиршественный стол на трёх витых ножках. На нём поставлен кувшин и две

чаши. Слева от стола стоит слуга, в правой руке он держит сосуд с высоким горлом. Эта сцена, отделённая от основной композиции, имеет важное значение для понимания общего смысла росписи склепа, но об этом позднее.

Датировка склепа. Гробница Анфестерия, как уже говорилось, была ограблена, поэтому для её датировки нет возможности использовать содержащиеся в ней археологические находки. Не удивительно, что гробницу датируют по-разному. М.И. Ростовцев относил её к последним десятилетиям I в. до н.э. или первым десятилетиям I в. н.э. [Ростовцев, 1913–14, с. 182]. М.М. Кобылина предложила удревнить датировку до I в. до н.э. [Кобылина, 1984, с. 215], а вот С.А. Яценко, напротив, считал возможным омолодить её до второй половины I в. н.э. [Яценко, 1995, с. 188]. Надёжных оснований для таких уточнений, на мой взгляд, нет. Хронологическая атрибуция, предложенная М.И. Ростовцевым, остаётся наиболее адекватной. С одной стороны, вполне очевидно, что роспись склепа сохранила характерную особенность традиции эллинистического времени – имитацию каменной кладки на стенах. С другой стороны, её никак нельзя датировать поздним I или II в. н.э., поскольку здесь отсутствуют признаки характерного для этого времени цветочного стиля с типичным для него изображением сплошного покрова из растительных побегов, листьев и лепестков.

Рационалистические объяснения главной орнаментальной композиции. В данном случае, конечно, имеется в виду сцена, представленная на западной стене, с изображением всадников, сидящей женщины, шатра и т.д. (рис. 4).

Общее направление интерпретации главной росписи склепа, расположенной в западной люнетке, было задано в первой посвящённой ему публикации в «Отчёте Императорской археологической комиссии»: «На ней изображены, главным образом, различные семейные и бытовые сцены, как то: большая палатка; сидящая на высоком кресле женщина, возле которой стоят дети; вооружённые всадники; отдельные женские фигуры; лошади без всадников и т.д.» [ОАК, 1877, с. XV]. Л.Э. Стефани в своём традиционном «Объяснении некоторых художественных произведений» высказался ещё более определённо: «Главный рисунок изображает обыденную жизнь Анфестерия, которую он согласно обычаям туземных скифов проводил среди своей семьи и своих коней в одной из обширных степей Южной России. Поэтому жилище его заключается не в каменном строении, а в буром шатре, который удобно мог передвигаться с одного места на другое и, по всей вероятности, состоял из звериных шкур или войлока» [ОАК, 1878–1879, с. 6].

После столь авторитетных суждений эта интерпретация надолго стала общепринятой. И.И. Толстой и Н.П. Кондаков не внесли в понимание орнаментальной композиции ничего нового: «Живописная роспись изображает обыденную жизнь хозяина в степях Южной России и по обычаям туземцев; жилищем служит здесь изображённый войлочный шатёр; рядом с шатром под открытым небом сидит хозяин с детьми, в стороне пасутся кони; хозяин возвращается из степи домой, его оружием служит малый скифский лук и скифский горит» [Толстой, Кондаков, 1889а,

с.32–33; ср. Кулаковский, 1896, с. 8]. Много лет спустя М.М. Кобылина писала почти то же самое, признавая, что сцена представляет реальную обстановку жизни умершего знатного боспорца. «Изображена войлочная большая палатка, сидящая около неё женщина и дети. К палатке скачут вооружённые всадники» [Кобылина, 1984, с. 21]. И это всё, на что уважаемая исследовательница решила обратить внимание читателей!

М.И. Ростовцев от такого сугубо реалистического понимания боспорских погребальных росписей тоже ушёл не очень далеко: «В сценах идиллических перед нами <предстаёт> деревенская жизнь погребённого; но это не деревня грека, не деревня клеруха или георга-виноградара (напр., Херсонеса IV–III вв. до Р. Хр.). Перед нами земледелец и коневод степного типа, конный помещик и воитель, с оружием в руках охраняющий свои табуны и, вероятно, свои запашки. Живёт он в степи в кибитке или юрте, очевидно, не весь год, а только в хозяйственный сезон; в юрте с ним в это время и вся семья, – жена и дети, рабы и оруженосцы, всегда сопровождающие своего конного хозяина. Но не одна идиллия и мирный сельский труд ждут керченского рыцаря в степи. С оружием в руках во главе своей дружины приходится ему отстаивать свою юрту и своих коней против набегов конных и пеших степняков и горцев. Эта последняя черта особенно характерна. Перед нами настоящий рыцарь-феодал со своим личным войском конным и пешим, отстаивающий на собственный страх своё достояние <...>» [Ростовцев, 1912, с. 117]. Другими словами, эта мысль повторена и в «Античной декоративной живописи» – идиллическая картина, изображённая на стене склепа, навеяна жизнью пантикапейского «помещика» в степи, среди своих табунов [Ростовцев, 1913–14, с. 180].

Несколько странным при этом выглядят другие суждения М.И. Ростовцева, которые, на мой взгляд, являются абсолютно верными. В статье, посвящённой склепу 1891 г., он отметил: «Если греческие колонии северного побережья Чёрного моря сравнительно бедны памятниками религиозного культа, которыми так богаты Греция и Малая Азия, – руинами храмов, вотивными рельефами и надписями, то тем богаче одна из них, именно Керчь (др. Пантикапей), и её область живописью религиозного содержания» [Ростовцев, 1911, с. 119]. В статье о боспорских курганах М.И.Ростовцев столь же справедливо писал, что пантикапейские росписи «говорят нам, главным образом, о верованиях пантикапейцев, об их исключительно сильной вере в загробную жизнь; в этой области они свидетельствуют частью о проникновении их мистикой элевсинских таинств; частью о переживаниях в их среде героических представлений, перенесённых и в загробную жизнь. Рядом с богами элевсинского круга, сценами похищения Кору, поисков Деметры, рядом с изображениями мистически-просветлённых и обожествлённых покойников мы имеем шаблонные сцены из области представлений о покойниках, как о героях: и сцену трапезы, и сцену выезда, и сцены боя, и сцены охоты» [Ростовцев, 1912, с. 116–117]. Для меня остаётся непонятным, почему столь тонкий и великолепно эрудированный исследователь не соотнёс всех этих верных суждений с росписью склепа Анфестерия.

Давнюю историю имеет попытка видеть в росписи склепа Анфестерия не отра-

жение жизни боспорского «помещика», а картину быта сарматов в причерноморских степях (Толстой, Кондаков, 1889б, с. 61; Minns, 1913, p. 121, n. 7). Весомым поводом для такого понимания является изображенный здесь шатёр, который обычно считают юртой. М.И. Ростовцев называл это сооружение по-разному – палаткой, юртой и даже кибиткой (Ростовцев, 1913–14, с. 172–174). Л.Г. Нечаева считала, что юрта принадлежала знатному кочевнику (Нечаева, 1975, с. 14; ср. Засецкая, 2008, с. 6). В связи с этим закономерно возникает вопрос – почему столь показательный атрибут кочевнического быта появился в росписи склепа, находившегося в некрополе столицы Боспорского государства? Ответ на него попытался дать В.Ф. Гайдукевич. Он писал: «Может быть, в этом проявилось желание подчеркнуть ту степную обстановку, в которой протекала походная жизнь воина Анфестерия. Но возможно и другое предположение, а именно, что сам Анфестерий или его ближайшие предки вели когда-то кочевой или полукочевой быт, будучи представителями варварской знати, той её части, которую экономические и культурные преимущества жизни в городах Боспора соблазнили настолько, что они охотно туда переселялись, эллинизировались там, вливаясь в состав верхнего социального слоя Боспорского государства» (Гайдукевич, 1949, с. 404). Возможно, всё так и было, но при этом смущает лишь одно – греческое имя и отчество владельца гробницы, обозначенное в имеющейся там надписи.

Сразу надо отметить, что шатёр, изображённый на росписи, никак нельзя назвать юртой по той причине, что он не имеет разборного решетчатого каркаса, да и в плане это сооружение, как представляется, имеет не круглую, а четырёхугольную форму. Настоящая юрта появляется у степняков в середине I тыс. н.э. (Вайнштейн, 1976, с. 46; Крюков, Курылёв 2000, с. 13; Васильева, 2000, с. 23). Скифы, сарматы, гунны и др., как показал С.И. Вайнштейн, юрты не знали, они пользовались либо кибитками, либо шалашами на каркасах. В данном случае прекрасно видны жерди каркаса, выступающие из верхнего отверстия шатра, что, скорей, характерно для чума, но никак не для юрты (Вайнштейн, 1976, с. 43–44). Тем не менее есть основания полагать, что скифский шатёр можно рассматривать как прототип классической юрты (Кузьмина, Лившиц, 1987, с. 250).

Не исключено, что в изображённом на росписи шатре можно усмотреть некоторое сходство с «чёрными шатрами» кочевников, известными, прежде всего, в Северной Африке (см. Штайн, 1981). Одной их разновидностью является *гедан* – жилище бедунов (Гафферберг, 1964), изученное на материалах Туркмении (Винников, 1952, с. 91–92; Гафферберг, 1960, с. 116; 1969, с. 86). Покрытие этих шатров, состоящее обычно из четырёх полотнищ, крепилось на трёх рядах вертикально стоящих жердей, из которых центральный ряд был самым высоким. Это придавало верхней части гедана коническую форму. Верх у таких шатров, однако, не открывался, что отличает их от шатра, изображённого в склепе Анфестерия. В гедане для выхода дыма просто устраивали отверстие в любом месте покрытия (Гафферберг, 1964, с. 6).

Пример, связанный с трактовкой данного шатра, несмотря на все возникающие в связи с этим сомнения, ещё раз убеждает в том, как много информации о реалиях

культурной жизни Северного Причерноморья первых веков н.э. можно разглядеть на росписях боспорских склепов. Особенности одежды представленных на них персонажей, детали конной упряжи, виды вооружения, мебели, типы посуды и т.д. – всё это привлекало, привлекает и будет привлекать пристальное внимание исследователей. Однако не все опыты такого рода можно признать в полной мере удачными. Д.А. Скобелев, к примеру, на основе росписей склепа Анфестерия сделал попытку рассчитать длину сарматских копий (Скобелев, 2004а; 2004б). Его попытку никак нельзя признать удачной (Симоненко, 2010, с. 79-80), поскольку любому непредвзятому наблюдателю понятно, что характерной особенностью этой и других боспорских росписей первых веков н.э. является разномасштабность представленных на них изображений.

Все эти споры по поводу отдельных деталей росписи склепа не должны заслонять от нас фундаментального вопроса: кем был погребённый здесь Анфестерий? Допустимо ли видеть в нём боспорского аристократа – эллина, или же логичней считать, что он был выходцем из сарматской среды, предки которого перебрались на Боспор?

О пределах варваризации. Надо признать, что археологи былых времён относились к решению вопроса об этнической принадлежности богатейших погребений Боспора Киммерийского более смело и свободно, чем это делают сейчас. Напомню в связи с этим суждения некоторых исследователей по поводу погребения, открытого в кургане Куль-Оба. Многим представлялось вполне очевидным, что гробница принадлежала не знатному скифу, а боспорскому царю. Так, к примеру, полагал, Дюбуа де Монпере [Dubois de Montpéreux, 1843, p. 219–222], а вслед за ним и А.Б. Ашик [Ашик, 1848, с. 38-39; 1850, с. 138]. Г.И. Спасский также считал более вероятным, что в Куль-Обе был погребён один из боспорских царей, позаимствовавший от подчиненных ему скифов не только одежду, «но самые нравы и обычаи» [Спасский, 1846, с. 120]. Сходной трактовки придерживался Ф.А. Жиль, рассматривавший этот памятник как усыпальницу Левкона I или его отца Сатира [ДБК, с. XLVI, но ср. Жиль, 1861, с. 56]. Варварские черты погребального обряда и инвентаря он объяснял тем, что владыка Боспора по политическому расчету был вынужден принять «одежду и обычаи народа, над которым он утвердил свое господство» [ДБК, с. XLVIII]. Такую смелость выводов позднее мог себе позволить лишь М.И. Ростовцев [Rostowzew, 1913, p. 15, но ср.: Ростовцев, 1925, с. 382], а совсем в недавнее время – Н.Ф. Федосеев [Федосеев, 2017, с. 30-31].

Для прояснения ситуации стоит обратиться к истории совсем другого народа и к совсем другой эпохе. Речь пойдёт о европейцах, осваивавших просторы Нового света. Сильное варваризирующее воздействие на них, как это ни покажется странным, оказывала культура индейцев. Историк Т. Тернер, досконально изучивший этот вопрос, пришёл к весьма любопытному заключению [Turner, 1921, p. 3-4], которое большое впечатление произвело на Арнольда Тойнби. Приведу длинную цитату из его знаменитого сочинения [Тойнби, 1991, с. 388]:

«В американских поселениях можно наблюдать, как европейские поселенцы

меняли свой образ жизни под воздействием местных условий. На ранних ступенях истории ещё прослеживается развитие тенденций, заложенных европейским развитием. Наиболее быстрая и эффективная американизация происходит на границе. Дикость захватывает колониста. Она захватывает его, европейски одетого, вооружённого промышленными средствами и другими атрибутами цивилизованной жизни. Из железнодорожного вагона она пересаживает его в берестяное каноэ. Она снимает с него цивилизованные одежды и облекает в охотничью куртку и мокасины. Жилищем его становится бревенчатая хижина с традиционным индейским палисадом. Он уже по-индейски возделывает землю, осваивает устрашающие воинственные выкрики и не хуже индейца снимает скальпы с врагов. Короче говоря, пограничное окружение диктовало свои условия. Человек должен был принять их или погибнуть. Постепенно поселенец преобразует окружающую его пустыню; но делает он это на основе нового опыта... Можно считать непреложным факт, что результаты его деятельности имеют специфически американские черты».

Оценивая такое заключение, имеются основания предположить, что и на боспорском пограничье могли иметь место подобные явления, когда некоторые греческие семейства перенимали систему хозяйствования кочевых соседей. Соответственно, приведённую выше историческую картину, которую красочно нарисовал М.И. Ростовцев, можно признать отчасти соответствующей реальной ситуации. С другой стороны, принимая такую интерпретацию, мы закономерно сталкиваемся с серией вопросов, ответы на которые в высшей степени сложны. Главный среди них – куда боспорский аристократ гонял свои стада? Вряд ли он ограничивался территориями Керченского и Таманского полуостровов, а, выходя за их пределы, необходимо было иметь какие-то договорённости с вождями номадов, во владения которых боспоряне вторгались. Но здесь мы невольно касаемся сферы, так сказать, высокой политики тех времён, о которой почти ничего не знаем.

Нельзя сомневаться в том, что боспорский художник, работавший над росписями склепа, как и его заказчики, даже если они были далеки от практики кочевнического быта, прекрасно знали реалии степной жизни. Их особенности выражены здесь вполне достоверно. Зададимся, однако, другим вопросом – не скрывается ли за этой картиной «обычной» жизни некий глубинный смысл, уместный в контексте погребального комплекса? Нельзя ли здесь найти проявление того сияющего света, которым люди во все времена стремятся осветить мрак смерти? Имеется в виду, конечно, посмертная судьба героя, о которой так хорошо сказал М.И. Ростовцев (см. выше), но не счёл возможным проследить её на примере росписи данной гробницы.

Имеется ли здесь сармато-аланский сюжет? С.А. Яценко, изучая росписи склепа Анфестерия, пришёл к весьма неожиданным выводам [Яценко, 1995], заслуживающим краткого рассмотрения. Прежде всего, он высказал догадку, что первоначально гробница принадлежала одному из эллинизированных аланских вельмож (этим, вероятно, объясняется предложенная им поздняя датировка погребального комплекса – вторая половина I в. н.э., когда в районах Приазовья была установлена

гегемония аланов). Затем склеп отошёл к некоему Анфестерию, но росписи в нём остались неизменными, связанными с культурой сармато-аланского мира. Можно согласиться с С.А. Яценко, что представленные здесь изображения нельзя напрямую выводить из греко-римских, малоазийских или фракийских традиций. Росписи бо-спорских склепов действительно очень самобытны, но поздняя датировка этих росписей, как уже отмечалось, вызывает большие сомнения.

По мнению исследователя, орнаментальная композиция гробницы воспроизводит предание о поездке в загробный мир, известное по эпосу «Нарты». За «мнимым пасторальным сюжетом» скрывается «индоиранская сцена из важного аланского предания, иллюстрирующего путешествие Сослана в загробный мир и детали жизни в нём» [Яценко, 1995, с. 192]. Греческий художник воплотил это предание, отчасти основываясь на иконографии современных ему бо-спорских надгробий, которые и ранее включали элементы скифо-сарматских религиозных представлений.

Все эти рассуждения, на первый взгляд, выглядят вполне логичными, но композицию с изображением всадников и коней можно связать не только с нартскими сказаниями, но и с другими эпическими преданиями, рассказывающими о выезде героя. Рельефы средневекового аланского склепа на р. Кривой в Прикубанье, которые С.А. Яценко приводит в подтверждение своей точки зрения [Кузнецов, 1961, с. 106 – 113; Охонько, 1983], в общем, имеют небольшое сходство с росписями гробницы Анфестерия.

Заключение автора о том, что «сцена в юрте» не имеет прямого отношения к основной части композиции [Яценко, 1995, с. 190], вообще заставляет усомниться в правильности его концепции. По-моему, вполне очевидно, что всадники направляются к шатру и сидящей рядом с ним богине, так что шатёр занимает очень важное место в представленной здесь «истории». По всей видимости, с посещением этого необычного жилища так или иначе связан основной смысл путешествия героя. Оставить эту сцену без объяснения означает лишить смысла всю систему росписи склепа.

Для любого непредвзятого наблюдателя вполне понятно, что на изображениях, имеющихся в гробнице Анфестерия, представлено немало деталей, связанных с культурой сарматских степей. Прежде всего, это, конечно, шатёр, аналогии которому на других памятниках бо-спорской живописи отсутствуют. Этот шатёр вряд ли можно считать аланским, поскольку Аммиан Марцеллин, описывая быт аланов, отмечал, что они «живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям» (Аmm. Marc. XXXI. 2. 18). С.А. Яценко правильно указывает, что копьё, прислоненное к шатру, скорее всего, имело обрядовый смысл, поскольку у тюркских народов такое положение этого оружия около юрты являлось оберегом от злых духов [Яценко, 1995, с. 190]. Наконец, с нартским эпосом можно сопоставить изображение невысокого столика, представленное в росписи под шатром (рис. 2); в нартских сказаниях такой низкий круглый столик на трёх ножках, имевший явно культовое значение, называется *ана* [Нарты, 1974, с. 406]. Правда, в данном случае никак нельзя забывать, что в росписи склепа Анфестерия его изображение не является чем-то исключительным. Напротив, такие

столики в великом множестве можно видеть в расписных композициях других гробниц, а также на боспорских надгробиях; их связь с многовековой греческой традицией вряд ли можно оспаривать. Другое дело, что варвары, возможно, заимствовавшие этот атрибут у эллинов, стали признавать его своим, характерным для их культуры.

Несмотря на все обозначенные выше сомнения в правильности гипотезы С.А. Яценко о сармато-аланском сюжете в росписи склепа Анфестерия, следует признать, что он был прав в главном – эта сцена изображает путешествие героя по загробному царству. Что касается дополнительных деталей к её объяснению, то их следует искать не столько в нартском эпосе, сколько в изображениях, представленных на памятниках боспорского погребального искусства.

Семантика росписей склепа. Выше было сказано, что росписи были нанесены на трёх стенах склепа – северной, западной (главная сцена) и южной. Приглядимся к каждой из них более внимательно, начиная от входа в гробницу.

На северной стене, т.е. по двум сторонам от дверного проёма, как было сказано выше, изображены Гермес и некая женщина, являвшаяся, по мнению М.И.Ростовцева, женским коррелятом этого бога (рис. 2). Вполне очевидно при этом, что фигуры, находящиеся рядом со входом, должны символизировать вступление усопшего в царство мёртвых. Гермес, являвшийся проводником душ усопших (Психопомпом), в этом контексте абсолютно уместен. Показательно, что изображение этого божества можно видеть на колонне склепа Сорака [Бобровская и др., 2017, с. 114, ил. 2; с. 141, ил.41; с.214, ил. 176], вот только здесь в руке он держит, скорей, не кошель, а мёртвую птицу, головка которой беспомощно свисает [Виноградов, 2017а, с. 51; 2017б, с. 198, табл.150, 6]. Если эта деталь служит символом души усопшего в момент её вступления в загробное царство, то здесь можно видеть намёк на его будущее возрождение к вечной блаженной жизни [Виноградов, 2017а, с. 51; 2017б, с. 279].

Парное изображение – Гермес по соседству с нимфой Калипсо – можно видеть в знаменитом склепе Деметры [Ростовцев, 1913–14. Табл. LVI, 1; Зинько и др., 2009. С.60-61, рис. 8-9; Бобровская и др., 2017, с. 121, ил. 12; с. 124, ил. 17; 178, ил. 103; 181, ил. 110-111]. Естественно, возникает вопрос: почему в спутницы Психопомпу была выбрана именно Калипсо? По мнению М.И. Ростовцева, рядом с Гермесом всегда появлялся его хтонический женский коррелят, «женское божество, первоначально царица преисподней, низведённая развитием греческой религии на степень одной из многочисленных фигур, связанных с подземной царицей Персефоной» [Ростовцев, 1913–14, с. 225]. Есть все основания считать, что первоначально Калипсо, «покрывающая покрывалом смерти», была такой же царицей Аида [там же]. Не удивительно, что Одиссей, блуждая по краю ойкумены и заходя за её край, посетил её остров (Hom. *Od.* VII. 244–266). Удивление вызывает появление этого архаичного образа в боспорской декоративной росписи первых веков н.э.

В общем, есть основания считать, что на Боспоре существовало поверье, что у входа в загробное царство души усопших встречал Гермес вместе с неким женским божественным созданием.

На южной стене склепа, т.е. непосредственно перед входом, было изображено дерево и стоящие по сторонам от него два коня (рис. 3). Несмотря на странную (зелёную) масть левого животного, можно согласиться с С.А. Яценко, который видит здесь сцену у мирового древа [Яценко, 1995, с. 192]. Важнейший символ мироздания, конечно, должен быть обозначен сразу после входа в гробницу. Несколько смущает лишь лаконичность этой композиции. Художник, в принципе, имел возможность разукрасить южную стену и другими символическими изображениями, но не сделал; по этой причине система росписи склепа Анфестерия может показаться незавершённой.

Роспись западной стены (рис. 4) стала хрестоматийно известной, и о ней уже немало было сказано выше (Виноградов, 2022). В.Ф. Гайдукевич по-своему был прав, указывая, что эта композиция представляет собой сочетание сцен реальной жизни с символическими культовыми сценами. Он писал: «Сидящая в кресле в торжественной позе женщина – хорошо известное по боспорским надгробиям героизированное изображение образа покойницы, сливавшейся в религиозном воображении с образом богини подземного царства. Культовый же характер носит изображение стола с угощением – обычная составная часть сцен загробного пира» [Гайдукевич, 1949, с. 403]. Перечисление атрибутов, характерных для боспорских надгробных рельефов и росписей боспорских катакомб, можно продолжить – это подвешенный горит с луком, всадники, а также неосёдланные кони [Ростовцев, 1913–14, с. 176–180; Виноградов, 2021, с. 73]. Повторюсь, что единственный предмет, которому на них нет аналогий, – шатёр, поставленный на каркас из жердей.

В.Д. Блаватский высказал догадку, что фигурная композиция склепа Анфестерия представляет покойного не в его земной жизни, а в загробном, героизированном существовании [Блаватский, 1964, с. 173, прим. 33], и в этом он был в полной мере прав. В таком случае главную сцену композиции можно трактовать как выезд всадника-героя, устремляющегося к далёким пределам загробного мира в поисках встречи с Великой богиней, что запечатлено на огромном количестве боспорских надгробий [Савостина, 1992, с. 361; Ломтадзе, 2000, с. 65; Виноградов, 2021, с. 74]. Эти «далёкие пределы» для боспорян, скорее всего, ассоциировались со степными просторами и степной атрибутикой. По этой причине, как представляется, на росписи появился кочевнический шатёр.

Не исключено, что подобно композициям расписного саркофага 1900 г., последовательно раскрывающим важнейшие моменты посмертной судьбы боспорского художника [Виноградов, 2021], здесь мы имеем рассказ о завершающей фазе обозначенного выше путешествия. Движение явно развивается справа налево, т.е. так, как это происходит в погребальных церемониях или в спортивных состязаниях (даже современных), исторически восходящих к играм в честь усопших героев. В такой последовательности (начиная справа) логичней рассматривать и представленные на росписи фигуры.

Безбородого всадника, расположенного справа, обычно считают оруженосцем

главного персонажа, но, скорее всего, он и является здесь главным (очевидно, это сам Анфестерий). Герой с длинным копьём в правой руке облачён в кафтан голубого (небесного) цвета, на котором имеются светлые точки. Логично считать, что они обозначают нашитые на одежду золотые бляшки, т.е. всадник был облачён в сакральную одежду. Рядом с ним идёт запасной конь, ещё один следует в отдалении, но его изображение частично разрушено грабительским проходом. Все перечисленные детали имеют значение – путь был нелёгким, долгим (были нужны запасные кони) и опасным (необходимость иметь оружие).

Но кем же тогда является всадник, представленный перед Анфестерием и почти вплотную приблизившийся к богине? Он тоже не имеет бороды, и его одежда идентична одежде первого конника – кафтан голубого цвета, который, как можно считать, расшит золотыми бляшками. Левой рукой он удерживает поводья, а в правой держит кнут или жезл-прут, как это считает С.А. Яценко [Яценко, 1995, с. 189]. Как уже было сказано, скорее всего, это кнут, кнотовище которого прижато к рукояти.

Конники с кнутом в руках на боспорских надгробиях представлены не так часто. Тем не менее, их можно видеть на некоторых памятниках [КБН-атлас. №№ 313, 328, 491; Павличенко, 2010–2011, с. 110]. В композициях, на которых один всадник следует за другим, кнут представлен всего один раз, и он находится в руках первого персонажа [КБН-атлас. № 414 {нижний рельеф}], который выглядит как своего рода проводник.

Всем хорошо известно, что у всадников кнут является обычным орудием управления лошастью, но в его изображениях на надгробиях, как представляется, можно видеть дополнительную коннотацию. Она связана с тем, что кнут служит символом власти, с помощью которого господин может жестоко наказать своих подданных, и такая символика имеет давнюю историю. В качестве подтверждения достаточно напомнить рассказ Геродота о сражении скифов с потомками слепых рабов (Herod. IV. 3. 3–4). Соответственно, кнут в руках у всадника можно рассматривать как признак его власти, распространявшийся на загробный мир. Совсем не исключено, что такого всадника логично считать божеством, который, в частности, сопровождал к Великой богине достойных её героев. И хотя идея о боспорском конном боге может показаться фантастической, такой персонаж, на мой взгляд, органично вписывается в круг образов, связанных с представлениями боспорян о загробном царстве. О культе конного бога на Боспоре много лет назад обоснованно предполагал Ю.М.Десятчиков [Десятчиков, 1980], но его идеи, к сожалению, не нашли продолжения.

Выезд героя, представленный в росписи склепа Анфестерия, как можно полагать, успешно завершается – в сопровождении конного бога он приближается к богине, восседающей на троне рядом с шатром. Выше было сказано, что непосредственно под шатром представлена весьма важная по своему значению сцена. Здесь изображён столик на трёх ножках, на котором поставлены две чаши и кувшин. Слева от стола стоит слуга, в правой руке которого находится сосуд с высоким горлом. Все эти детали очень характерны для сцен загробной трапезы, представленных на боспорских надгробиях и в росписях склепов. Этот рисунок позволяет считать, что

если сцена загробного пира на композиции отсутствует, то намёк на неё всё-таки имеется. Встреча с богиней, однако, явно не ограничивалась только вкушением неземных яств.

Далее, как нетрудно понять, должен произойти священный брак. И.Ю. Шауб абсолютно правильно назвал такие встречи приобщением к Великой богине, рассматривая их как кульминацию загробных упований боспорской элиты [Шауб, 2013, с. 78–82; 2020, с. 110 сл.]. Представление о священном браке являлось существенной составляющей религиозной идеологии населения Северного Причерноморья, по крайней мере, со скифской эпохи [Раевский, 1977, с. 94–106; 2006, с. 122–135; Королькова, 2009, с. 24–25].

На росписи склепа Анфестерия это важнейшее событие, как нетрудно догадаться, происходит в шатре. Именно на такое понимание смысла всей композиции могут указывать два представленных здесь предмета – копьё, прислонённое к шатру, и горит с луком, повешенный на дерево. Последний из этих атрибутов по обоснованному предположению Д.А. Мачинского является символом священного брака между героем и богиней [Мачинский, 1978, с. 143–144]. Копьё, как справедливо полагают некоторые исследователи, тоже являлось сакральным символом [Яценко, 1995, с. 190; Скобелев, 2004б, с. 83]. Его изображения на произведениях торевтики более раннего времени, происходящих из курганов Прикубанья, позволяют считать, что это оружие входило в круг воинских ритуалов, теснейшим образом связанных с почитанием Великой богини [Виноградов, 1993, с. 69–70]².

Схожая идея священного брака в несколько других образах выражена росписями склепа Сорака [Виноградов, 2017а] и саркофага 1900 г. [Виноградов, 2021], но они практически лишены «варварской» специфики, столь ярко выступающей в орнаментальной композиции данного памятника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашик А.Б.* Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. 1. Одесса, 1848.
- Ашик А.Б.* Часы досуга с присовокуплением писем о керченских древностях. Одесса, 1850.
- Блаватский В.Д. Пантикапей.* Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука, 1964.
- Бобровская Е.В., Кукина Д.А., Лазаревская Н.А., Медведева М.В.* Иллюстративные документы XIX – первой половины XX в. по фиксации античной декоративной живописи Боспора из собрания Научного архива ИИМК РАН // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Труды ИИМК РАН. Т. LI. СПб: ИИМК РАН, «Лема», 2017. С. 66–110.
- Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–62.

² В связи с этим можно напомнить о фильме Никиты Михалкова «Урга – территория любви», хотя его главная идея не имеет отношения к символике собственно копья, но в чём-то схожего с ним предмета – урги.

- Васильева Г.П.* Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана (опыт сравнительного анализа конструктивных особенностей) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 20–49.
- Винников Я.Р.* Белуджи Туркменской ССР // СЭ. 1952. № 1. С. 85–103.
- Виноградов Ю.А.* О ритонах из кургана Карагодеуашх // Скифы, сарматы, славяне, Русь. ПАВ. 1993. № 6. С. 66–71.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917). БИ. 2012. Вып. XXVII.
- Виноградов Ю.А.* Склеп Сорака // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. Труды ИИМК РАН. Т. LI. СПб, 2017а. С. 40–52.
- Виноградов Ю.А.* Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Боспорские исследования. Supplementum 17. Симферополь-Керчь, 2017б.
- Виноградов Ю.А.* Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи // БИ. 2021. Вып. XLII. С. 65–88.
- Виноградов Ю.А.* К интерпретации росписей склепа Анфестерия // Боспорские чтения XXIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Са-кральное и материальное. Керчь: ООО «Соло Рич», 2022. С. 35–43.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Гафферберг Э.Г.* Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г. // СЭ. 1960. № 1. С. 112–125.
- Гафферберг Э.Г.* Гедан – кочевое жилище белуджей. IV Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М.: Наука, 1964.
- Гафферберг Э.Г.* Белуджи Туркменской ССР. Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л.: Наука, 1969.
- Десятчиков Ю.М.* О культе бога-всадника на Боспоре // Идеологические представления древних обществ. Тезисы докладов. М.: Наука: Отделение истории АН СССР, 1980. С. 115–116.
- Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 248–285.
- Жиль Ф.* Керчь и Таманский полуостров // ИРАО. 1861. Т. 2. С. 53–56.
- Засецкая И.П.* Сарматы в Северном Причерноморье // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб; Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. С. 4–14.
- Зинько Е.А., Буйских А.В., Русяева А.С., Савостина Е.А., Стриленко Ю.Н., Ягги О.* Склеп Деметры. Киев: Мистецтво, 2009.
- Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд-во УССР, 1961.
- Кобылина М.М.* Живопись // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 214–216.
- Королькова Е.Ф.* Великая богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытки интерпретации // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб: Факультет филологии и искусств, 2009. С. 11–28.
- Крюков М.В., Курылёв В.П.* К ранней истории юрты (по китайским источникам III в. до н.э. – XIII в. н.э.) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 10–19.
- Кузнецов В.А.* Средневековые дольменообразные склепы верхнего Прикубанья // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 106–117.

- Кузьмина Е.Е., Лившиц В.А. Ещё раз о происхождении юрты // Прошлое Средней Азии. Душанбе: Изд-во «Дониш», 1987. С. 243–250.
- Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками. МАР. 1896. № 19.
- Ломтадзе Н.М. К семантике изображений на надгробных рельефах фиаситов боспорских полисов // Античность: эпоха и люди. Казань. Изд-во Казанского университета, 2000. С. 62–68.
- Мачинский Д.А. Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее Средневековье. Л.: Аврора, 1978. С. 131–150.
- Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974.
- Нечаева Л.Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 7–49.
- Охонько Н.А. Изображения на стенах гробницы с реки Кривой (Прикубанье) // СА. 1983. №2. С. 78–91.
- Павличенко Н.А. Неопубликованный боспорский рельеф с изображением всадника // Nurboreus. 2010–2011. Vol. 16–17. С. 405–410.
- Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. М.: Наука, 1977
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Ростовцев М.И. Роспись керченской гробницы, открытой в 1891 г. // ΠΡΟΕΔΡΩΙ ΔΩΡΟΝ. Сборник археологических статей, поднесённых графу А.А. Бобринскому. СПб: Типография В.Ф. Киршбаума, 1911. С. 119–154.
- Ростовцев М.И. Боспорское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. 1912. Июнь. С. 101–120.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб: Императорская археологическая комиссия, 1913–1914.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.: РАИМК, 1925.
- Савостина Е.А. Многоярусные стелы Боспора: семантика и структура // Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкин. 1992. Вып. 10. С. 357–386.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: Нестор-История, 2010.
- Скобелев Д.А. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий // Para Bellum. 2004а. № 3. С. 87–106.
- Скобелев Д.А. Иконография как источник по изучению размеров сарматских копий (Ч. 2) // Para Bellum. 2004б. № 4. С. 77–102.
- Спаский Г.И. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М.: Университетская типография, 1846.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. Классические древности Южной России. СПб: Министерство путей сообщения, 1898а.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Древности скифо-сарматские. СПб: Министерство путей сообщения, 1898б.
- Федосеев Н.Ф. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. Симферополь: Бизнес-Информ, 2017.
- Шауб И.Ю. Приобщение к Великой богине как кульминация загробных упований боспорской элиты: культурно-исторические параллели // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб: Нестор-История, 2013. С. 78–82.

- Шауб И.Ю. Смерть и возрождение. Загробный мир боспорян. СПб: Евразия, 2020.
- Шкорпил В. Отчёт о раскопках в Керчи в 1908 г. // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 62–91.
- Шкорпил В. Из архива Керченского музея. VI. Пять расписных склепов на северном склоне Митридатовой горы // ИТУАК. 1912. № 47. С. 66–74.
- Штайн Л. В чёрных шатрах бедуинов. М.: Восточная литература, 1981.
- Яценко С.А. О сармато-аланском сюжете росписи в Пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. 1995. № 3. С. 188–194.
- Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée. T. 5. Paris, 1843.
- Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie, 1971.
- Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambridge: University Press, 1913.
- Rostowzew M. Iranism and Ionism in South Russia. СПб: Типография Главного управления уделов, 1913.
- Turner T.J. The Frontier in American History. New York: H.Holt and Company, 1921.

REFERENCES

- Ashik A.B. *Vosporskoye tsarstvo s yego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamyatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami*. Vol. 1. Odessa, 1848.
- Ashik A.B. *Chasy dosuga s prisovokupleniyem pisem o kerchenskikh drevnostyakh*. Odessa, 1850.
- Blavatskiy V.D. *Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora*. Moscow, 1964.
- Bobrovskaya E.V., Kukina D.A., Lazarevskaya N.A., Medvedeva M.V. *Ilyustrativnyye dokumenty XIX – pervoy poloviny XX v. po fiksatsii antichnoy dekorativnoy Bospora iz sobraniya Nauchnogo arkhiva IIMK RAN. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii. Trudy IIMK RAN*. T. LI. St. Petersburg, 2017, pp. 66–110.
- Desyatchikov Yu.M. O kul'te boga-vsadnika na Bospore. *Ideologicheskkiye predstavleniya drevnikh obshchestv. Tezisy dokladov*. Moscow, 1980, pp. 115–116.
- Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie, en Crimée*. T. 5, Paris, 1843.
- Ernshtedt Ye.V. Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya (obshchiy obzor pamyatnikov zhivopisi). *Anyichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya, t. I*. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 248–285.
- Fedoseyev N.F. *Greki na Bospore Kimmeriyskom: 200 let issledovaniy*. Simferopol', 2017.
- Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich*. Berlin, 1971.
- Gaydukevich V.F. *Bosporskoye tsarstvo*. Moscow; Leningrad, 1949.
- Gafferberg E.G. Poyezdka k beludzham Turkmenii v 1958 g. *Sovetskaya etnografiya*, 1960, no.1, pp. 112–125.
- Gafferberg E.G. *Gedan – kochevoye zhilishche beludzhey. IV Mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (Moskva, avgust 1964 g.)*. Moscow, 1964.
- Gafferberg E.G. *Beluzhi Turkmenskoy SSR. Ocherki khozyaystva, material'noy kul'tury i byta*. Leningrad, 1969.
- Desyatchikov Yu.M. O kul'te boga-vsadnika na Bospore. *Ideologicheskkiye predstavleniya drevnikh obshchestv. Tezisy dokladov*. Moscow, 1980, pp. 115–116.
- Kobylyina M.M. *Zhivopis' Arkheologiya SSSR. Antichnyye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1984, pp. 214–216.

- Korol'kova Ye.F. Velikaya boginya, bozhestvennyy vsadnik i zagadochnyye enarei: popytki interpretatsii. *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoy i Dunayem*. St. Petersburg, 2009, pp.11–29.
- Kryukov M.V., Kurylev V.P. K ranney istorii yurty (po kitayskim istochnikam III v. do n.e. – XIIIv. n.e.). *Kochevoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana*. Moscow, 2000, pp. 10–19.
- Kuznetsov V.A. Srednevekovyye dol'menoobraznyye sklepy verkhnego Prikuban'ya. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 1961, t. 85, pp. 106–117.
- Kuz'mina E.E., Livshits V.A. Yeshche raz o proiskhozhdenii yurty. *Proshloye Sredney Azii*. Dushanbe, 1987, pp. 243–250.
- Kulakovskiy Yu. *Dve kerchenskiye katakomby s freskami. Materialy po arkheologii Rossii*, 1896, t. 19.
- Lomtadze N.M. K semantike izobrazheniy na nadgrobnnykh rel'yefakh fiasitov bosporskikh polisov. *Antichnost': epokha i lyudi*. Kazan', 2000, pp. 62–68.
- Machinskiy D.A. Pektoral' iz Tolstoy Mogily i velikiye zhenskiye bozhestva Skifii. *Kul'tura Vostoka. Drevnost' i ranneye Srednevekov'ye*. Leningrad, 1978, pp. 131–150.
- Minns E.H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913.
- Narty. Adygskiy geroicheskiy epos. Moscow, 1974.
- Nechayeva L.G. O zhilishche kochevnikov yuga Vostochnoy Evropy v zheleznom veke (I tys. do n.e. – pervaya polovina II tys. n.e.). *Drevneye zhilishche narodov Vostochnoy Evropy*. Moscow, 1975, pp. 7–49.
- Okhon'ko N.A. Izobrazheniya na stenakh grobnitsy s reki Krivoy (Prikuban'ye). *Sovetskaya arkheologiya*, 1983, no. 2, pp. 78–91.
- Pavlichenko N.A. Neopublikovannyy bosporskiy rel'yef s izobrazheniyem vsadnika. *Hyperboreus*, 2010–2011, vol. 16–17, pp. 405–410.
- Rayevskiy D.S. *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen*. Moscow, 1977.
- Rayevskiy D.S. *Mir skifskoy kul'tury*. Moscow, 2006.
- Rostovtsev M.I. Rospis' kerchenskoj grobnitsy, otkrytoy v 1891 g. *PROEDRŌI DŌRON. Sbornik arkheologicheskikh statey, podnesennykh grafu A.A. Bobrinskomu*. St. Petersburg, 1911, pp. 119–154.
- Rostovtsev M.I. Bosporskoye tsarstvo i yuzhno-russkiye kurgany. *Vestnik Evropy*, 1912, Iyun', pp. 101–120.
- Rostowzew M. *Iranism and Ionism in South Russia*. St. Petersburg, 1913.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii*. St. Petersburg, 1913–1914.
- Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor*. Leningrad, 1925.
- Savostina Ye.A. Mnogoyarusnyye stely Bospora: semantika i struktura. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Muzeya izobrazitel'nykh isskustv im. A.S. Pushkin*, 1992, Vol. 10, pp. 357–386.
- Shaub I.Yu. Priobshcheniye k Velikoy bogine kak kul'minatsiya zagrobnnykh upovaniy bosporskoj elity: kul'turno-istoricheskiye paralleli. *Bosporskiy fenomen: Greki i varvary na Yevraziyskom perekrestke*. St. Petersburg, pp. 78–82.
- Shaub I.Yu. *Smert' i vozrozhdeniye. Zagrobnny mir bosporyan*. St. Petersburg, 2020.
- Shkorpil V. Otchet o raskopkakh v Kerchi v 1908 g. *Izvestiya Imperatorskoj arkheologicheskoy komissii*, 1911, vol. 40, pp. 62–91.
- Shkorpil V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeya. VI. Pyat' raspisnykh sklepov na severnom sklone Mitridatovoy gory. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii*, 1912, vol. 47, pp.66–74.

- Shtayn L. *V chernykh shatrakh beduinov*. Moscow, 1981.
- Simonenko A.V. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor'ya*. St. Petersburg, 2010.
- Skobelev D.A. Ikonografiya kak istochnik po izucheniyu razmerov sarmatskikh kopiy. *Para Bellum*, 2004a, no. 3, pp. 87–106.
- Skobelev D.A. Ikonografiya kak istochnik po izucheniyu razmerov sarmat•skikh kopiy (Ch. 2). *Para Bellum*, 2004b, no. 4, pp. 77–102.
- Spasskiy G.I. *Bosfor Kimmeriyskiy s yego drevnostyami i dostopamyatnostyami*. Moscow, 1846.
- Toynbi A.D. *Postizheniye istorii*. Moscow, 1991.
- Tolstoy I., Kondakov N. *Russkiye drevnosti v pamyatnikakh iskusstva*. Vol. I. Klassicheskiye drevnosti Yuzhnoy Rossii. St. Petersburg, 1898a.
- Tolstoy I., Kondakov N. *Russkiye drevnosti v pamyatnikakh iskusstva*. Vol. II. Drevnosti skifo-sarmatskiye. St. Petersburg, 1898b.
- Turner T.J. *The Frontier in American History*. New York, 1921.
- Vaynshteyn S.I. Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Yevrazii. *Sovetskaya etnografiya*, 1976, no. 4, pp. 42–62.
- Vasil'yeva G.P. Yurta – perenosnoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana (opyt sravnitel'nogo analiza konstruktivnykh osobennostey). *Kochevoye zhilishche narodov Sredney Azii i Kazakhstana*. Moscow, 2000, pp. 20–49.
- Vinnikov Ya.R. Beludzhi Turkmenskoy SSR. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no. 1, pp. 85–103.
- Vinogradov Yu.A. O ritonakh iz kurgana Karagodeuashkh. *Skify, sarmaty, slavyane, Rus'*. *Peterburgskiy arkhelogicheskiy vestnik*, 1993, no. 6, pp. 66–71.
- Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859–1917)*. *Bosporskie issledovaniya*, 2012, t. XXVII.
- Vinogradov Yu.A. Sklep Soraka. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii*. *Trudy IIMK RAN*, t. LI, St. Petersburg, 2017a, pp. 40–52.
- Vinogradov Yu.A. *Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo v risunkakh K.R. Begicheva i F.I. Grossa (po materialam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN)*. *Bosporskiye issledovaniya. Supplementum 17*. Simferopol' – Kerch', 2017b.
- Vinogradov Yu.A. Raspisnoy sarkofag 1900 g. iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniya*, 2021, t. XLII, pp. 65–88.
- Vinogradov Yu.A. K interpretatsii rospisey sklepa Anfesteriya. *Bosporskiye chteniya XXIII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Sakral'noye i material'noye*. Kerch', 2022, pp. 35–43.
- Yatsenko S.A. O sarmato-alanskom syuzhete rospisi v Pantikapeyskom «sklepe Anfesteriya» // *Vestnik drevney istorii*, 1995, no. 3, pp. 188–194.
- Zasetskaya I.P. *Sarmaty v Severnom Prichernomor'ye. Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki*. St. Petersburg, 2008, pp. 4–14.
- Zhil' F. Kerch' i Tamanskiy poluostrv. *Izvestiya Rossiyskogo arkheologicheskogo obschestva*, 1861, t. 2, pp. 53–56.
- Zin'ko Ye.A., Buyskikh A.V., Rusyaeva A.S., Savostina Ye.A., Strilenko Yu.N., Yaggi O. *Sklep Demetry*. Kiev, 2009.

Резюме

Склеп Анфестерия был открыт в Керчи в 1877 г. Хрестоматийно известна роспись его западной стены, на которой изображены два всадника, приближающиеся к сидящей женщине.

Левее от неё расположен шатёр. Первые публикаторы росписей считали, что на этой картине изображена жизнь боспорского аристократа в степи. Такую трактовку сейчас нельзя считать убедительной. Все представленные здесь композиции связаны с посмертной судьбой героя (Анфестерия). На северной стене рядом со входом изображены Гермес и женская фигура. Эти два персонажа символизируют вход в потусторонний мир. На южной стене находится изображение дерева жизни, по сторонам от которого стоят две лошади. Композиция западной стены представляет путь героя (всадник с копьём) к Великой богине в сопровождении конного бога (персонаж с кнутом в руке). Шатёр, внутри которого видны две сидящие фигуры, вероятнее всего, символизирует встречу героя с богиней, их священный брак.

Ключевые слова: Боспорское царство, расписные склепы, героизация, изображения всадников, Великая богиня.

Summary

The crypt of Anthesterius was found in Kerch in 1877. The painting of its western wall, which depicts two horsemen approaching a seated woman, is well known in modern scientific literature. To the left of this woman is a tent. The first publishers of the paintings believed that this composition depicted the life of a Bosporan aristocrat in the steppe. Such an interpretation cannot be considered convincing now. All pictures presented here are connected with the posthumous fate of the hero (Anthesterius). On the northern wall near the entrance, Hermes and a female figure are depicted. These two characters symbolize the entrance to the other world. On the southern wall there is an image of a tree of life, on the sides of which there are two horses. The composition of the western wall represents the path of the hero (a horseman with a spear) to the Great Goddess, accompanied by an Equestrian god (a horseman with a whip in his hand). The tent, inside of which two sitting figures are visible, most likely symbolizes the meeting of the hero with the goddess, their sacred marriage.

Key words: the Bosphorus kingdom, painted crypts, glorification, depictions of horsemen, Great Goddess.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
Истории материальной культуры РАН
(С-Петербург).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute
for the History of Material Culture RAS
(St.- Petersburg).
(812) – 764 – 85 – 71
vincat2008@yandex.ru

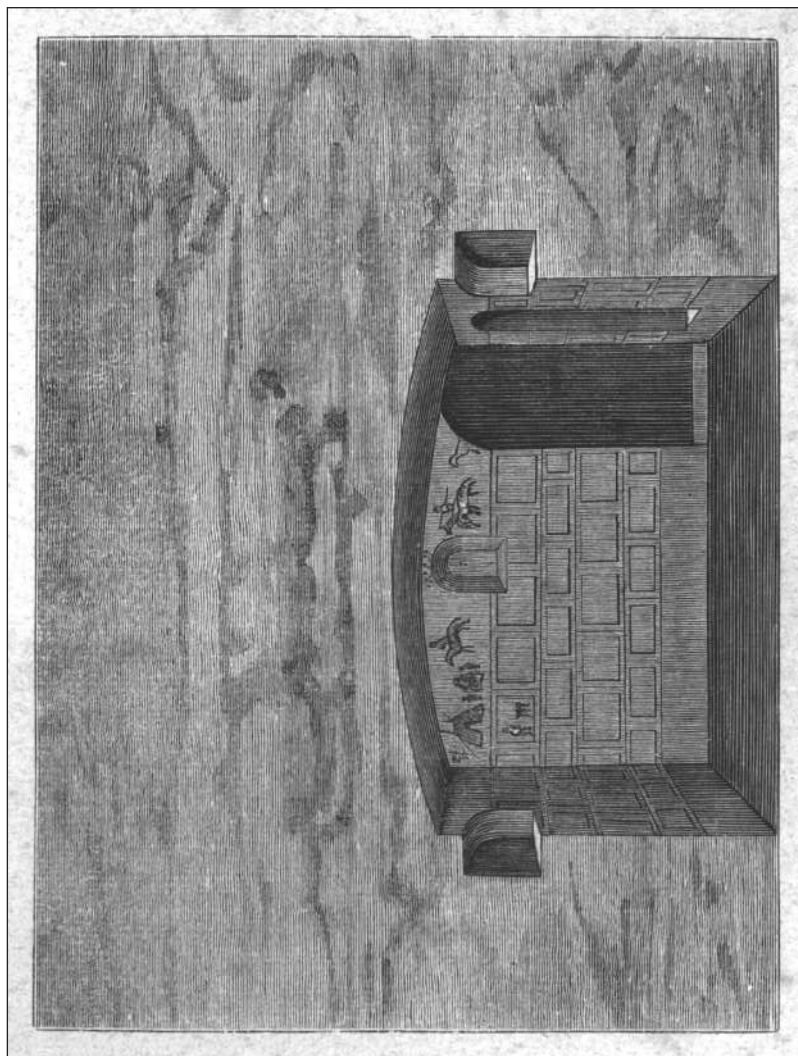

Рис. 1. Склеп Анфестерия (по ОАК за 1877 г.)

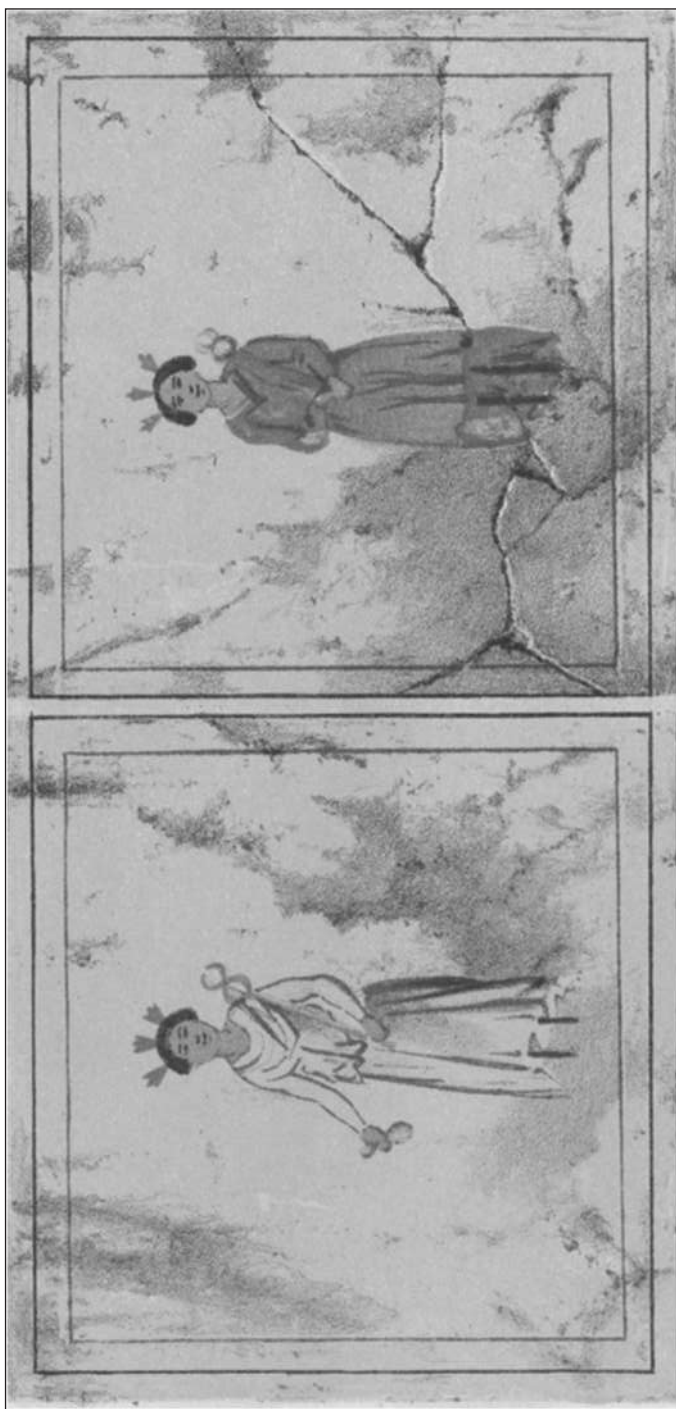

Рис. 2. Роспись на северной стене склепа (по Атлас ОАК за 1878-1879 гг.)

Рис. 3. Роспись на южной стене склепа (по Атлас ОАК за 1878-1879 гг.)

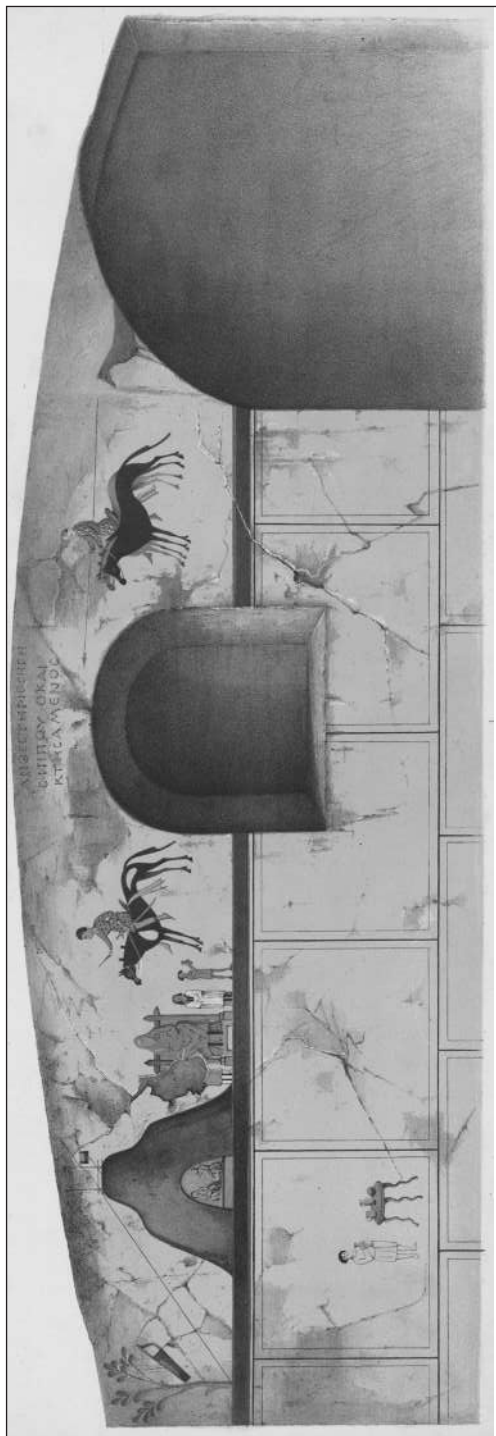

Рис. 4. Роспись на западной стене склепа (по Атлас ОАК за 1878-1879 гг.)

Е.В. СУХАНОВ
E.V. SUKHANOV

ЧТО ДАЮТ РАЗНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ХРОНОЛОГИИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ?

WHAT DO DIFFERENT ARCHAEOLOGICAL SOURCES GIVE FOR STUDYING THE CHRONOLOGY OF THE SALTVOVO-MAYATSK CULTURE?

Проблема исследования

Хронология салтово-маяцкой культуры – одно из наиболее актуальных направлений исследований в хазарской археологии. Причина этого – немногочисленность надёжных хронологических индикаторов.

Основной категорией датирующих находок являются поясные наборы и их элементы. «Каркас» хронологической схемы салтово-маяцкой культуры был разработан С.А.Плетневой [1967; 1989]. На основании новых данных предложенная С.А.Плетневой схема была дополнена, а в некоторых частях и сильно скорректирована А.В. Комаром и И.О. Гавритухиным [Комар, 1999; Гавритухин, 2006]. Открытия последних десятилетий показывают, что важным хронологическим индикатором могут быть вещи, представленные в синхронных и более ранних могильниках Северного Кавказа, но редкие на Среднем Дону – некоторые типы украшений, фибул. Сочетание таких изделий с самыми ранними поясными наборами и византийскими монетами свидетельствует, что эти вещи характерны для наиболее ранних салтово-маяцких погребений, оставленные первыми переселенцами в донскую лесостепь [Аксенов, 2012а; 2012б].

К сожалению, возможность широкого использования этих разновидностей инвентаря ограничена из-за их немногочисленности. Поясные гарнитуры в среде населения салтовской культуры были социальным или возрастным маркером [Афанасьев, 1993; Флёров, 1990], и поэтому они представляют собой не массовую, а скорее редкую категорию археологического материала. Находки предметов, связанных с вещевым набором первых переселенцев на Средний Дон, также являются эпизодическими.

В этой связи актуальной остается задача поиска и обоснования новых видов датирующего инвентаря *среди массового археологического материала* из погребальных памятников салтово-маяцкой культуры.

Предлагаемый подход

В статье предлагается и обосновывается один из возможных вариантов решения этой задачи. Он базируется на анализе форм глиняных сосудов салтово-маяцкой культуры с позиций историко-культурного подхода к изучению керамики, разработанного А.А. Бобринским [Цетлин, 2018]:

1. С позиций историко-культурного подхода к исследованию глиняной посуды объектом анализа при изучении древней керамики являются навыки труда гончаров. Эти навыки формируют разные *культурные традиции*, которым следовали изготовители посуды и передавали их из поколения в поколение. Основной задачей при изучении керамики является *реконструкция таких культурных традиций* – это дает возможность обратиться к изучению культурной истории самого населения, пользовавшегося конкретной глиняной посудой;

2. В истории и этнографии гончарства широко известно такое явление, как *смешение* разных культурных традиций, которое во многих случаях отражает процесс смешения их носителей. Применительно к формам сосудов причиной смешения традиций может быть либо подражание местными гончарами новым для них образцам импортной посуды, либо переселение в местную культурную среду гончаров, имевших другие навыки создания форм и вынужденных приспособляться к традициям местных потребителей. В первом случае в результате подражания инокультурным образцам у небольшой части местных гончаров происходит частичное нарушение их традиционных навыков труда по созданию форм сосудов. Во втором случае такое нарушение может иметь место как у части местных, так и у пришлых гончаров в зависимости от того, кто из них выступает в роли носителей доминантных, а кто в роли носителей рецессивных традиций.

Опираясь на эти факты, выдвинута гипотеза, которая будет проверяться в этой статье на конкретном археологическом материале. Суть её заключается в следующем:

1) Большая часть посуды, сделанной и находившейся в обращении у населения, переселившегося с Северного Кавказа на Средний Дон, соответствовала их привычным традициям по своему внешнему облику. Такие традиции будут называться *несмешанными*, имея в виду их «монолитность» в период формирования памятников салтово-маяцкой культуры. Данное предположение основано на фактах использования первыми переселенцами привычных для них по внешнему облику и функции предметов, о чем уже упоминалось ранее [Аксенов, 2012б, с. 183];

2) Поскольку носители разных гончарных традиций в Среднем Подонье вряд ли существовали изолированно друг от друга, культурные контакты между ними вели к «размыванию» и смешению таких традиций. Следствием этого могло быть увеличение случаев бытового и ритуального использования населением салтово-маяцкой культуры сосудов, сделанных в соответствии со смешанными традициями. Если это предположение подтвердится, распространение смешанных традиций создания форм сосудов можно будет рассматривать как хронологический индикатор относительно более поздних этапов существования салтово-маяцкой культуры.

Первым этапом проверки выдвинутой гипотезы стал анализ состава гончарных морфологических традиций в погребальных памятниках с более или менее узкими датировками, полученными по ремненным гарнитурам. Этому сюжету посвящена отдельная статья [Суханов, 2022]. В ней были рассмотрены материалы

Старосалтовского, Рубежанского, Ржевского, Ютановского, Подгоровского могильников. Помимо перечисленных, использованы материалы и Дмитриевского могильника, на котором равноценно представлены все хронологические горизонты салтово-маяцкой культуры.

Было установлено, что на памятниках раннесалтовского этапа смешанные традиции создания форм сосудов представлены единично. В памятниках более позднего времени такие традиции создания форм сосудов представлены примерно в трети – половине комплексов. Данные, полученные по Дмитриевскому могильнику, тоже свидетельствовали в пользу высказанной гипотезы. Во-первых, почти во всех могилах, где найдены сосуды только несмешанных традиций, датирующие элементы поясных наборов, относятся к раннесалтовскому этапу. Во-вторых, в Дмитриевском могильнике зафиксировано устойчивое уменьшение во времени доли могил с несмешанными традициями формообразования и возрастания доли могил со смешанными традициями.

Таким образом, соотношение комплексов с несмешанными и смешанными традициями создания форм сосудов позволяет выстраивать их в условную хронологическую последовательность, которая подтверждается датировками предметов поясных наборов. Отталкиваясь от этого, мы можем перейти к следующему этапу исследования, которому и посвящена предлагаемая статья. Её основная цель – выяснить, отражает ли распространение у носителей салтово-маяцкой культуры *смешанных морфологических традиций* качественные изменения *всего остального вещевого комплекса* (помимо поясных наборов), который помещался в могилы, и могут ли такие изменения быть маркером разных хронологических этапов в культурной истории населения Среднего Подонья второй половины VIII – начала X века. Речь идёт об украшениях, предметах одежды и туалета, орудиях труда и других массовых категориях вещей из могил салтово-маяцкой культуры.

Систематизация данных об инвентаре в могилах с сосудами несмешанных и смешанных традиций создания форм

Первой задачей этого исследования было составление базы данных¹, включающей информацию о сопроводительном инвентаре погребённых из могил салтово-маяцкой культуры. Наполнение этой базы информацией было организовано в соответствии со следующими правилами.

1) Сначала были отобраны могилы, в которых найден как минимум 1 сосуд одной из трех ранее изученных функциональных категорий – кувшины, кружки, горшки [Суханов, 2020; 2021а; 2021б]².

2) Среди таких могил были отобраны комплексы, содержавшие массовые и ти-

¹ Оформлена в виде таблицы в компьютерной программе Excel.

² Методика реконструкции несмешанных и смешанных традиций создания форм сосудов, а также критерии отнесения к ним конкретных изделий подробно изложены в специальной статье [Суханов, 2022].

пологически разнообразные категории сопроводительного инвентаря. К таковым отнесены: *украшения* – серьги, перстни, браслеты; *предметы одежды* – пуговицы, бубенчики, фибулы; *предметы туалета* – зеркала, копоушки, кисточки, коробочки для благовоний, пинцеты; *предметы религиозного культа* – амулеты, в том числе так называемые треугольнорамчатые рогатые пряжки; *орудия труда* – ножи и мотыги; *компоненты конской упряжи* – удила и стремяна; а также топоры.

3) Вещевой инвентарь был разделен на типы в соответствии с базовой для салтово-маяцкой культуры типологией, предложенной С.А. Плетневой на материалах Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989]. В связи с тем, что со времени публикации этой работы прошло уже около 30 лет, далеко не весь археологический материал вписывается в рамки предложенной С.А. Плетневой типологии. Если в могиле, вносимой в базу данных, присутствовали такие предметы, используемая типология дополнялась.

Так, например, к выделенным С.А. Плетневой пяти типам серег были добавлены еще четыре: тип 6 – серьги в виде овальной или овально-вытянутой дужки без каких-либо других конструктивных элементов; тип 7 – серьги с вытянутой дужкой и подвеской из одного или нескольких крупных шариков; тип 8 – литые серьги с овальной дужкой и короткой неподвижной подвеской из одного-трех сегментов; тип 9 – серьги с овальной дужкой, длинной подвижной подвеской в виде стержня без шариков. Один новый таксон был добавлен к типологии зеркал. Условно его можно назвать как «зеркала редких типов». С некоторыми изменениями использовалась типология бубенчиков. Все изделия с рифленой или граненой поверхностью С.А. Плетнева отнесла к типу 1. При заполнении базы данных проводился более подробный учет этих изделий: вариант 1 – с регулярным рифлением поверхности; вариант 2 – бубенчики со слабовыраженным, нерегулярным рифлением; вариант 3 – бубенчики, у которых систематическое рифление присутствует только на нижней части изделия.

В соответствии с этими правилами в базу данных была включена информация о 268 могилах из 13 погребальных памятников салтово-маяцкой культуры, расположенных в бассейне Среднего Дона: Дмитриевский – 108, Нижнелубянский – 7, Подгоровский – 6, Ютановский – 24, Старосалтовский – 14, Рубежанский – 13, Верхнесалтовский (I, III, IV) – 10, Ржевский – 39, Бочковский – 3, Червоногусаровский – 11, Мандровский – 20, Нетайловский – 11, Красногоровский – 1. База данных включала 1331 запись³, отражающую распределение по перечисленным археологическим комплексам 79 типов вещей.

Выявление вещевых индикаторов, характерных для могил с несмешанными и смешанными традициями создания форм сосудов

Перейдем ко второй задаче исследования, суть которой отражена в подзаголовке этого раздела.

³ Каждая запись – это факт наличия какого-либо типа вещей в конкретном комплексе.

Все погребальные комплексы, внесенные в базу данных, были разделены на две группы:

– Группа 1. Могилы, в которых найдены сосуды только несмешанных традиций создания форм (122 шт.);

– Группа 2. Могилы, в которых присутствуют сосуды смешанных традиций создания форм (146 шт.).

Такое разделение представляется достаточно грубым и отчасти формальным, однако имеет своё объяснение. В исследовании используются могильники разных типов: катакомбные и ямные. Это одна из причин различий могил из разных памятников по количеству найденных в могиле сосудов. Как правило, в могилах катакомбных некрополей сосудов больше, а в могилах ямных – меньше. При этом даже в группе катакомбных есть памятники, где доминирует обычай ставить в могилу один сосуд (например, Старосалтовский, Рубежанский могильники), и памятники, где чаще в могилу помещалось несколько сосудов (например, Дмитриевский, Подгоровский могильники). Все это создает некоторые трудности при учете состава гончарных традиций в могиле. Например, к числу могил с сосудами смешанных традиций могут относиться как случаи, когда в комплексе есть только один сосуд и он относится к смешанной традиции, так и случаи, когда в захоронении имеются два сосуда несмешанных традиций и один сосуд смешанной.

Вполне вероятно, что для строгости учета все используемые комплексы сначала следовало бы разделить на несколько условных категорий – с одним сосудом, с двумя сосудами, с тремя сосудами и т.п., а после этого в каждой такой категории сравнивать типы вещей из могил с разным составом несмешанных и смешанных гончарных традиций. Однако такой подход имеет существенные недостатки. Чем более дробно сгруппированы могилы по количеству сосудов и составу несмешанных и смешанных традиций, тем сложнее проследить какие-либо тенденции относительно связи этих традиций с конкретными типами прочего сопроводительного инвентаря. При таком подходе значительно усложняется структура анализа полученных данных и описания его результатов, в том числе в рамках конкретно этой статьи.

Именно поэтому базовым принципом группировки погребальных комплексов был выбран сам факт наличия в могиле как минимум одного сосуда, соответствующего смешанным морфологическим традициям. На данном этапе разработки проблемы, которой посвящена эта статья, такой подход представляется вполне допустимым.

Для решаемых в этой работе задач было исследовано распределение внесенных в базу данных 79 типов вещей по группам 1 и 2. По итогу этой процедуры выявлено 17 типов, в отношении которых можно сказать, что они более характерны для одной из двух групп (рис. 1; таблица 1).

Для группы 1, т.е. для могил с несмешанными традициями создания форм сосудов, это следующие предметы:

1. Серьги, тип 7 (рис. 2, 1-3)⁴. Учтено 6 комплексов с такими изделиями, из них 5 (83,3 %) находятся в первой группе;
2. Серьги, тип 9 (рис. 2, 4-6). Учтено 3 комплекса, все они находятся в первой группе;
3. Редкие типы зеркал (рис. 2, 9-11). Учтено 6 комплексов, из них 5 (83,3 %) находятся в первой группе;
4. Браслеты, вид 2, тип 3 (рис. 2, 12-13). Браслеты с круглым или уплощенным сечением, декорированы насечками на концах. Учтено 29 комплексов, из них 21 (72,4%) находятся в первой группе;
5. Рогатые пряжки (рис. 2, 7-8). Учтено 11 комплексов, из них 10 (90,9 %) находятся в первой группе.

Более характерными для *группы 2*, т.е. для *могил с сосудами смешанных традиций*, оказались следующие типы вещей:

6. Амулеты, тип 6 (рис. 3, 1-2). Мелкие просверленные косточки лап животных. Учтено 18 комплексов, из них 15 (83,3 %) находятся во второй группе;
7. Амулеты, тип 7 (рис. 3, 3-5). Амулеты в виде когтей и клыков животных. Учтено 14 комплексов, из них 12 (85,7 %) находятся во второй группе;
8. Амулеты, тип 8 (рис. 3, 6-7). Подвески, изготовленные из камня. Учтено 7 комплексов, из них 6 (85,7 %) находятся во второй группе;
9. Амулеты, тип 9, они же амулеты-зеркальца. Учтено 24 комплекса, из них 17 (70,8 %) находятся во второй группе;
10. Серьги, тип 4 (рис. 3, 15-16). Серьги с овальной дужкой и длинной подвижной подвеской, состоящей из нескольких миниатюрных шариков-бусин. Учтено 10 комплексов, из них 8 (80 %) находятся во второй группе;
11. Пуговицы, тип 3 (рис. 3, 10-12). Штампованные, шаровидной или грушевидной формы с проволочной петелькой, с гладкой поверхностью. Многие такие изделия сделаны из двух поперечных половинок. Учтено 49 комплексов, из них 32 (65,3%) находятся во второй группе;
12. Бубенчики, тип 1, вариант 2 (рис. 3, 8-9). Учтен 51 комплекс, из них 34 (66,7%) находятся во второй группе;
13. Бубенчики, тип 3 (рис. 3, 13-14). Штампованные изделия шаровидной формы, сделанные из двух поперечных половинок. Ушко петельчатое. Учтен 31 комплекс, из них 21 (67,7 %) находится во второй группе;
14. Браслеты, вид 2, тип 1 (рис. 3, 19-21). С круглым или уплощенным сечением и прямо обрезанными концами. Учтен 21 комплекс, из них 14 (66,7 %) находятся во второй группе;
15. Зеркала, вид 1, тип 2 (рис. 3, 17-18). Изделия с концентрическими кругами и зигзагами. Учтено 20 комплексов, из них 14 (70 %) находятся во второй группе;

⁴ При перечислении типов вещей, отсутствующих в типологии С.А. Плетневой, не приводится их описание, поскольку оно есть в предыдущем разделе статьи.

16. Топоры, вид 1, тип 3 (рис. 3, 22-23). Топоры с треугольным лезвием и молоточковидным обухом. Учтено 18 комплексов, из них 14 (77,8 %) находятся во второй группе;

17. Топоры, вид 2, тип 3 (рис. 3, 24-25). Топоры с подпроушной выемкой, оттянутым лезвием, молоточковидным обухом. Учтено 26 комплексов, из них 17 (65,4 %) находятся во второй группе.

Проверка датирующих возможностей индикаторов могил с несмешанными и смешанными традициями

Следующий шаг этого исследования – выяснить, правомерно ли рассматривать типы вещей из приведенного выше списка как индикаторы разных хронологических этапов салтово-маяцкой культуры и, следовательно, связано ли бытование сосудов смешанных традиций создания формы с относительно более поздними этапами существования салтово-маяцкой культуры.

Для этого использовано несколько разных и дополняющих друг друга способов:

1) Изучение взаимовстречаемости выявленных индикаторов в могилах салтово-маяцкой культуры;

2) Выяснение хронологии этих индикаторов на основании датировок поясных гарнитур;

3) Проверка хронологии этих индикаторов по независимым хронологическим системам, в том числе разработанным на материалах других археологических памятников.

1) Изучение взаимовстречаемости вещей в могилах. Для решения этой задачи использовались два метода: метод главных компонент и сериация комплексов.

В первом случае результаты анализа представлены в виде графика с двумя осями и рассеянным облаком «точек», обозначающих изучаемые типы вещей (рис. 4). По степени близости таких точек можно судить об общих тенденциях в сочетаемости разных типов вещей в одном комплексе. Вещи, которые встречаются вместе, находятся на графике близко к друг к другу. Предметы, которые, наоборот, редко встречаются в одном комплексе, располагаются на графике далеко друг от друга.

Во втором случае результаты анализа представлены в виде таблицы, где показана сочетаемость конкретных типов вещей в конкретных могилах (рис. 5).

1.1) Метод главных компонент. Анализ выполнен в компьютерной программе Statistica 12. В процедуре использовались категории инвентаря, к которым относятся выявленные в этой работе маркеры первой и второй групп могил: серьги, зеркала, бубенчики и т.д.

Большинство рассмотренных типов вещей образуют плотное скопление, расположенное в центральной части графика (рис. 4). Другие типы формируют, если можно так выразиться, зоны выбросов из этого скопления: слева, справа, сверху.

Наличие плотного скопления в центральной части графика свидетельствует о том, что подавляющее большинство проанализированных типов вещей регулярно встречаются друг с другом в рамках одного комплекса. По сути, данное скопление

отражает большинство проанализированных могил, объединенных общностью вещевого инвентаря. Вещи из периферийных зон графика наоборот не характерны для этой многочисленной группы захоронений и, вероятно, связаны с другими погребальными комплексами.

Такая интерпретация подтверждается, если посмотреть, где конкретно находятся на графике индикаторы первой и второй групп могил. Первые занимают одну из зон выбросов, располагаются сверху от скопления большинства других типов вещей (рис. 4, 1). Большинство индикаторов второй группы занимает другие зоны выбросов – слева и справа от скопления, и только три типа попадают в само скопление (рис. 4, 2).

Таким образом, вещи-индикаторы первой и второй групп ни в одном случае не попадают в одни и те же зоны графика. Тенденция заключается в том, что эти два условных набора вещей характерны для разных могил. Это свидетельствует в пользу проверяемой гипотезы.

1.2) *Сериация*. Попытка выполнить сериацию по всем категориям инвентаря, к которым относятся вещи-индикаторы первой и второй групп, оказалась неудачной. Вероятнее всего, это объясняется сильной «перемешанностью» большинства типов вещей из изучаемых могил, что было показано в результатах анализа методом главных компонент (плотное скопление большинства типов вещей в центральной части графика).

Показательными оказались результаты сериации, сделанной непосредственно по индикаторам первой и второй групп. С технической точки зрения, главная задача сериации – расположить типы вещей (столбцы) и археологические комплексы (строки) таким образом, чтобы заполнение ячеек матрицы имело форму, максимально близкую к диагональной. Такой способ заполнения получается в том случае, если маркеры могил первой и второй групп не «перемешаны» между собой: в левой части матрицы – маркеры первой группы (рис. 5, № 1-5 в верхней строке), в правой части – второй (рис. 5, № 6-16/17 в верхней строке).

Матрица сериации показывает наличие связи между *сменой типов вещей* в могилах и *изменениями традиций* создания форм сосудов. Если разделить матрицу на основании особенностей заполнения ее ячеек на три условных «этапа» – первый, второй, третий, получается следующий результат. В первом «этапе» доминируют комплексы, содержавшие только несмешанные традиции создания форм сосудов – 91% (рис. 6). На втором и третьем «этапах» ситуация противоположна, здесь большинство могил – по 72 % и 76 % соответственно – содержат сосуды смешанных традиций.

Матрица сериации и график изменения состава керамики (рис. 5; 6) подтверждают, что распространение в захоронениях салтово-маяцкой культуры смешанных традиций создания форм сосудов в значительной мере совпадает с распространением в этих комплексах определённого набора металлических вещей, выделенных как индикаторы могил со смешанными традициями: амулетов типов 6-9, серег типа 4 и др.

2) *Выяснение хронологии индикаторов могил с несмешанными и смешанными*

традициями на основании датировок поясных гарнитур. В последние десятилетия для датирования салтово-маяцких комплексов исследователи часто используют хронологию поясных наборов А.В. Комара [1999]. Он разделил этот материал на 6 хронологических горизонтов, 5 из которых представлены в салтово-маяцких могильниках Среднего Дона.

Опираясь на эти данные, можно проверить, относятся ли индикаторы первой и второй групп могил к разным хронологическим этапам салтово-маяцкой культуры. Для этого была составлена специальная таблица, материал для которой был отобран в соответствии с двумя критериями:

1) наличие в могиле как минимум одной категории инвентаря, к которым относятся выделенные маркерные типы (амулеты, серьги, зеркала, браслеты, рогатые пряжки, пуговицы, бубенчики, топоры);

2) наличие в могиле датирующих элементов ременной гарнитуры.

В данном случае не имело значения, есть ли в могиле керамика.

Сформированная таблица включает информацию об инвентаре 110 погребальных комплексов: 39 из Дмитриевского могильника, 7 из Ржевского, 14 из Ютановского, 9 из Старосалтовского, 2 из Рубежанского, по 1 из Подгоровского, Мандровского и Червоногусаровского, погребения Терешково, 35 из Верхнесалтовского. Из использовавшейся ранее базы данных в эту таблицу попали 35 могил. Все остальные включенные в нее комплексы, составляющие почти 2/3 ее объема – «новые», которые ранее нами не рассматривались. Это важная деталь, поскольку при таких условиях мы получаем возможность проверить датирующие возможности выделенных в этой работе вещевых индикаторов, опираясь преимущественно на другой материал.

На основании собранных данных исследовано распределение индикаторов могил с несмешанными и смешанными традициями по разным хронологическим этапам и горизонтам: раннесалтовскому (горизонты I, I/II), среднесалтовскому (горизонт II) и позднесалтовскому (горизонты III, IV). Более или менее надежные данные о хронологии получены для 10 типов вещей⁵.

Среди маркеров *первой группы* могил к ним относятся браслеты вида 2 типа 3 (рис. 7). Больше всего комплексов с такими изделиями датированы горизонтом II, остальные могилы распределены между другими горизонтами⁶. Нельзя сказать, что эти данные подтверждают предположение о соответствии таких браслетов ранним этапам салтово-маяцкой культуры, однако они и не опровергают его, поскольку такие браслеты не преобладают в могилах позднесалтовского этапа.

⁵Количество комплексов, содержащих вещи других типов, в собранной таблице оказалось менее 5 штук.

⁶Горизонты III и IV в этом анализе объединены. Во-первых, при работе с опубликованными прошивками деталей поясных наборов иногда довольно сложно точно понять, к какому горизонту – к III или IV относится изделие. Во-вторых, предметы горизонтов III и IV часто встречаются вместе в одной могиле.

По хронологическому распределению маркеров *второй группы* получены следующие результаты (рис. 7). Два типа вещей – амулеты типа 9 и бубенчики типа 3 наиболее характерны для могил горизонта II. Шесть типов оказались наиболее типичными для горизонтов III и IV, т.е. для позднесалтовского этапа. Это амулеты типа 6, серьги типа 4, пуговицы типа 3, бубенчики типа 1 варианта 2, браслеты вида 2 типа 1, топоры типа 3.

Таким образом, для амулетов типа 9 и бубенчиков типа 3 нет надежных оснований подтвердить их «позднюю» хронологию – они доминируют в комплексах среднесалтовского этапа. Это, однако, не противоречит предположению, что такие вещи не очень характерны для раннего этапа. Для всех других индикаторов могил со смешанными традициями подтверждается их преобладание в могилах позднесалтовского этапа.

Единственный случай явного противоречия по маркерам *второй группы* зафиксирован в отношении зеркал вида 1 типа 2. Большинство могил с такими изделиями датируются горизонтами I и II, т.е. они тяготеют к раннему и среднему хронологическим этапам салтово-маяцкой культуры, а не к позднему, что ожидалось для индикаторов второй группы.

Подведём итоги по этому разделу исследования. Из 10 проанализированных наименований инвентаря только для одного отмечено расхождение между датировкой, предполагаемой на основании данных по керамике, и датировкой по элементам поясных наборов. Единственный «проверенный» здесь индикатор первой группы наиболее типичен для могил среднесалтовского этапа. Индикаторы второй группы имеют два варианта хронологического распределения. Первый – преобладание в могилах среднесалтовского этапа (горизонт II), второй – преобладание в могилах позднесалтовского этапа (горизонты III и IV). Таким образом, полученные данные свидетельствуют преимущественно в пользу проверяемой в этой статье гипотезы.

3) *Проверка хронологии индикаторов могил с несмешанными и смешанными традициями по независимым хронологическим системам.* В последние годы появилось несколько новых исследований, затрагивающих вопросы хронологии эпохи Хазарского каганата на материале разных категорий массового инвентаря из погребальных памятников.

Для решаемых в этом исследовании задач особый интерес представляют две работы. Во-первых, это монографическая публикация Даргавского могильника – одного из опорных некрополей Северного Кавказа для изучения культуры раннесредневековых аланов. Авторами этой книги П.С. Успенским и З.Х. Албеговой [2021] предложена периодизация этого памятника, включающая большинство изученных на этом могильнике комплексов. Многие типы раннесредневековых вещей имели широкое распространение и представлены как на Северном Кавказе, так и на Среднем Дону. Это позволяет рассматривать хронологическую систему Даргавского могильника в качестве важного инструмента проверки датирующих возможностей индикаторов могил с несмешанными и смешанными традициями на Среднем Дону. Во-вторых,

это диссертационное исследование С.И. Владимирова военного дела салтово-маяцкой культуры, в котором рассмотрена хронология некоторых типов предметов вооружения [Владимиров, 2017].

Помимо указанных, в последние десятилетия появились и многие другие работы, так или иначе затрагивающие вопросы хронологии конкретных типов/категорий ранне-средневекового инвентаря и представляющие интерес для решения задач этого исследования [Ковалевская, 1995; Комар, 1999; Афанасьев, Рунич, 2001; Гавритухин и др., 2010].

В Дарговском могильнике известен ряд индикаторов могил с несмешанными и смешанными традициями, выявленных по среднедонским материалам:

1) Вещи, хронология которых *не подтверждается* по Даргавскому могильнику. Это так называемые зеркала редких типов.

По полученным в этой работе данным они являются маркером первой группы и, следовательно, должны иметь «раннюю» хронологию. В Даргавском могильнике 1 комплекс с таким изделием относится ко второй половине VIII-середине IX в. и 3 комплекса – к середине IX-первой трети X в. (рис. 8, 1). Вероятно, даже этих скромных данных достаточно чтобы констатировать, что по Даргавскому могильнику ранняя датировка таких зеркал не подтверждается.

2) Вещи, которые *не имеют узких дат по хронологии Даргавского могильника*. Это браслеты вида 2 типа 1 (маркер второй группы). 7 комплексов с такими изделиями относятся к первой половине VIII в., 9 комплексов – ко второй половине VIII-середине IX в., 5 комплексов к середине IX-первой трети X в. (рис. 8, 2);

3) Вещи, хронология которых *подтверждается* по Даргавскому могильнику, но количество комплексов с ними – небольшое. Во-первых, это серьги типа 9. Аналогичные изделия встречены в одном датированном комплексе VII-первой половины VIII века. Это соответствует нашим результатам, где серьги данного типа – индикатор первой группы могил. Во-вторых, это костяные амулеты (типы 6 и 7). В Даргавском могильнике они представлены в трёх датированных комплексах. Один относится к группе 4.3, датируемой по предположению авторов рубежом VIII/IX-1-й половиной IX века⁷, два других – к середине IX-первой трети X века. В соответствии с нашими результатами костяные амулеты – маркер могил второй группы могил Среднего Дона;

4) Вещи, хронология которых *подтверждается* материалами Даргавского могильника. Все они оказались индикаторами второй группы могил салтово-маяцкой культуры Среднего Дона, т.е. относительно более поздней:

⁷ Авторами выделена группа 4, общие хронологические границы – вторая половина VIII-первая половина IX в. По устойчивости сочетаний разных типов вещей в этой группе выделяются три подгруппы: 4.1, 4.2, 4.3. Авторы хронологии затрудняются установить хронологические границы этих подгрупп, однако отмечают, что они явно демонстрируют изменения вещевого набора, происходившие в период сооружения могил группы 4. Исходя из этого, П.С. Успенский и З.Х. Албегова предполагают, что подгруппы 4.2 и 4.3 содержат больше материалов рубежа VIII/IX-первой половины IX века.

– Амулеты, тип 9 (рис. 9, 1). В Даргавском могильнике встречены в 7 датированных комплексах, среди которых 1 относится к первой половине VIII века, 2 – ко второй половине VIII-середине IX в. и 4 – к середине IX-первой трети X в. Тенденция – чем позднее комплексы, тем чаще в них встречаются такие амулеты;

– Серьги, тип 4 (рис. 9, 2). Зафиксированы в 15 датированных комплексах Даргавского могильника, все они относятся ко второй половине IX-первой трети X века и, возможно, позднее. К этому можно добавить, что в соответствии с выводами В. Б. Ковалевской, основанными на более обширных материалах, появление и распространение сережек данного типа на Северном Кавказе произошли не ранее середины IX века [Ковалевская, 1995, с. 164];

– Бубенчики, тип 3 (рис. 9, 3). Встречены в 16 датированных комплексах Даргавского могильника. 1 относится к первой половине VIII века, 6 – ко второй половине VIII-первой половине IX века, 9 – к середине IX-первой трети X века и позднее. Чем позднее комплексы, тем чаще в них встречаются такие бубенчики;

– Пуговицы, тип 3 (рис. 9, 4). Зафиксированы в 14 датированных комплексах Даргавского могильника. 1 из них относится к концу VII-первой половине VIII века, 3 – ко второй половине VIII-первой половине IX века и 10, т.е. подавляющее большинство, датируются второй половиной IX-первой третью X века. Чем позднее комплексы, тем чаще в них встречаются такие пуговицы;

– Зеркала, вид 1, тип 2 (рис. 9, 5). Встречены в 22 датированных комплексах Даргавского могильника. Тенденция хронологического распределения очень похожа: 3 комплекса относятся к первой половине VIII века, 8 – ко второй половине VIII-первой половине IX века и 11 – ко второй половине IX-первой трети X века.

Отдельно остановимся на типах вещей, о хронологии которых можно судить по материалам других раннесредневековых памятников:

– Топоры с молоточковидным обухом (вид 1 тип 3, вид 2 тип 3). В соответствии с выводами С.И. Владимирова, в могильниках Среднего Дона такие изделия характерны для позднего этапа, под которым он понимает IX век в целом. В захоронениях этого времени таких топоров почти в два раза больше, чем в захоронениях второй половины VIII века [Владимиров, 2017, таб. 13].

Результаты этого исследования соответствуют выводам С.И. Владимирова, поскольку такие топоры выделены как индикатор второй, более поздней группы могил;

– Серьги, тип 7. В Даргавском могильнике отмечено только два датированных комплекса с подобными серьгами. Они относятся к первой половине VIII века.

В соответствии с выводами В.С. Аксенова, такие серьги входят в состав одного из наборов личных украшений первых салтово-маяцких переселенцев на Средний Дон, поскольку в ряде могил они находились вместе с наиболее ранними для этой культуры элементами поясных наборов [Аксенов, 2012а, с. 214. Рис. 1, 1-3]. Это достаточно существенный аргумент в пользу того, что верхняя дата вещевых наборов в среднедонских могилах первых переселенцев с территории Северного Кавказа не выходит за рамки второй половины VIII века. Похожие по форме серьги известны

в комплексах разных районов Северного Кавказа, относящихся к VIII-началу IX в. [Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 146, 14; Гавритухин и др., 2010, табл. 203; Гавритухин, Обломский, 1996, с. 80. Рис. 83; Албегова, 2013, с. 12].

Результаты этого исследования соответствуют приведенным данным о хронологии таких серёг, поскольку они выделены в качестве хронологического маркера первой, т.е. ранней группы могил Среднего Дона;

– Рогатые пряжки. В хронологической системе А.В. Комара такие изделия отнесены к числу характерных предметов I горизонта салтово-маяцкой культуры, датирующегося второй половиной VIII века [Комар, 1999, с. 125]. Это находит соответствие с результатами данного исследования, где такие изделия выделены в качестве маркера первой группы салтово-маяцких могил Среднего Дона.

Таким образом, хронология большинства индикаторов могил с несмешанными и смешанными традициями, выделенных по материалам Среднего Дона, подтверждается по другим хронологическим системам.

Заключение

В этой статье была продолжена проверка гипотезы о том, что распространение в салтово-маяцких могильниках Среднего Дона сосудов, соответствующих смешанным традициям создания форм, отражает хронологические изменения в культуре людей, хоронивших на этих некрополях, а сами такие сосуды могут быть индикатором ее позднего этапа.

Для этого проанализировано распространение разных типов массовых категорий сопроводительного инвентаря по могилам с несмешанными и смешанными традициями создания форм сосудов. Выделены типы вещей, присутствие которых в могиле тесно связано с тем, к каким традициям относятся найденные в ней сосуды. Изучение взаимовстречаемости таких типов, проверка их хронологии по комплексам, датированным элементами поясных наборов, а также проверка по независимым хронологическим схемам приводят к выводу, что *большинство таких типов* могут рассматриваться в качестве достаточно надежных *индикаторов разных хронологических этапов* салтово-маяцкой культуры. Вещи, которые по результатам этого исследования оказались более характерны для могил с несмешанными традициями создания форм сосудов, относятся в основном ко второй половине VIII – первой половине IX века. Типы инвентаря, выделенные в этой работе как маркер могил со смешанными традициями, преобладают в комплексах, датирующихся не ранее IX века либо не ранее середины IX века.

Таким образом, результаты этого исследования дополняют высказанные ранее аргументы в пользу проверяемой гипотезы [Суханов, 2022]. Они свидетельствуют, что распространение в салтово-маяцких материалах смешанных традиций создания форм сосудов – это один из признаков хронологических изменений в культуре населения Среднего Дона, которые имели место в период со второй половины VIII до конца IX-начала X века. На этом этапе можно сказать, что такие изменения проявились в облике элементов поясных гарнитур, а также отдельных типов украшений, предметов костюма, туалета и вооружения населения салтово-маяцкой культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С.* Наборы металлических украшений с ранних памятников салтово-маяцкой культуры Харьковщины (этнический аспект) // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов / отв. ред. Ю.В. Разуваев. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012а. С. 208 – 219.
- Аксенов В.С.* Ранняя группа личных украшений салтовского населения Подонцовья (по материалам погребений с фибулами Нетайловского могильника) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Выпуск 11. Харьков: ООО «НТМТ», 2012б. С.172–187.
- Аксенов В.С.* Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. 2001. № 1-2. С. 62–78.
- Аксенов В.С.* Старосалтовский катакомбный могильник // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 137–149.
- Албегова З.Х.* Археологические памятники Зарамагской котловины (по материалам охранных раскопок 2007–2009 гг.) // КСИА. 2013. Вып. 228. С. 3–18.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П.* Мокрая Балка. М.: Научный мир, 2001. 251 с.
- Афанасьев Г.Е.* Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993. 184 с.
- Владимиров С.И.* Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII-начале X в. (салтово-маяцкая культура). Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 310 с.
- Гавритухин И. О., Албегова З. Х., Верещинский-Бабайлов Л.И.* Хронология могильника Мамисондон // Албегова З.Х., Верещинский- Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: Таус, 2010. С. 94–111.
- Гавритухин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // Хазары. Евреи и славяне. Т. 16. М.: Гешарим. Мосты культуры, 2005. С. 378–426.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.: ИА РАН, 1996. 298 с.
- Ковалевская В.Б.* Хронология древностей северокавказских аланов // Аланы: история и культура. Alanica – III. Владикавказ, 1995. С. 123–183.
- Комар А.В.* Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita Antiqua. 1999. № 2. С. 111–136.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. - 286 с.
- Плетнёва С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 200 с.
- Суханов Е.В.* Культурные традиции создания форм кувшинов у донских аланов // История, археология и этнография Кавказа. 2020. № 16 (3). С. 639–660.
- Суханов Е.В.* До дискусії щодо етнічних маркерів у кераміці салтово-маяцької культури // Міхеєвські читання. Вип. 2. Харків: Майдан, 2021а. С. 92–104.
- Суханов Е.В.* Формы кружек салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону // История, археология и этнография Кавказа. 2021б. № 17(2). С. 455–479.
- Суханов Е.В.* Формы сосудов салтово-маяцкой культуры Среднего Дона (вопросы хронологии) // Вестник «История керамики». Вып. 4. М.: ИА РАН, 2022. С. 136–170.
- Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х.* Древности Центрального Кавказа VII – XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). М.: ИА РАН, 2021. 272 с.
- Флёров В.С.* К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху Средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 38–43.
- Цетлин Ю.Б.* Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124–179.

REFERENCES

- Aksenov V.S. Nabory metallicheskikh ukrashenij s rannih pamjatnikov saltovo-majackoj kul'tury Har'kovshhiny (jetnicheskij aspekt). *Razuvaev Yu.V. (ed.). Vostochnoevropejskie drevnosti*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2012a, pp. 208–219.
- Aksenov V.S. Rannaya grupa lichnyh ukrashenij saltovskogo naseleniya Podoncov'ya (po materialam pogrebenij s fibulami Netajlovskogo mogil'nika). *Posohov S.I. (ed.). Drevnosti. Har'kovskij istoriko-arheologicheskij ezhegodnik. Vol. 11*. Har'kov, OOO «NTMT» Publ., 2012b, pp. 172–187.
- Aksenov V.S. Rubezhanskij katakombnyj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury na Severskom Donce. *Donskaya arheologiya*, 2001, Vol. 1-2, pp. 62–78.
- Aksenov V.S. Starsaltovskij katakombnyj mogil'nik. *Vita Antiqua*, 1999, Vol. 2, pp. 137–149.
- Albegova Z.H. Arheologicheskie pamyatniki Zaramagskoj kotloviny (po materialam ohrannyh raskopok 2007–2009 gg.). *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 2013, Vol. 228, pp. 3–18.
- Afanas'ev G. E., Runich A. P. *Mokraya Balka*. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2001, 251 p.
- Afanas'ev G.E. *Donskie alany: social'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya bassejna Srednego Dona*. Moscow, Nauka Publ., 1993, 184 p.
- Vladimirov S.I. *Vooruzhenie i voennoe delo naseleniya Dono-Donckoj lesostepi vo vtoroj polovine VIII-nachale X v. (saltovo-mayackaya kul'tura)*. PhD Thesis. Voronezh, 2017, 310 p.
- Gavrituhin I. O., Albegova Z. H., Vereshchinskij-Babajlov L.I. Hronologiya mogil'nika Mamisonon. Albegova Z.H., Vereshchinskij- Babajlov L.I. Rannesrednevekovyj mogil'nik Mamisonon. *Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij 2007–2008 gg. v zone stroitel'stva vodohranilishcha Zaramagских GES*. Moscow, Taus Publ., 2010, pp. 94–111.
- Gavrituhin I.O. Hronologiya epohi stanovleniya Hazarskogo kaganata (elementy remennoj garnitury). *Hazary. Evrei i slavyane. Vol. 16*. Moscow, Gesharim, Mosty kul'tury, 2005, pp. 378–426.
- Gavrituhin I.O., Oblomskij A.M. *Gaponovskij klad i ego kul'turno-istoricheskij kontekst*. Moscow, IA RAS Publ., 1996, 298 p.
- Kovalevskaya V.B. Hronologiya drevnostej severokavkazskih alan. *Alany: istoriya i kul'tura. Alanica – III*. Vladikavkaz, 1995, pp. 123–183.
- Komar A.V. Predsaltovskie i rannesaltovskie gorizonty Vostochnoj Evropy (voprosy hronologii). *Vita Antiqua*, 1999, Vol. 2, pp. 111–136.
- Pletneva S.A. *Na slavyano-hazarskom pogranič'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks)*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 286 p.
- Pletneva S.A. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo-maiatskaia kul'tura*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 200 p.
- Suhanov E.V. Kul'turnye tradicii sozdaniya form kuvshinov u donskih alan. *Istorija, arheologiya i etnografiya Kavkaza*, 2020, Vol. 16 (3), pp. 639–660.
- Suhanov E.V. Do diskusii shchodo etnichnih markeriv u keramici saltovo-mayac'koї kul'turi. *Miheevs'ki chitannya, Vol. 2*. Harkiv: Majdan, 2021a, pp. 92–101.
- Suhanov E.V. Formy kruzhek saltovo-mayackoj kul'tury na Srednem Donu. *Istorija, arheologiya i etnografiya Kavkaza*, 2021b, Vol. 17 (2), pp. 455–479.
- Suhanov E.V. Formy sosudov saltovo-mayackoj kul'tury Srednego Dona (voprosy hronologii). *Vestnik «Istorija keramiki»*, Vol. 4. Moscow, IA RAS Publ., 2022, pp. 136–170.
- Uspenskij P.S., Albegova (Carikaeva) Z.H. *Drevnosti Central'nogo Kavkaza VII – XIII vv. (po materialam Dargavskogo mogil'nika)*. Moscow, IA RAS Publ., 2021, 272 p.
- Flyorov V.S. K voprosu o social'noj differenciacii v Hazarskom kaganate. *Voprosy etnicheskoi istorii Volgo-Don'ya v epohu srednevekov'ya i problema burtasov*. Penza, 1990, pp. 38–43.
- Tsetlin Yu.B. Ob obshchem podhode i metodike sistemnogo izucheniya form glinyanyh sosudov. *Tsetlin Yu.B. (ed.). Formy glinyanyh sosudov kak ob'ekt izucheniya. Istoriko-kul'turnyj podhod*. Moscow, IA RAS Publ., 2018, pp. 124–179.

Резюме

Одна из актуальных задач в исследованиях салтово-маяцкой культуры – это выявление хронологических индикаторов среди массовых категорий археологических источников. В статье предложен один из возможных путей решения этой задачи, который основан на анализе форм глиняных сосудов с позиций историко-культурного подхода к изучению древней керамики. В ней проверяется выдвинутая автором гипотеза, в соответствии с которой несмешанные традиции создания форм сосудов бытовали преимущественно на ранних этапах салтово-маяцкой культуры, а смешанные – преимущественно на более поздних этапах. Для этого исследовано распространение в могилах с несмешанными и смешанными традициями разных типов массовых категорий вещей: украшений, предметов одежды, туалета, религиозного культа, труда и других. В результате анализа выявлены типы вещей, наиболее характерные либо для могил с несмешанными, либо для могил со смешанными традициями. Изучение взаимовстречаемости таких типов, а также проверка их хронологии по датированным археологическим комплексам свидетельствуют, что большинство из них могут рассматриваться в качестве индикаторов разных хронологических этапов салтово-маяцкой культуры.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, хронология, формы сосудов.

Summary

The search for chronological indicators among the mass categories of archaeological sources is one of the actual tasks in the research of the Saltovo-Mayatsk culture. The article suggests one of the possible ways to solve this problem. It is based on the analysis of the shapes of clay vessels from the standpoint of the historical-and-cultural approach to the study of ancient ceramics. The article deals with the hypothesis according to the hypothesis that says the following: unmixed traditions of creating vessel forms existed mainly at the early stages of the Saltovo-Mayatsk culture, and mixed ones – mainly at later stages. The article examines the relationship between the presence of vessels of unmixed and mixed traditions and different types of the inventory (jewelry, clothing items, toilet, etc.). The types of things that are most typical for each of these two groups are identified. The study of the occurrence of such types, as well as the verification of their chronology by dated archaeological complexes, indicate that most of them can be considered indicators of different chronological stages of the Saltovo-Mayatsk culture.

Key words: Saltovo-Mayatsk culture, chronology, vessel's shape.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханов Евгений Владимирович,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института археологии РАН,
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
sukhanov_ev@mail.ru

Sukhanov Evgeny Vladimirovich,
PhD, researcher of Institute
of Archaeology Russian Academy of Sciences,
Dm. Ulyanova str., 19, Moscow,
117292, Russian Federation.
sukhanov_ev@mail.ru.

Таблица 1. Распространение упоминаемых в статье типов инвентаря в могилах с несмешанными и смешанными традициями создания форм сосудов.

Группы	Могилы	Типы вещей (номера даны по тексту)																
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Группа 1	ЮМ-19												+					
Группа 1	СМ-17				+													
Группа 1	НМ-63												+					
Группа 1	НМ-51																	+
Группа 1	ДМ-2															+		
Группа 1	ДМ-116											+						
Группа 1	ДМ-140													+				
Группа 1	РЖМ-17										+							
Группа 1	РЖМ-20												+					
Группа 1	ЮМ-1																	+
Группа 1	ЮМ-3														+			
Группа 1	ЮМ-4	+																
Группа 1	ЮМ-5	+																
Группа 1	СМ-1				+													
Группа 1	СМ-12																	+
Группа 1	СМ-16				+													
Группа 1	РМ-13														+			
Группа 1	РМ-17												+					
Группа 1	ЧМ-46											+						
Группа 1	ЧМ-175		+															
Группа 1	ЮМ-20					+												+
Группа 1	ЮМ-6												+					+
Группа 1	ЮМ-7			+	+													
Группа 1	ЮМ-14					+									+			
Группа 1	ЮМ-13	+			+													
Группа 1	СМ-18		+	+	+													
Группа 1	РМ-11				+								+					
Группа 1	ВМ4-72				+								+					
Группа 1	ВМ4-83					+						+						
Группа 1	ДМ-55															+		+
Группа 1	ДМ-109									+				+				
Группа 1	ДМ-111									+		+						
Группа 1	ДМ-118				+								+					
Группа 1	ДМ-150											+		+				

Группа 2	ПМ-13							+							+			
Группа 2	ДМ-6								+								+	
Группа 2	ДМ-23														+		+	
Группа 2	ДМ-45									+								+
Группа 2	ДМ-73									+							+	
Группа 2	ДМ-121							+		+								
Группа 2	ДМ-168									+		+						
Группа 2	ДМ-38										+	+					+	
Группа 2	ДМ-57							+		+			+					
Группа 2	ДМ-67							+			+	+						
Группа 2	ДМ-83										+		+	+				
Группа 2	ДМ-98							+	+		+							
Группа 2	ДМ-106										+	+						+
Группа 2	ДМ-107										+	+	+					
Группа 2	ДМ-125										+	+					+	
Группа 2	ДМ-173										+		+	+				
Группа 2	ПМ-12										+				+		+	
Группа 2	ДМ-56				+					+	+		+					
Группа 2	ДМ-22							+	+	+		+						
Группа 2	ДМ-52									+		+	+				+	
Группа 2	ДМ-74							+	+	+							+	
Группа 2	ДМ-92										+	+	+					+
Группа 2	ДМ-152											+	+			+	+	
Группа 2	НМ-56										+	+			+			+
Группа 2	НМ-54									+	+		+		+			+
Группа 2	ДМ-72							+	+			+		+				+
Группа 2	ДМ-36								+			+	+	+	+			
Группа 2	ДМ-110							+			+		+	+			+	
Группа 2	ДМ-108							+	+		+		+	+				
Группа 2	ДМ-11				+			+	+	+	+		+		+			
Группа 2	ДМ-81							+	+		+		+	+			+	+
Группа 2	ДМ-114				+			+	+		+		+	+		+	+	
Группа 2	ЮМ-16				+													
Группа 2	ДМ-9											+						
Группа 2	ДМ-17												+					
Группа 2	ДМ-84												+					
Группа 2	ДМ-91														+			
Группа 2	ДМ-105																+	
Группа 2	ДМ-130												+					

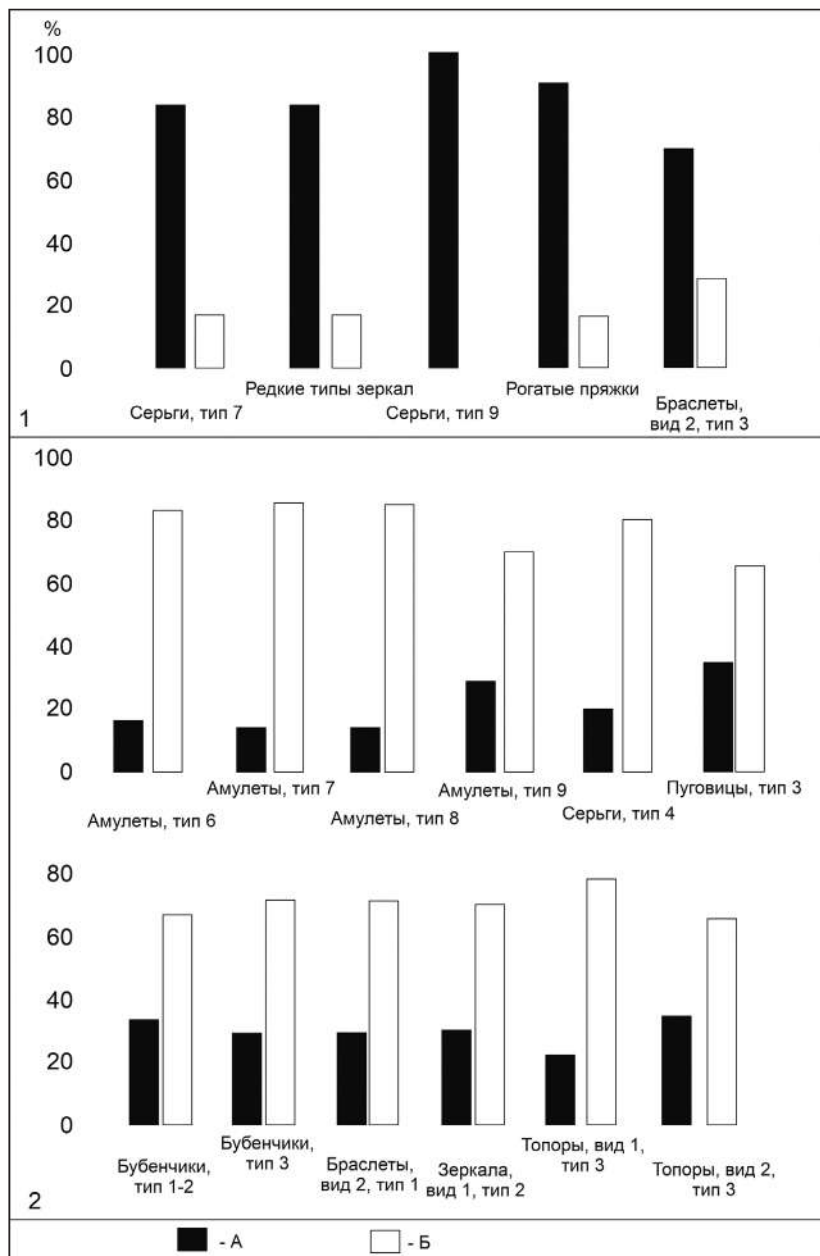

Рис. 1. Типы вещей, наличие которых зависит от традиций, которым соответствуют формы сосудов из могилы. А – в могилах с несмешанными традициями; Б – в могилах со смешанными традициями.

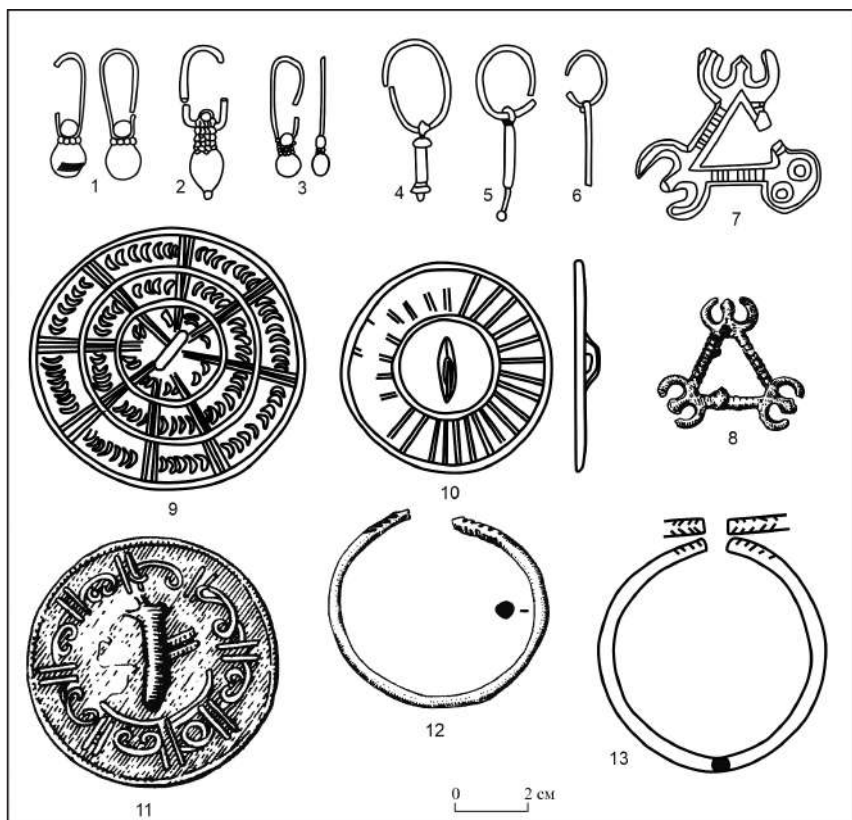

Рис. 2. Индикаторы могил с сосудами несмешанных традиций создания формы. 1-3 – серьги, тип 7; 4-6 – серьги, тип 9; 7-8 – треугольнорамчатые рогатые пряжки; 9-11 – зеркала «редких» типов; 12-13 – браслеты, тип 2, вид 3. 1, 2, 8, 11, 12, 13 – Ютановский могильник; 3 – 6 – Старосалтовский могильник; 7, 10 – Рубежанский могильник. Старосалтовский, Рубежанский могильники – рисунки по Аксенов, 1999; 2001; Ютановский могильник – рисунки Г.Е. Афанасьева.

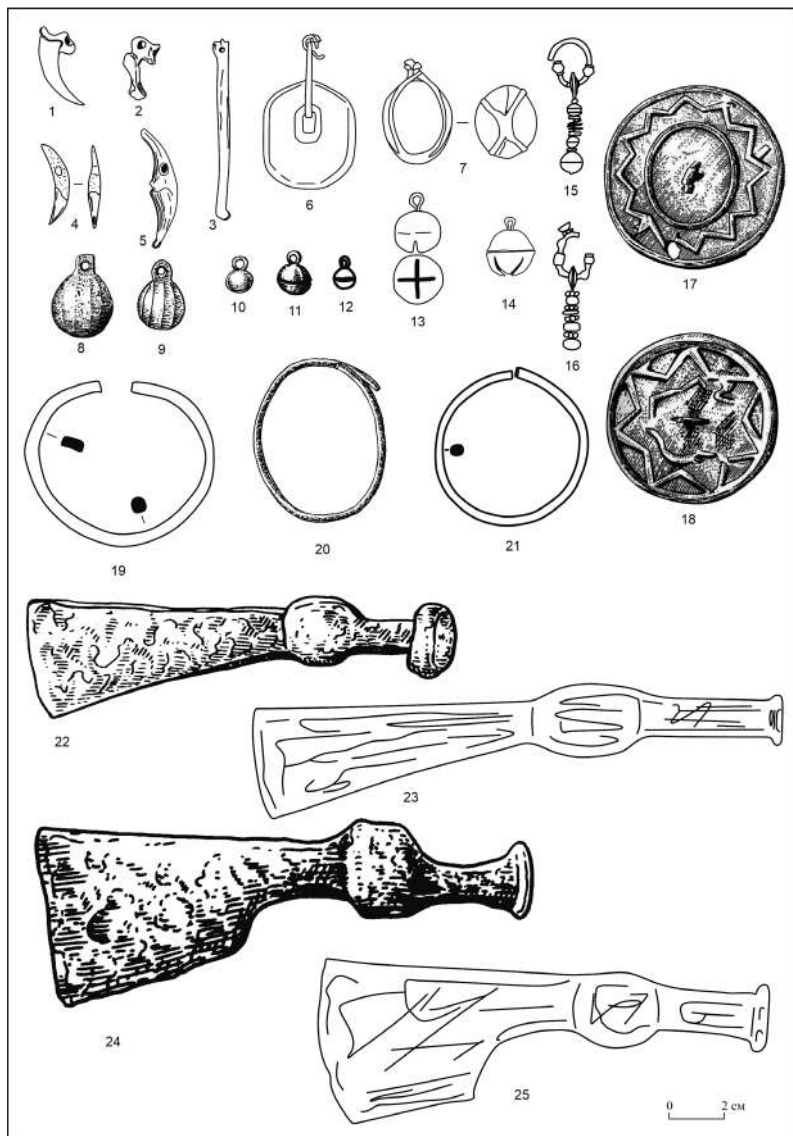

Рис. 3. Индикаторы могил с сосудами смешанных традиций создания формы.

1-2 амулеты, тип 6; 3-5 – амулеты, тип 7; 6-7 – амулеты, тип 8; 8-9 – бубенчики, тип 1, вариант 2; 10-12 – пуговицы, тип 3; 13-14 – бубенчики, тип 3; 15-16 – серьги, тип 4; 17-18 – зеркала, вид 1, тип 2; 19-21 – браслеты, вид 2, тип 1; 22-23 – топоры, вид 1, тип 3; 24-25 – топоры, вид 2, тип 3; 1, 15, 16 – Ржевский могильник; 2, 4-6, 14, 17, 18, 21 – Дмитриевский могильник; 3, 19 – Подгоровский могильник; 7 – Нижнелубянский могильник; 8-11, 20, 22, 24 – Ютановский могильник; 12, 13, 23, 25 – Старосалтовский могильник. Старосалтовский, Рубежанский могильники – рисунки по Аксенов, 1999; 2001; Ютановский, Нижнелубянский могильники – рисунки Г.Е. Афанасьева; Ржевский, Подгоровский могильники – рисунки В.А. Сарапулкина.

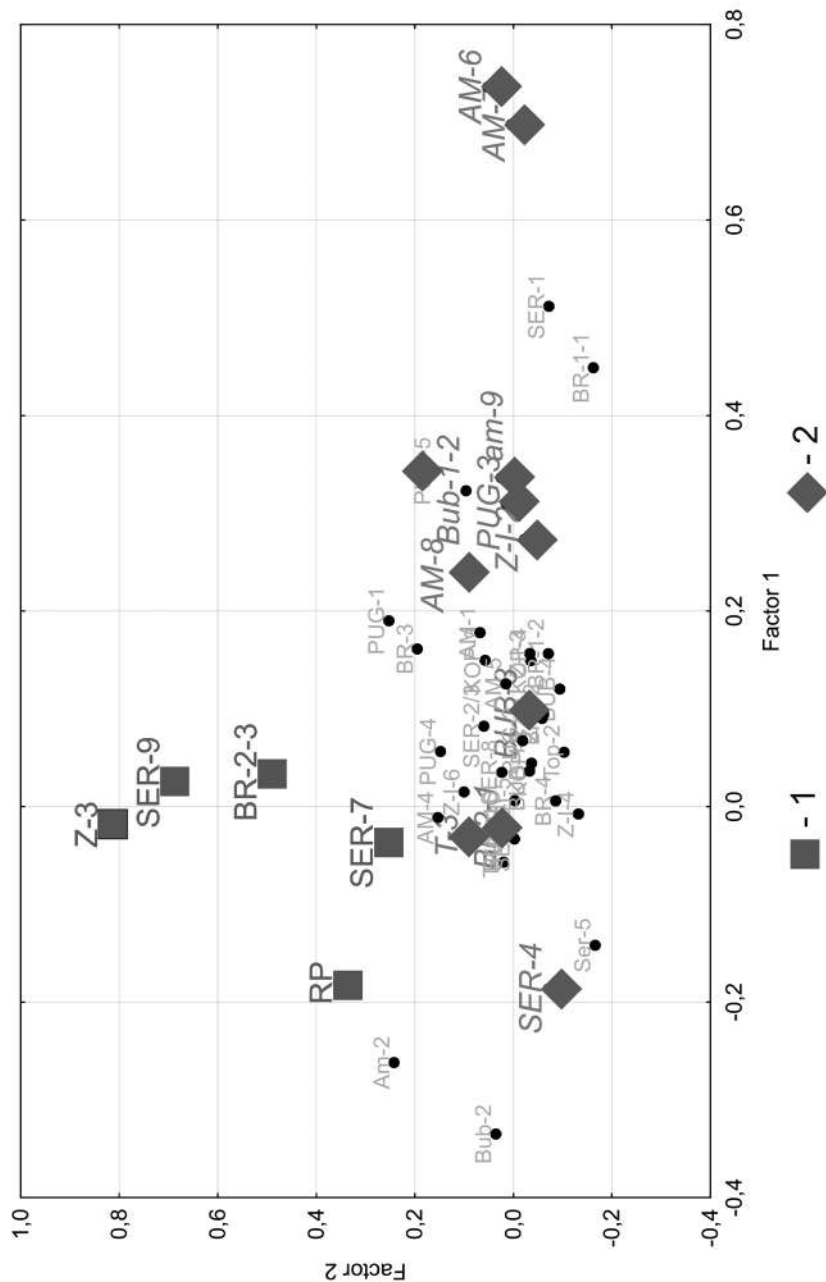

Рис. 4. Результаты анализа методом главных компонент. 1 – индикаторы группы 1: RP – рогаые пряжки; SER-7 – серьги, тип 7; BR-2-3 – браслеты, тип 2, вид 3; SER-9 – серьги, тип 9; Z-3 – зеркала «феджик» типов; 2 – индикаторы группы 2: SER-4 – серьги, тип 4; T-3 – топоры с молоточковидным обухом (вид 1, тип 3, вид 2, тип 3); Br-2-1 – браслеты, вид 2, тип 1; BUB-3 – бубенчики, тип 3; AM-8 – амулеты, тип 8; Bub-1-2 – бубенчики, тип 1, вариант 2; PUG-3 – пуговицы, тип 3; Am-9 – амулеты, тип 9; Z-1-2 – зеркала, вид 1, тип 2; AM-6 – амулеты, тип 6; AM-7 – амулеты, тип 7.

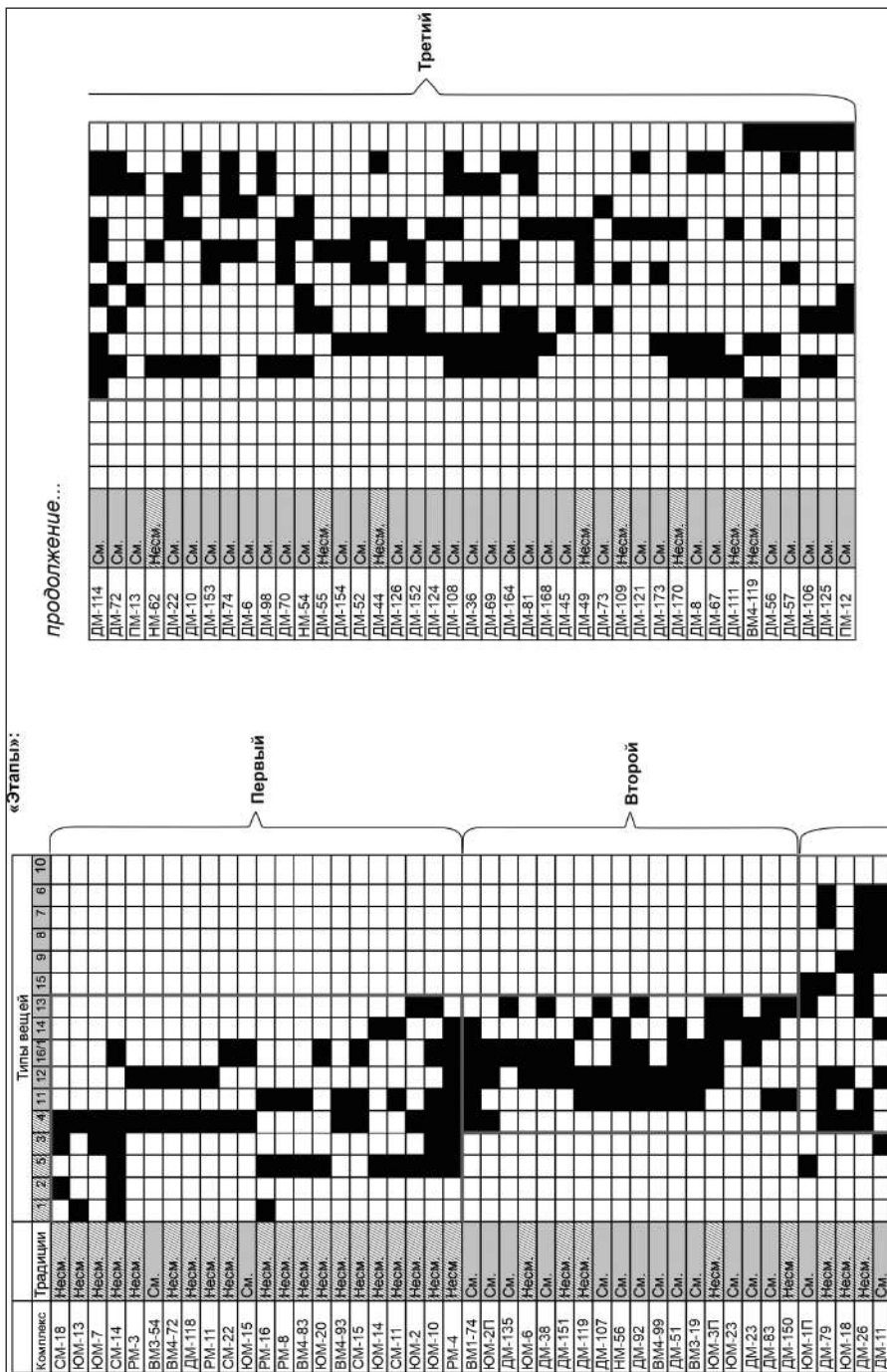

Рис. 5. Сериация могил по индикаторам первой и второй групп.

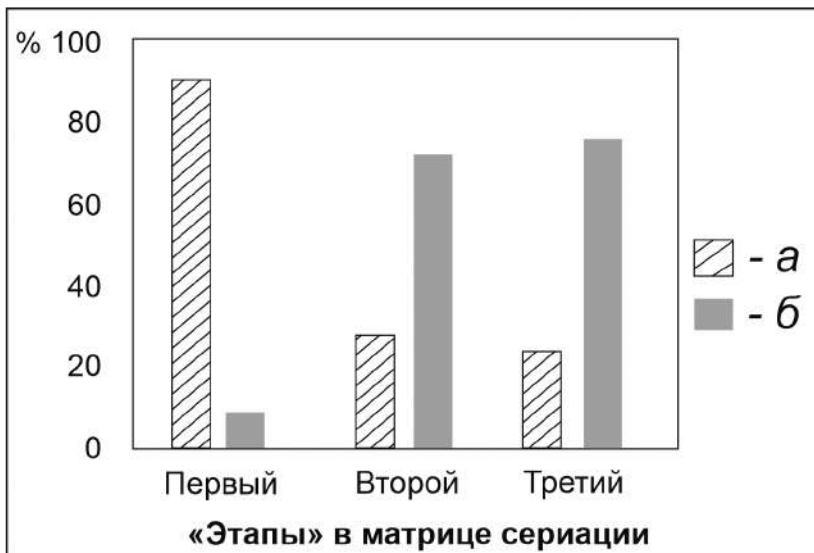

Рис. 6. Соотношение комплексов с сосудами несмешанных и смешанных традиций в разных «этапах» матрицы сериации. А – могилы с несмешанными традициями; Б – могилы со смешанными традициями.

	%			
Зеркала, вид 1, тип 2	38	15	31	15
Браслеты, вид 2, тип 1	12	24	17	47
Бубенчики, тип 1-2	14	17	20	48
Пуговицы, тип 3	20	16	29	33
Серьги, тип 4	20			80
Амулеты, тип 6	21	14	28	35
Топоры, тип 3	10	6	40	43
Бубенчики, тип 3	21	5	47	26
Амулеты, тип 9	20	13	40	26
Браслеты, вид 2, тип 3	20	20	40	20
	I	I/II	II	III и IV
	<i>Хронологические горизонты</i>			

Рис. 7. Хронологическое распределение индикаторов групп 1 и 2 в могилах, датированных по элементам поясных гарнитур.

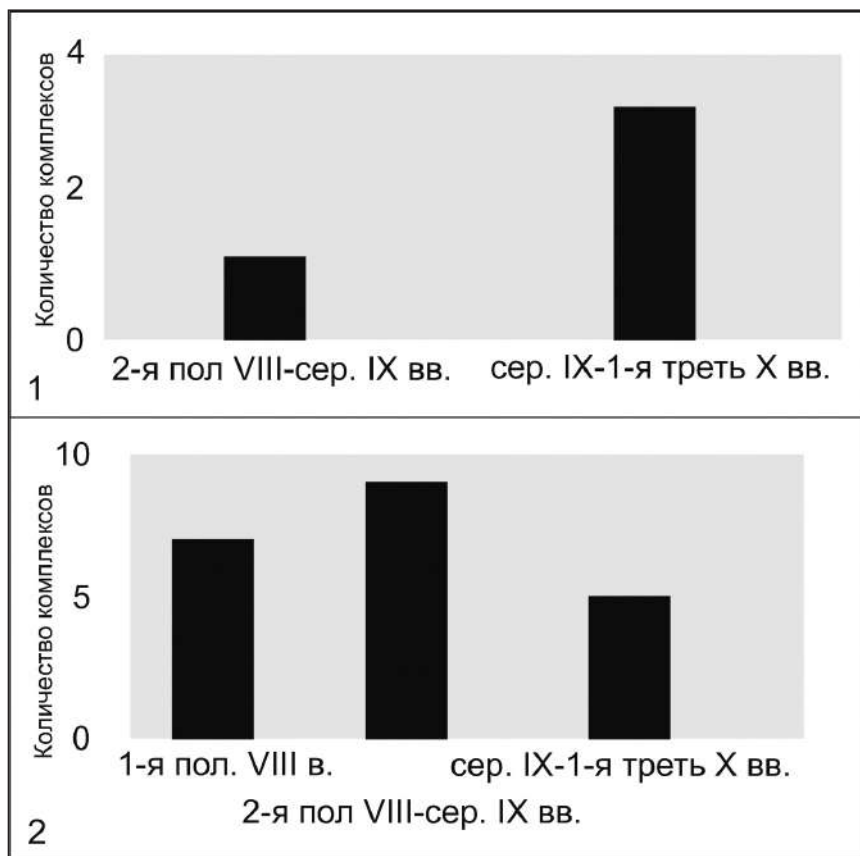

Рис. 8. Хронология индикаторов групп 1 и 2 в материалах Даргавского могильника. 1 – зеркала «редких» типов; 2 – браслеты, вид 2, тип 1.

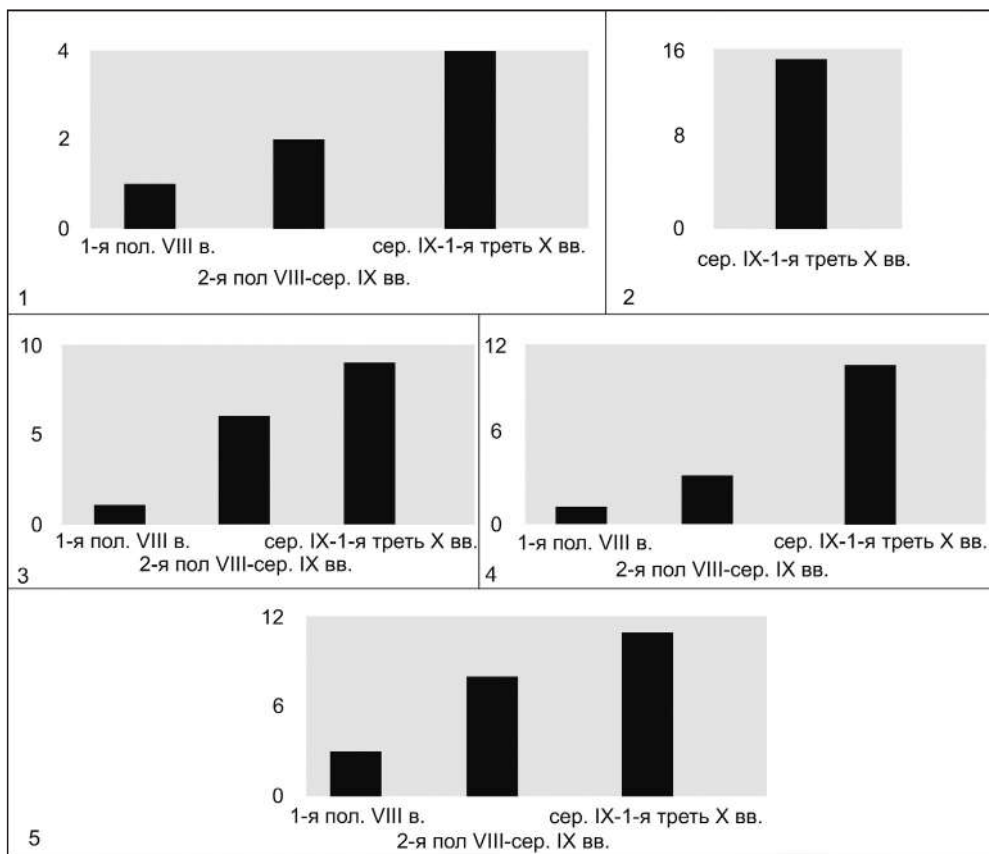

Рис. 9. Хронология индикаторов группы 2 в материалах Даргавского могильника (единица измерения на вертикальной оси – число комплексов). 1 – амулеты, тип 9; 2 – серьги, тип 4; 3 – бубенчики, тип 3; 4 – пуговицы, тип 3; 5 – зеркала, вид 1, тип 2.

В. К. ГАНЦЕВ
V. K. GANTSEV

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА ВИНА В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКЕ ^{1,2}

WINE PRODUCTION TECHNOLOGY IN BYZANTINE TAURICA

В Таврике средневизантийского времени среди отраслей сельского хозяйства и ремесленного производства особое развитие получили виноградарство, виноделие и гончарство [Ганцев, 2021а, с. 133; Паршина и др., 2001, с. 52]. Гипотетически можно говорить о специализации разных районов Крыма в интересующее нас время. В юго-западной части полуострова возделывали виноград для производства вина, которое экспортировали, например, на рынки Хазарского каганата [Михеев, 1985, с.43; Флёрв, 2010, с. 165]; на южном берегу (включая побережье Юго-Восточного Крыма и округу Херсона) производили амфорную тару, необходимую для перевозки жидких и сыпучих продуктов; на Керченском полуострове и других территориях, занятых носителями салтово-маяцкой археологической культуры, выращивали зерновые, в первую очередь пшеницу [Баранов, 1990, с. 72, 74; Пономарев, 2014, с. 147]. Этому могла поспособствовать стабилизация политической жизни в Таврике [Сорочан, 2005, с 1159] и складывание паритетных отношений между Византией и Хазарией в северо-причерноморском районе в IX-X вв. Детальное изучение этого интереснейшего экономико-географического аспекта истории средневекового Крыма – дело будущих исследований. В этой статье мы сосредоточим основное внимание на технологии и основных этапах винодельческого производства, применяемого виноделами в Юго-Западном Крыму.

В юго-западной части Таврики известно более 220 средневековых скальных виноделен – специальных производственных установок, предназначенных для первичной переработки винограда (рис. 1). К сожалению, в нашем распоряжении нет письменных источников крымского происхождения, в которых говорилось бы о применяемой местным населением технике прессования винограда. Имеющиеся упоминания о местном вине или винограде отрывочны и во многом дискуссионные [Ганцев, 2021а, с. 133–135]. Скальные виноградодавильни сами по себе не могут дать исчерпывающие сведения о технологии производства, поэтому наряду с археологически-

¹ Работа поддержана Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, Мегagrant № 075-15-2022-1119. This work was financially supported by the Russian Ministry of Education and Science, Megagrant project No. 075-15-2022-1119.

² Статья является развернутым вариантом доклада, представленного на XXIII Боспорских чтениях (Керчь, 2022): [Ганцев, 2022].

ми данными следует привлекать иконографические, письменные и этнографические материалы для всестороннего освещения этой темы [Винокуров, 2007, с. 180].

Материальная культура Юго-Западного Крыма, который в течение практически всего Средневековья находился под влиянием Империи, имела ярко выраженный провинциально-византийский характер [Майко, 2022, с. 135]. У нас нет оснований полагать, что виноградарство и виноделие этого региона развивались обособленно, скорее всего, они основывались на общевизантийской средиземноморской традиции, которая проникла в крымские предгорья с территории Херсона.

Скальные винодельни, состоящие из давяльной площадки (тарапана), суслоприемника и соединяющего их суслоотводного канала, были довольно простыми приспособлениями для переработки винограда, в отличие от композитных аналогов. Они имели долгий срок эксплуатации, композитные винодельни требовали ежегодного обновления гидроизоляционного слоя. Типологически, но не всегда хронологически крымские скальные виноградодавильни (рис. 2,1) имеют сходство с подобными комплексами, открытыми на разных территориях византийского мира, например на о. Гавдос, южнее Крита [Χριστοδουλακος και άλλοι, 2000, σ. 576–579] (рис. 2,2), в Ликаонии [Baldiran, 2010, s. 304–312] (рис. 2,3), Каппадокии [Peker, 2020, p. 43–56; Гуськов, 2016, с. 85, 89] (рис. 2,4), Киликии [Yeğin, 2016, s. 204–213; Barratta, 1999, p. 129–139] (рис. 2,5–6), Палестине [Turshan, Cox, 2011, p. 124–133; Herriott, 2012, p. 117–119] (рис. 2,7) и других местах. Это указывает на универсальность виноградодавилен, вырубленных в выходах скальной поверхности или отдельно стоящих глыбах камня, у которых могли варьироваться параметры, но не основные элементы. Скальная давяльня для винограда имеет довольно простую и стандартную форму, что позволило строителям воспроизводить её во многих регионах как в античное время, так и в Средневековье.

Конечно, это не исключает строительства и использования композитных виноградодавилен в период раннего Средневековья в Северном Причерноморье. Нам известны цемянковая винодельня, обнаруженная в Таматархе (культурный слой VII – X вв.) [Чхаидзе, 2008, с. 134, 136–137] и винодельческий комплекс из «высоких площадок и корытообразных сооружений», открытый на раннесредневековом поселении в Партените (комплекс VII–VIII вв.) [Паршина, 1991, с. 69–70]. Также могли использовать переносные деревянные давяльные площадки, которые закрепляли в скале. Подрубки под эти конструкции зафиксированы в районе Сюйренской крепости (виноградодавильни ДБВ-22, ДБВ-23, КБсзВ-6 и КБсвВ-7) [Ганцев, 2021в, с. 214].

Среди письменных источников византийского происхождения первостепенное значение имеет сельскохозяйственная энциклопедия середины X в. – «Геопоники». Автор этого труда посвятил пять книг виноградарству и виноделию (Геопоники, кн. 4–8). Основной акцент византийский аграрий делал на описании виноградарства (Геопоники, кн. 4–5) и итоговой продукции – вина (Геопоники, кн. 7–8). По всей видимости, работа в винодельне была столь обыденным делом, что детально описы-

вать этот процесс не было необходимости (Геопоники, кн. 6, гл. 1, 10–11, 13), древние авторы ограничивались лишь отдельными замечаниями. В этом нас убеждают и немногочисленные этнографические данные.

В 40–60-х гг. XX в. сотрудниками Центра малоазийских исследований были записаны сведения о сельской жизни греков Каппадокии, переселившихся в Грецию в 1925 г., по условиям Лозаннского договора [Balta, 2008, p. 64]. Для целей нашего исследования интерес вызывают упоминания о технологии прессования винограда в скальных виноградодавильнях в этом регионе [Balta, 2008, p. 71–76]. Описываемая технология, применяемая виноградарями Каппадокии в начале XX в., поразительным образом схожа с той, которая пусть и кратко, но описана в «Геопониках» и была характерна для Вифинии. Устойчивость винодельческой традиции в малоазийских регионах Византии позволяет нам предположить, что схожие приемы использовались крымскими виноделами в эпоху Средневековья.

Сказать что-то обстоятельное о месте выращивания и способах обработки виноградной лозы в средневековой Таврике по имеющимся археологическим данным на сегодняшний день не представляется возможным. Мы можем лишь предположить, что виноград выращивали в непосредственной близости от давилен, на склонах (южном или восточном), защищенных от холодных ветров, дающих лучшее вино (Геопоники, кн. 5, гл. 2:13, гл. 4) или у подножия возвышенностей (Геопоники, кн. 5, гл. 2:15).

Сбор урожая винограда начинался в августе и длился до октября. Конечно, сроки могли отличаться, они в первую очередь зависели от времени созревания винограда [Maniatis, 2013, p. 234]. Также виноград могли оставлять на лозе более длительное время, чтобы в нем накопилось больше сахара, от чего вино в итоге получалось слаще и крепче, с большим содержанием алкоголя [Turshan, Сох, 2011, p. 123]. По Уставу 1449 г., в генуэзских владениях в Крыму в течение месяца, с 15 сентября по 15 октября, запрещалось производить суд во время уборки урожая винограда [Устав, 1863, с. 729, §1]. Возможно, в Юго-Западном Крыму для IX–X вв. сроки сбора винограда были приблизительно те же. Обрезка гроздей винограда производилась специальными ножами, имеющими изогнутую (луновидную) форму. В Крыму известно всего 12 экземпляров таких ножей [Ганцев, 2021б].

До начала уборки винограда, виноградодавильни подготавливали к работе – их мыли соленой водой, протирали и обкуривали (Геопоники, кн. 6, гл. 10). В редких случаях скальную винодельню могли покрыть слоем цемянкового раствора. Остатки такого раствора были зафиксированы в северном углу давильной площадки виноградодавильни № 2 на Мангупе³. Если винодельни находились близко к виноградникам, то виноград к ним доставляли ручным способом, в мешках или корзинах (конфидиях). Вероятнее всего, такой процесс доставки использовали на Качи-Кальоне и

³Выражаю признательность А.Г. Герцену и В.Е. Науменко за возможность воспользоваться неопубликованными материалами раскопок Мангупского городища.

в округе Сюйреньской крепости. Сцена доставки винограда носильщиком в корзине изображена на мозаике, размещенной на своде мавзолея Константины Августы, дочери императора Константина (середина IV в.) (рис. 3,1), и миниатюре из манускрипта «*Notae cum calendario*» начала XVI в. (рис. 7,3). К виноградодавилям, которые находились на плато⁴, в границах оборонительных сооружений (например, Мангуп, Эски-Кермен), урожай привозили повозками или в корзинах на вьючных животных. Сцены подобной транспортировки винограда запечатлены на своде в мавзолее Константины Августы (рис. 3,1) и мозаике V-VI вв. из Антиохии (рис. 3,2), барельефе на торцевой стенке саркофага Юния Басса (около середины V в.) (рис. 3,3). Следует учитывать, что в повозку, как и в корзину, не могли класть слишком много винограда, иначе увеличивалась потеря сока [Винокуров, 1999, с. 156].

Виноград засыпали на давящую площадку ровным слоем (процесс высыпания винограда из корзины изображен на барельефе торцевой стенки саркофага Юния Басса (рис. 4,2) и мозаике III в., найденной в г. Патры (рис. 4,3)). Смотрители за корзинами и давящие дополнительно просматривали виноград на площадке, чтобы вместе со зрелыми гроздьями на нее не попали листья, незрелые или сухие ягоды. Если их не убрать, а начать прессование сразу, полученное вино может быстро испортиться (Геопоники, кн. 6, гл. 11:2). Самотечный сок, который стекал с винограда, придавленного собственной массой, виноделы Каппадокии собирали отдельно, получаемое в дальнейшем с него вино использовалось в таинстве причастия [Balta, 2008, p. 70].

Первый отжим винограда на давящей площадке проводился ногами [Maniatis, 2013, p. 235]. Давильщики перед началом давки винограда мыли ноги, обязательно были одетыми и носили повязку, чтобы их пот не попал в сусло (Геопоники, кн. 6, гл. 11:4,5). Процесс первичного отжима винограда ногами также изображен на мозаике в мавзолее Константины Августы (рис. 4, 1), барельефе саркофага Юния Басса (рис. 4, 2) и мозаике III в. из г. Патры (рис. 4, 3). Отметим, что на этих мозаиках сок собирают в пифосы, установленные под суслоотводными каналами. Подобную конструкцию сбора сока могли практиковать на скальных винодельнях, расположенных в округе крепости Сиваг-Кермен-Бурун, возможно, винодельнях № 3 и № 7, открытых А.Ю. Аржановым в юго-западной части Гераклеийского полуострова [Аржанов, 2020, с. 109, 111-112].

На винодельнях, в которых использовались рычажные прессы, рабочие для большей устойчивости могли держаться за бревно-рычаг. Одновременно деревянной лопатой постоянно «подбрасывали вверх» выжимки, чтобы сок быстрее стекал в суслоприемник (Геопоники, кн. 6, гл. 11. 3). Количество давящих зависело от площади давящей площадки, вряд ли на крымских винодельнях помещалось больше четырех-пяти человек. Принимать участие в давке винограда могли и женщины

⁴ Выращивание винограда непосредственно на вершине горного плато маловероятно, ведь во время дождя с них смывается плодородный грунт и корни лозы могут оголиться (Геопоники, кн. 5, гл. 2:17).

[Balta, 2008, p. 88]. Согласно этнографическим данным, один человек мог вытоптать 100 кг винограда за 45 мин. [Herriott, 2012, p. 119]. Из известных нам крымских виноделен максимальное количество винограда, необходимое для заполнения давяльной площадки, требуется для виноградадавяльни № 1 на Мангупе – 811 кг. Одному человеку потребуется около шести часов, чтобы вытоптать эту массу винограда. Соответственно, если в этом процессе задействовано больше людей, то и время первого отжима уменьшалось. Эти данные позволяют уверенно говорить, что на одной скальной винодельне давку винограда могли производить несколько раз за день, как минимум два.

Полученное в результате первичного отжима сусло из суслоприемника собиралось отдельно. На дне суслоприемников могли вырубать специальное углубление, предназначенное для сбора инородных тел (виноградных косточек), осевших в нем [Balta, 2008, p. 69]. Подобные углубления в дне суслоприемника зафиксированы у виноделен, расположенных на Эски-Кермене (ЭКВ-3) (рис. 5,1) [Айбабин, 2010, с. 216, 235, рис. 8], в округе Сюйреньской крепости (ДБВ-5, ДБВ-7, ДБВ-8, ДБВ-15, ДБВ-19, КБсзВ-2 – КБсзВ-5) (рис. 5,2), Мангупе (МКВ-15), Качи-Кальоне (КчКВ-2, КчКВ-4, КчКВ-5, и др.).

После давки винограда ногами переходили ко второму этапу прессования – механическим способом (Геопоники, кн. 6, гл. 11. 3). На этом этапе виноделы стремились извлечь максимальное количество сока (сусла) из винограда. Механическое прессование могли осуществлять на одной и той же виноградадавяльне либо на соседнем тарапане. Раздельный способ прессования могли применять на винодельнях, расположенных под северо-восточным обрывом мыса Джениче-Бурун в округе Сюйреньской крепости. Здесь ряд давилен вырублен на разных уровнях скального выступа. У виноградадавилен верхнего яруса (ДБВ-9, ДБВ-10 и др.) нет пятки для установки бревна-рычага в отличие от давилен, вырубленных в нескольких метрах от первых, в начале этой скальной ступени (ДБВ-6, ДБВ-7, ДБВ-8) [Ганцев, 2021в, с.212, 220, рис. 4]. После прессования ногами на давяльных площадках верхнего яруса выжимки могли перебрасывать в давяльни нижнего уровня под пресс.

Виноградную массу накрывали деревянными досками или каменной плитой, на которую рычагом пресса совершали механическое давление (рис. 6,1). Рычаг пресса приводился в движение ручной силой давяльщика или к его концу могли подвешивать каменные гири (рис. 6,1). Три гири, используемые в конструкции рычажного пресса, известны на Мангупе – две из них на плато (рис. 6,2,4) и одна в балке Алмалык-дере (рис. 6,3) [Науменко, Набоков, 2022, с. 116, рис. 10].

После завершения прессования винограда под рычажным прессом виноградные выжимки следовало собрать в мешки и затем оставить на некоторое время (например, на ночь) под грузом с целью максимального получения виноградного сока [Balta, 2008, p. 70]. На это время суслоприемник могли накрывать деревянной крышкой для защиты сусла от попадания мусора (например, листьев). Специальные «заплевачики» для таких крышек фиксируются у суслоприемников виноделен, расположенных на

Мангупе (МКВ-3, МКВ-8), Кыз-Кермене (КзКВ-4 – КзКВ-6) [Белый, 2018, с. 13] и других памятниках. На Мангупе для максимального получения суслу виноградную мезгу помещали под более мощный вертикальный винтовой пресс [Герцен и др., 2019, с. 82]. От таких прессов сохраняются подрубки под станины деревянной рамы каркаса (рис. 7,1–2). Принцип работы этого пресса запечатлен на миниатюре из манускрипта «*Noxae cum calendario*» (рис. 7,3) и на литографии второй половины XIX в. (рис. 7,4) [Lewit, 2020, p. 205, fig. 6]. Получаемое на последней стадии прессования сусло могли употреблять сразу, разбавив его водой (Геопоники, кн. 6, гл. 13:2), либо изготавливать из него вино наихудшего качества или уксус.

Виноградное сусло после прессования вычерпывали из суслоприемника и переливали в амфоры, а затем в пифосы или бочки, которые находились в специально оборудованных помещениях-бродильнях. К сожалению, на крымских средневековых памятниках такие комплексы археологически не известны. Возможно, подобное помещение-бродильня открыто в Партенитах; на стенках пифосов, которые располагались в двориках усадеб, обнаружен винный камень [Паршина, 1991, с. 70]. На Качи-Кальоне ряд искусственных пещер могли приспособить под хозяйственные помещения для хранения вина.

Виноградные выжимки по завершении всех стадий прессования делили. Часть из них добавляли в сусло для получения сухого терпкого вина [Balta, 2008, p. 70]. Оставшиеся выжимки шли на корм домашним животным (Геопоники, кн. 6, гл. 13:2).

Виноградодавильню по завершении всех стадий прессования, перед загрузкой новой партии винограда следовало подмести и снова промыть теплой водой и окурить (Геопоники, кн. 6, гл. 13:3). Если этого не сделать, то оставшийся сок прокисал и портил отжимаемое на следующий день сусло (Геопоники, кн. 6, гл. 13:4) [Винокуров, 1999, с. 157].

В Юго-Западной Таврике могли производить вино двух видов – красное и белое. В.М. Маликовым обнаружены дикорастущие формы винограда *Vitis vinifera* L. в округе крымских памятников, где находятся скальные виноградодавильни [Маликов, 1968, с. 9]. Фиксация винограда с окрашенными ягодами позволила исследователю-аграрию сделать вывод о производстве в средние века преимущественно красного вина [Маликов, 1968, с. 3]. Дополнительным аргументом для этого предположения служит недавно проведенный анализ фрагментов высокогорных кувшинов второй половины IX – XI вв. со следами смоления на внутренней стороне методом хромато-масс-спектрометрии [Pozhidaev et al., 2021, p. 646–648]. В экстрактах смоляного покрытия обнаружена сиреневая кислота, маркер красного вина [Pozhidaev et al., 2021, p. 649]. О производстве белого вина свидетельствует надпись на амфоре, возможно, «причерноморского типа», обнаруженная при раскопках городища Маяки [Кляшторный, 2005, с. 100-101].

По письменным свидетельствам нам не известно, имело ли крымское вино особое название. Для этого времени подобная ситуация с «безымянным вином» характерна и для Византии. С VII в. в источниках исчезает упоминание о конкретных

сортах винограда и вина, что может свидетельствовать о некотором спаде в этой отрасли. Только с X в. можно идентифицировать вина, которые ввозились из Вифинии, Фракии, Самоса, Хиоса, Крита и Болгарии в Константинополь [Lefort, 2002, p. 249].

Таким образом, привлекая для интерпретации материальных остатков крымского виноделия широкий круг письменных, этнографических и иконографических материалов, можно реконструировать технологию винопроизводства, которая применялась населением Юго-Западной Таврики в эпоху Средневековья. Постоянный спрос на вино подталкивал крупных землевладельцев и многих крестьян заниматься виноградарством и виноделием [Maniatis, 2013, p. 228]. Все стадии первичной переработки винограда были отлаженными, ведь от правильности и последовательности их выполнения зависели количество получаемого сусла и дальнейшее качество готового напитка. Вино являлось не только частью ежедневного рациона [Литаврин, 2019, с. 22], оно использовалось в литургических и медицинских целях (византийский медицинский трактат пестрит различными рецептами, в которых одним из ингредиентов является вино [Литаврин, 1971, с. 257–295]). Продажа получаемого вина могла приносить солидный доход [Ганцев, 2022, с. 53], который перекрывал издержки и обеспечивал вполне достойное существование крестьянина-винодела.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Городище на плато Эски-Кермен в период господства хазар в Крыму // МАИЭТ. 2010. Вып. 16. С. 214–236.
- Аржанов А.Ю.* Виноделие в ближней округе раннесредневекового Херсона // ХСб. 2020. Вып. 21. С. 108–133.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего Средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Белый А.В.* Виноградные давяльни городища Кыз-Кермен // Судакский сборник. 2018. Вып. 2. С. 11–24.
- Винокуров Н.И.* Виноделие Античного Боспора. Москва, 1999. 192 с.
- Винокуров Н.И. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; Керчь, 2007. 456 с. (Серия БИ, Supplementum 3).
- Ганцев В.К.* Средневековые скальные виноградодавильни Юго-Западного Крыма: источниковая база и основные направления современных исследований // БИ. 2021а. Вып. 43. С. 133–153.
- Ганцев В.К.* Виноградные ножи средневекового Крыма // АДСВ. 2021б. Т. 49. С. 147–163.
- Ганцев В.К.* Средневековые винодельческие комплексы округа Сюйреньской крепости: топография, конструктивные особенности, проблемы датировки // ХСб. 2021в. Вып. 22. С. 209–222.
- Ганцев В.К.* Винодельческие технологии в византийской Таврике // Матер. междунар. науч. конф. «XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Сакральное и материальное» / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2022. С. 50–56.
- Геопоники: Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. / Введ., пер. с греч. и ком. Е.Э. Липшиц. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. 412 с.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е., Ганцев В.К.* Скальные виноградодавильни Мангупа // Матер. науч. конф. «XI Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис» / Отв. ред. Н.А. Алексеев. Симферополь, 2019. С. 79–86.
- Гуськов А.А.* Аналогии архитектурных деталей и сооружений в бытовых пещерах Крыма и Каппадокии

/ Матер. Междунар. науч. форума «Пещеры как объекты истории и культуры» (Воронеж – Дивногорье, 19–22 апреля 2016) / Под ред. А.А. Гунько, С.К. Кондратьевой, М.И. Лыловой. Воронеж, 2016. С. 83–92.

Кляиторный С.Г. Хазарские заметки // Тюркологический сборник 2003–2004 (тюркские народы в Древности и Средневековье). Москва: ИФ «Восточная литература», РАН, 2005. С. 95–117.

Литаврин Г.Г. Византийский медицинский трактат XI – XIV вв. // ВВ. 1971. Т. 31. С. 249–301.

Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 256 с.

Майко В.В. Три примера провинциально-византийских археологических культур Восточной Таврики // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIV Междунар. конгрессу византинистов / Отв. ред. С.П. Карпов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. С. 133–154.

Маликов В.М. Дикорастущий виноград на древних и средневековых поселениях Крыма как исходный материал для селекции и пополнения сортового фонда. Автореф. дис. канд. с.-х. наук. Кишинев, 1968. 23 с.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 148 с.

Науменко В.Е., Набоков А.И. Могильник Алмалык-Дере Мангупского городища. Основные результаты археолого-топографических исследований 2020-2021 гг. // Матер. VIII Всероссийской научно-практической конф. «Актуальные вопросы и использования культурного наследия Крыма» (Симферополь, 9-10 декабря 2021) / Ред. сост. В.Е. Науменко, Т.А. Гогунская, Н.В. Кармазина. Симферополь: Ариал, 2022. С. 102–117.

Паришина Е.А. Торжище в Паргенитах // Византийская Таврика / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 64–100.

Паришина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII – X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье / Гл. ред. М.И. Гладких. Киев, 2001. С. 52–81.

Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным) // ХА. 2014. Т. 12. С. 135–159.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.): очерк истории и культуры. Харьков: Майдан, 2005. Ч. 1 и 2. 1648 с.

Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Латинский текст с пер. и примеч. / Перевод и ком. В. Юргевича // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 629–837.

Флёров В.С. «Города» и замки Хазарского каганата. Археологическая реальность. Москва: мосты культуры, 2010. 260 с.

Чахидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. Москва: Таус, 2008. 328 с.

Baldiran A. Lykaonia Bölgesi Şarap işlikleri (Beyşehir-Seydişehir Civarı) // International Symposium «Olive Oil and Wine Production in Anatolia During the Antiquity» (Mersin, Turkey, 06–08 November 2008) / Ed. Ü. Aydınoğlu, A.K. Şenol. Istanbul, 2010. S. 303–317.

Balta E. The Underground Rock-Cut Winepresses of Cappadocia // Journal of Turkish Studies. 2008. Vol. 32/I. P. 61–88.

Barratta G. 3. Gli impianti di Produzione // Elaiussa Sebaste I. Campagne di Scavo 1995–1997 / A cura di E.E. Schneider. Roma, 1999. P. 129–141.

Bening S. Horae Cum Calendario ou Livre D’heures à L’usage de Rome [Illustrations de] // Bibliothèque Nationale de France. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv_1b10053553j.image (дата обращения: 06.07.2022).

Herriott C. Salvage Excavation of Two Wineries at Khirbet Butz – 2010 // The Nelson Glueck School of Biblical Archaeology. 2012. Vol. 1. P. 117–124.

Lefort J. The Rural Economy, Seventh-Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 1. / Ed. by A.E. Laiou. Washington, 2002. P.231–310.

Lewit T. «terris, vineis, olivetis...»: Wine and Oil Production After the Villas // PCA. 2020. Vol. 10. P. 193–217.

Maniatis G. The Byzantine Winemaking Industry // Byzantion. 2013. Vol. 83. P. 229–274.

- Mosaic Artist, Italian (Active 4th Century in Rome). Vault Decoration (Detail) // Web Gallery of Art. URL: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/4mosaics/1rome/1costanz/3vault1.html (дата обращения: 06.07.2022).
- Peker N. Agricultural Production and Installations in Byzantine Cappadocia: a Case Study Focusing on Mavrucandere // BMGS. 2020. Vol. 44, iss. 1. P. 40–61.
- Pozhidaev V.M., Kamaev A.V., Loboda A.Yu., Khairedinova E.A., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Study of Organic Residues on the Surface of Ceramic Fragments of Medieval Crimea // Nanobiotechnology Reports. 2021. Vol. 16, No. 5. P. 646–650.
- Sarcophagus of Junius Bassus (end panel) // Web Gallery of Art. URL: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/1sculptu/sarcopha/1/6bassus8.html (дата обращения: 06.07.2022).
- Turshan N. Cox M. Ya'mun Wine Presses // Ya'mun. An Archeological Site in Northern Jordan / Ed. M. El-Najjar. Irbid, 2011. P. 123–141.
- Yeğin Y. Olba Manastırı'nda İşlik Kazısı ve Sonuçların Değerlendirilmesi // Seleucia. Olba Kazısı. Serisi VI. 2016. Sayı 6. S. 203–216.
- Χριστοδουλακος Γ., Μοσχοβη Γ., Κοπακα Κ., Δροσινου Π. Λαξευτα πατητηρια στη Γαυδο // Πεπραγμενα η Διεθνους Κρητοαοικου Συνεδριου (Ηράκλειο, 9–14 Σεπτεμβρίου 1996) / Επιμέλεια Θ. Ε. Δετοράκης, Σ. Παπαδάκη. Ηράκλειο, 2000. Σ. 557–580.

REFERENCES

- Aibabin A.I. Gorodishche na plato Eski-Kermen v period gospodstva khazar v Krymu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavriki*, 2010, vol. 16, pp. 214–236.
- Arzhanov A.Iu. Vinodelie v blizhnei okruge rannesrednevekovogo Khersona. *Khersonesskii sbornik*, 2020, vol. 21, pp. 108–133.
- Baldiran A. Lykaonia Bölgesi Şarap işlikleri (Beyşehir-Seydişehir Civarı). *International Symposium «Olive Oil and Wine Production in Anatolia During the Antiquity»*. Istanbul, 2010, pp. 303–317.
- Balta E. The Underground Rock-Cut Winepresses of Cappadocia. *Journal of Turkish Studies*, 2008, vol. 32/I, pp. 61–88.
- Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
- Barratta G. 3. Gli impianti di Produzione. *A cura di E.E. Schneider. Elaiussa Sebaste I. Campagne di Scavo 1995–1997*. Roma, 1999, pp. 129–141.
- Belyi A.V. Vinogradnye davil'ni gorodishcha Kyz-Kermen. *Sudakskii sbornik*, 2018, vol. 2, pp. 11–24.
- Bening S. Horae Cum Calendario ou Livre D'heures à L'usage de Rome [Illustrations de] // *Bibliothèque Nationale de France*. Available at: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv_1b10053553j.image (accessed: 06.07.2022).
- Chkhaidze V.N. *Tamartarkha. Rannesrednevekovyi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moskva, Taus Publ., 2008, 328 p.
- Christodoylakos G., Moschobh G., Kopaka K., Drosinoy P. Laxeuta paththria sth Gaydo. *Pepragmena h Diethnoys Khrtoaogikoy Synedrioy*. Hrákλειο, 2000, pp. 557–580.
- Flerov V.S. «Goroda» i zamki Khazarского kaganata. *Arkheologicheskaiia real'nost'*. Moskva, Mosty kul'tury Publ., 2010, 260 p.
- Gantsev V.K. Srednevekovye skal'nye vinogradodavil'ni Iugo-Zapadnogo Kryma: istochnikovaia baza i osnovnye napravleniia sovremennykh issledovani. *Bosporskie issledovaniia*, 2021a, vol. 43, pp.133–153.
- Gantsev V.K. Vinogradnye nozhi srednevekovogo Kryma. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2021b, vol. 49, pp. 147–163.
- Gantsev V.K. Srednevekovye vinodel'cheskie kompleksy okrugı Siuren'skoi kreposti: topografiia, konstruktivnye osobennosti, problemy datirovki. *Khersonesskii sbornik*, 2021v, vol. 22, pp. 209–222.

- Gantsev V.K. Vinodel'cheskie tekhnologii v vizantiiskoi Tavrike. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «XXIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Sakral'noe i material'noe»*. Simferopol'; Kerch', 2022, pp. 50–56.
- Geononiki: vizantiiskaia sel'skokhoziaistvennaia entsiklopediia X v. Vvedenie, perevod s grecheskogo i kommentarii E.E. Lipshits. Moskva; Leningrad, 1960, 412 p.
- Gertsen A.G., Naumenko V.E., Gantsev V.K. Skal'nye vinogradodavil'ni Mangupa. *Materialy nauchnoi konferentsii «XI Mezhdunarodnyi Vizantiiskii seminar «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiia i polis»*. Simferopol', 2019, pp. 79–86.
- Gus'kov A.A. Analogii arkhitekturnykh detalei i sooruzhenii v bytovykh peshcherakh Kryma i Kappadokii. *Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma «Peshchery kak obekty istorii i kul'tury»*. Voronezh, 2016, pp. 83–92.
- Herriott C. Salvage Excavation of Two Wineries at Khirbet Butz – 2010. *The Nelson Glueck School of Biblical Archaeology*, 2012, vol. 1, pp. 117–124.
- Kliashornyi S.G. Khazarskie zametki. *Tiurkologicheskii sbornik 2003–2004 (tiurkskie narody v Drevnosti i Srednevekov'e)*. Moskva, 2005, pp. 95–117.
- Lefort J. The Rural Economy, Seventh-Twelfth Centuries. *Laiou A.E. (Ed.). The Economic History of Byzantium. From the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, 2002, vol. 1. pp. 231–310.
- Lewit T. «terris, vineis, olivetis...»: Wine and Oil Production After the Villas. *Post-Classical Archaeologies*, 2020, vol. 10, pp. 193–217.
- Litavrin G.G. Vizantiiskii meditsinskii traktat XI – XIV vv. *Vizantiiskii vremennik*, 1971, vol. 31, pp. 249–301.
- Litvrin G.G. *Kak zhili vizantiitsy*. St. Peterburg, Aleteiia Publ., 2019, 256 p.
- Maiko V.V. Tri primera provintsial'no-vizantiiskikh arheologicheskikh kul'tur Vostochnoi Tavriki. *Karpov S.P. (Ed.). Vizantiiskie ocherki. Trudy rossiiskikh uchenykh k XXIV Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*. St. Peterburg, 2022, pp. 133–154.
- Malikov V.M. *Dikorastushchii vinograd na drevnikh i srednevekovykh poseleniakh Kryma kak iskhodnyi material dlia selektsii i popolneniia sortovogo fonda*. Abstract of kandidat. diss. Kishinev, 1968, 23 p.
- Maniatis G. The Byzantine Winemaking Industry. *Byzantion*, 2013, vol. 83, pp. 229–274.
- Mikheev V.K. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata*. Khar'kov, Vishcha shkola Publ., 1985, 148 p.
- Naumenko V.E., Nabokov A.I. Mogil'nik Almalyk-Dere Mangupskogo gorodishcha. Osnovnye rezul'taty arheologo-topograficheskikh issledovaniy 2020–2021 gg. *Materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye voprosy i ispol'zovaniia kul'turnogo naslediia Kryma»*. Simferopol', 2022, pp. 102–117.
- Parshina E.A. Torzhishche v Partenitakh. *Tolochko P.P. (Ed.). Vizantiiskaia Tavrika*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 64–100.
- Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M., Goncharyne tsentry Tavriki VIII – X vv. *Gladkikh M.I. (Ed.). Morskaiia trgovlia v Severnom Prichernomor'e*. Kiev, 2001, pp. 52–81.
- Peker N. Agricultural Production and Installations in Byzantine Cappadocia: a Case Study Focusing on Mavrucandere. *BMGS*, 2020, vol. 44, iss. 1, pp. 40–61.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie poseleniia Krechenskogo poluostrova (kratkie obzory po arheologicheskim dannym). *Khazarskii al'manakh*, 2014, vol. 12, pp. 135–159.
- Pozhidaev V.M., Kamaev A.V., Loboda A.Yu., Khairedinova E.A., Aibabin A.I., Yatsishina E.B. Study of Organic Residues on the Surface of Ceramic Fragments of Medieval Crimea. *Nanobiotechnology Reports*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 646–650.
- Sarcophagus of Junius Bassus (end panel). *Web Gallery of Art*. Available at: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/1sculptu/sarcopha/1/6bassus8.html (accessed: 06.07.2022).
- Sorochan S.B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.): ocherk istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2005, 1648 p.
- Turshan N., Cox M., Ya'mun Wine Presses. El-Najjar. *M. Ya'mun (Ed.). An Archeological Site in Northern Jordan*. Irbid, 2011, pp. 123–141.

- Ustav dlia genuevskikh kolonii v Chernom more, izdannyi v Genue v 1449 g. Latinskii tekst s per. i primech. Perevod i kommentarii V. Iurgevicha. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnosti*, 1863, vol. 5, pp. 629–837.
- Vinokurov N.I. *Vinodelie antichnogo Bospora*. Moskva, 1999, 192 p.
- Vinokurov N.I. *Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ia*. Simferopol'; Kerch', 2007, 456 p. (Bosporskie issledovaniia, Supplementum 3).
- Yeğin Y. Olba Manastırı'nda İşlik Kazısı ve Sonuçların Değerlendirilmesi. *Seleucia. Olba Kazısı. Serisi VI*, 2016, Sayı 6, ss. 203–216.

Резюме

Важное место в экономике раннесредневекового Крыма занимали виноградарство и экспортное виноделие. Целью этой работы является попытка реконструировать технологию винодельческого производства, которая применялась местным населением на северной окраине Византийской империи. Для этого привлекаются археологические, этнографические, иконографические и письменные данные. Собранный урожай винограда доставляли к ранее подготовленным скальным виноградодавильням в корзинах или на повозках. Виноград высыпали на давящую площадку (тарпан). Процесс выжимания сока из винограда происходил в два-три этапа. Сначала виноград топтали ногами, из сусла, получаемого на этом этапе, производили лучшее вино. Затем выжимки помещали под рычажный пресс. Для максимального извлечения сока из винограда его могли оставить под грузом или поместить под вертикальный винтовой пресс. Вино созревало в пифосах, размещенных в специальных помещениях-бродильнях. Часть виноградных выжимок могли добавлять в сусло для получения сухого терпкого вина, а оставшиеся – отдавать на корм домашним животным. В византийском Крыму производили красное и, возможно, белое вино.

Ключевые слова: Византия, Юго-Западный Крым, технология, средневековое виноделие, скальные виноградодавильни, вино.

Summary

An important place in the economy of the early medieval Crimea was occupied by viticulture and export winemaking. The purpose of this work is an attempt to reconstruct the technology of wine production, which was used by the local population, on the northern outskirts of the Byzantine Empire. Archaeological, ethnographic, iconographic and written sources are used. The harvested grapes were delivered to previously prepare rock-cut wine presses in baskets or carts. The grapes were poured onto the crushing platform. The process of squeezing juice from grapes took place in two or three stages. At first, the grapes were trampled underfoot, and the best wine was obtained from this juice. Then the pomace was placed under a lever press. For maximum extraction of juice from grapes, they could be left under a load, or placed under a vertical screw press. The wine matured in pithoi placed in special rooms. Part of the grape pomace could be added to the juice to produce dry, tart wine, and the rest could be fed to pets. In the Byzantine Crimea, red and, possibly, white wine was produced.

Key words: Byzantium, South-Western Crimea, technology, medieval winemaking, rock-cut wine presses, wine.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ганцев Валентин Константинович,
ассистент кафедры истории России
Исторического факультета Института
«Таврическая академия»,
младший научный сотрудник лаборатории
«Византийский Крым»
Научно-исследовательского
центра истории и археологии Крыма,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
valentin.gancev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gantsev Valentin,
assistant of the Department of Russian History,
Junior Researcher of the laboratory
«Byzantine Crimea»
Research Center for the History
and Archeology of the Crimea,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
295007, Simferopol, Russian Federation,
Prospekt Vernadskogo, 4.
valentin.gancev@mail.ru

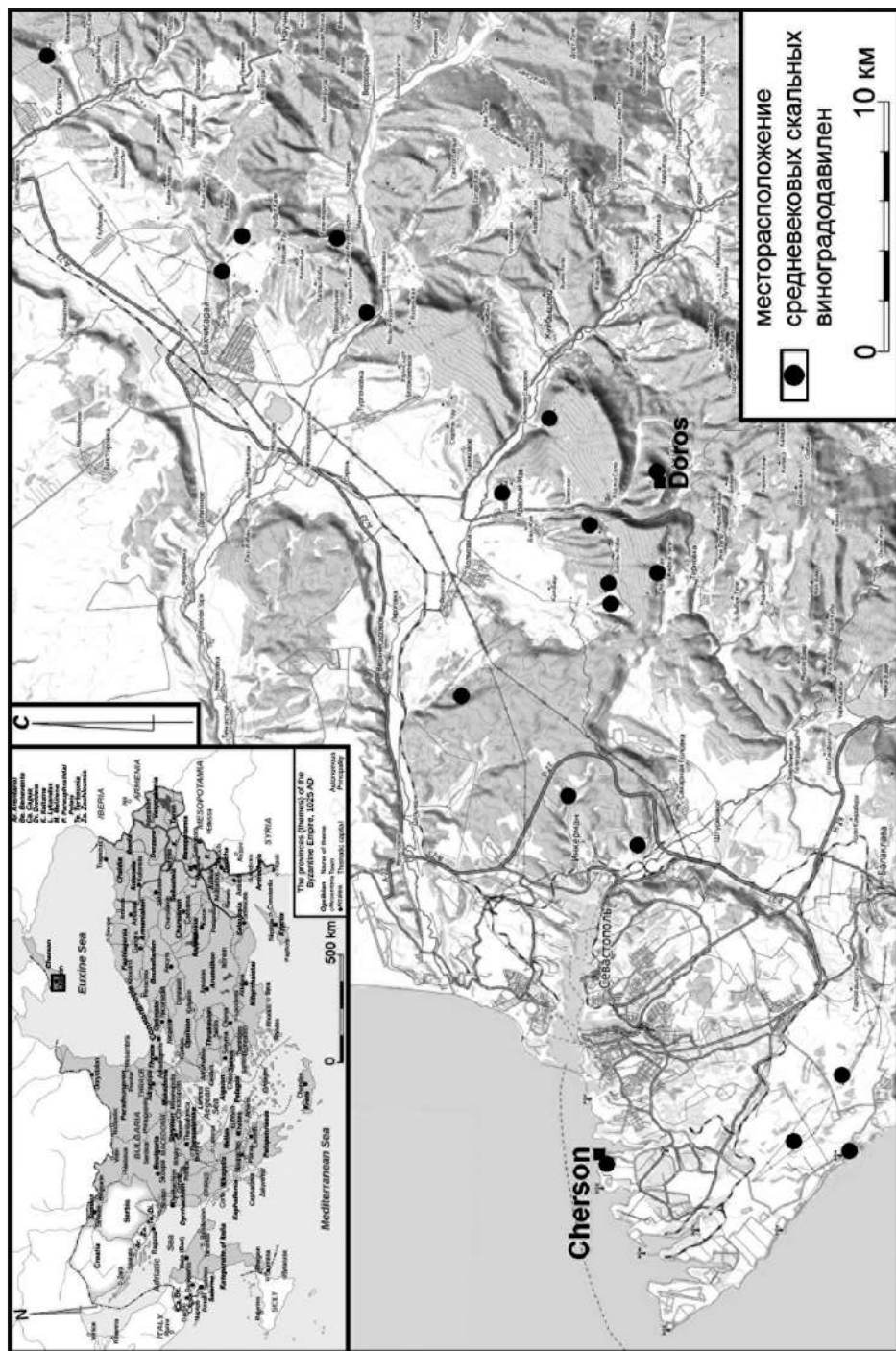

Рис. 1. Карта Юго-Западного Крыма с указанием месторасположения средневековых скальных виноградодавиль.

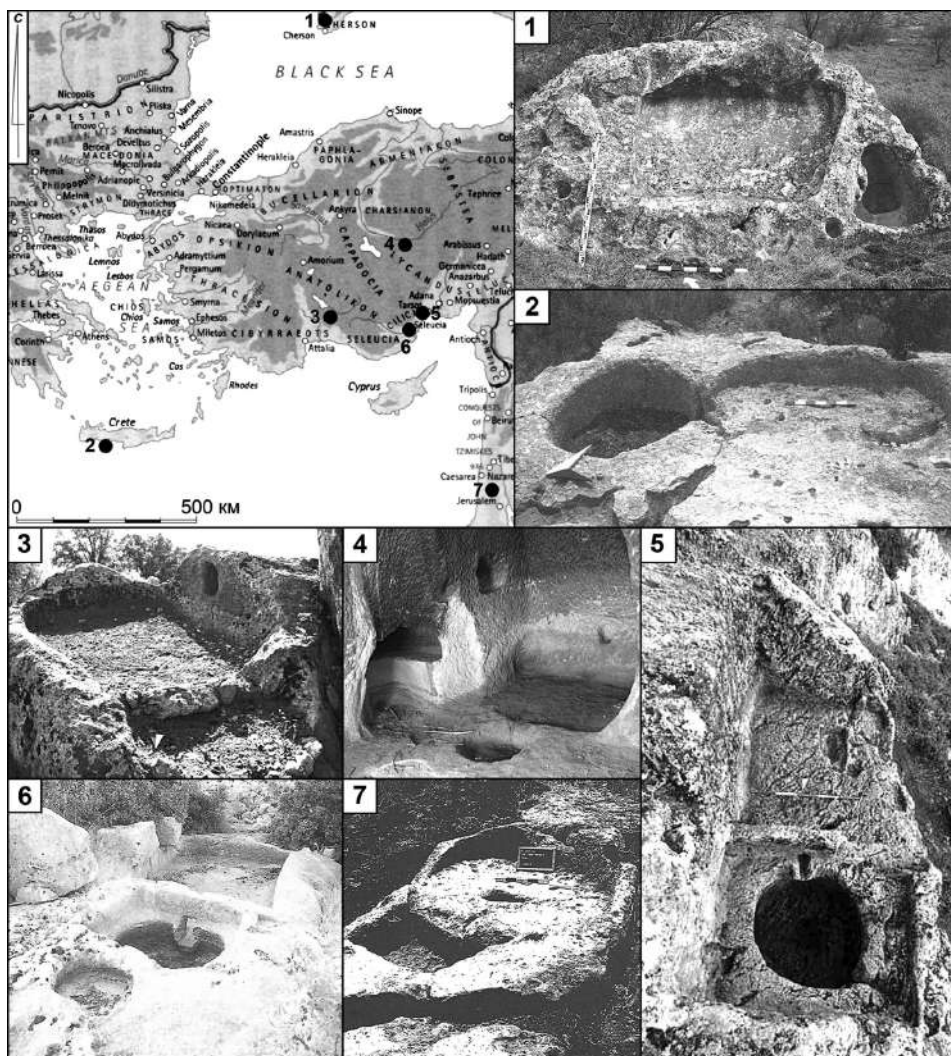

Рис. 2. Скальная виноградодавильня: 1 – на юго-западном склоне Качи-Кальона (КчКВ-21) (фото автора); 2 – на о. Гавдос, Греция [по: Χριστοδουλακος, 2000, σ. 578, εικ. 1]; 3 – в районе городов Бейшехир и Сейдишехир, провинция Конья, Турция [по: Baldiran, 2010, s. 315, fig. 7]; 4 – близ города Гёреме, Турция [по: Гуськов, 2016, с. 86, рис. 5]; 5 – близ монастыря Ольба, провинция Мерсин, Турция [по: Yeğin, 2016, s. 215, levha 2]; 6 – в районе Элайусса, провинция Мерсин, Турция [по: Barratta, 1999, p. 134, fig. 78]; 7 – близ Ямуна, Палестина [по: Turshan, 2011, p. 129, fig. 5].

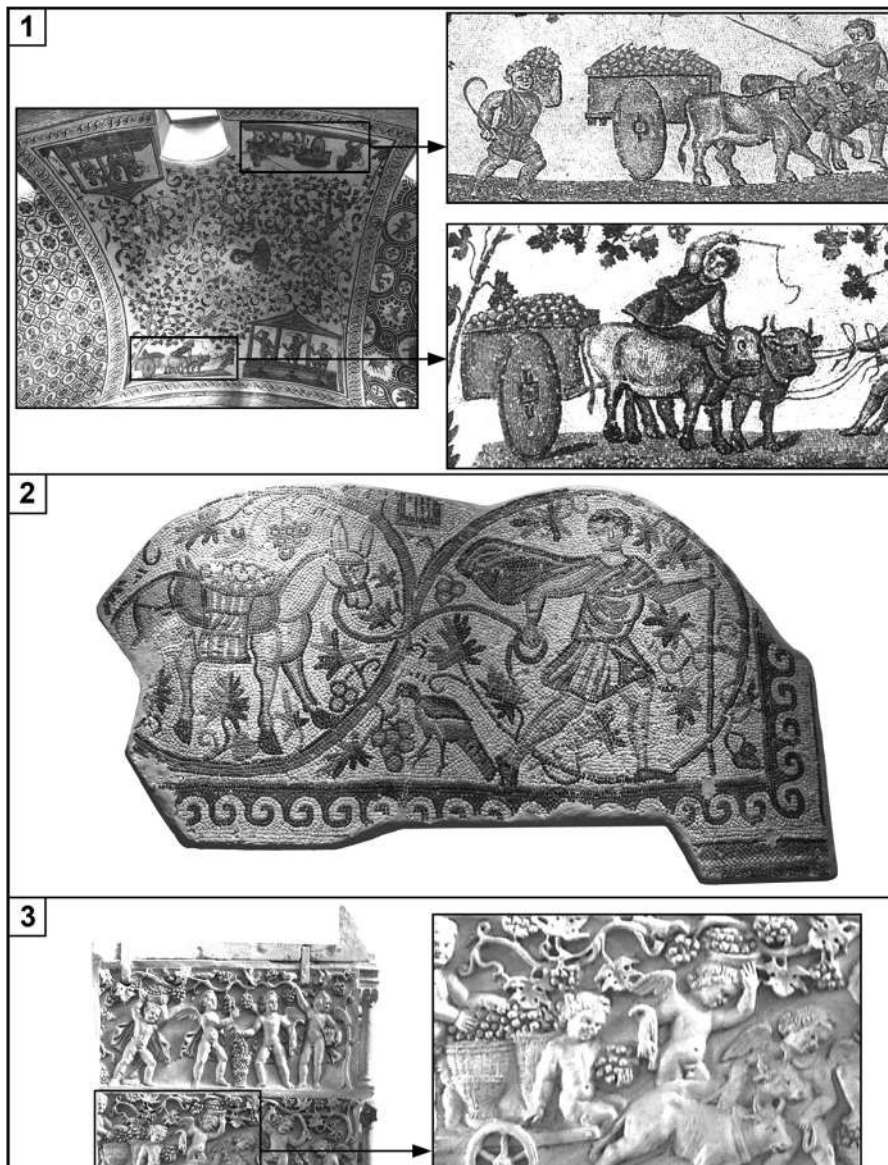

Рис. 3. Доставка винограда к давяльне. 1 – мозаика на своде мавзолея Константины Августы (церковь Св. Констанции), Рим, середина IV в. (URL: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/4mosaics/1rome/1costanz/3vault1.html (дата обращения: 06.07.2022)). 2 – мозаика V-VI вв., Археологический музей Хагая, Антакья (URL: <https://www.arkeolojikhaber.com/haber-hatayda-bulunan-bag-bozumu-mozaiginin-restorasyonu-tamamlandi-31991/> (дата обращения: 06.07.2022)). 3 – барельеф на торцевой стенке саркофага Юния Басса (около 349 г.), Базилика Сан-Пьетро, Ватикан (URL: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/1sculptu/sarcopha/1/6bassus8.html (дата обращения: 06.07.2022)).

Рис. 4. Давка винограда ногами. 1 – мозаика на своде мавзолея Константина Августы (церковь Св. Констанция), Рим, середина IV в. (URL: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/4mosaics/1rome/1costanz/3vault1.html (дата обращения: 06.07.2022)). 2 – барельеф на торцевой стенке саркофага Юния Басса (около 349 г.), Базилика Сан-Пьетро, Ватикан (URL: https://www.wga.hu/html_m/zearly/1/sculptu/sarcopha/1/6bassus8.html (дата обращения: 06.07.2022)). 3 – мозаика Шв., Новый археологический музей, Патры (URL: <http://www.ampatron.gr/%CE%91%CF%81%CF%87%CE%B9%CE%BA%CE%AE/%CE%91%CE%AF%CE%B8%CE%BF%CF%85%CF%83%CE%B1-%CE%99%CE%B4%CE%B9%CF%89%CF%84%CE%B9%CE%BA%CE%BF%CF%8D-%CE%92%CE%AF%CE%BF%CF%85> (дата обращения: 06.07.2022)).

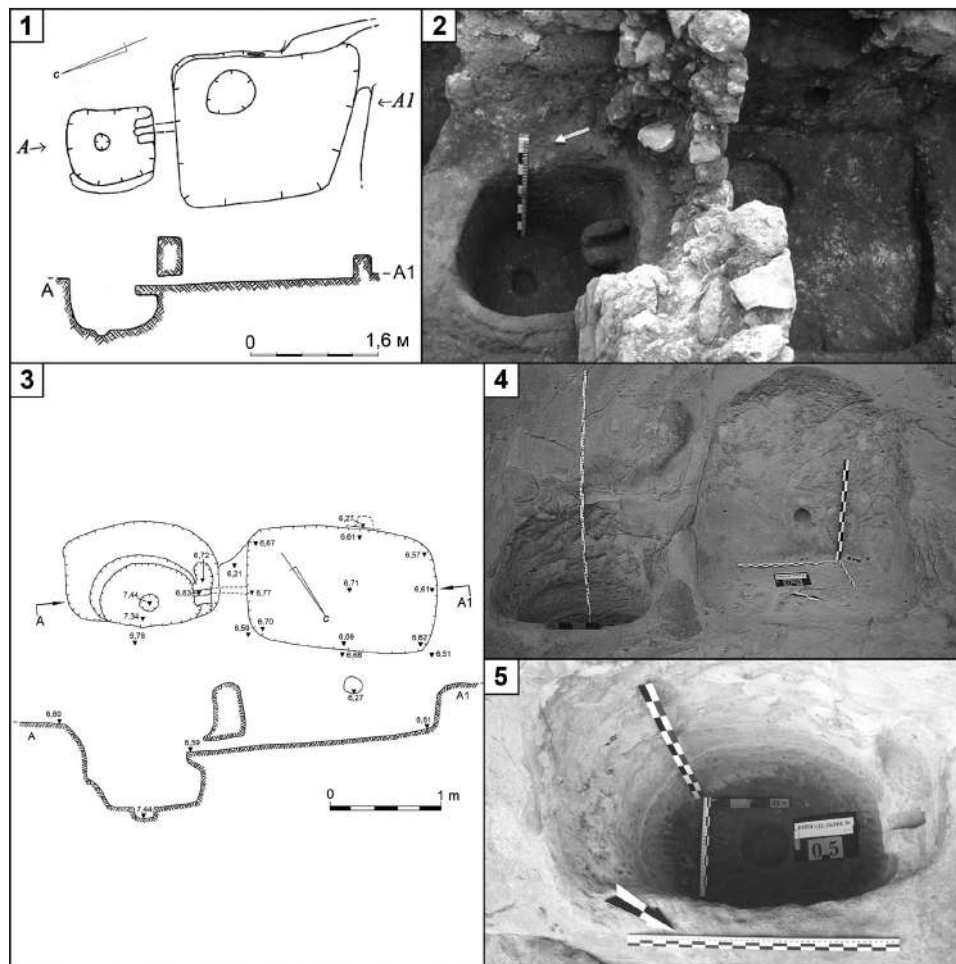

Рис. 5. Углубление на дне суслоприемника. 1 – план и разрез А–А1 виноградадавьильни № 3, Эски-Кермен; 2 – фото ЭКВ-3, вид на восток [по: Айбабин, 2010, с. 235, рис. 8]. 3 – план и разрез А–А1 виноградадавьильни № 5 под северо-восточным обрывом мыса Джениче-Бурун, округа Суйреньской крепости; 4 – фото ДБВ-5, вид на юго-запад; 5 – фото суслоприемника ДБВ-5, вид сверху, на юго-запад.

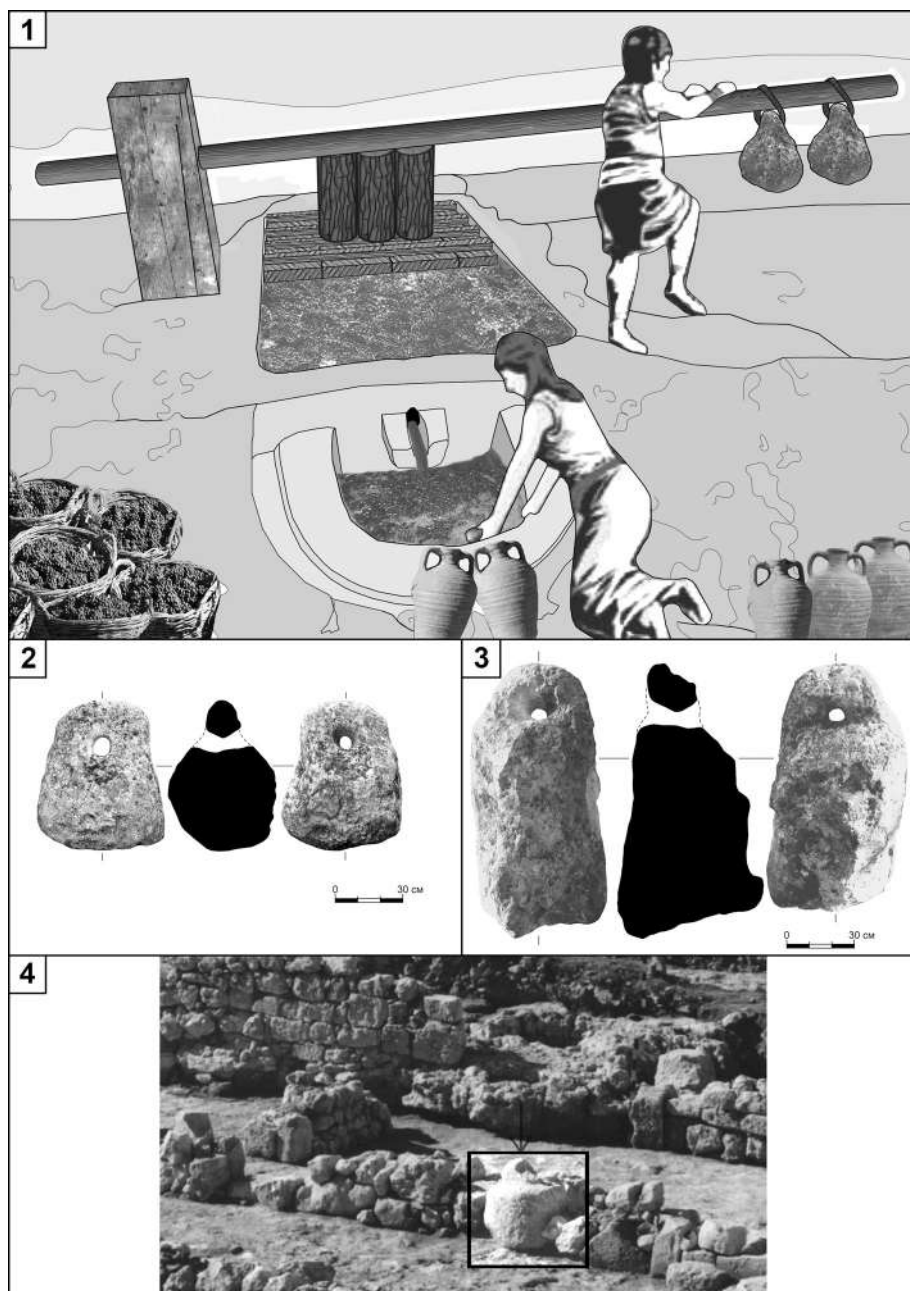

Рис. 6. 1 – реконструкция давки винограда с помощью рычажного пресса, на примере виноградодавильни № 1 (МКВ-1), Мангуп. 2–4 – каменные гири для рычажного пресса, Мангуп.

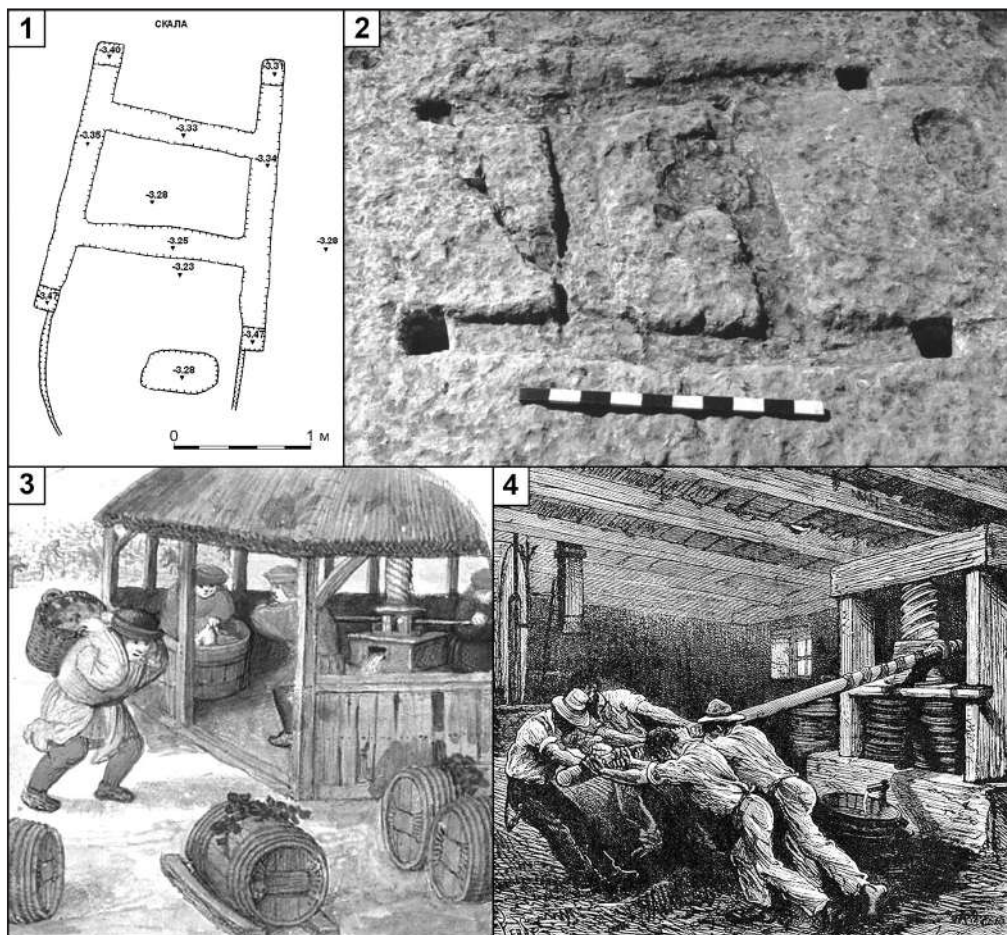

Рис. 7. 1 – план вырубок под станины винтового пресса, виноградодавильня № 12 (МКВ-12), Мангуп; 2 – фото вырубок под станины винтового пресса, МКВ-12, вид на юг. 3 – доставка винограда, давка его ногами и работа винтового пресса на миниатюре из манускрипта «*Horae cum calendario*», 1510–1525 гг., Национальная библиотека Франции (URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10053553j/f19.item> (дата обращения: 06.07.2022)). 4 – работа вертикального винтового пресса, гравюра второй половины XIX в., Прованс, Франция [Lewit, 2020, p. 205, fig. 6].

А.М. КОРЖЕНКОВ
Д.А. МОИСЕЕВ
А.Н. ОВСЮЧЕНКО
А.С. ЛАРЬКОВ

A.M. KORZHENKOV
D.A. MOISIEIEV
A.N. OVSYUCHENKO
A.S. LARKOV

СЕЙСМИЧЕСКИЕ ДЕФОРМАЦИИ В ЦЕРКВИ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ В ФЕОДОСИИ

SEISMIC DEFORMATIONS OF THE CHURCH OF THE ST. GEORGE MONASTERY IN FEODOSIYA

Введение

Армянский монастырь Св. Георгия (Сурб Геворг) в Феодосии (средневековая Каффа) дошёл до нас в составе церкви XIV в. и прилегающего к ней некрополя. Храм был построен не позднее 1385 г. на территории Западного участка предместий Каффы и принадлежал армянской общине. На данный момент, исходя из архитектуры здания, можно выделить два строительных периода в истории храма: XIV в. – 1858 г. и 1858 г. – наши дни. На втором строительном периоде было проведено три реставрации церкви, не считая кардинальной перестройки храма в 1858 г.: в 1968 г., в 2006 г. и в 2016 г.

В 1858 г. храм был значительно перестроен. К древней (восточной) части здания были пристроены центральная и западная части, над первой возведена башня, а с северной стороны раннего храма появилась пристройка [Халпахчян, 2019, с. 297 – 301]. Если вначале церковь была квадратной в плане с купольным перекрытием и апсидой на восточном фасаде, то после 1858 г. она превратилась в вытянутый прямоугольник под двускатной черепичной кровлей с башней (рис. 1, 2) и апсида оказалась не связана с новой кровлей. В целом, можно сказать, что в архитектонике церкви заметно проявило своё влияние русское зодчество.

Отметим, что выделение 1-го строительного периода в истории храма достаточно условное. К сожалению, материалы археологических раскопок памятника на сегодня не опубликованы и поэтому нам сложно судить об истории объекта в XIV – XIX вв. Но стены восточной части храма несут в себе следы многочисленных ремонтов и перестроек, которые не оставляют возможности сомневаться, что уточнение ранней истории храма ещё только предстоит сделать. Во многом наше исследование

позволяет поставить вопрос о сложной истории монастыря Св. Георгия на Западном участке предместий Каффы и актуализировать его полноценное археологическое исследование в будущем.

Стены церкви монастыря Св. Георгия несут значительные повреждения, которые мы специально изучали в полевых условиях в 2015 году с помощью разрабатываемого нами археосейсмологического метода. Этот подход использует кинематические индикаторы деформаций, известные из структурной геологии [Korzhenkov and Mazor, 1999; Корженков и Мазор, 2001; Корженков и др., 2020]. Территория Крымского полуострова испытывала значительные землетрясения как в новейшее время – Ялтинские землетрясения 1927 года [Никонов, 2012], так и в античное – 63 год до н.э. [Блаватский, 1977]. Значительное землетрясение затронуло Каффу в Средневековье – в 1423 году [Мыц, 2009]. Учитывая сравнительно хорошую сохранность комплекса генуэзских и османских построек города и длительность их существования, Каффу-Феодосию можно уверенно назвать территорией «окаменевших сейсмоскопов», в которых зафиксировано большое количество следов землетрясений с XIV по XX век. Первейшей задачей наших исследований была попытка установить генезис деформаций в стенах храма. В случае подтверждения их сейсмического происхождения наша задача наращивалась следующими вопросами: какова была местная сейсмическая интенсивность сейсмических колебаний, где располагался их источник (сейсмогенный разрыв), когда произошли эти значительные сейсмические события?

Мы уже упоминали выше, что церковь монастыря Св. Георгия состоит из двух основных частей, построенных в различное время: в XIV веке и XIX веке. Следовательно, и деформационная история у этих частей церкви должна быть разной. Рассмотрим выявленные и исследованные нами повреждения строительных конструкций.

Полученные данные

Наклоны строительных конструкций

Систематические наклоны строительных конструкций единого простираения в одном направлении являются важнейшим доказательством их сейсмогенной природы [Korzhenkov and Mazor, 1999; Корженков и Мазор, 2001]. Подобные деформации были выявлены нами в северной стене новой части церкви. Так, например, на западном участке северной стены с простираением 800 имеется два арочных портала. Западный вход (рис. 1, 3) заблокирован каменными блоками из-за перекоса дверного наличника и деформации арки – небольшого провисания камней в ее замковой части. Вверх от арки до самой крыши расходятся межблоковые трещины в виде цветковой структуры. Данный структурный ансамбль подразумевает не только сильные сеймотектонические напряжения, действовавшие вдоль простираения стены, но и некоторую крутящую – сдвиговую компоненту.

Важно отметить, что восточные стены основной части храма (1-й строительный период) и его пристройки (2-й строительный период) наклонены в разные стороны

(рис. 5). Хотя общее простираие стен 170° , стена 1-го строительного периода на 2° – 3° наклонена на восток, а 2-го – на те же значения на запад. Особенно хорошо это видно в верхней части конструкции, где между ними имеется латеральное несовпадение до 5 – 7 см. Не менее важно отметить, что описанные наклоны строительных конструкций имели субширотное направление. Естественный же уклон рельефа в данной местности субмеридианальный: с юга на север. Таким образом, гравитационный фактор в образовании перечисленных повреждений может быть исключен.

Деформации арок окон и входных порталов

Повреждения и разрушения арочных конструкций являются необычайно чувствительным кинематическим индикатором, позволяющим: 1) доказать сейсмический генезис разрушений и повреждений, 2) определить направление максимальных местных сейсмических воздействий, 3) оценить местную сейсмическую интенсивность сейсмических колебаний [Korzhenkov and Mazor, 1999; Корженков и Мазор, 2001; Корженков и др., 2020]. Особенно впечатляющими являются провисшие замковые камни в арках. Подобная деформация может возникнуть при кратковременных периодах растягивающих усилий, направленных вдоль простираия арочной конструкции, не достаточных, тем не менее, для их полного разрушения.

Провисшая замковая часть арки портала с азимутом простираия 80° видна в северной стене 1-го строительного периода храма (рис. 6). Три центральных камня конструкции опустились на величину до 5 см. Этот факт подразумевает направление значительных сейсмических колебаний вдоль субширотной оси.

В церкви монастыря Св. Георгия сильные повреждения получили и оконные арки. На южной стене 2-го строительного периода с простираием 70° – 75° имеется 2 окна со стрельчатыми арками: центральное (рис. 2, 2) и западное (рис. 7), которые заложены камнем. Блокировке подверглось и восточное окно храма в стене 1-го строительного периода (рис. 2,2; 3). Отметим, что окно было сооружено в стене после древнего ремонта (рис. 2), когда в её кладку попала архитектурная деталь с резной розеткой и растительным орнаментом (рис. 3), характерным для крымских памятников архитектуры ордынского времени. Также стоит отметить, что форма окон на восточной стене храма слева и справа от апсиды имела несколько иной вид (рис. 2, 1) и была представлена монолитными блоками с узкой прорезью для проникновения света в помещения. Вместе с ремонтом южной стены 1-го периода, сооружением в ней нового окна (ремонта старого?) была переложена верхняя половина юго-восточного угла храма (рис. 2). Древний вывал кладки был значительным и едва не затронул окно к югу от апсиды. Судя по всему, стена не вывалилась полностью, а разрушилась в виде клина, расширяющегося наверх, и была расположена в верхней половине кладки. Также обращает на себя внимание, что низшая точка клина расположена именно на южной стене (рис. 2, 2). Чтобы сформировались подобные деформации стен, необходимо землетрясение интенсивностью не менее VII баллов (MSK-64).

Восточная стена 1-го строительного периода (к югу от апсиды) имеет мощный

фундамент. Он выдвинут относительно остальной части кладки с максимальным выступом у Ю-В угла церкви – 13 см (в районе апсиды выдвижение не фиксируется).

Замковые камни западной арки на южной стене церкви также повреждены (рис. 7). Сразу же бросается в глаза «расшевеленный» центральный замковый блок. Видны следы ремонта и перекладки замковой части арочной конструкции. От арки вверх распространяются межблоковые трещины. Они образуют т.н. «цветковую» структуру, которая означает наличие небольшой сдвиговой компоненты деформации, направленной перпендикулярно азимуту простираения арочной конструкции. У этой арки также разбит подоконник (рис. 7, 2). Данные наблюдения свидетельствуют о сейсмическом генезисе описанных деформаций и о субширотной оси распространения сейсмических колебаний в данном регионе.

Стрельчатая арка центрального окна южной стены опустилась вниз до 5 см (рис. 8). Азимут простираения стены и арки 80° . Чтобы предотвратить разрушение этой части стены, весь оконный проем был заложен. Все описанные события произошли во время 2-го строительного периода.

Эти наблюдения подтверждают изложенное ранее заключение о сейсмическом характере описанных деформаций и о субширотном направлении максимальных сейсмических колебаний как минимум одного землетрясения.

В церкви монастыря Св. Георгия деформированными оказались не только стрельчатые арки окон 2-го строительного периода, но и входных порталов (рис. 9). Так, в замковой части арки современного входа в церковь видно провисание каменных блоков, а также их последующий ремонт (рис. 9,1). Деформации этой арочной конструкции видны также и во внутренней части храма (рис. 9,2) в виде трещин, расшевеливающих некоторые замковые камни. Эти наблюдения подтверждают наше раннее заключение о распространении максимальных сейсмических колебаний вдоль субширотной оси.

Пристройка к храму имела все четыре стены (в т.ч. и южную, которая стояла вплотную к северной стене храма). В этой южной стене пристройки были сооружены глухие арки (рис. 10). Видимо, в дальнейшем предполагалось в этом месте пробить проход в наос храма. Замковые части арок также деформированы: у них провисли на первые сантиметры восточные камни замковых частей. Вверх от этих повреждений распространяются косые межблоковые трещины, образовавшиеся в связи с описанными деформациями. Они также укладываются в общую картину предполагаемого нами субширотного направления распространения максимальных сейсмических колебаний.

До сих пор в нашей работе мы описывали деформации арочных конструкций только в субширотных стенах церкви. Следует отметить, что имеется один случай повреждения надвходовой арки и ее последующего ремонта – перекладки в западной стене пристройки (рис. 11). Азимут простираения стены здесь 170° . Виден различный размер некоторых каменных блоков в северной и южной части арочной конструкции, а также значительная косая межблоковая открытая трещина над аркой, отремонтиро-

ванной впоследствии тонкой каменной плиткой. Возможно, что значительная часть пакета камней над арочной конструкцией развернулась вдоль этой трещины вокруг вертикальной оси на величину в первые градусы по часовой стрелке внутрь постройки.

Трещины

Практически все старинные здания покрыты сетью трещин. Эти разрывы в прочных строительных конструкциях возникают вследствие постепенных статических нагрузок от самого сооружения, просадок в подстилающих грунтах, военных операций (взрывов, действия таранов) и значительных сейсмических колебаний. И лишь трещины, пробивающие несколько строительных блоков подряд – joints, а также факт значительного числа трещин в стенах определенной ориентировки могут служить доказательством их сейсмогенного происхождения [Корженков и Мазор, 2013].

При нашем исследовании церкви было обнаружено значительное количество трещин. Наиболее впечатляющие из них – это структурный ансамбль ниже и выше оконного проема в северной стене пристройки (рис. 12). Хорошо видно, что образование структурного комплекса началось внизу стены, где она получила сильное динамическое воздействие от подстилающего грунта: именно здесь же имеется максимальное раскрытие между соседними бортами трещин. Важно отметить, что описываемые межблоковые трещины начинают ветвиться вверх, что означает «цветковую» структуру и сдвиговые напряжения, действовавшие перпендикулярно простиранию субширотной стены. Эти сдвиговые напряжения привели к 5⁰ повороту восточной части описываемой стены против часовой стрелки. «Цветковый» ансамбль трещин, раскрывающийся кверху – до самой крыши, имеется и над окном. Угрожающее состояние верхней части стены заставило верующих заблокировать оконный проем кирпичом.

Сквозные трещины (joints), пробивающие 2-3 каменных блока подряд, также встречены в церкви монастыря Св. Георгия. Они имеются в значительном количестве к югу и северу от аспиды в восточной стене 1-го строительного периода (рис. 2, 1; 13), имеющей простирание 170⁰. Ранее мы подробно писали о наличии ремонта в кладке этой стены и его следах в южной стене храма. В отличие от юго-восточного, на северо-восточном углу в кладке 1-го строительного периода подобного ярко выраженного ремонта не видно. Также необходимо отметить, что вывал юго-восточного угла, как и образование трещин, происходил «пакетом» под близким углом. Видимо, перед нами разные «эшелоны» одной деформации, где одни выразились в образовании сквозных трещин, а другие – в виде вывалившихся «пакетов» каменных блоков кладки. Закономерным также является усиление выраженности «пакетов» трещин снизу вверх и их затухание в месте примыкания к апсиде – естественному усилителю конструктивной части церкви. Сквозная межблоковая трещина наблюдается во внутренней кладке апсиды. Ее особенность – «цветковый» эффект, который она приобретает в верхней части конхи. Отметим, что фасадная часть апсиды такой деформации не имеет.

Сквозная трещина также встретилась в северной стене 1-го строительного периода (рис. 13,2) с азимутом простирания 80° . Однако она возникла недавно, так как эта часть стены 1-го строительного периода перекладывалась в начале 2-го строительного периода для монтажа стропильной системы кровли пристройки.

Западная стена храма, имеющая простирание 160° , пробита двумя сквозными трещинами на всю высоту строительной конструкции в 4-5 м. Наиболее наглядная открытая – южная трещина-разрыв (рис. 14). Ширина между ее разошедшимися бортами от 2 до 15 см. Ширина раскрытия увеличивается книзу, что говорит о просадочном характере разрыва. Однако его бифуркация кверху говорит также о небольшой сдвиговой деформации, приводящей к развитию цветковой структуры. Хотя время заложения трещины не известно, свежий облик трещины подразумевает ее современное развитие. Об этом же свидетельствует и деформация «маячков» (рис. 14), установленных на высоте около 3 м, и образование вдоль фронта разрыва особых структурных форм растяжения-сдвига – pull-apart'ов. Последние подразумевают небольшое (первые сантиметры) опускание вниз северной части стены согласно уклону местности. Цоколь здесь состоит из четырех рядов каменной кладки, выполненных в виде ступенек. Простирание верхней ступеньки – 155° . Простирание ступенек цоколя и западной стены не совпадают: в центральной части стены они выгнуты на запад.

Описанная выше современная деформация церкви, видимо, началась уже в XXI веке в связи со строительными работами на территории старого армянского кладбища, располагавшегося к западу и северу от храма. В их результате было утеряно равновесное состояние в грунтах, на которых построен храм. В связи с этим начался процесс раскрытия между южной (простирание $70^{\circ} - 75^{\circ}$) и северной (простирание 80°) стенами храма, достигший величины в первые десятки сантиметров.

Региональная сейсмотектоника

За последние 150 лет (период относительно хорошо документированной сейсмической истории Крыма [Морозова, Шебалин, 1968; Пустовитенко и др., 2014; Никонов, Пономарева, 1991]) Феодосия неоднократно подвергалась воздействию умеренных по силе землетрясений. Лучше всего изучены Ялтинские землетрясения 26 июня и 11 сентября 1927 года с $M=6.0$ и $M=6.8$ соответственно. Сразу после этих событий в ноябре 1927 года в Феодосии появилась первая крымская сейсмическая станция. Механизм очага при первом толчке по макросейсмическим данным можно полагать преимущественно сдвиговым по плоскости северного – северо-западного простирания, а при основном ($M=6.8$) – вбросовым, при северо-восточной ориентировке [Никонов, 2012]. Очаги землетрясений привязываются к Южно-Крымской (Прикрымской) складчато-надвиговой зоны, которая протягивается в акватории Черного моря вдоль Южного берега Крыма. Первое землетрясение вызвало в Феодосии 5-балльный эффект, второе ощущалось с интенсивностью 6-7 баллов, вызвав легкие повреждения домов, разваливание труб, образование трещин в стенах домов [Черноморские..., 1928; Морозова, Шебалин, 1968; Скляр и др., 2000; Никонов, 2012; Пустовитенко и др., 2014].

Кроме 1927 года, имеются сведения еще о трех землетрясениях, сопровождавшихся умеренными сейсмическими эффектами в Каффе-Феодосии 1615, 1869 и 1875 годов (рис. 16). Положение эпицентров перечисленных землетрясений определяется с очень большой ошибкой и может быть пересмотрено при появлении более определенных сведений о распределении сотрясений.

Сообщение о землетрясении 1615 года, вызвавшем цунами, разрушение домов и городской стены в Каффе, записано современником событий и сомнений не вызывает [Никонов, 1986; Хапаев, 2008]. По оценке А.А. Никонова, очаг землетрясения был расположен в Черном море; его магнитуда $M=6.0\pm 0.5$; интенсивность сотрясений в Каффе в 7-8 баллов (MSK-64).

Землетрясение 11.10.1869 года ($M=6.0\pm 0.2$) сильнее всего ощущалось в Судаке (7баллов, MSK-64), где сопровождалось изменением уровня моря, вызвало серьезные повреждения старых сооружений, включая Генуэзскую крепость, и разрушение некоторых современных зданий [Никонов, Пономарева, 1991]. В Феодосии и Белогорске интенсивность сотрясений достигла 6 (возможно, 6-7) баллов (MSK-64).

Землетрясение 8.8.1875 года ($M=4.7\pm 0.3$), очаг которого располагался к востоку от Феодосии, вызвало в этом городе сотрясения интенсивностью 6-7 баллов [Никонов, Пономарева, 1991]. Этому землетрясению предшествовал слабый форшок 1.8.1875 года ($M=4.1\pm 0.3$). Примечательно, что 8.8.1875 года, помимо Феодосии, ещё одна локальная область максимальных сотрясений (6-7 баллов) была расположена в 30 км к северо-западу от г. Старый Крым, в селах Азамат (Малиновка) и Азамат Русский (Васильевка). При этом уже в 12 км к юго-западу от них, в Карасу базаре (Белогорск), интенсивность сотрясений составила 4 балла. Таким образом, параметры этого землетрясения остались до конца не ясными, оставив ряд вопросов о положении очага, количестве событий и распределении сотрясений.

Кроме этого, не вызывает сомнений наличие землетрясения 1423 года, которое было прослежено при археологических исследованиях крепости Фуна [Мыц, 2009]. Наличие сейсмогенных повреждений этого времени в постройках крепости было подтверждено специальным археосейсмологическим исследованием [Моисеев и др, 2019, с. 43-44]. Отметим, что и В.Л. Мыц, и В.П. Кирилко, исследователи крепости Фуны, полагали, что эпицентр землетрясения располагался в море южнее Крымского побережья [Кирилко, 2005; Мыц, 2009].

Новейшие археосейсмологические исследования церкви Архангелов Гавриила и Михаила позволили проследить в ее стенах следы минимум четырех землетрясений. Видимо, они относятся к 1423 году (Южно-Крымская сейсмогенерирующая зона; $I_L = 8-9$ баллов, MSK-64), концу XVII века (Южно-Азовский активный разлом; $I_L = 7-8$ баллов, MSK-64), 2-й половине XVIII века (Южно-Крымская сейсмогенерирующая зона; $I_L = 7-8$ баллов, MSK-64) и 1875 года ($I_L = 6-7$ баллов, MSK-64)[Моисеев и др, 2021, с. 145-146].

Обсуждение результатов и заключение

Выявленные систематические повреждения строительных конструкций в

армянской церкви монастыря Св. Георгия в Каффе-Феодосии (Юго-Восточный Крым) позволили прийти к выводу об их сейсмогенном характере.

Эти деформации включают в себя наклоны, развороты строительных элементов, провисание замковых частей надоконных и надвходовых арочных конструкций и широкой спектр трещин, включающий как межблоковые, так и сквозные, а также трещинные ассамбляжи в виде цветковых структур.

Для того чтобы датировать описанные сейсмодислокации и систематизировать их по разным событиям, рассмотрим таблицу 1.

Описанные повреждения храма можно уверенно свести минимум к двум эпизодам деформаций: событиям А и В. К событию А отнесём все деформации, для которых было характерно распространение максимальных сейсмических колебаний вдоль субширотной оси. К ним можно отнести деформации арок в стенах с субширотным простираем и межблоковые трещины с «цветковым» эффектом (табл. 1, 1, 3, 7–10, 12), межблоковые трещины с разворотом части конструкции по часовой стрелке (табл. 1, 11), наклоны значительных частей конструкций (табл. 1, 1–2), блокировки окон и входов (табл. 1, 1, 5, 8), выдвижение фундамента на восточной стене (табл. 1, 6) и сквозные трещины в пристройке (табл. 1, 14). Все названные деформации прослежены в стенах с субширотным простираем, преимущественно в поздних строительных конструкциях. Это говорит о том, что максимальные сейсмические колебания пришли с запада, куда наклонилась часть конструкций (табл. 1, 1–2). Также фундаменты зданий вместе с подстилающими грунтами обычно выдвигаются в сторону, противоположную эпицентру землетрясения (табл. 1, 6). Вызывает некоторое сомнение то, что событие А повредило арку восточного входа на северной стене, которая относится к стене 1-го строительного периода (табл. 1, 3). Однако без зондажа перекрывающей проход кладки с забором образцов строительного раствора ответить на вопрос: не более ли древнее событие С перед нами или нет? – на данный момент нельзя. Таким образом, землетрясение, соответствующее событию А, произошло после 1858 года, местная интенсивность сейсмических колебаний составила $I_1 = VII - VIII$ баллов (MSK-64). Возможно, перед нами последствия землетрясения с эпицентром к северо-западу от Феодосии 8.8.1875 года. Последствия землетрясения этого же дня, но к востоку от города, скорее всего, закамуфлированы более ярко выраженными повреждениями и завалами названного события. Оцениваемая нами интенсивность события А аналогична повреждениям, предположительно оставленным этим же землетрясением в стенах феодосийской церкви Архангелов Гавриила и Михаила [Моисеев и др, 2021, с. 145].

Событие В оставило меньше следов (вернее, они хуже сохранились), т.к. деформации повредили строительные конструкции 1-го строительного периода, которые сохранились плохо. К этим деформациям относятся сквозные трещины, пробивающие 3 блока подряд, в восточной стене храма к югу от апсиды (табл. 1, 1). Только их наличие даёт возможность интерпретировать ремонт юго-восточного угла церкви

(табл. 1, 4) как преодоление последствий этого землетрясения. Его сейсмические колебания распространялись вдоль субмеридианальной оси, а эпицентральная зона, видимо, располагалась вдоль одного из сегментов Южно-Крымской сейсмогенерирующей зоны. Судя по всему, местная сейсмическая интенсивность составляла $I_{\geq 7}$ баллов (MSK-64).

На данный момент теоретически можно предположить, что повреждения могли быть оставлены следующими землетрясениями:

- 1423 год, $I_L = 8-9$ баллов, MSK-64;
- 1615 год, $I_L = 7-8$ баллов, MSK-64;
- 2-я половина XVIII века, $I_L = 7-8$ баллов, MSK-64.

Землетрясение 1423 года изучается достаточно давно, главным образом археологически [Кирилко, 2005, с. 49 – 51]. В последнее время к его описанию добавились археосейсмологические работы [Моисеев и др., 2019, с. 43-44; 2021, с. 141-142]. В результате этих исследований удалось предварительно локализовать эпицентральную зону события 1423 г. Очевидно, однако, что эта работа еще далека от завершения.

Сейсмодислокации в стенах церкви могут быть замаскированы или искажены во время длительной истории функционирования памятника. Теоретически последствия катастрофического землетрясения 1423 года должны быть хорошо проявлены в стенах церкви и было бы логично соотнести их с событием В. Вместе с тем его сейсмические деформации можно интерпретировать как последствия землетрясения 1615 года (оценка А.А. Никонова может быть уточнена). Но на сегодня нам неизвестны четко датированные и локализованные его последствия на памятниках Каффы. К примеру, археосейсмологическое изучение церкви Архангелов Гавриила и Михаила не дало возможности выявить их следы [Моисеев и др., 2021]. С другой стороны, данные, собранные в церкви, пока не полные: изучены только южный, западный и северный фасады памятника [Моисеев и др., 2021, с. 131 – 140]. Кроме того, деформации единичного здания не могут служить достаточным источником информации о сильном землетрясении. Здесь могут вмешаться последствия статической нагрузки со временем, архитектурных особенностей здания, свойства подстилающих грунтов, военные действия. Лишь комплексное исследование нескольких (как можно большего числа) древних зданий может дать достоверную статистическую оценку направления прихода сейсмических подвижек и местной сейсмической интенсивности.

Другим землетрясением, которое теоретически могло оставить повреждения события В, является землетрясение 2-й половины XVIII века, описанное на сейсмогенных деформациях церкви Архангелов Гавриила и Михаила [Моисеев и др., 2021]. Очевидно, что единственным весомым аргументом, который склоняет нас к более ранней датировке, является вывал и последующий ремонт юго-восточного угла здания. Этот вывал дает основания предполагать, что максимальные сейсмические колебания должны были действовать по отношению к церкви монастыря

Св. Георгия с юга – часть стены во время прохождения максимальных сейсмических колебаний вывалилась по направлению к эпицентру землетрясения. В пользу этого говорит и то, что максимальный вывал кладки сформировался именно на южной стене, а в восточной образовались сквозные трещины. Вместе с тем меньший вывал кладки наблюдается и в восточной стене. Здесь, видимо, имеет место свидетельство того, что максимальные сейсмические колебания действовали не совсем параллельно простираению восточной стены, а под некоторым углом.

Если природа обрушения все-таки не была сейсмогенной, то следует подробнее остановиться на поздней версии датировки события В. Строительная периодизация памятника и ее общая историческая логика, однако, не говорят в пользу такой хронологии. Значительная перестройка церкви была предпринята Г. Айвазовским в 1858 году. В это время западная половина церкви и все другие строения монастыря, видимо, были утрачены [Халпахчян, 2019, с. 297, 299]. В целом предпринятая кардинальная перестройка комплекса говорит о плачевном состоянии его строений. Наличие сейсмогенных деформаций в старом заложенном входе в храм в северной стене (рис. 6), которые были «исправлены» во время ремонта в 1858 году, дают возможность предположить, что значительное ухудшение технического состояния церкви в 1-й половине XIX века были вызваны последствиями землетрясения. К неоспоримым свидетельствам сейсмогенного повреждения церкви можно отнести межблоковую трещину с «цветковым» эффектом на внутреннем фесе кладки апсиды и ее конхи. Очевидно, что к таким повреждениям должна была привести катастрофа 2-й половины XVIII века, возможно, усилившая и развившая повреждения землетрясений 1615 года и конца XVII века.

Вне зависимости от того, является ли вывал юго-восточного угла церкви сейсмогенным, его связь с явно сейсмогенными сквозными трещинами не вызывает сомнений. Таким образом, можно предположить, что ремонт разрушенной кладки юго-восточного угла церкви прошел после события В. В свою очередь, перестройка 1858 года, которая явно ликвидировала последствия (даже отложенные во времени) землетрясений турецкого времени, показывает несколько иную историческую ситуацию. После этих землетрясений ремонтов не было и церковь с монастырем хотя и продолжали использоваться, но постепенно ветшали и руинировали. Исходя из этого, можно уверенно отнести событие В ко времени до 2-й половины XVIII века. Наиболее вероятная хронология представляется в 1423 году.

Таким образом, в результате археосейсмологического исследования церкви монастыря Св. Георгия удалось получить ценные сведения о сейсмической истории Каффа-Феодосии. Становится совершенно ясно, что сейсмический фактор играл важную роль в истории города, формируя важные вехи в его строительной периодизации и, несомненно, археологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Блаватский В.Д.* Землетрясение 63 года до н.э. на Керченском полуострове // Природа.М. «Наука». 1977. № 8. С. 55–59.
- Кирилко В.П.* Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев. «Стилос». 2005. 269 с.
- Корженков А.М., Мазор Э.* Структурная реконструкция сейсмических событий: Руины древних городов как окаменевшие сейсмографы // Известия МОН РК, НАН РК. Алматы. «Илим». 2001. № 1. С. 108–125.
- Корженков А.М., Мазор Э.* Признаки сейсмических повреждений в руинах древних городов в пустыне Негев // Геотектоника. М. «ИКЦ «Академкнига». 2013. №1. С. 59 – 73.
- Корженков А.М., Минчев А., Тенекеджиев В., Овсюченко А.Н., Димитров О., Ларьков А.С., Рогожин Е.А., Рангелов Б., Стрельников А.А.* Сейсмические деформации в раннехристианском монастыре в местности Джанавара (Варна, Болгария). Часть 1: Методы исследований // Вопросы инженерной сейсмологии. М. «ИФЗ РАН». 2020. Т. 47, № 4. С. 72–91.
- Моисеев Д.А., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С.* Крымское разрушительное землетрясение второй половины XV в. // Вопросы инженерной сейсмологии. М. «ИФЗ РАН». 2019. Т. 46, № 2. С. 37 – 53.
- Моисеев Д.А., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С.* Сейсмические деформации в церкви Архангелов Гавриила и Михаила // Вопросы инженерной сейсмологии. М. «ИФЗ РАН». 2021. С. 131 – 148.
- Морозова Р.М., Шебалин Н.В.* О землетрясениях Крыма 1800 –1967 гг. (опыт критического каталога). // Геофизический сборник АН УССР. Киев. «Наукова думка».1968. Вып. 26. С. 13 – 41.
- Мыц В.Л.* Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь. «Универсум». 2009. 528 с.
- Никонов А.А.* Землетрясения XVII века в Восточном Крыму. // Известия АН СССР. Физика Земли. М. «Наука».1986. № 6. С. 79 – 85.
- Никонов А.А.* Уточненные решения макросейсмического поля и механизма очагов Крымских землетрясений 1927 г. // Геофизические исследования. М. «ИФЗ РАН». 2012. Т. 13, № 1. С. 50 – 78.
- Никонов А.А., Пономарева О.Н.* Сильные землетрясения Крыма во второй половине XIX в. // Вопросы инженерной сейсмологии. М. «ИФЗ РАН».1991. Вып. 32. С. 59–76.
- Пустовитенко Б.Г., Луцик А.В., Боборыкина О.А., Кульчицкий В.Е., Можжерина А.В., Насонкин В.А., Панков Ф. Н., Поречнова Е. И., Пустовитенко А. А., Тихоненков Э.П., Швырло Н.И.* Мониторинг сейсмических процессов в Крымско-Черноморском регионе. Севастополь. «НПЦ «ЭКОСИ–Гидрофизика». 2014. 364 с.
- Скляр А.М., Князева В.С., Королев В.А.* Макросейсмический эффект землетрясений 26 июня и 11 сентября 1927 г. в Крыму // Сейсмологический бюллетень Украины за 1998 г. Симферополь. «ИГ НАН Украины». 2000. С. 90 – 119.
- Халтахчян О.Х.* Архитектура крымских армян. Симферополь. ГАУ РК «Медиацентр имени И. Гаспринского». 2019. 380 с.
- Ханаев В.В.* Письменные источники по истории Крымских землетрясений античного и средневекового периодов. // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «История». Симферополь. 2008. Т. 21 (60). № 1. С. 3–8.
- Черноморские землетрясения и судьбы Крыма. Симферополь, «Крымиздат». 1928. 113 с.
- Korzhenkov A.M., Mazor E.* Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings

as fossil seismographs // Science and New Technology. Bishkek. «Ministry of education and science of the Kyrgyz Republic». 1999. No.1. P. 62–74.

Shebalin N.V., Leydecker G. Earthquake Catalogue for the Former Soviet Union and Borders up to 1988. European Commission, Report No. EUR 17245 EN, Nuclear Science and Technology Series. Luxembourg. «Office for Official Publications of the European Communities». 1997. 135 p.

REFERENCES

- Blavatskij V.D. Zemletrjasenie 63 goda do n.je. na Kerchenskom poluostrrove // Priroda. M. «Nauka». 1977. № 8. S. 55 – 59.
- Kirilko V.P. Krepostnoj ansambl' Funy (1423–1475 gg.). Kiev. «Stilos». 2005. 269 s.
- Korzhenkov A.M., Mazor Je. Strukturnaja rekonstrukcija sejsmicheskikh sobytij: Ruiny drevnih gorodov kak okamenevshie sejsmografy // Izvestija MON RK, NAN RK. Almaty. «Ilim». 2001. № 1. S. 108 – 125.
- Korzhenkov A.M., Mazor Je. Priznaki sejsmicheskikh povrezhdenij v ruinah drevnih gorodov v pustyne Negev // Geotektonika. M. «IKC «Akademkniga». 2013. №1. S. 59 – 73.
- Korzhenkov A.M., Minchev A., Tenedezhiev V., Ovsjuchenko A.N., Dimitrov O., Lar'kov A.S., Rogozhin E.A., Rangelov B., Strel'nikov A.A. Sejsmicheskie deformacii v rannehristsianskom monastyre v mestnosti Džhanavara (Varna, Bolgarija). Chast' 1: Metody issledovanij // Voprosy inženernoj sejsmologii. M. «IFZ RAN». 2020. T. 47, № 4. S. 72 – 91.
- Moiseev D.A., Korzhenkov A.M., Ovsjuchenko A.N., Lar'kov A.S. Krymskoe razrushitel'noe zemletrjasenie vtoroj poloviny XV v. // Voprosy inženernoj sejsmologii. M. «IFZ RAN». 2019. T.46, №2. S. 37 – 53.
- Moiseev D.A., Korzhenkov A.M., Ovsjuchenko A.N., Lar'kov A.S. Sejsmicheskie deformacii v cerkvi Arhangelov Gavriila i Mihaila // Voprosy inženernoj sejsmologii. M. «IFZ RAN». 2021. S.131 – 148.
- Morozova R.M., Shebalin N.V. O zemletrjasenijah Kryma 1800-1967 gg. (opyt kriticheskogo kataloga). // Geofizicheskij sbornik AN USSR. Kiev. «Naukova dumka». 1968. Vyp. 26. S.13 – 41.
- Myc V.L. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty. Simferopol'. «Universum». 2009. 528 s.
- Nikonov A.A. Zemletrjasenija XVII veka v Vostochnom Krymu. // Izvestija AN SSSR. Fizika Zemli. M. «Nauka». 1986. № 6. S. 79 – 85.
- Nikonov A.A. Utochnennye reshenija makrosejsmicheskogo polja i mehanizma ochagov Krymskikh zemletrjasenij 1927 g. // Geofizicheskie issledovanija. M. «IFZ RAN». 2012. T. 13, № 1. S.50 – 78.
- Nikonov A.A., Ponomareva O.N. Sil'nye zemletrjasenija Kryma vo vtoroj polovine XIX v. // Voprosy inženernoj sejsmologii. M. «IFZ RAN». 1991. Vyp. 32. S. 59 – 76.
- Pustovitenko B.G., Lushhik A.V., Boborykina O.A., Kul'chickij V.E., Mozhzherina A.V., Nasonkin V.A., Pankov F. N., Porechnova E. I., Pustovitenko A. A., Tihonenkov Je.P., Shvyrljo N.I. Monitoring sejsmicheskikh processov v Krymsko-Chernomorskom regione. Sevastopol'. «NPC «JeKOSI–Gidrofizika». 2014. 364 s.
- Sklyar A.M., Knjazeva V.S., Korolev V.A. Makrosejsmicheskij jeffekt zemletrjasenij 26 ijunja i 11 sentjabrja 1927 g. v Krymu // Sejsmologicheskij bjulleten' Ukrainy za 1998 g. Simferopol'. «IG NAN Ukrainy». 2000. S. 90 – 119.

- Halpach'jan O.H.* Arhitektura krymskih armjan. Simferopol'. «GAU RK «Mediacentr im. I. Gasprinskogo». 2019. 380 s.
- Нараев V.V.* Pis'mennye istochniki po istorii Krymskih zemletrjasenij antichnogo i srednevekovogo periodov. // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta. Serija «Istorija». Simferopol'. 2008. T. 21 (60). № 1. S. 3 – 8.
- Chernomorskie zemletrjasenija i sud'by Kryma. Simferopol'. «Krymizdat». 1928. 113 s.
- Korzhenkov A.M., Mazor E.* Structural reconstruction of seismic events: Ruins of ancient buildings as fossil seismographs // Science and New Technology. Bishkek. «Ministry of education and science of the Kyrgyz Republic». 1999. No. 1. P. 62 – 74.
- Shebalin N.V., Leydecker G.* Earthquake Catalogue for the Former Soviet Union and Borders up to 1988. European Commission, Report No. EUR 17245 EN, Nuclear Science and Technology Series. Luxembourg. «Office for Official Publications of the European Communities». 1997. 135 p.

Резюме

Статья посвящена изучению систематических сейсмогенных деформаций в стенах средневековой церкви монастыря Св. Георгия в Каффе-Феодосии. Благодаря использованию археосейсмологического метода в настоящей работе удалось проследить не менее двух фаз значительных повреждений церкви во время землетрясений, в т.ч. сильных и разрушительных. Сопоставительный анализ архитектурных особенностей памятника, его строительной периодизации дал возможность датировать эти землетрясения, во-первых, 1423 годом (событие В) с субмеридианальным распространением максимальных сейсмических колебаний. Его эпицентральная зона, по всей видимости, находилась в Южно-Крымской сейсмогенерирующей зоне. Местная интенсивность по деформациям церкви монастыря Св. Георгия $I_f \geq 7$ баллов (MSK-64). Второе землетрясение (событие А) датируется 8.8.1875 года. Его эпицентральная зона находилась к западу от г. Феодосия, местная интенсивность по деформациям церкви монастыря Св. Георгия определяется как $I_f = 7-8$ баллов (MSK-64).

Ключевые слова: сейсмические деформации, кинематические индикаторы, сильные землетрясения, церковь, Средневековье, Каффа, Феодосия, Крым.

Summary

The article is about the study of systematic seismogenic deformations in walls of the medieval church of St. George monastery in Kaffa. Archeoseismological method used in this work provided the possibility to trace two significant stages of damages of the church during earthquakes, incl. strong and destructive. A comparative analysis of architectural features of the monument, its building periodization made it possible to date these earthquakes. The epicentral area of the first earthquake dated 1423 (event B), was located submeridially, to the South of the site, in the South Crimean Seismogenic Zone. The local intensity according to deformations of the church of St. George monastery is determined $I_f \geq 7$ points (MSK-64). The second earthquake (event A) is dated 8/8/1875. Its epicentral zone was located to the west of the city of Feodosia, the local intensity according to the deformations of the church is determined as $I_f = 7-8$ points (MSK-64)

Key words: seismic deformations, kinematic indicators, strong earthquakes, church, the Middle Ages, Kaffa, Feodosia, Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Корженков Андрей Михайлович, д.г.-м.н.,
заведующий лабораторией палеосейсмологии
и палеогеодинамики,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
(г. Москва, РФ).
korzhenkov@ifz.ru

Larkov Alexander S., ph.d.,
Head of the Laboratory of Methods
of the Earth-quake prediction
Schmidt Institute of Physics of the Earth,
Russian Academy of Sciences.
(Moscow, Russia).
las119@yandex.ru

Моисеев Дмитрий Анатольевич, к.и.н.,
специалист в области археологии,
ООО «Цитадель» (г. Симферополь, РФ).
ohota_d@ukr.net

Овсяченко Александр Николаевич, к.г.-м.н.,
заведующий лабораторией сейсмотектоники
и сейсмического микрорайонирования,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
(г. Москва, РФ).
ovs@ifz.ru

Ларьков Александр Сергеевич, к.г.-м.н.,
заведующий лабораторией методов
прогноза землетрясений,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
(г. Москва, РФ).
las119@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Korzhenkov Andrey M., Dr.Sc.,
Head of Laboratory of Paleoseismology
and Paleogeodynamics
Schmidt Institute of Physics of the Earth,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia).
korzhenkov@ifz.ru

Moiseiev Dmitri A., ph.d.,
specialist in archaeology,
LLC «Citadel».
(Russia, Simferopol).
ohota_d@ukr.net

Ovsyuchenko Alexander N., ph.d.,
Head of Laboratory of the Seismotectonic and
Seismic microzonation
Schmidt Institute of Physics of the Earth,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia).
ovs@ifz.ru

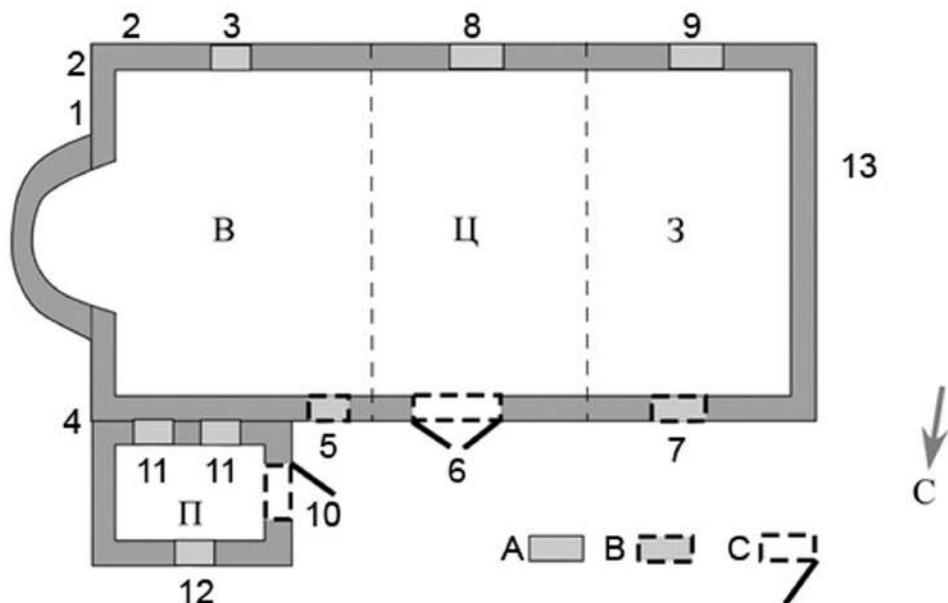

Рис. 1. Схематическая немасштабная зарисовка плана церкви монастыря Св. Георгия. Части церкви: В – восточная (XIV век), Ц – центральная, З – западная, П – пристройка, построенные в XIX веке. 1 – заложенные камнем оконные ниши, 2 – входы в церковь, заблокированные каменными блоками, 3 – используемые в настоящее время входы в храм. Цифры в прямоугольниках означают номера рисунков в данной статье.

Рис. 2. Церковь монастыря Св. Георгия. 1) Восточный фасад с центральной апсидой (1-й строительный период) и пристройкой с севера, справа (2-й строительный период), вид на запад – северо-запад. 2) Южная стена церкви, кладки 1-го (слева) от 2-го (справа) строительных периодов. Белая штриховая линия показывает границу раздела. Наклонные стрелки указывают на закладку окон камнем в связи с сильной деформацией оконных арок и пространства стены над ними. Вид на северо-запад. Рост молодого человека (А.С. Ларьков), позирующего для масштаба на этом и на следующих фотографиях, – 190 см. Черной штриховой линией показана граница переложенной кладки стены. Здесь и далее наши фотографии 2015 года.

Рис. 3. Южная стена церкви. Заложенное окно I-го строительного периода в западной части южной стены церкви, а также вторичное использование в кладке фрагмента архитектурной детали с розеткой. Вид на север.

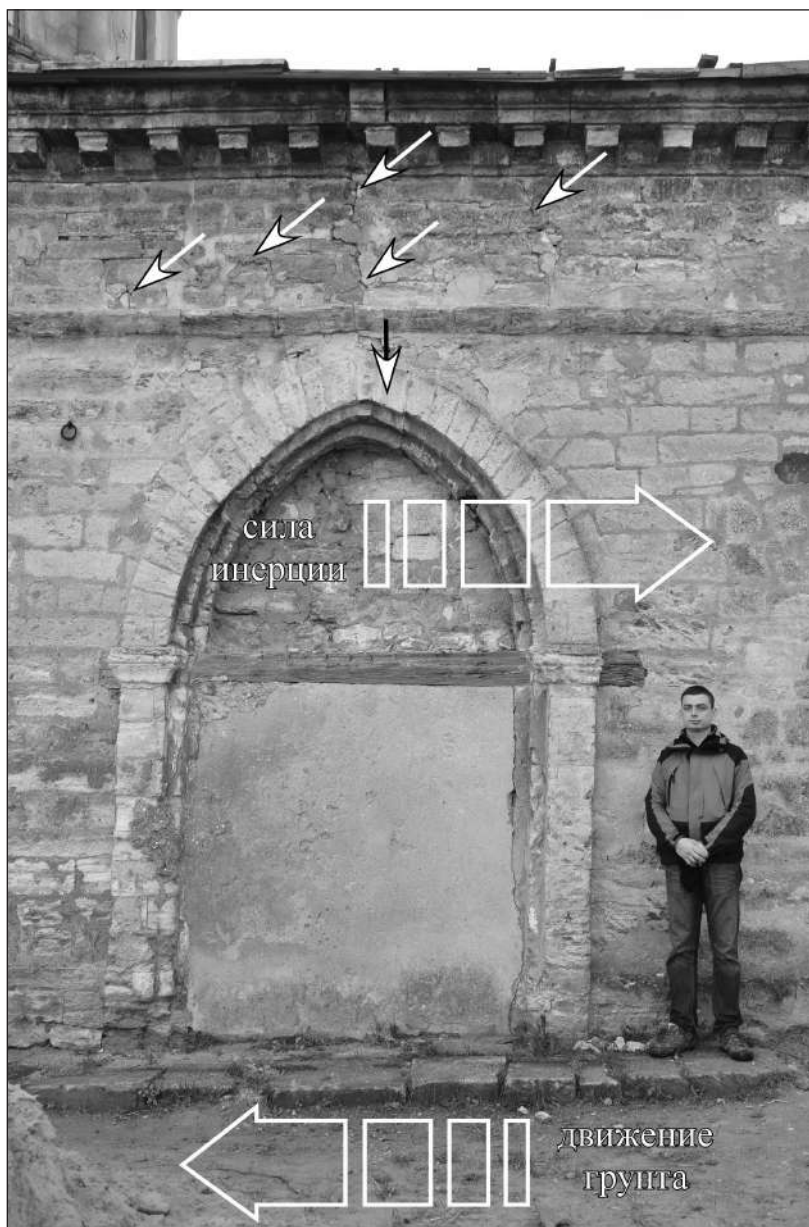

Рис. 4. Заблокированный западный портал (вход) в северной стене храма. Блокировка была произведена в связи с деформацией замковой части арки, которая возникла вследствие перекоса каменного обклада дверного проема. Вид на юг. Вертикальная стрелка указывает на провисшие камни арки, наклонные – ансамбль трещин, расходящихся от них вверх по стене.

Рис. 5. Разрыв (показан наклонными стрелками) между параллельными восточными стенами старой части храма (слева), построенной в XIV веке, и пристройки (справа), построенной в XIX веке. Стена пристройки наклонилась на запад – от зрителя (значок, показывающий оперение стрелы). Горизонтальные стрелки показывают сквозные трещины, пробивающие два каменных блока. Вид на запад – северо-запад.

Рис. 6. Граница раздела между восточной – старой частью церкви монастыря Св. Георгия (слева от штриховой линии), построенной в XIV веке, и средней частью (справа от штриховой линии), построенной в XIX веке в северной стене церкви. Храм несколько раз перестраивался, о чем свидетельствует заложенный вход в старой части здания. Дверь справа – современный вход в церковь, дверь слева – вход в северо-восточную пристройку. Вид на юг.

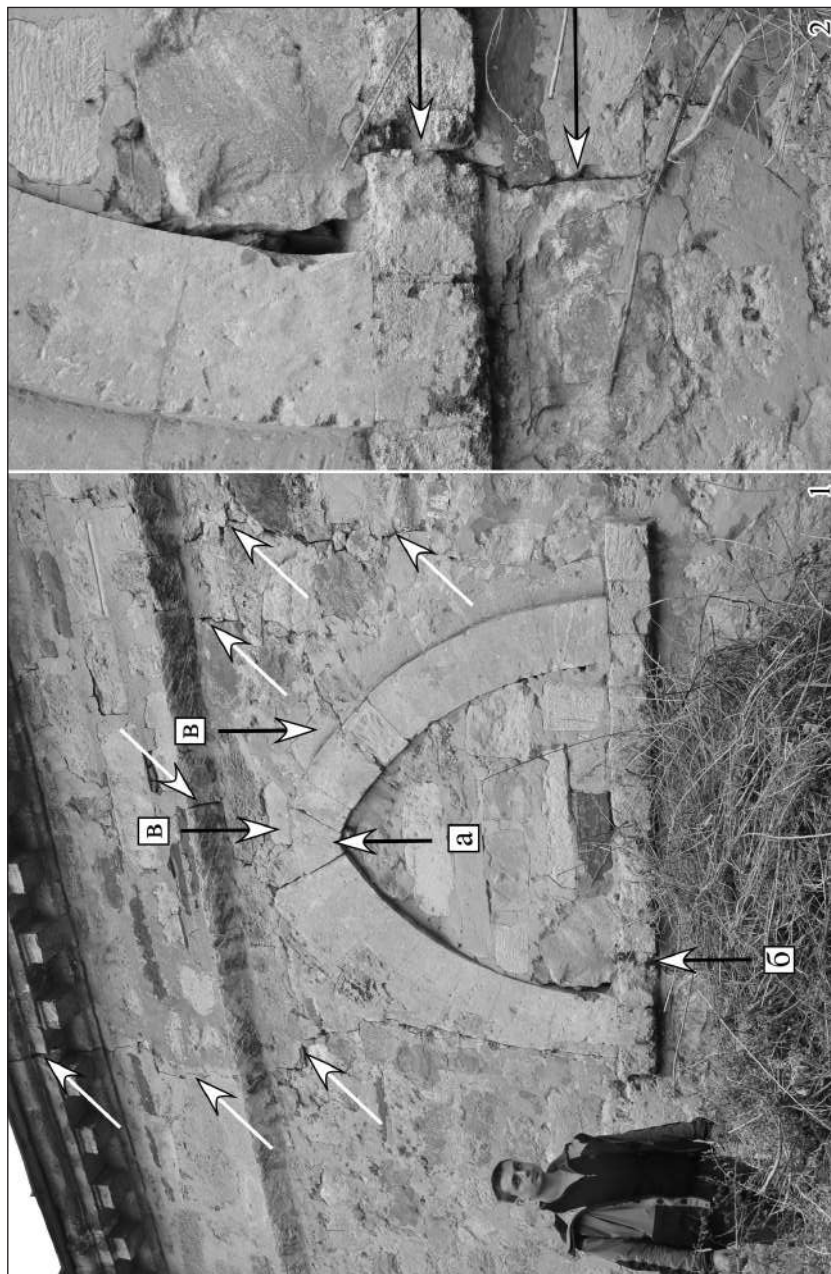

Рис. 7. Заблокированное каменной кладкой юго-восточное окно церкви монастыря Св. Георгия.

1) Общий вид. Наклонные стрелки показывают трещины, восходящие вверх в виде цветковой структуры. Вертикальные стрелки указывают: а – «расщепленный» замковый камень, б – треснувший строительный блок в пакете каменной подоконника, в – следы ремонта и перекладки замковой части арки. Вид на север – северо-восток. 2) Межблоковая трещина, разрывающая пакет оконных камней. Вид на север.

Рис. 8. Деформация арки центрального окна южной стены церкви. Западная часть арки просела относительно восточной до 5 см. Вид на север – северо-запад.

Рис. 9. Поврежденные замковые части навходных арок церкви монастыря Св. Георгия: 1) Северный фас северной стены. Замена выпавших арочных камней (показаны стрелками). Вид на юг; 2) Вид на эту же замковую часть изнутри храма. Вид на север. Стрелками показаны «расшевеленные» замковые камни.

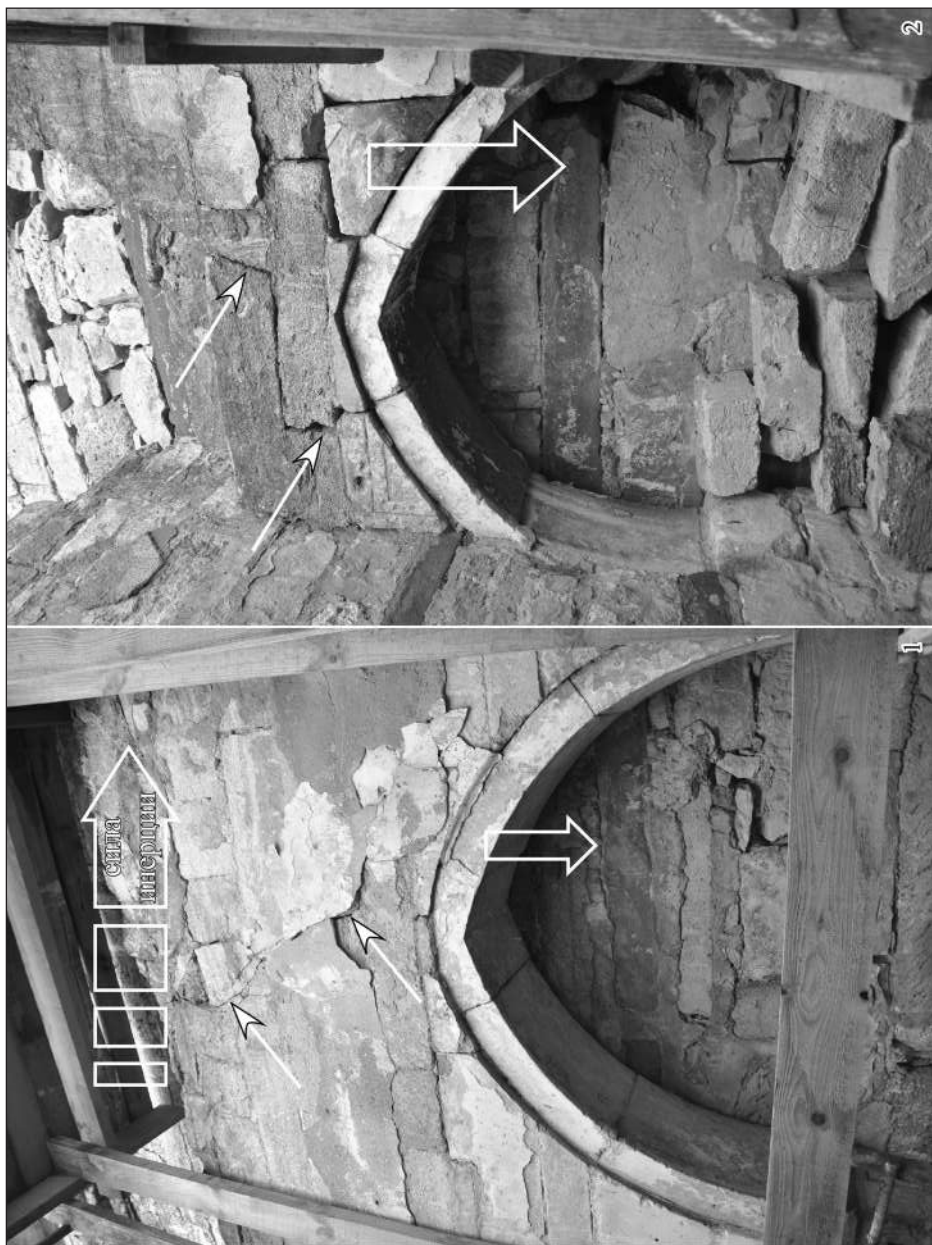

Рис. 10. Деформации замковых частей оконных арок в северной стене северо-восточной пристройки. Тонкие стрелки показывают межблоковые трещины, уходящие вверх от поврежденных строительных конструкций. Толстые стрелки указывают на провисание каменных блоков, возникшее в результате кратковременного действия растягивающих усилий.

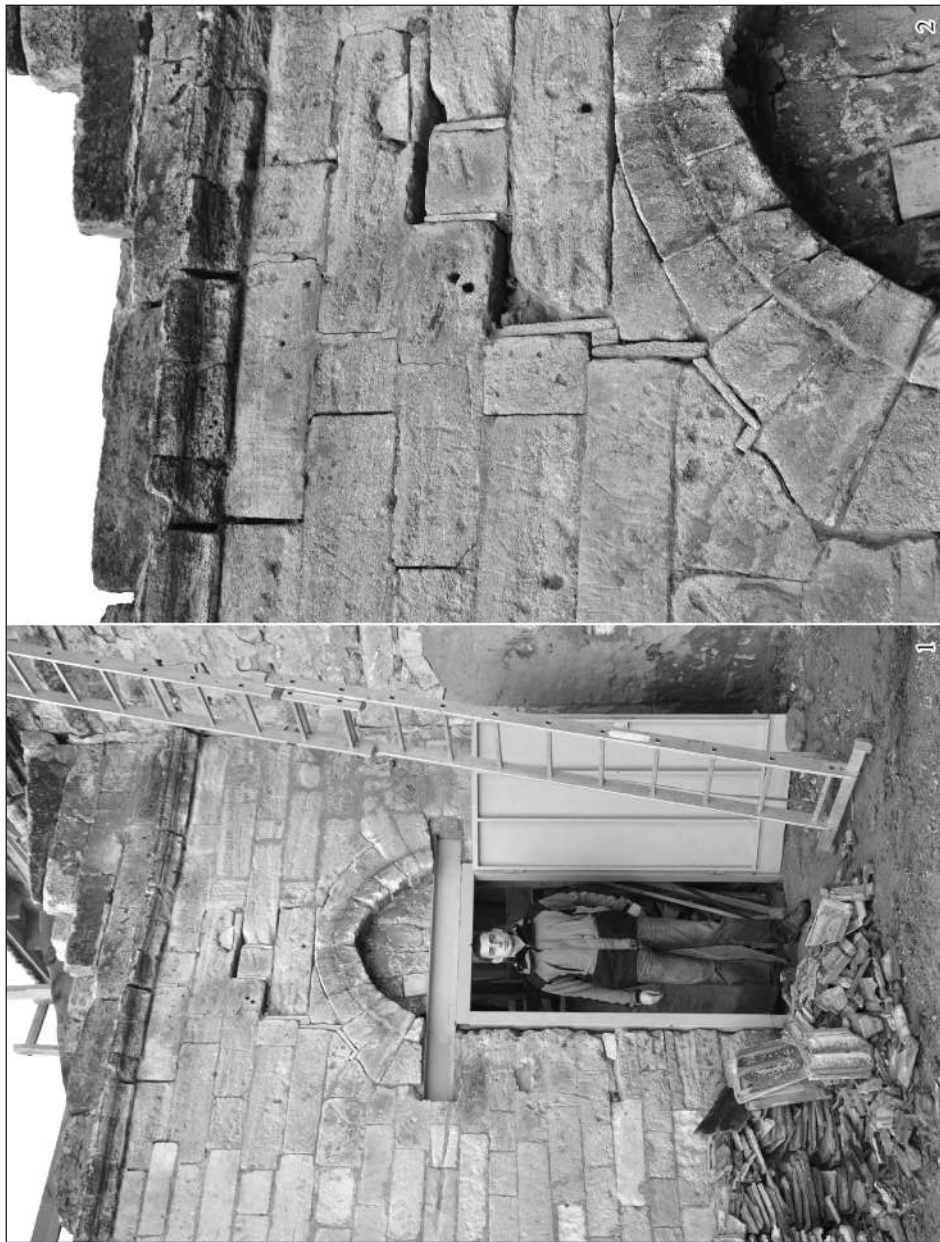

Рис. 11. Наклонная межблоковая трещина над аркой входа в северо-восточную пристройку храма.
1) Внешний фас восточной стены пристройки. Вид на восток – юго-восток. 2) Деталь предыдущего снимка, детально показывающая отремонтированную трещину. Вид на восток.

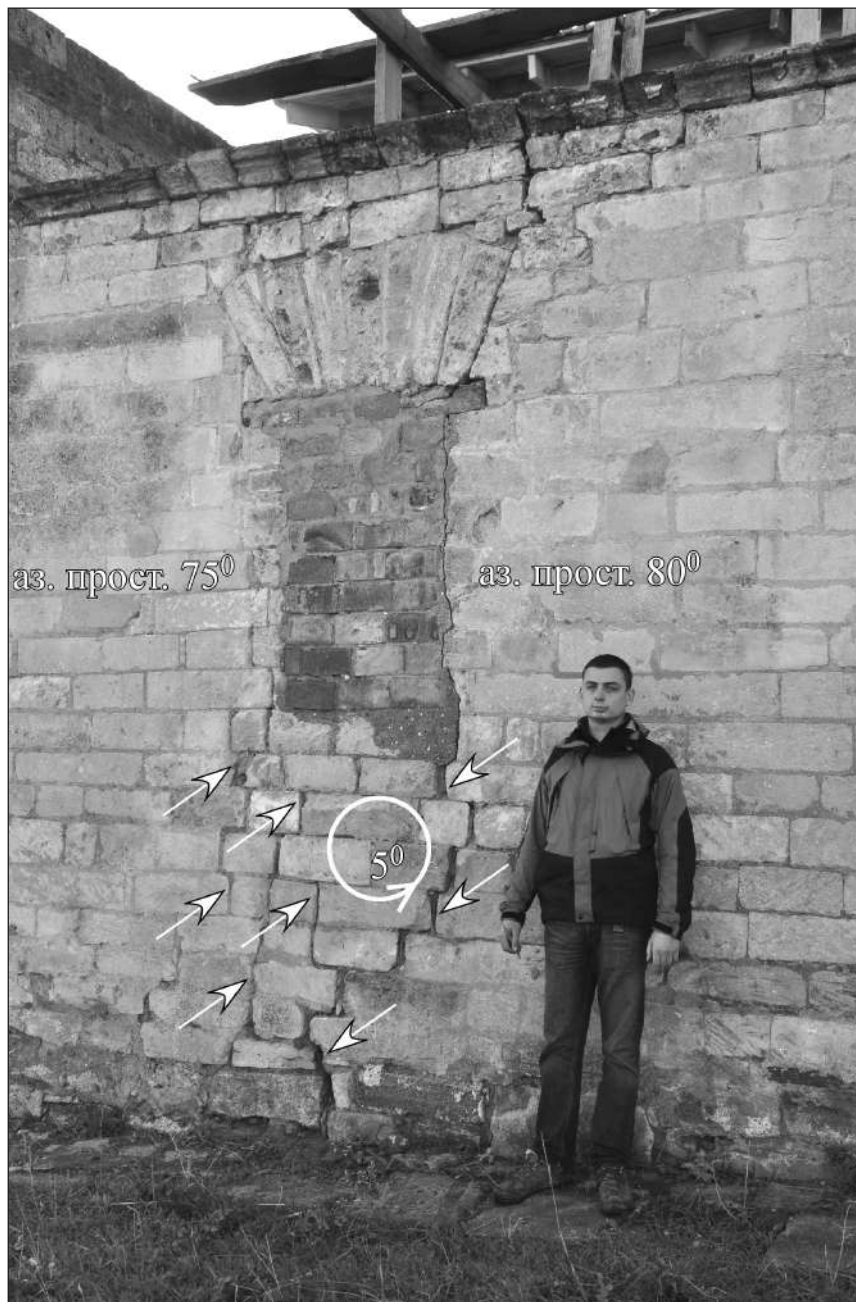

Рис. 12. Комплекс значительных деформаций северного фасада северной стены северо-восточной пристройки. Сейсмотектоническая цветковая структура (показана стрелками) с поворотом против часовой стрелки пакета каменных блоков под оконной нишей. «Расшевеленная» каменная кладка-перекрытие над окном, от которой вверх уходят межблоковые трещины.

Рис. 13. Сквозные трещины (показаны стрелками), пробивающие 2-3 каменных блока подряд:

1) в нижней части внешнего фаса восточной стены храма близ аспиды – свидетельство сильных сейсмических воздействий, исходящих из подстилающих грунтов; 2) в верхней части северного фаса северной стены церкви. Это старинная часть храма, но перестроенная в XIX веке пилеными каменными блоками. Штриховая линия показывает «расшевеленную» каменную кладку в смежной – южной стене северо-восточной пристройки. Деформации в верхней части здания свидетельствуют о так называемом «эффекте небоскреба».

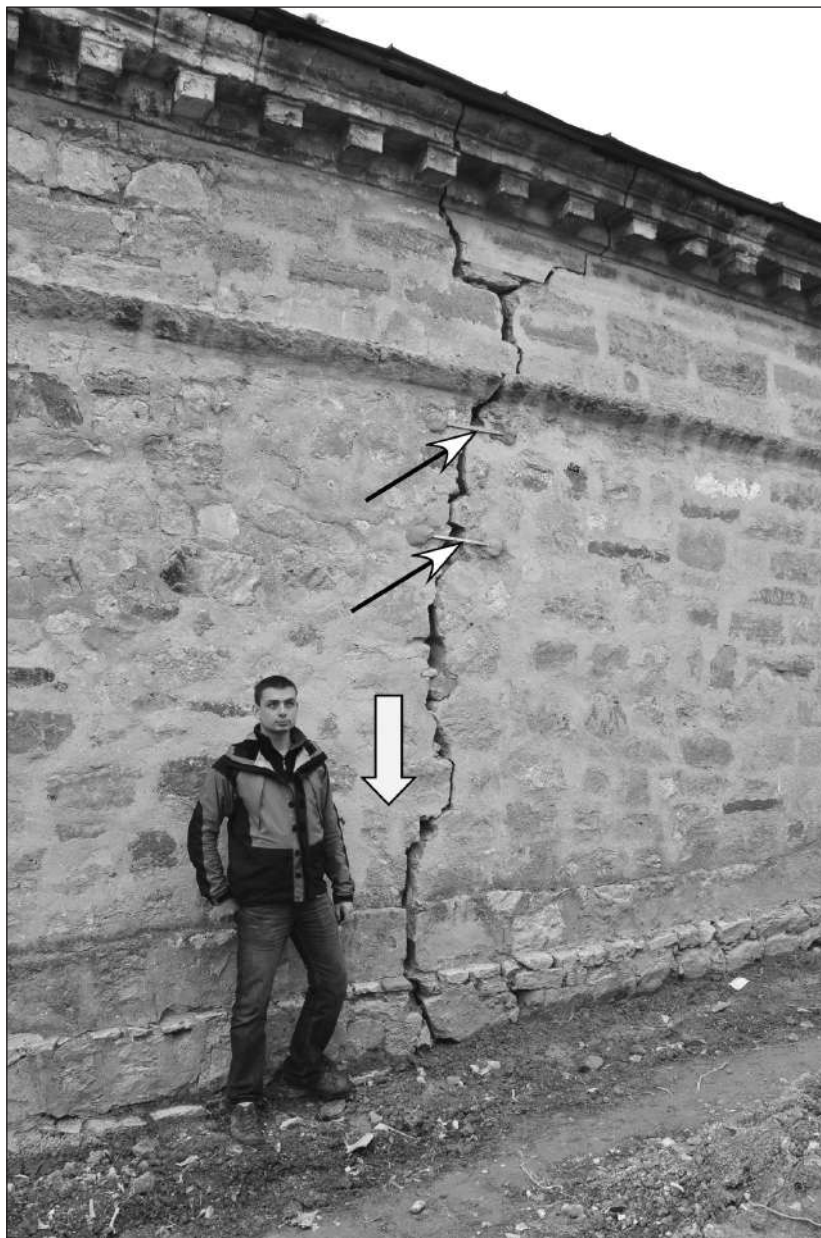

Рис. 14. Современная трещина в западной стене церкви. Потревоженные «маячки» (показаны наклонными стрелками) и особенности раскрытия разрыва в стене (pull-apart'ы) свидетельствуют о продолжающемся движении вниз (просадке) северной части стены согласно уклону местности.

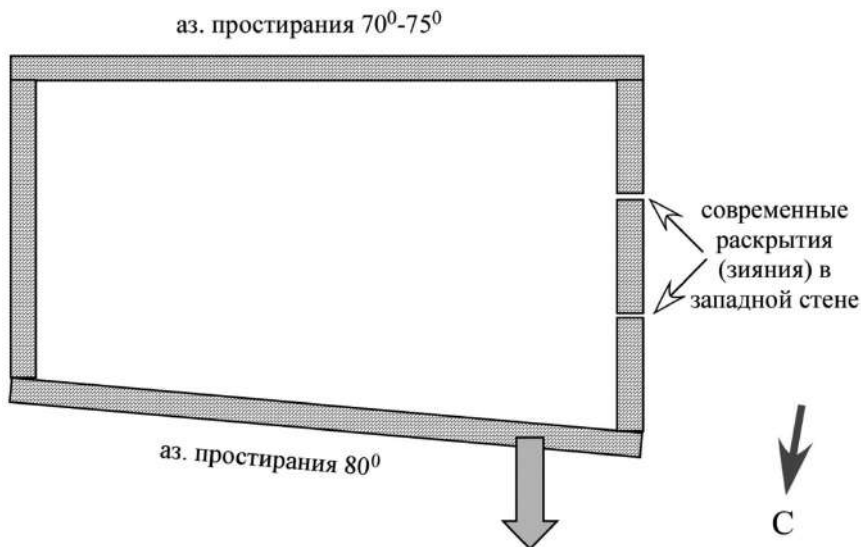

Рис. 15. Схематическая внесмасштабная модель церкви монастыря Св. Георгия. План. Современная деформация западной части церкви, приводящая к раскрытию открытых трещин (зияний) в западной стене храма. Серая стрелка показывает направление раскрытия и местный уклон рельефа.

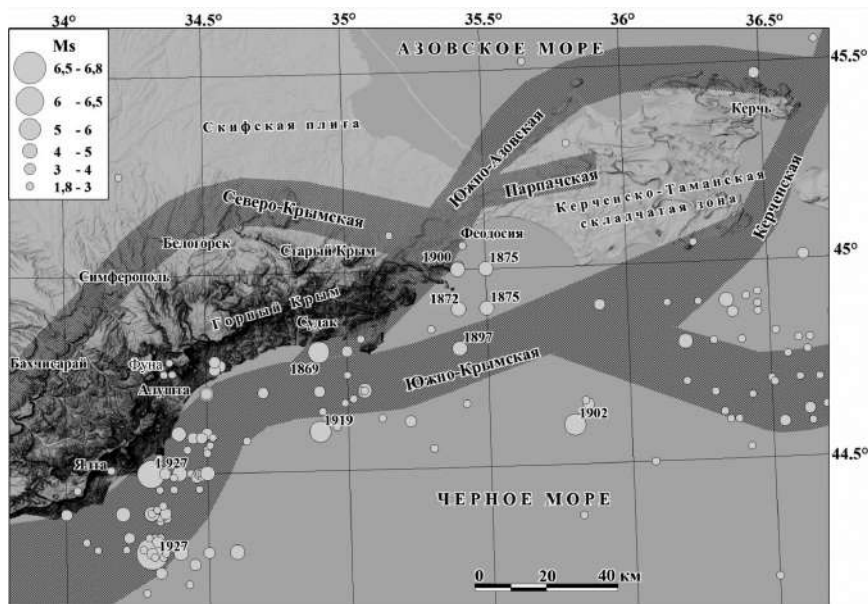

Рис. 16. Сейсмогенерирующие зоны (заштрихованные области) Восточного Крыма по инструментальным, археосейсмологическим и палеосейсмологическим данным. Кружками показаны эпицентры землетрясений по инструментальным и макросейсмическим данным за период с 1800 до 2014 года. [Пустовитенко и др., 2014; Shebalin, Leydecker, 1997; ЕГС РАН], с указанием года для сильнейших событий.

Таблица 1. Сейсмодислокации в стенах церкви монастыря Св. Георгия в Каффе-Феодосии.

№ п/п, рис.	Описание сейсмодислокации	Расположение эпицентральной зоны землетрясения относительно храма Св. Георгия	Расположение в стенах 1-го или 2-го строительного периодов
1, рис. 4	Перекас дверного наличника, деформация арки с провисанием замковых камней западного входа; межблоковые трещины в виде цветковой структуры, расходящиеся вверх от провисших блоков; блокировка прохода	Запад с незначительным отклонением на юг	2
2, рис. 5	Разнонаправленный наклон северо-восточного угла храма (2°-3° на восток) и юго-восточного угла пристройки (2°-3° на запад) при общем простираннии стен 170°; латеральное несовадение до 5 – 7 см в верхней части конструкции	Восток для северо-восточного угла храма; запад для юго-восточного угла пристройки	1 / 2
3, рис. 6	Провисшая замковая часть арки восточного портала в северной стене храма; блокировка прохода	Восток или запад	1
4, рис. 2; 3	Разрушение юго-восточного угла храма с последующим его восстановлением с использованием резного дверного наличника, с сооружением нового восточного окна в южной стене	Юг, юго-восток	1
5, рис. 2; 2; 3	Блокировка восточного окна в южной стене храма	Восток или запад	1
6	Выдвижение фундамента восточной стены (к югу от апсиды) до 13 см на юго-восточном углу церкви	Восток или запад	1
7, рис. 7	Деформация («расшевеливание») замкового камня в арке западного окна южной стены; разбитый подоконник; межблоковые трещины в виде цветковой структуры, расходящиеся вверх от деформированного замкового камня; блокировка окна	Запад с незначительным отклонением на юг	2
8, рис. 8	Деформация (провисание до 5 см) в арке центральной окна южной стены; блокировка окна	Восток или запад	2
9, рис. 9	Провисание замковых камней в арке центрального входа в северной стене, их последующий ремонт; трещины, расшевеливающие замковые камни с внутренней стороны арки	Восток или запад	2
10, рис. 10	Провисание замковых камней в 2-х арках южной стены пристройки; межблоковые трещины, расходящиеся вверх от провисших блоков	Восток или запад	2
11, рис. 11	Наклонная межблоковая трещина над аркой входа в пристройку с разворотом вдоль этой трещины вокруг вертикальной оси на величину в первые градусы по часовой стрелке внутрь постройки, последующий ремонт трещины	Юго-запад	2
12, рис. 12	Межблоковая трещина «цветковой» структуры в северной стене пристройки; поворот против часовой стрелки пакета каменных блоков под оконной нишей; «расшевеливание» клинчатой арки окна, от которой вверх уходят межблоковые трещины; блокировка окна	Восток или запад	2
13, рис. 13, а	Сквозные трещины, пробивающие 2-3 каменных блока подряд в нижней части внешнего фаса восточной стены храма к югу от апсиды	Север или юг	1
14, рис. 13, б	Сквозные трещины, пробивающие 2-3 каменных блока подряд в верхней части северной стены церкви в районе пристройки	Восток или запад	2
15	Сквозная межблоковая трещина во внутреннем панцире апсиды с «цветковой» структурой в верхней части конхи	Север или юг	1

ПУБЛИКАЦИИ

А. К. КАСПАРОВ

A. K. KASPAROV

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛОШАДЕЙ, ОБНАРУЖЕННЫХ В ЯМЕ № 19¹

MORPHOLOGICAL TYPES OF HORSE FOUND IN PIT № 19

В 2012 году в яме № 19 на Западном теменосе боспорского города Тиритака² были обнаружены остатки костей и черепов 4-х лошадей. Комплекс датируется позднеархаическим временем. На основании имеющихся материалов можно попытаться установить некоторые морфологические характеристики этих животных и примерно оценить, насколько качественные и престижные особи были принесены в жертву.

Для исследования морфологических типов обнаруженных в яме № 19 коней я использовал передние метаподии. Метаподия располагается над фалангами, которые сочленяются непосредственно с ее нижним концом. Она весьма благоприятна для морфологических исследований, поскольку, с одной стороны, очень прочна, а с другой – не представляет никакой пищевой ценности и потому при разделке туши не разбивалась для последующей утилизации, а просто выбрасывалась как мусор. В силу этого метаподии лошадей присутствуют в отложениях памятников, как правило, целыми и потому удобны для морфологического изучения. Череп для классификации домашних лошадей гораздо менее удобен, поскольку в случае домашней лошади, вполне сформировавшейся как вид, вероятно, уже в начале бронзового века, основные черты ее строения, связанные с породной принадлежностью, изменения размеров по причине обитания в тех или иных природных зонах, способности передвигаться быстрым аллюром, выработанной в результате целенаправленной селекции и т.д., проявляются не столько в изменениях краниальной области, сколько в изменении морфологии конечностей. С другой стороны, целых черепов лошадей, пригодных для качественной краниометрии, в археологических слоях обнаруживается всегда ничтожно мало. Исключение составляют погребения с лошадьми, где, как правило, присутствуют их целые черепа, но даже в этом случае они бывают зачастую раздавлены давлением вышележащих археологических пластов, повреждены камнями или бревнами разрушившихся погребальных сооружений и т.д. То есть оказываются все равно не пригодны для исследования.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² См. статью о жертвенно-сакральном комплексе в яме № 19 в первом разделе этого выпуска БИ.

Исследуя экстерьерные признаки обнаруженных лошадей по передним метаподиям, я руководствовался несколькими критериями. Во-первых, степенью «тонконогости». Этот критерий был разработан А.А.Браунером [1916] и представляет из себя процентное отношение ширины диафиза передней метаподии в средней части к общей длине этой кости. Во-вторых, определялась высота животных в холке по методике, предложенной В.О.Виттом [1952]. Наконец Л.Л.Гайдученко [2003] свел воедино показатели Браунера и Витта и, исходя из сочетания этих признаков, то есть величины и грацильности, разделил лошадей на условные морфологические типы: верховая лошадь, захудалая верховая, рабочая, универсальная, примитивная мясная, то есть годящаяся только в пищу и т.д.

Экстерьерные стати обнаруженных коней, определенные по передним метаподиям, следующие:

Экземпляр № 1. Животное очень молодое – жеребенок, кости до конца не сформировались, и потому произвести достоверные измерения и сказать что-то конкретное трудно. Примерный рост в холке на момент смерти составлял приблизительно 125 см. По визуальной оценке, степень грацильности метаподий довольно велика. Можно предполагать, что эта молодая лошадь обладала всеми задатками, чтобы развиться в хорошую верховую особь.

Экземпляр № 2. Самка полувзрослая, примерно 4-х с небольшим лет. Высота в холке около 130 см. Таким образом, рост животного по В.О.Витту ниже среднего. Степень тонконогости по А.А.Браунеру – 14,8%, т.е. полутонконогая. По классификации Л.Л.Гайдученко, лошадь, обладающая такими признаками, относится к категории «захудалая верховая».

Экземпляр № 3. Взрослая самка, примерно 10-летнего возраста. Высота в холке около 132 см. Рост животного также ниже среднего. Тонконогость – 16,2 %, средне-ногая. По Л.Л.Гайдученко – лошадь «универсального» типа.

Экземпляр № 4. Старый самец, возраст примерно 17 – 20 лет. Высота в холке примерно 140 см. Животное среднего роста. Тонконогость – 15,2%, полутонконогая. Такой набор признаков характеризует лошадь типа «захудалая верховая», но ближе к обычной верховой.

При этом следует помнить, что, разрабатывая свою классификацию, Л.Л.Гайдученко ориентировался на экстерьерные признаки современных, весьма продвинутых в селекционном плане пород. Такие характеристики для примитивных скифских лошадей архаического времени были, вероятно, очень и очень не плохи. Можно заключить, что, по крайней мере, три из принесенных в жертву в яме № 19 лошадей были, наверное, весьма дороги и престижны по тем временам. Такое ритуальное захоронение достаточно престижных по своим качествам коней косвенно может говорить о том, что данное место имело для жертвователей довольно большое значение.

Можно заметить, что, например, уже упоминавшаяся лошадь из Пантикапея обладала несколько менее качественными экстерьерными характеристиками и относи-

лась к категории универсального типа. Лошадь, обнаруженная на некрополе Нимфея в 1999 г., также относилась к категории универсальных, однако была даже ближе к «мясному» типу, т.е. была еще более низкого качества, чем пантикапейская.

Интересно сравнить морфологию лошадей из ямы № 19 с некоторыми другими экземплярами архаического времени, найденными на других античных памятниках региона. Впрочем, таких экземпляров обнаружилось не так уж много, поскольку материалы архаического времени в Северном Причерноморье не богаты. Для сравнения привлекались материалы из слоев архаического времени следующих античных памятников:

Ильичевка. Поселение находится на Таманском полуострове на северо-восточной окраине пос. Ильич в Темрюкском районе Краснодарского края. Отсюда были взяты три передних метаподии. Значения этих 3 экземпляров были усреднены, чтобы упростить ситуацию.

Пантикапей. Этот крупный греческий полис находится в центре современного города Керчи. Отсюда была взята одна передняя метаподия из ритуального захоронения коня на теменосе.

Березань. Одно из первых греческих поселений в Северном Причерноморье. Находится на одноименном острове в устье Днепро-Бугского лимана. Отсюда поступил один образец.

Все эти образцы датируются в целом VI-началом V в. до н.э., то есть практически синхронны тиритакским материалам. В массив данных для сравнения добавлена еще одна передняя метаподия лошади архаического времени, также из Тиритаки, найденная в 2008 г. в контексте № 33.

Кроме того, привлекались материалы по классическим скифским лошадям. Усредненные размерные показатели лошадиных передних метаподий раннескифской пазырыкской культуры приводят И.Е.Гребнев и С.К.Васильев [1994, с. 108]. Они публикуют их усредненные измерения из памятников Уландрык, Ак-Алахи-1 и Кутургунтас. Во всех случаях количество образцов более тридцати. Помимо их данных, использовались материалы из памятника Аржан-1, датируемого первой половиной I тыс. до н.э. Здесь промерено 9 метаподий. Все эти памятники находятся в Южной Сибири, в Алтайском регионе. Таким образом, здесь общее количество экземпляров превышает сто штук. То есть, будучи усреднены, они дают нам вполне достоверный тип классической скифской лошади, который можно использовать для сравнения.

Для морфологической характеристики лошадей я использовал двенадцать основных промеров передних метаподий, характеризующих строение этих костей. Эти признаки были разработаны V. Eisenmann [1986]. Эта же исследовательница специально отмечала, что передние метаподии являются в плане морфологических особенностей гораздо более диагностичными, чем задние. Именно поэтому я использую для исследования именно эти кости. Промеры метаподий представлены в таблице 1. Однако она относилась к аналогичным измерениям кулана, принято-

го за эталон. Я же использовал эти метрические характеристики несколько иначе. Широтные промеры относились просто к общей длине метаподии, а полученные индексы логарифмировались, чтобы сделать разницу более заметной. Таким образом, каждая кость (или усредненный тип, как в случае с Ильичевкой, или лошадьми скифского типа) характеризуется двенадцатью цифровыми индексами, которые не зависят от величины животного, а отражают пропорциональное строение каждого экземпляра. Затем особи сравнивались между собой методом классического кластерного анализа.

Полученный результат представлен на рисунке 1. Видно, что старый самец (экземпляр №4) из ямы № 19 более всего похож на типовую скифскую лошадь, каковой, вероятно, и являлся. На классических скифских лошадях похож и экземпляр № 2, однако в несколько меньшей степени. Экземпляр №3 отличается от всех боспорских экземпляров и более всего похож на архаических лошадей Ильичевки. Весьма сходны между собой по пропорциям метаподий оказывается лошадь, захороненная на теменосе Пантикапея, и лошадь из Тиритаки, метаподия которой была обнаружена в 2008 г. (контекст № 33). А вот лошадь с Березани, из удаленного от Восточного Крыма региона Северного Причерноморья, стоит особняком и заметно отличается от остальных.

В количественном отношении материала, конечно, недостаточно для обобщений. Так что можно лишь предполагать, что в каждой части Северного Причерноморья: на западе, в Восточном Крыму и на Азиатском Боспоре в архаическое время бытовали свои популяции домашних лошадей, немного отличающиеся друг от друга. Называть эти популяции породами, конечно, неправомерно. Скорее, это некие морфологические группы, в целом весьма похожие друг на друга. Это видно даже по тому, что все они оказываются примерно одинакового размера (таблица 1). Лишь старый самец из ямы № 19 несколько больше остальных. Лошадь с Березани превышает по величине общий уровень. Ее высота в холке 151 см, индекс тонконогости – 13,8%, по классификации Л.Л. Гайдученко это лошадь верховая. То есть очень и очень высокого класса для того времени. Возможно, что эта особь каким-то образом прибыла из метрополии, то есть это лошадь не скифского, а благородного греческого, средиземноморского типа. Лошади с Тамани тоже, как видим, могли оказываться в Восточном Крыму. Но исследование этих связей дело будущего.

Какие именно признаки определяют принадлежность животного к той или иной популяции, сказать трудно. К сожалению, количество экземпляров совершенно недостаточно для нормального факторного анализа и метод главных компонент использовать затруднительно. Однако коэффициенты вариации у выборки величин передне-заднего диафиза метаподии (промер №4), ширины дистального блока метаподии (промер №11) и ширины меньшей проксимальной фасетки (промер №8) оказываются немного больше, чем у остальных. Так что можно предполагать, что именно эти признаки наиболее изменчивы и, стало быть, наиболее диагностичны. Но это лишь предположения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Браунер А.А.* Материалы к познанию домашних животных России. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки об-ва сельского хозяйства Южной России. Одесса, 1916, т. 86 № 1. С.49 – 186.
- Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов. // Советская археология. 1952, т. 16. С.163 – 205.
- Гайдученко Л.Л.* Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекарганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекарганского могильника). Челябинск: Юж. уральское кн. изд-во, 2002, т. 1. С.173 – 195.
- Гребнев И.Е., Васильев С.К.* Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // В кн.: Полосьмак Н.В. Стережущие золото грифы (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. С.106 – 111.
- Eisenmann V., Beckouche S.* Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic // Equids in ancient world. Beihefte zum Tubinger atl.des V.Orie.-Weisbaden: «Reihe A.», 1986, p. 116 – 163.

REFERENCES

- Brauner A.A. Materialy k poznaniyu domashnih zhivotnyh Rossii. Loshad' kurgannyh pogrebenii Tiraspol'skogo uyezda, Hersonskoi gubernii // *Zapiski ob-va Sel'skogo Hozyaistva Yuzhnoi Rossii.*-Odessa, 1916, t. 86 № 1. P.49 – 186.
- Vitt V.O. Loshadi Pazyrykskih kurganov. // *Sovetskaya Arheologiya.* 1952, t. 16. P.163 – 205.
- Gaiduchenko L.L. Nekotorye biologicheskie harakteristiki zhivotnyh iz zhertvennyh kompleksov kurgana 25 Bol'shekarganskogo mogil'nika // *Arkaim: Nekropol' (po materialamlam kurgana 25 Bol'shekarganskogo mogil'nika).* Chelyabinsk: YUzh. ural'skoe kn. izd-vo, 2002, t. 1. P.173 – 195.
- Grebnev I.E., Vasil'ev S.K. Loshadi iz pamyatnikov pazyrykskoi kul'tury YUzhnogo Altaya // *V kn.: Polos'mak N.V. Stereguschie zoloto grify (ak-alahinskie kurgany).*Novosibirsk: Nauka, 1994. P.106 – 111.
- Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern Equus, wild and domestic // *Equids in ancient world. Beihefte zum Tubinger atl.des V.Orie.-Weisbaden: «Reihe A.»,* 1986, p.116 – 163.

Резюме

В статье описываются анатомические характеристики четырех лошадей, найденных в контексте «яма 19» в сезоне раскопок 2012 г. Комплекс датируется архаическим временем. Лошади представлены черепами, обломками краниальной области и концевыми частями конечностей, метаподиями и фалангами. Для исследования привлекались передние метаподии, как наиболее диагностичный и хорошо сохранившийся материал. Каждая кость характеризовалась 11 цифровыми индексами. Это отношение полученных измерений кости к основной длине. Сравнение наших экземпляров с некоторыми другими метаподиями из синхронных слоев других археологических памятников и усредненным типом скифской лошади из Южной Сибири показало, что в целом архаические лошади Тиритаки – это лошади скифского типа. Однако они несколько отличаются друг от друга. Лишь лошадь из Березанского поселе-

ния выглядит совсем иначе и имеет гораздо более высокие морфологические характеристики. Предполагается, что это могла быть лошадь средиземноморского типа.

Ключевые слова: лошадь, метаподия, жертвоприношение, Тиритака, морфологический анализ, архаический период.

Summary

The article describes the anatomical characteristics of four horses found in the context «Pit 19» during the 2012 excavation season. The complex dated by archaic time. Horses are represented only by fragments of the cranial area and the distal parts of the limbs: metapodies and phalanges. Anterior metapodia were used for the study, as the most diagnostic and well-preserved material. Each bone was characterized by 11 digital indices. This is the ratio of the ratio of measurements of this bone to it's general length. The comparison of our specimens with some other metapodia from the synchronous layers of other archaeological sites in region and the average type of the Scythian horse from Southern Siberia showed that, in general, the archaic horses of Tiritaka are horses of the scythian type. However, they are somewhat different from each other. Only the horse from the Berezan settlement looks completely different and has much higher morphological characteristics. It is assumed that it could be a horse of the Mediterranean type.

Key words: horse, metapodia, sacrifice, Tiritaka, morphological analysis, archaic period.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Каспаров Алексей Каспарович, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
заведующий лабораторией
археологических технологий
Института истории материальной культуры РАН,
Дворцовая наб., 18,
191186, Санкт-Петербург, Россия.
alexkas@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kasparov Aleksei, PhD,
senior researcher,
The head of Laboratory
of Archaeological Technologies of
Institut for History of Material Culture
of Russian Academy of Sciences
Dvortsovaia emb., 18,
191186, St.-Petersburg,
Russia.
alexkas@yahoo.com

Таблица 1.

**РАЗМЕРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРЕДНИХ МЕТАПОДИЙ ЛОШАДЕЙ
АРХАИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ С НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

(по Eisenmann, 1986. Сохранены авторская нумерация промеров и их последовательность).

№ п/п	ПАМЯТНИКИ:	Тири-така. Экз.2	Тири-така. Экз.3	Тири-така. Экз.4	Тири-така. 2008 сп.33	Ильичевка n=3	Бере-заны	Панги-капей	Скиф-ские n>100
1	Наибольшая длина	217,5	220	227	217,4	214,4	248,5	218	218,8
3	Ширина диафиза в средн. части	32,4	35,6	34,5	33,5	33,6	34,2	34	32,9
4	Передне-задний диаметр там же.	24	26,1	26	25	24,93	24,2	26,5	25,1
5	Макс. ширина прокс. эпифиза	49,5	50,8	50,7	47,4	48,3	50,9	49,8	48,3
6	Перед.-зад. диаметр прокс. эпифиза	32,3	32,4	32,1	33	31,13	33	31,4	30,7
10	Ширина дист.эпиф. в суставных буграх	45	46,2	46,8	46,7	45,53	48,4	47,9	46,1
11	Ширина дист. блока	49,2	50,4	52	47,2	48,37	50,1	48,6	48,6
12	П.-з. диам. срединного гребня	35,6	37,4	36,5	34,8	35,23	36,1	35,6	36,1
13	Наим. п.-з. диам. медиальной части дистальн. блока.	27,7	28,8	28,7	27,3	27,5	28,8	28,6	28,8
14	Наиб. п.-з. диам. его же.	30,8	31,9	30,3	30,4	29,7	30,8	30	30,2
7	Ширина большей прокс. фасетки.	41,4	40,9	41	39,6	40,2	41	40,5	39,5
8	Ширина меньшей прокс. фасетки.	15,4	17,2	16,1	14,5	16,63	15,9	15,3	16,3
	Примерная высота в холке (см)	130	132	140	134	133	151	135	135

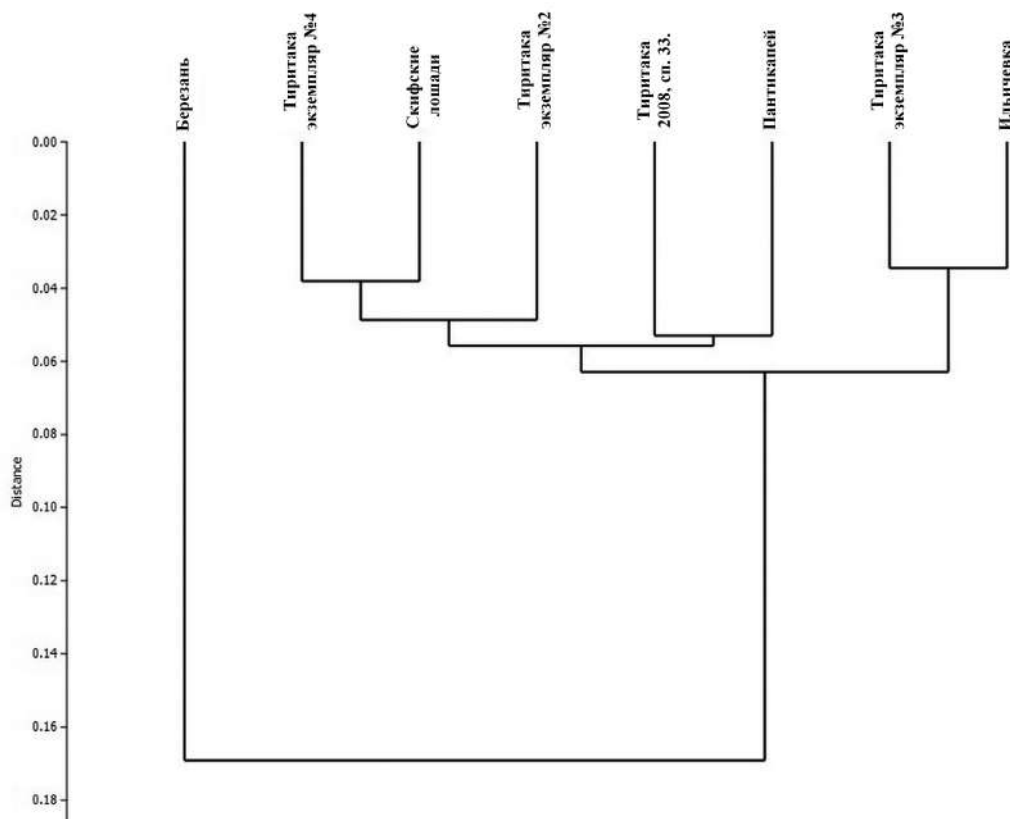

Рис. 1. Экстерьерные стати коней.

А.В. ЗИНЬКО
A.V. ZINKO

РЫБОЗАСОЛОЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ИЗ РАСКОПОК ТИРИТАКИ¹

FISH-SALTING COMPLEXES FROM THE EXCAVATIONS OF TYRITAKE

Боспорские города занимали видное место в снабжении греческого рынка рыбой и различной рыбной продукцией, а в первые века н.э. – и в обеспечении римских легионов в Малой Азии. На побережье Боспора Киммерийского (Керченского пролива) выловленная рыба подвергалась сушению, копчению и солению. Способы обработки рыбы напрямую зависели от состава улова, его количества и, главным образом, от производственной или иной необходимости. Конечно, для переработки осетровых использовались совершенно иные технологии, чем для переработки хамсы и сельди. В разные периоды истории Боспора происходили качественные и количественные изменения в характеристике объектов рыбного лова, связанные с целым комплексом различных причин, среди которых можно назвать экологические, экономические, политические и социальные. Так, возможной причиной уменьшения доли осетровых в первые века н.э. было воздействие геолого-климатических факторов. В то же время в связи с активным взаимодействием Боспорского царства с Римской империей в I-II вв. н.э. произошла резкая смена приоритетов в сторону увеличения производства рыбных соусов и мелкой соленой рыбы для снабжения расквартированных на берегах Понта легионов. Произошедшие перемены в видовой характеристике объектов лова и торговых приоритетов стимулировали появление и распространение специальных производственных комплексов – рыбозасолочных цистерн. Они служили для изготовления соленой рыбы и рыбных соусов (гарума, гарона) из мелкосельдевых рыб – анчоусов.

Специализированные производственные комплексы рыбозасолочных цистерн (далее КРЦ) археологически открыты в ряде городских центров Боспорского царства: Тиритаке, Пантикапее, Мирмекии, Горгиппии, а также на приморских поселениях Крымского Приазовья. Большинство из них имеет достаточно хорошую сохранность, что позволяет судить не только о технических приемах их строительства, но и о производственных возможностях. Благодаря находкам из заполнения цистерн можно определить видовой состав использованного рыбного сырья, а также время функционирования комплексов.

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Основанный во второй трети VI в. до н.э. на берегу большой морской бухты, в первые века н.э. город Тиритака был одним из крупнейших центров Боспорского царства по добыче и переработке рыбы. Всего при раскопках в разных частях древнего города с 1932 г. было открыто 16 комплексов рыбозасолочных цистерн (КРЦ)², в которых одновременно могли засаливать несколько тысяч тонн рыбы. Во второй половине III в. большая часть рыбозасолочных цистерн была заброшена и лишь немногие впоследствии были перестроены и использовались [Зинько, 2005, 2006, 2015]. К сожалению, на протяжении 90-летнего периода археологических раскопок Тиритаки и публикации результатов в количестве и нумерацию исследованных КРЦ вкрались определенные ошибки, поэтому после проведения сверки были получены актуальные данные о тиритакских комплексах (рис. 1), которые приводятся ниже.

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 1, открыт в 1932 г. у южной крепостной стены Тиритаки на раскопе I-II Ю.Ю. Марти (рис. 1) [Марти Ю., 1941]. Комплекс состоял из 16 рыбозасолочных цистерн, но не все их удалось раскрыть полностью, так как на северо-востоке этот комплекс уходит под железнодорожную насыпь (рис. 2). и полностью раскрыты лишь 8 цистерн (I - VIII в первых двух рядах). Третий ряд цистерн (IX, X, XI и XII) раскрыт в большей своей части, а из четвертого ряда открыта лишь часть одной цистерны; углубляться дальше под насыпь оказалось невозможным. Нельзя поэтому утверждать, что рыбозасолочное производство КРЦ 1 имело только 16 цистерн: возможно, за четвертым рядом шел еще и пятый. Весь комплекс рыбозасолочных цистерн выстроен, по-видимому, неодновременно, о чем можно судить, прежде всего, по технике сооружения отдельных частей. Первыми по времени были выстроены два первых ряда с восемью цистернами, примыкающими к оборонительной стене. Они построены более тщательно, стены их сложены аккуратнее, чем в остальных ваннах, пристроенных несколько позднее.

Средний размер цистерн следующий: длина 3,10 м, ширина 1,70 м, глубина 2,50 м. Таким образом, средняя емкость одной цистерны равна 13,175 куб. м, а вместимость всех ванн вместе – свыше 210 куб. м [Марти Ю., 1941, с.20]. Стены цистерн построены из мелкого бута на растворе розоватого цвета, состоящем из извести, песка и цемянки. Внутренние стены и днища цистерн покрыты раствором того же состава, что и раствор, связывающий бутовую кладку стен. Обмазка внутри цистерн неоднократно обновлялась; местами можно наблюдать до 5 слоев цемента. Чтобы цементная обмазка лучше держалась, стены предварительно были изрезаны крестообразными бороздами. Этот технологический прием характерен для всех боспорских цистерн. Все цистерны имеют закругленные углы, очевидно, для того, чтобы сделать стены их совершенно непроницаемыми и предупредить утечку рассола. Поверхность днищ цистерн покрыта всюду красной краской, по-видимому, с той же целью – добиться полной непроницаемости дна. Вскрытие дна, сделанное в одной из цистерн, по-

² Ранее в публикациях разными авторами приводились неточные и заниженные данные о тиритакских КРЦ.

казало его устройство: оно имеет толщину 0,53 – 6,60 м, на слое глины толщиной 0,05м, которую подстилает морской песок, уложены два яруса поставленных на ребро специально подобранных бутовых камней. Нижний ярус высотой 0,30 м и верхний 0,12м залиты известковым раствором с большой прибавкой цемьянки; сверху это «бетонное» днище покрыто слоем такого же раствора толщиной 0,11 м.

При расчистке цистерн на дне I, V, VIII и отчасти VI были обнаружены слежавшиеся слои мелких рыбьих костей и чешуи. По определению специалистов-ихтиологов, собранные рыбы остатки принадлежат керченской сельди (*Caspialosa*). Вместе с остатками рыб на дне цистерн обнаружены слои морского песка, принявшего красноватый цвет (от покраски днищ), а местами – серо-зеленоватый (признак присутствия перегнивших рыбьих остатков). В некоторых цистернах дно было устлано тонким слоем камки. Из многочисленных остатков в цистернах КРЦ 1 лишь остатки, найденные на дне, органически связаны непосредственно с древними процессами производства засола рыбы. Остальные остатки (в преобладающем количестве кости осетровых) случайного происхождения, непосредственно к цистернам отношения не имеют и попали туда в процессе заваливания их бытовым мусором. С другой стороны, нахождение в мусоре большого количества рыбьих костей несомненно подтверждает также существование в Тиритаке большого рыбного промысла [Марти Ю., 1941, с.21]

В процессе расчистки цистерн от заполнявшей их земли в придонном слое засыпи обнаружены на разной глубине обломки боспорской черепицы, они встречались на глубине 1,30-1,60 м и в верхних слоях. Во всех цистернах найдены куски истлевшего дерева. Среди находок были четыре костяные иглы для вязания рыболовных сетей. Навеса или крыши над цистернами, вероятно, не было; во время тщательного обследования стен нигде не обнаружены следы подпор, которые должны были быть довольно солидными вследствие значительного веса древней черепицы. Современная практика показывает, что навесы над рыбозасолочными цистернами необязательны: есть система цистерн открытых, не имеющих никакого навеса, и есть цистерны в закрытых помещениях. Черепицы, обнаруженные в цистернах, попали, по-видимому, с соседних зданий. Не лишено вероятности предположение, что цистерны покрывались деревянными крышками, тем более что, как уже указывалось, во всех цистернах были найдены куски истлевшего дерева [Марти Ю., 1941, с.22].

Стратиграфия культурных слоев, находки, а также взаимоотношения открытых построек между собой позволяют датировать открытый комплекс КРЦ 1 достаточно хронологически точно. При вскрытии дна одной из цистерн было обнаружено, что под ней находится материк в виде чистого морского песка и никаких следов построек или культурных остатков там нет. Таким образом, необходимо предположить, что эллинистические мостовые, примыкавшие к оборонительной стене в этом районе, были уничтожены позднее, при постройке цистерн. Заполнение цистерн КРЦ 1 дало в изобилии фрагменты керамики, терракот и стекла I-II вв. н.э., а находок III в. н.э. было гораздо меньше. Интересно, между

прочим, отметить обилие лепной керамики в верхних слоях засыпи. Сравнительно мало находок поздне-эллинистических, представленных, главным образом, фрагментами черепиц и монетами, что не является, конечно, решающим, поскольку эти вещи могли бытовать и значительно позднее. Все эти данные позволяют предположить, что КРЦ 1 основан был в I в. н.э. В пользу этой датировки говорит и техника постройки ванн из мелкого бута, скрепленного известью со значительной примесью цемянки. Этот строительный способ характерен, как известно, преимущественно для римской техники первых веков н.э. Сооружение первых двух рядов ванн было осуществлено несколько раньше, чем постройка остальных ванн, но промежутком времени, разделявший их, был, несомненно, небольшой. Рыбозасолочный комплекс КРЦ 1, очевидно, был использован до III в. н.э., что подтверждается находкой монеты Фарсанза в слое с рыбными остатками на примыкающем к ваннам участке, входившем в состав производства [Марти Ю., 1941, с.23].

Произведенный в свое время В.Ю. Марти анализ ихтиологических остатков дает следующую картину распределения их в цистернах КРЦ 1. Цистерна I: остатков рыбы нет; в верхних слоях заполнения в большом количестве створки моллюсков мидий, шедших, по-видимому, в пищу и в древнее время (*Mytilus galloprovincialis*). Цистерна II: рыбных остатков нет; в заполнении створки устриц (*Ostrea taurica*). Цистерна III: остатков рыбы нет; некоторые слои мусора окрашены в зеленоватый цвет, позволяющий предполагать наличие перегнивших органических остатков, по-видимому, рыбы. Ванна IV: в средних слоях заполнения кости рыбы из осетровых (*Acipenseridae*). Цистерна V: кости осетровых рыб (*Acipenseridae*); грудной луч крупного экземпляра севрюги (*Acipenser stellatus*) и крупный экземпляр осетра (*Acipenser Güldenstädti*). Цистерна VI: кости плечевого пояса, грудные лучи, жаберные крышки operculum, фулькры и щитки осетровых рыб (*Acipenseridae*); в слое от 0,50 до 0,75м от дна – головные кости сельди (*Caspialosa*). В слое между 0,75 и 1,00м от дна – глоточный зуб рыбы из рода *Rutilus* (вероятно, тарани). У дна большое количество чешуи средних размеров сельди (*Caspialosa*). Цистерна VII: головные кости, operculum, жучки и расслоившиеся кости-фулькры осетровых (*Acipenseridae*). В верхних слоях заполнения одна кость - dentale - судака (*Lucioperca*). Цистерна VIII: Operculum, костяные лучи грудных плавников осетровых (*Acipenseridae*), единично позвонки судака (*Lucioperca*), para-sphenoideum осетровой рыбы, рассеченный вдоль пополам. В нижнем слое у дна остатки хорошо сохранившейся головы сельди с ясно различаемыми жаберными тычинками, кости сельди (главным образом, головные), масса чешуи и позвонки сельди (*Caspialosa*). [Марти В., 1941, с.93-93].

На основании расположения ванн, ассортимента рыбных остатков, размеров засолочных сооружений В.Ю. Марти пришел к следующим выводам: 1). Открытые раскопками древние рыбозасолочные цистерны во время их функционирования находились в непосредственной близости к морю; в настоящее время они отстоят от заплеска воды на 1 км, что объясняется продолжающимся в районе Керченского полуострова процессом отступления моря и нарастания берега; 2). 8 рыбозасолочных

цистерн имеют общую емкость в 102 куб. м, т. е. одновременную засолочную емкость в 800 – 820 центнеров рыбы. Так как КРЦ 1 имеет еще 8 аналогичных размеров цистерн, общую одновременную пропускную способность можно определить в 1600 центнеров рыбы-сырца. Полагая, что по условиям миграции рыбы в Керченском проливе и по продолжительности засола в среднем в 15 дней оборачиваемость промысла могла быть в году восьмикратной (максимум), вся годовая продукция посолочного пункта определяется в 12800 центнеров. Эта цифра (максимальная) говорит о значительной мощности данного производственного предприятия с обслуживающим персоналом не менее 12 – 15 человек; 3). При наличии столь крупных переработок рыбы нужно предполагать и значительные количества необходимых подсобных материалов, в первую очередь соли; ее должно было расходоваться при указанной выше предполагаемой цифре переработки не менее 3000 центнеров. Потребление такого количества соли говорит о существовании специального соляного промысла в ближайших окрестностях Тиритаки; 4). Переработка такого количества рыбы предполагает и наличие достаточно мощного добывающего промысла. Вероятнее всего, промысел в целом в древности базировался на неводном хозяйстве, причем трудно предположить наличие в то время неводов современных размеров, надо думать, что невода были меньшей величины; 5). Как показывают находки рыбных остатков в цистернах, основным объектом промысла была, главным образом, сельдь, что дополняет письменные данные, говорящие, почти исключительно, о лове в Керченском проливе красной рыбы; 6). Открытие рыбозасолочных цистерн и установление наличия связанных с засолом рыбы производств: добычи рыбы и соли, изготовления орудий лова – все это говорит о существовании в Тиритаке в римское время значительного рыбного промысла со всеми входящими в него подсобными отраслями. [Марти В., 1941, с.94-95].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 2, исследован в центральной части раскопа V-VI Т.Н. Книпович и А.М. Славиным в 1933 – 1935 гг. (рис.1), состоит из 3 цистерн, расположенных во оцемментированной раствором извести с примесью цемьянки в полу здания II-I вв. до н.э. [Книпович, Славин, 1941, с. 46]. Цистерны были прямоугольной формы, из которых две № 1 и 2, расположены рядом, в направлении с юга на север, а третья № 3 – в направлении, перпендикулярном двум первым (рис.3). Все цистерны были заполнены землей и крупными камнями от обвалившихся стен. Раскопана была только цистерна № 1, другие до глубины 0,76 – 0,97 м. В верхней части цистерны № 1 в заполнении найдены фрагменты керамики преимущественно римского периода [Книпович, Славин, 1941, с. 46]. В придонной части цистерны № 1 было большое количество песка и истлевшей морской травы – камки, а также две ножки поздне-эллинистических амфор и обломок малоазийского сосуда, покрытого лаком коричневого цвета. На основании этих находок исследователи датируют цистерну 1 КРЦ 2 II-I вв. до н.э. [Книпович, Славин, 1941, с. 46]. В 1948г. В.Ф.Гайдукевич доследовал цистерну 1 и полностью раскопал цистерны 2 и 3 [Гайдукевич, 1958, с.167]. В результате выявлены следующие размеры цистерн: 1

– 2,20 x 1,10 м, 2 – 2,70 x 1,65 м, 3 – 3,60 x 1,60 м, при глубине всех цистерн 3,50 м. Таким образом, общий объем КРЦ 2 составляет около 46 куб. м. На основании находок из заполнения цистерн 2 и 3 В.Ф. Гайдукевич датирует I – III вв. н.э. [Гайдукевич, 1958, с.167].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 3, исследован в центральной части раскопа V-VI (рис.1) Т.Н. Книпович и А.М. Славиним в 1933-1935 гг. [Книпович, Славин, 1941, с.52-53]. Он состоит из двух расположенных рядом рыбозасолочных цистерн. В плане они имеют форму четырехугольника. Размеры цистерн: западной № 4 – длина 2,47 м, ширина 1,68 м, глубина 3,27 м; восточной № 5 – длина 2,20 м, ширина 1,90 м, глубина 3,25 м. Общий объем КРЦ 3 составлял немногим более 27,2 куб. м. Толщина стены между цистернами 0,26 м, наружных стен – от 0,20 до 0,32 м. Стены цистерн сложены из мелких известняковых камней неправильной формы на известковом растворе и покрыты толстым слоем известкового раствора, содержащего большое количество толченой керамики. По обвалившимся от верхних частей стен кускам обмазки видно, что она наносилась слоями; в некоторых местах можно было видеть до семи слоев [Книпович, Славин, 1941, с.52].

На дне обеих цистерн, № 4-5, найден толстый слой (до 0,05 – 0,07 м) рыбьих головок, костей и чешуи, принадлежащих, главным образом, керченской сельди. Сделанный в днище восточной ванны разведочный разрез показал, что дно имеет толщину 0,75 м и состоит из известняковых камней, покрытых несколькими слоями известкового раствора с примесью толченой керамики. В засыпи обеих цистерн КРЦ 2 содержалось большое количество камней большой и средней величины. В восточной цистерне на довольно большой глубине были обнаружены кости скелета человека. Находок в засыпи цистерн было сравнительно немного: обломки круглодонных амфор с горизонтальными желобками на стенках VI - VII вв. н. э. (в обеих цистернах), две реберчатые ручки амфор и др. Среди камней, извлеченных из цистерны № 5, обнаружена верхняя часть надгробия в виде фронтона, украшенная тремя розетками. Таким образом, в засыпи цистерн оказались как находки римского времени, так и вещи, относящиеся к ранневизантийскому времени. Вероятно, КРЦ 2, построенный в IV в. н.э., существовал до VI-VII вв. н.э.

В римском слое данного участка были также сделаны находки орудий рыбного лова: рыболовные крючки, иглы для плетения сетей и др. На север от ванны № 5 открыты остатки другого помещения, которое тоже, может быть, имеет отношение к рыбозасолочному производству КРЦ 2. Принадлежность этого помещения к тому же периоду, что и ванны, подсказывается устройством его стен и местом его постройки. Раскопками открыты были остатки стен: восточной, северной и западной, построенных из мелких необработанных камней в такой же технике, как и стены ванн. Помещение имеет форму неправильного четырехугольника, вследствие чего длина помещения большая на севере – 2,04 м, меньшая на юге – 1,75 м. Южная стена не сохранилась, а в качестве фундамента

северной стены использована стена здания эллинистического времени, с которой она совпадает своим направлением [Книпович, Славин, 1941, с.52].

Находки, обнаруженные при раскрытии данного помещения, относятся в большей своей части к III - IV вв. н.э.; имеются, однако, фрагменты керамики ранне-средневекового периода VI - VII вв. н.э. Если правильно предположение о том, что данное помещение входило в состав рыбозасолочного комплекса, то оно могло служить рабочим помещением, подобно тому, как это было в большом рыбозасолочном комплексе, открытом у крепостной стены. [Книпович, Славин, 1941, с.53].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 4, состоит из 1 цистерны и также была исследована на раскопе V-VI (рис.1) Т.Н. Книпович и А.М. Славиним в 30-х гг. прошлого века [Книпович, Славин, 1941, с.55]. Эта цистерна № 6 (по нумерации исследователей), располагалась у восточного борта раскопа и имела в плане форму не вполне правильного четырехугольника с закругленными углами и размерами 2,50 x 1,75 м. Общий объем КРЦ 4 – около 8 куб. м. По устройству цистерна № 6 аналогична цистернам № 1 – 3, но стенки ее сложены из камней меньшей величины и кладка менее правильная. Расчистка ванны № 6 была произведена только до глубины 0,85 м и в заполнении были найдены немногочисленные фрагменты керамики III-IV вв. н.э. [Книпович, Славин, 1941, с.55].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 5, исследован полностью в южной части раскопа V-VI В.Ф. Гайдукевичем в 1939 г. (рис.1) [Гайдукевич, 1952, с.30 – 33]. Он состоит из 5 цистерн, из которых четыре расположены попарно, а пятая пристроена к первым четырем с северной стороны. Размеры цистерн: 1 – длина 2,30-2,40 м, ширина – 1,80 м; 2 – длина 2,25-2,55 м, ширина 1,85 м; 3 – длина 2,15-2,20 м, ширина 1,75 м; 4 – длина 2,08-2,15 м, ширина 1,82 м; 5 – длина 2,35 м, ширина 1,40-2 м. Глубина всех цистерн – 1,80 м. Общий объем КРЦ 5 равнялся немногим более 27,5 куб. м. Толщина внешних стен цистерн равняется 0,90-1,20 м, а толщина перегородок – 0,35-0,45 м. В заполнении цистерн встречены многочисленные фрагменты керамики, в том числе и краснолаковой посуды, фрагменты стеклянных сосудов, боспорские монеты и прочие находки. На дне цистерн обнаружены крупные хорошо отесанные блоки известняка, служившие «гнетом». Большое количество обломков черепицы свидетельствует о существовании над цистернами черепичной кровли. Весь вещевой материал из цистерн в преобладающей массе датируется II-второй половиной III в. н.э. Цистерны были засыпаны в начале IV в. н.э. [Гайдукевич, 1952, с.33].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 6, находится в раскопе X, расположенном возле восточного склона верхней террасы города (рис.1), и исследован В.Ф.Гайдукевичем в 1935 г. [Гайдукевич, 1952, с.48-49]. Он состоит из 6 цистерн, расположенных попарно в три ряда с юго-востока на северо-запад. В плане каждая цистерна имеет почти квадратную форму (1,70 x 1,80 м) при глубине цистерн 1,80 м. Общий объем КРЦ 6 равнялся немногим более 33 куб. м. Внутри стены и днища цистерн покрыты несколькими слоями известнякового раствора, содержащего примесь морского песка и толченой керамики. Судя по большому количеству

обломков битой кровельной черепицы, КРЦ 6 имел черепичное покрытие. Время сооружения цистерн – II в. н.э., а в конце III в. н.э. они были засыпаны и перекрыты вымосткой [Гайдукевич, 1952, с.49].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 7, находится в раскопе XIII, расположенном возле восточного склона верхней террасы города, к югу от раскопа X и исследован В.Ф. Гайдукевичем в 1936 – 1938 гг. (рис.1) [Гайдукевич, 1952, с.57]. Здесь было выявлено четыре больших группы рыбозасолочных цистерн (А, Б, В, Г), свидетельствующих, что этот приморский район Тиритаки был очень активно использован под рыбозасолочные комплексы. КРЦ 7 (группа А) состоит из 6 цистерн, расположенных попарно в три ряда. Цистерны имели форму почти правильного квадрата 2,10 x 2,10 м с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. Глубина цистерн – 1,60 м. Таким образом, общий объем КРЦ 7 (группа А) равнялся около 43 куб. м. Внутри стены и днища цистерн покрыты несколькими слоями известнякового раствора, содержащего примесь морского песка и толченой керамики. От всех 6 цистерн уцелели преимущественно только самые нижние части, так как стены большинства цистерн были разобраны при строительстве на этом месте базилики. В заполнении цистерн встречено большое количество обломков керамид и калиптеров, обрушившейся черепичной кровли.

Постройка КРЦ 7 (группа А) датируется I-II вв. н.э., но в употреблении она находилась до III-IV вв. н.э. [Гайдукевич, 1952, с.58]. С северо-восточной стороны находилось шесть вкопанных в землю пифосов, в которые, как полагает В.Ф.Гайдукевич, перекладывалась из цистерн готовая соленая рыба. Количество пифосов соответствует числу цистерн [Гайдукевич, 1952, с.58].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 8, также расположен в раскопе XIII (рис.1) и обозначен В.Ф. Гайдукевичем как группа Б. КРЦ 8 (группа Б) находился к северо-западу от КРЦ 7 (группа А) на расстоянии 3,5 м. Он исследован В.Ф.Гайдукевичем в 1936 – 1938 гг. [Гайдукевич, 1952, с.57-58]. КРЦ 8 (группа Б) состоит 4 цистерн, вытянутых в один ряд с северо-востока на юго-запад. Цистерны по своему плану не одинаковые. Крайняя северо-восточная цистерна 4 – наибольшая и имеет форму трапеции, с размерами 3,0 м x 2,63 x 2,85 x 2,95 м. Следующие 3 цистерны имеют примерно одинаковые размеры: длина 2,45 м, ширина 1,20-1,40 м. Глубина цистерн – 1,70 м. Общий объем КРЦ 8 (группа Б) был около 31 куб. м.

На дне цистерн найдено большое количество битых и целых черепиц от бывшей здесь черепичной крыши. Судя по керамике из заполнения цистерн, постройка КРЦ 8 (группа Б) датируется I-II вв. н.э., но в употреблении она находилась до III-IV вв. н.э. [Гайдукевич, 1952, с.58].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 9, расположен в раскопе XIII и обозначен В.Ф. Гайдукевичем как группа В (рис.1). КРЦ 9 (группа В) находился к северо-западу от КРЦ 8 (группа Б) на расстоянии 2 м. Он исследован В.Ф. Гайдукевичем в 1936 – 1938 гг. [Гайдукевич, 1952, с.58 – 60]. КРЦ 9 (группа В) состоит из 4 цистерн, расположенных попарно в два ряда. Размеры каждой цистерны, как можно судить

по наиболее сохранившейся цистерне 1, одинаковые: длина 2,50 м, ширина 1,50 м, глубина 2,87 м. Общий объем КРЦ 9 (группа В) равнялся немногим более 43 куб.м. Стены и днища цистерн были оштукатурены раствором с примесью цемьянки в несколько слоев.

В заполнении цистерн близ дна встречены фрагменты раннесредневековых амфор со сферическим дном и обломки плоскодонного сосуда того же времени. На дне цистерн лежал слой морского песка и чешуя сельди. С западной стороны на расстоянии 2,50 м от цистерны 1 открыты развалины печки с лежавшими внутри 39 глиняными конусовидными рыболовными грузилами высотой 12 – 15 см и с большими отверстиями диаметром 1,-1,5 см. Цистерны датируются III-IV вв. н.э., а некоторые использовались и в V – VII вв. н.э. [Гайдукевич, 1952, с.60].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 10, также расположен в юго-западной части раскопа XIII (рис.1) и обозначен В.Ф. Гайдукевичем как группа Г. КРЦ 10 (группа Г) исследовался В.Ф. Гайдукевичем в 1936 – 1938 гг. [Гайдукевич, 1952, с.60-61]. КРЦ10 (группа Г) состоит из 4 цистерн, расположенных попарно в два ряда. Позднее к северному углу была пристроена цистерна 5. Размеры цистерн 1 – 4: длина 1,75-1,80м, ширина 1,30-1,40 м при глубине 2,28 м, а размеры цистерны 5: 3,20-3,30 х 3,00-3,90м при глубине 1 м. Общий объем КРЦ 10 (группа Г) был около 45 куб. м. В заполнении цистерн в придонной части залегал слой фрагментов керамики, главным образом, круглодонных амфор, найдено 11 горл таких амфор. В цистерне 5 на дне обнаружено большое количество рыбной чешуи и костей, принадлежавших сельди и отчасти кефали. Датируется комплекс с III в. н.э. по V – VII вв. н.э. [Гайдукевич, 1952, с.61].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 11, находится в южной части раскопа XV (рис. 1), исследован В.Ф. Гайдукевичем в 40-х гг. прошлого века и состоит из 1 цистерны (№ 23 по нумерации В.Ф. Гайдукевича) [Гайдукевич, 1952, с.113-114]. Эта цистерна пристроена с внешней (юго-западной) стороны помещения. Хотя у цистерны сильно разрушена юго-восточная сторона, тем не менее все основные ее размеры поддались выяснению: длина 1,80 м, ширина 1,15-1,35 м, наибольшая глубина 1,90 м. Таким образом, объем 1 цистерны КРЦ 11 составлял около 4,5 куб. м. Стены и дно цистерны покрыты розовым цементом в пять слоев. Внутри цистерны на оштукатуренных стенах заметны следы темно-красной краски. В заполнении цистерны выявлено большое количество фрагментов разнообразных амфор первых веков н.э., краснолаковых тарелок, стеклянных и лепных сосудов, а также железные и бронзовые гвозди [Гайдукевич, 1952, с.113].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 12, расположен в юго-восточной части раскопа XV и исследован В.Ф. Гайдукевичем в 1947 г. (рис.1). Он состоит из 3 прямоугольных в плане цистерн, из которых две (2 и 3) построены рядом, третья (1) – несколько поодаль [Гайдукевич, 1958, с.173-174]. Внутренние размеры цистерны 1: длина 2,53 м, ширина 1,18 м, глубина 0,70 м. Цистерна 2 примыкает к цистерне 3 с севера и имеет размеры: длина 1,57-1,28 м, ширина по северной стенке 1,25-0,75 м, по южной – 1,30-0,95 м при глубине 1,07 м. Цистерна 3 сохранилась довольно пло-

хо, уцелело дно и незначительная часть стенок. В.Ф. Гайдукевич предположил, что длина этой цистерны составляла 2,25 м, ширина в верхней части 1,57 м, а у дна 1,10-1,35 м при глубине 0,75 м. Общий объем КРЦ 12 был немногим более 6,3 куб.м. Комплекс КРЦ 12 датируется III-IV вв. н.э.

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 13, расположен в северо-западной части города (раскоп XXII) и исследован экспедицией Д. С. Кирилина в 1974 г. [Кирилин и др., 1975, с.286]. Количество рыбозасолочных цистерн в публикации не указано, а отчет Д.С. Кирилина о раскопках отсутствует. Этот комплекс располагался в ряду построек к югу от северной крепостной стены (рис.4). В альбоме к отчету Д.С.Кирилина фотографии КРЦ 13 нет³.

Комплекс КРЦ 13 датируется первыми веками н.э.

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 14, расположен в западной части раскопа XXIV и исследован экспедицией О. Д. Чевелева в 1984-1985 гг. [Чевелев, 1986, с. 323; 1986а, с.346]. Он состоит из 5 цистерн, сблокированных в два ряда (рис. 1; рис. 5). Цистерны одинакового размера: 2,25 x 1,75 м, глубина 1,50 м от верхнего сохранившегося края. Они разделены тонкой перемышкой толщиной 0,25 м. В центре цистерн имеется небольшое углубление диаметром 0,40 м. Края цистерн сложены из ровных, тщательно отесанных известняковых блоков шириной 0,20-0,25 м. Средняя длина таких блоков – 1,0 м. Внутренняя поверхность ванн несколько раз оштукатурена водоотталкивающим известковым раствором с примесью толченой керамики – цемянки, причем нижний слой, который должен был снивелировать все неровности, и более грубый. Углы сильно закруглены. Внутри цистерн на стенках и дне сохранилось до 8 слоев розовой цемянки. Общий объем КРЦ 13 был около 30 куб.м. Комплекс КРЦ 14 датируется О. Д. Чевелевым первыми веками н.э., и он был засыпан в конце II - начале III в. [Чевелев, 1986, с.346].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 15, в центральной части Тиритакы на раскопе XXVI, к западу от I-й керамической улицы, исследован в 2002 – 2005гг. большой жилищно-хозяйственный комплекс (ЖХК-I) площадью около 300 кв. м, состоящий из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора [Зинько А., 2005; 2006; 2015]. Вход в эту городскую усадьбу располагался с северной стороны, а дальше во двор вела мощенная крупными известняковыми камнями вымостка. В восточной части двора усадьбы находился рыбозасолочный комплекс – КРЦ 15 (в отчетной документации он именовался КРЦ 9), состоящий из 3 цистерн (рис.1; рис.6). Средние размеры северной и центральной цистерны КРЦ 14 – 2,8 x 2,3 м, а глубина – 3,30м. Южная цистерна была немного меньше и имела следующие размеры: 2,50 x 2,48 м и глубину 2,50 м. Общий объем КРЦ 15 равнялся 48 куб. м.

Со стороны двора эти цистерны были ограничены довольно толстой невысокой

³ О раскопках Д.С. Кирилина см. Зинько В., Зинько А., 2018.

каменной стеной, в южной части которой находился проход к цистернам. При расчистке пола в северной цистерне был обнаружен слой до 0, 20 м костных остатков керченской сельди [Зинько А., 2006, с.182]. Вероятно, эти цистерны были предназначены для производства рыбных соусов наподобие *muria* или *garum* по ферментационной технологии. При загрузке глубоких рыбозасолочных цистерн порядок укладки рыбы правильными слоями не соблюдался, давление верхних слоев на нижние неизбежно приводило к их полному сминанию. После двух-трех месяцев брожения образовавшуюся в цистернах массу требовалось извлечь и процедить, чтобы отделить от нее технологические отходы (чешую, кости). Процеживание рыбной массы производилось в самих цистернах, а не на стороне. Слой рыбных костей сельди, зафиксированный на дне северной рыбозасолочной цистерны, представляют собой именно технологические отходы, которые по каким-то причинам не смогли удалить после полного цикла рыбообработки.

Археологический материал из заполнения КРЦ 15, среди которого следует особо отметить серебряный статер 264 г. царя Рескупорида IV, показывает, что две цистерны этого комплекса (северная и центральная), построенные в I-II вв. н.э., перестали функционировать во второй половине III в. Третья, южная цистерна, размерами 2,5 x 2,48 м и глубиной всего 2,5 м, оказалась частично перестроенной и, судя по найденному в ней керамическому материалу, продолжала существовать вплоть до второй половины V в. Эту реконструкцию с возведением новой стены, уменьшившей объем южной цистерны, можно датировать началом IV в. [Зинько А., 2006, с.183].

Комплекс рыбозасолочных цистерн КРЦ 16, находится в центральной части Тиритаки, возле восточного борта раскопа XXVI и состоит из 1 цистерны (рис.1; рис.7). Ориентирована цистерна углами по сторонам света. Внутренние ее размеры достигают в направлении С-В – Ю-З 2,0 м, в направлении С-З – Ю-В 1,82 м. Глубина цистерны от уровня порога, соединявшего ее с СК XIV 1,27 м, а от уровня верхних камней ее С-В борта (кладки 72) 1,82 м. Объем КРЦ 16 равнялся 6,6 куб. м.

Цистерна обрамлена стенами из обработанных прямоугольных блоков и подтепанных плит, уложенных в один ряд на постель логом и тычком. Борты цистерны были промазаны цемяночным раствором в два слоя. Этим же гидроизоляционным раствором были скруглены стыки стен и стен с днищем цистерны. Пол цистерны имеет небольшой уклон к центру и зачищен на уровне -248, -254 от условной «0» отметки. С северо-запада к цистерне КРЦ 16 примыкала постройка СК XIV, соединенная с ней дверным проемом. Судя по керамике, здание СК XIV продолжали использовать какое-то время, после того как был засыпан КРЦ 16, минимум до середины – второй половины V в.

Цистерна была заполнена однородным суглинисто-илистым светло-коричневым слоем. Археологический материал из нее представлен, в основном, керамикой, обнаруженной в количестве 3105 фрагментов. Керамический комплекс, происходящий из КРЦ 16, свидетельствует о том, что цистерна была засыпана не позднее 40-х годов III в. н.э. Сооружение цистерны следует датировать I в. н.э.

Таковы краткие актуальные данные о рыбозасолочных комплексах за 90-летний период археологических исследований боспорского города Тиритака.

Судя по исследованным рыбозасолочным комплексам, к началу IV в. в Тиритаке перестали действовать 38 из 59 функционировавших ранее цистерн. Это должно было уменьшить почти втрое годовое производство соленой рыбы в этом боспорском городе. В течение IV в. прекращает существовать еще 12 цистерн, а в V в. функционирует лишь три комплекса из 11 цистерн, объем которых был немногим более 100 куб. м. Тем самым, если судить по раскопанным рыбозасолочным цистернам, за двести лет их вместимость уменьшается как минимум в пять раз [Зинько, 2015, с.375].

В конце V-VI вв. объемы рыбозасолки еще более падают и для Тиритаки известны лишь считанные единицы цистерн, датируемые этим временем. Многочисленные рыбозасолочные комплексы оказались заброшенными, хотя город живет и даже строится новая сакральная постройка. Так, на месте одного из комплексов рыбных цистерн в юго-восточной части города возводится большая христианская базилика. И это несмотря на то, что с распространением христианства и введением постов на Боспоре должна была увеличиться потребность в рыбной пище. Однако для внутреннего потребления было достаточно самых незначительных по сравнению с более ранним временем объемов производства, а на внешнем рынке соленая боспорская рыба по каким-то причинам оказалась невостребованной, поэтому надобность в больших комплексах по рыбопереработке в боспорском городе Тиритака в ранневизантийское время отпала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. № 25. М., 1952.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. – 1958. – № 85 (Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг.). – С. 150–218.
- Зинько А.В.* Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Период дестабилизаций, катастроф. Керчь., 2005. С.106–111.
- Зинько А.В.* Рыболовный промысел в Тиритаке в III в. н.э. // БИ. Вып. XI. Симферополь-Керчь, 2006. С.177–186.
- Зинько А.В.* К вопросу о рыболовном промысле в ранневизантийской Тиритаке // ТГЭ. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. СПб, 2015. С.369–376.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д.С. Кирилина в 1974г. // БИ – Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь, 2018. С.302–331.
- Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А.* Раскопки Тиритаки // Археологические открытия 1974 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1975. С. 286.
- Книпович Т.Н., Славин Л.М.* 1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. № 4. 1941.
- Марти В.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941а. № 4. С. 93 – 95.

- Марту Ю. Ю. 1941 – Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. 1941. Вып. № 4.
- Чевелев О.Д. Раскопки в Керчи // Археологические открытия 1984 года / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1986. С. 323 – 324.
- Чевелев О.Д. Раскопки в Керчи и ее окрестностях // Археологические открытия 1985 года / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1986а. С. 346 –347.

REFERENCES

- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935 –1940 gg. *MIA*. № 25. M., 1952.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mirmekiiia v 1946 – 1952 gg. *MIA*. 1958. № 85 (*Bosporskie goroda. Raboty Bosporskoii ekspeditsii 1946–1953gg.*), pp. 150–218.
- Chevelev O.D. Raskopki v Kerchi. *Arkheologicheskie otkrytiia 1984 goda*. Ed. Rybakov B.A. M., 1986, pp. 323 –324.
- Chevelev O.D. Raskopki v Kerchi i ee okrestnostiakh. *Arkheologicheskie otkrytiia 1985 goda*. Ed. Rybakov B.A. M., 1986, pp. 346-347.
- Kirilin D.S., Molev E.A., Gladkova T.A. Raskopki Tiritaki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 goda*. Ed. Rybakov B.A. M., 1975, p. 286.
- Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki yugo-zapadnoi chasti Tiritaki. *MIA*. 1941. № 4. 1941.
- Marti V.Yu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki. *MIA*. 1941a. № 4, pp. 93–95.
- Marti Yu.Yu. Gorodskie krepостnye steny Tiritaki i prilеgayushchii kompleks rybozasolochnykh vann. *MIA*. 1941. №4.
- Zin'ko A.V. Krizis rybolovnogo promysla v bosporskom gorode Tiritaka vo vtoroi polovine III v. n.e. *Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Period destabilizatsii, katastrof*. Kerch'. 2005, pp. 106 –111.
- Zin'ko A.V. Rybolovnyi promysel v Tiritake v III v.n.e. *BI. XI.Simferopol'-Kerch'*, 2006, pp.177 – 186.
- Zin'ko A.V. K voprosu o rybolovnom promysle v rannevizantiiskoi Tiritake. *TGE. T. LXXIV. Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury*. SPb., 2015, pp. 369 –376.

Резюме

Основанный во второй трети VI в. до н.э. на берегу большой морской бухты, в первые века н.э. город Тиритака был одним из крупнейших центров Боспорского царства по добыче и переработке рыбы. Всего при раскопках в разных частях древнего города с 1932 г. было открыто 16 комплексов рыбозасолочных цистерн, в которых одновременно могли засаливать более десятка тысяч тонн разнообразной рыбы. Во второй половине IIIв. большая часть рыбозасолочных цистерн была заброшена и лишь немногие впоследствии были перестроены и использовались. К сожалению, на протяжении 90-летнего периода археологических раскопок Тиритаки и публикации их результатов в количестве

и нумерацию исследованных комплексов рыбозасолочных цистерн вкрались определенные ошибки, поэтому после проведения сверки были получены актуальные данные о тиритакских комплексах, которые приводятся в статье.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, археологические раскопки, рыбозасолочные цистерны.

Summary

Founded in the second third of the VI century BC on the shore of a large sea bay, the city of Tyritake in the first centuries AD was one of the largest centers of the Bosphorus Kingdom for fishing and processing of fish. In total, during excavations in different parts of the ancient city since 1932, sixteen complexes of fish-salting tanks have been discovered. More than ten thousand tons of various fish could be salted at a time there. In the second half of the III century, most of the fish-salting tanks were abandoned, and only a few were subsequently rebuilt and used. Unfortunately, during the 90-year period of archaeological excavations of Tyritake and the publication of their results, certain errors have crept into the number and numbering of the studied complexes of fish-salting tanks. Therefore after reconciliation actual data on Tyritake complexes were obtained. They are given in the article.

Key words: The Cimmerian Bosphorus, Tyritake, archaeological excavations, fish-salting tanks.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зинько Алексей Викторович, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр
истории и археологии Крыма.
a.zinko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexej V. Zin'ko, Csc,
Senior Researcher,
Crimean Federal University,
Research center of History
and Archaeology of the Crimea.
a.zinko@mail.ru

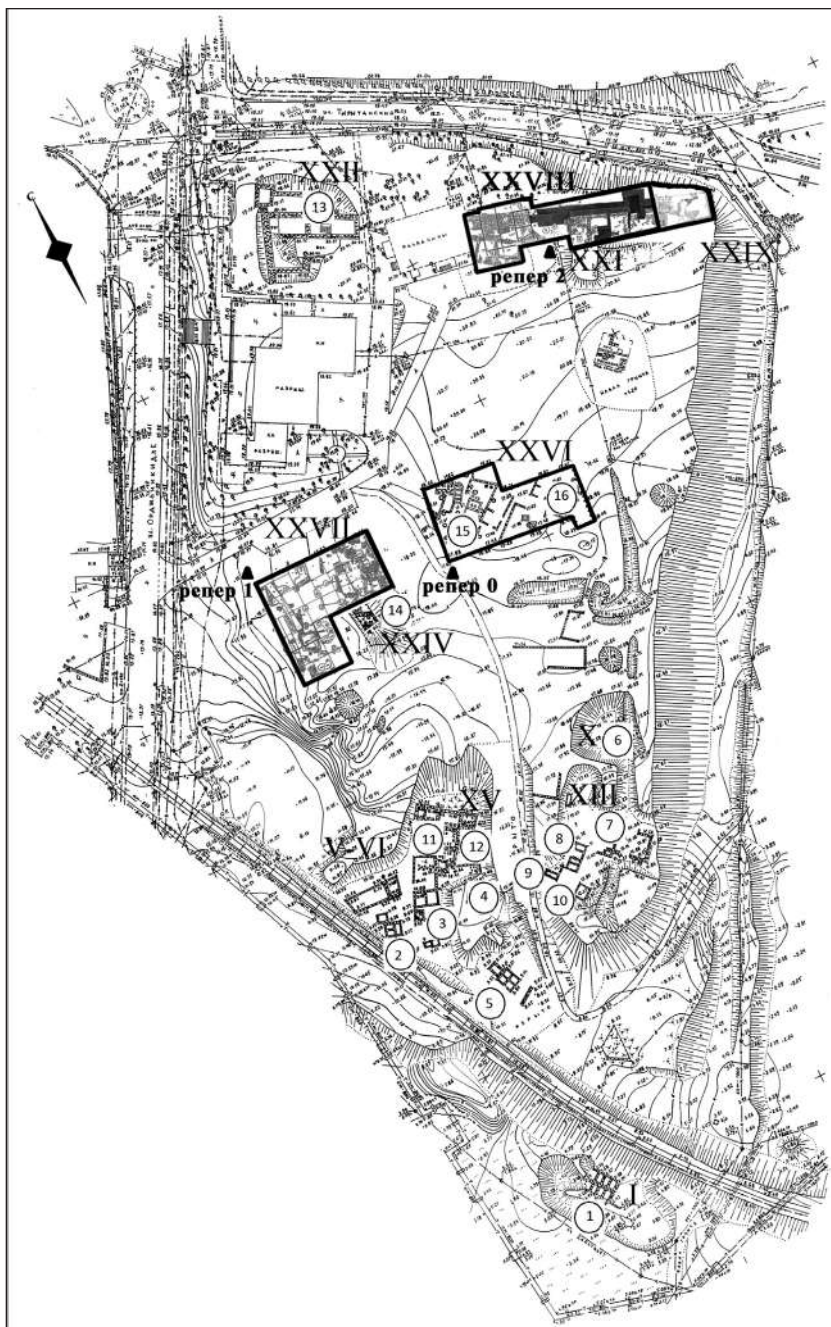

Рис.1. Общий план Тиритакки с обозначением КРЦ: I-XXVI – номера раскопов; 1-16 – номера комплексов.

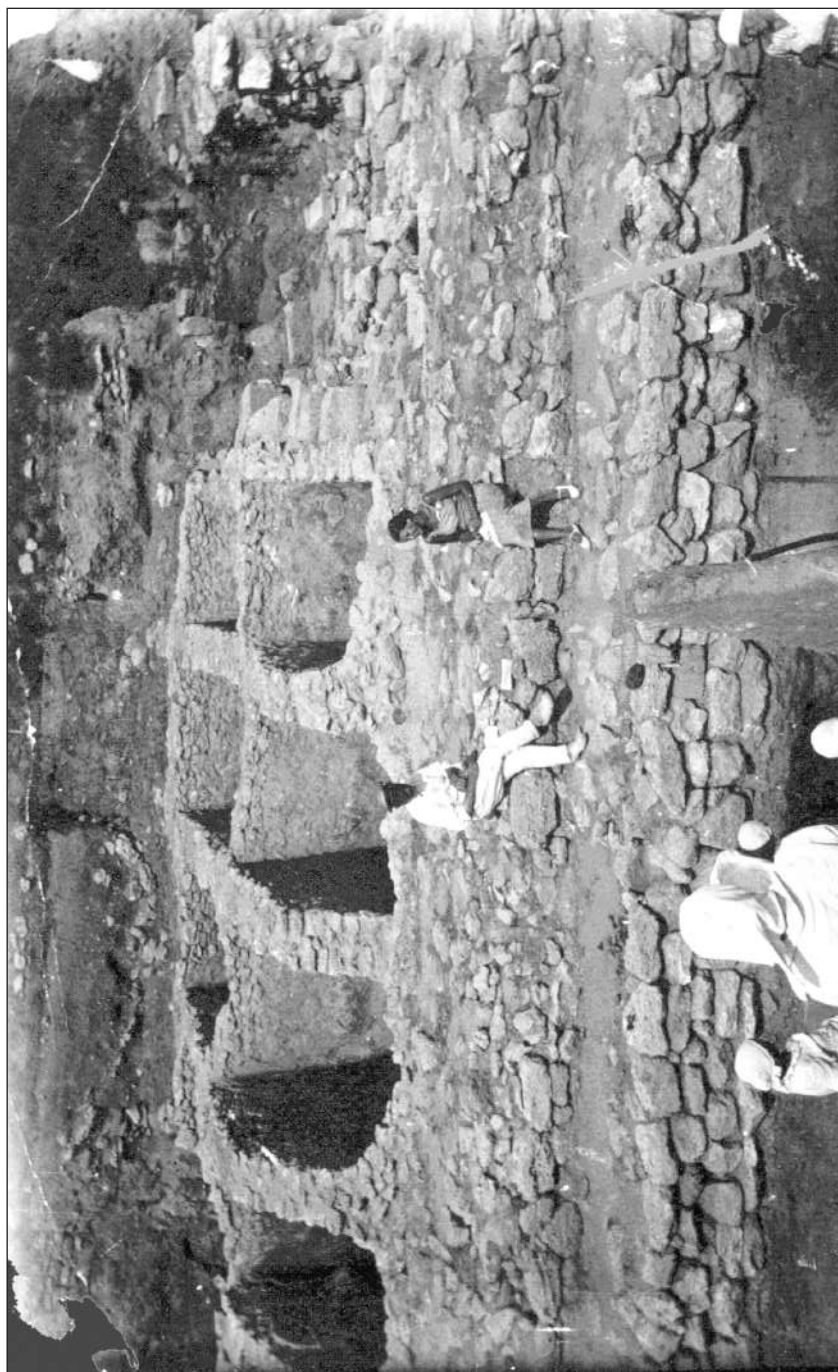

Рис.2. Тиритака, раскоп I-II, вид с юга. У южной крепостной стены на фоне рыбозасолочных цистерн сидит Ю.Ю. Марти. Раскопки КИАМ 1932-1933 гг.

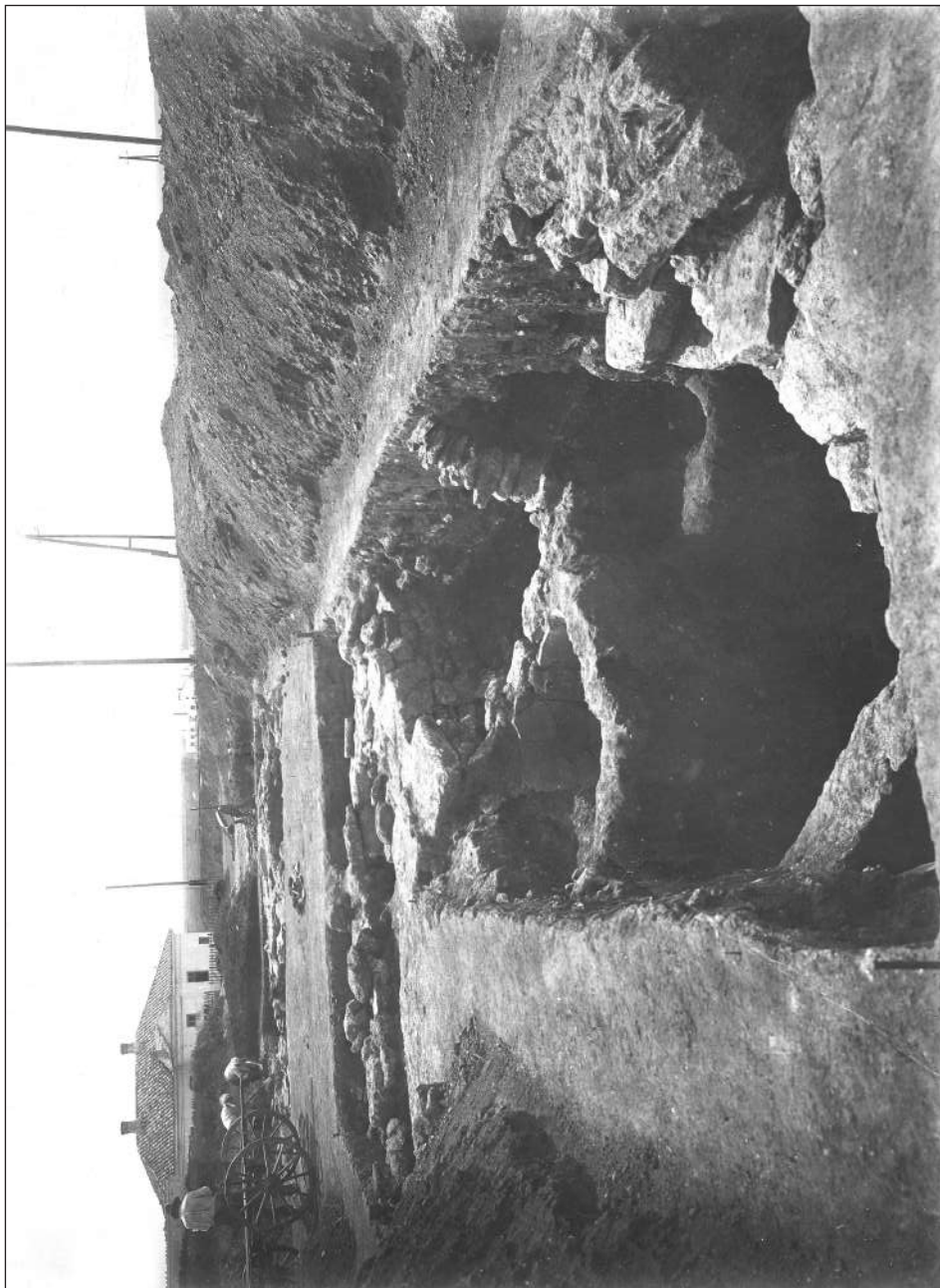

Рис.3. Тиритака, раскоп V-VI, вид с севера. На переднем плане КРЦ 2. Раскопки ГАИМК 1933 г.

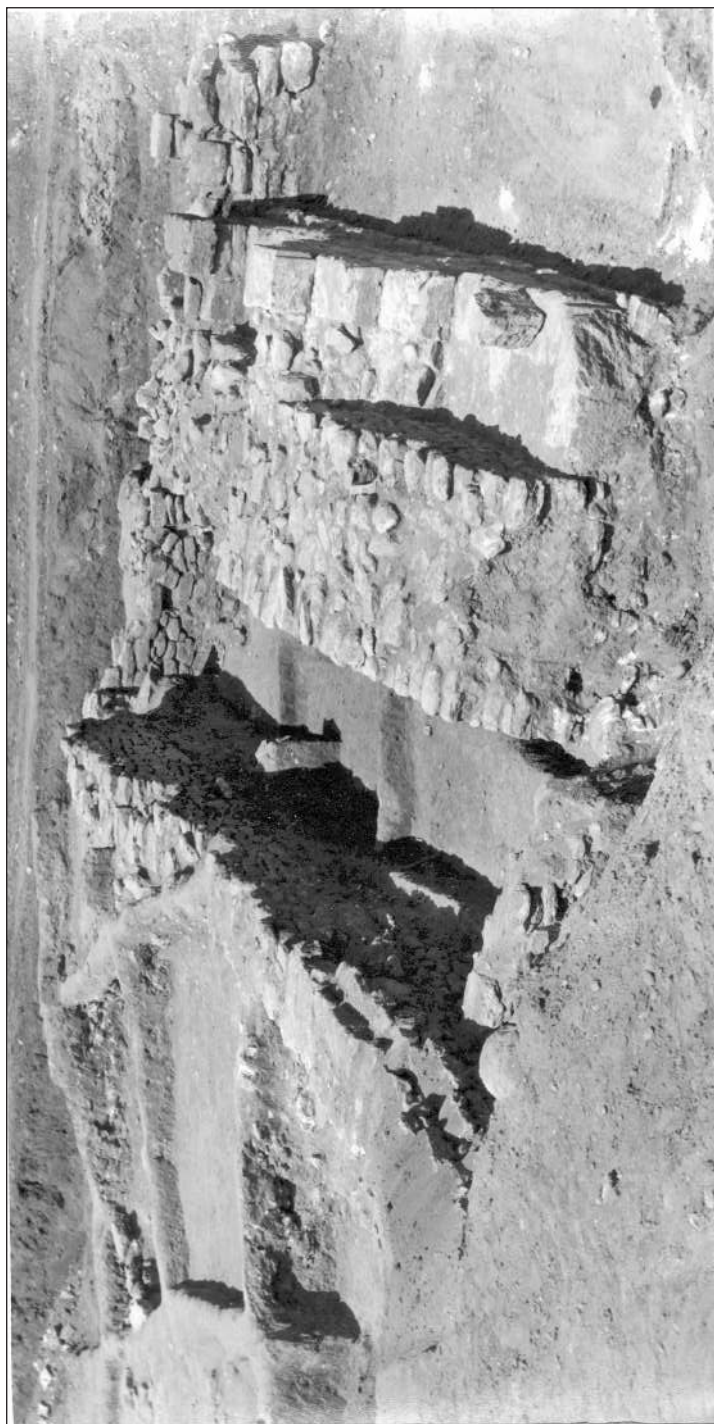

Рис.4. Тиритака, раскоп XXII, вид с востока (по Д.С. Кириллину, фото 1974 г.).

Рис.5. Тиритака, раскоп XXIV, цистерна № 2 КРЦ 14 (фото 2022 г.).

Рис.6. Тиритака. КРЦ 15 на раскопе XXVI, вид с северо-запада (фото 2005 г.).

Рис.7. Тиритака. КРЦ 16 на раскопе XXVI, вид с востока (фото 2005 г.).

ИСТОРИЯ НАУКИ

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
I.U.A. VINOGRADOV

КЕРЧЕНСКИЙ МУЗЕЙ И ИМПЕРАТОРСКИЙ ЭРМИТАЖ¹

THE KERCH MUSEUM AND THE IMPERIAL HERMITAGE

Историю музейного собрания Эрмитаж обычно начинают с 1764 г., когда для Екатерины II были доставлены картины из Берлина [Пиотровский, 2000, с. 21], вскорости в нём стали появляться произведения античного искусства, приобретённые за границей: древние бронзы, геммы, мраморная скульптура и т.д. [Пиотровский, 1981, с. 67; 1990, с. 20; Неверов, 1990, с. 171]. Масштабная программа по завоеванию причерноморских земель тогда ещё только начиналась. Керчь и Еникале были включены в состав Российской империи по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., а весь Крым, также земли Прикубанья вместе с Таманским полуостровом отошли к ней в 1783 г. Только тогда оба берега древнего Боспора Киммерийского оказались во владении российской администрации, а в просвещённом обществе России появился интерес к расположенным здесь памятникам классической культуры.

Первое крупное археологическое открытие на Боспоре, как показала И.В.Тункина, произошло не позднее 1793 г. [Тункина, 2002, с. 564]. Генерал Ван дер Вейде раскопал тогда в одном из больших курганов некрополя Фанагории весьма любопытную гробницу [Clarke, 1816, p. 70–73; Montpréaux, 1843, p. 76–78; Гёрц, 1876, с. 5–8; Ростовцев, 1913–1914, с. 112; Кузнецов, 2010, с. 439], которую, судя по описаниям, можно отнести к типу так называемых «македонских» и датировать III в. до н.э. [Виноградов, 2014, 2017а, с. 182–196]. Почти все ценные находки отсюда были расхищены, но один золотой браслет с головками драконов на концах всё-таки попал в Эрмитаж через 61 год после открытия [Власова, 2010, с. 199]. Правильная атрибуция этой находки, однако, была произведена совсем недавно [Тункина и др., 2018а; 2018б].

В 1804 г. Е.Е. Кёлер провёл небольшие раскопки на Таманском полуострове. Тогда около Ахтанизовского лимана был обнаружен так называемый памятник Комосарии – пьедестал с надписью [КБН. 1015] и две скульптуры, созданные, скорее всего, местным скульптором [Розанов, 1949; Иванова, 1961, с. 17, 66; Тункина,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

2002, с. 570–572]. Надпись и одна из скульптур поступили в Эрмитаж.

Если обращаться к памятникам Керченского полуострова, то следует признать, что первое крупное археологическое открытие, естественно, из известных нам, было сделано здесь в 1821 г. Тогда под Керчью был раскопан и разграблен курган, вошедший в научную литературу под названием «Курган Патиниоти». Его разрыли матросы, находившиеся под командованием капитан-лейтенанта Н.Ю. Патиньоти, начальника гребной флотилии [Blagamberg, 1822; Сансе, 1889; Ростовцев, 1925, с.386–388; Яковенко, 1974, с. 65; Тункина, 2001; 2002, с. 547–552]. Этот, по верному выражению М.И. Ростовцева, «более бедный двойник Куль-Обы» [Ростовцев, 1925, с. 387], содержал склеп, погребение в котором было совершено около середины IV в. до н.э. [Брашинский, 1965, с. 105; Виноградов, 2005, с. 271; 2014, с. 164]. К большому сожалению, ни одна из обнаруженных здесь вещей не досталась археологам.

Количество находок, относящихся ко времени классической древности, на берегах Керченского пролива возрастало, и этот процесс было необходимо поставить под государственный контроль. Важным шагом в этом направлении, как известно, стало создание Керченского музея древностей в 1826 г. [Марти, 1926; Тункина, 2002, с. 220–221]. Этот шаг следует признать абсолютно своевременным, поскольку очень скоро (1830 г.) было сделано открытие, которое принято считать поворотным моментом в истории боспорской археологии и всей российской археологической науки в целом, – это открытие в кургане Куль-Оба [Калашник, 1993, с. 70; Тункина, 2002, с.167; Виноградов, 2010а]. В данном случае имеет значение не просто грандиозность обнаруженных сокровищ, что само по себе важно, но и имевшие место последствия этого события. Прежде всего, после открытия Куль-Обы император Николай I потребовал «все найденные в земле близ Керчи редкости и прочие вещи, находящиеся теперь в ведении керчь-еникальского градоначальника, вытребовать в С-Петербург» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 5]. Это распоряжение, конечно, было исполнено самым неукоснительным образом, так что в Керченском музее от куль-обинских сокровищ остались лишь два больших медных котла, обломки перержавевшего оружия, полуистлевшие доски и другие мелкие предметы, которые предполагалось передать в Одесский музей и другие «отечественные хранилища древностей» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 13].

Как известно, находки из Куль-Обы были доставлены в Петербург Д.В. Карейшей. В марте 1831 г. из Министерства императорского двора в Министерство внутренних дел поступило письмо, в котором указывалось, что Д.В. Карейше необходимо выдать 2000 руб. для проведения раскопок «с тем, чтобы он все находимые им вещи и отчет в издержках, кои будут сделаны при прииске тех вещей, доставлял ко мне (т.е. министру Императорского двора – Ю.В.) в С-Петербург; наблюдение же за возлагаемым на него поручением иметь керченскому градоначальнику Стемповскому» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 13].

И.А. Стемповский, сыгравший важную роль в развитии боспорской археологии [Тункина, 2000; 2002, с. 120, 126–134], составил для Д.В. Карейши особое предпи-

сание, в котором, в частности, требовал принять меры против незаконных искателей древностей, а всем древним вещам, найденным на законном основании, «тотчас составлять описи и присылать ко мне вместе с вещами для хранения» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 47–48].

В отношении Керченского музея важное решение (точнее, положение) было принято Комитетом министров Российской империи 31 июля 1834 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 152, л. 13–14). В нём, в частности, говорилось:

«Все дорогие и заслуживающие особенного внимания древности по требованию Министерства внутренних дел отправляются в С-Петербург к министру Императорского двора. <...>

Объявить всенародное известие, что никто без дозволения местного начальства не имеет никакого права искать древности на землях казённых и общественных. <...>

Что касается земли частной, то возобновить объявление, что если кто найдёт какие-нибудь древние вещи и представит оные начальству, то получит денежное вознаграждение».

Этот документ определил главные правила, связанные с поиском боспорских древностей, чему придавалось по-настоящему государственное значение. На проведение раскопок под Керчью правительство стало выделять немалые средства [Тункина, 2002, с. 167, 226]. Директор Керченского музея А.Б. Ашик и чиновник Д.В. Карейша включились в бессистемную гонку за древними сокровищами, раскапывая ежегодно десятки курганов по обоим берегам пролива [Тункина, 2002, с. 184–186]. В столицу ежегодно стали поступать обнаруженные ими произведения классического прикладного искусства.

В предисловии к «Древностям Боспора Киммерийского» [СПб, 1854 г.] Ф.А. Жиль писал, что античные древности были собраны в Эрмитаже за последние 25 лет. По его словам, согласно императорскому постановлению, все археологические драгоценности поступали почти исключительно в этот музей, «а в Керченском приказано оставить только двойные экземпляры их и те вещи, которые не могут быть перевозимы» [ДБК, с. 6].

В своих записках о путешествии по Кавказу и Крыму Ф.А. Жиль по этому поводу отметил почти то же самое: «Уже давно по высочайшему указу решено, что античные предметы, обнаруженные в курганах побережья Босфора, будут доставляться в Петербург. Керченский музей был лишь временным хранилищем: он должен был хранить лишь копии и предметы, по характеру своему нетранспортабельные. Музей Эрмитажа должен был в конечном счёте собрать эти сокровища» [Жиль, 2009, с. 264].

Керченские власти, естественно, просили столичных чиновников, чтобы им было дозволено оставить для Керченского и Одесского музеев кой-какие ценные находки, а часть их разослать в другие «отечественные хранилища древностей» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 13 об. – 14], но в С-Петербурге эти просьбы не всегда находили понимания. За археологическими открытиями в Керчи внимательно сле-

дил сам Николай I, он же определял, какие из предметов должны поступить в эрмитажное собрание, а какие нет. В этом отношении приведу несколько документов.

В декабре 1833 г. в Министерстве императорского двора был получен рапорт о том, что в ноябре на покатоности хребта Митридат под Керчью была открыта гробница, в которой найдены два остова усопших, положенные в кипарисовый гроб хорошей сохранности. В их головах стояли две простые амфоры, в ногах были уложены два алабастра, металлическое зеркало, чернолаковая чашечка «прекрасной формы» и краснофигурная ваза, на которой сохранились «явственные следы позолоты и маслянистой краски, коею мантии изображённых на оной фигур были покрыты» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 17, л. 2–4]. Решение петербургского начальства было однозначным: «Государь император, рассмотрев всеподданнейшую докладную записку, <...> высочайше повелеть изволил прислать сии древности и вазу в Эрмитаж» [там же, л. 5]. Потом оказалось, правда, что гробниц было раскопано две и перечисленные вещи не были найдены вместе, к тому же из управления новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, где получили 5 ящиков с древностями из Керчи, было сообщено, что «найденные при открытии означенных гробниц большие глиняные, весьма простые сосуды или амфоры, по неудобности к пересылке и по незначительности их, оставлены в Керченском музее» [там же, л. 7 об.]. Судьба этих амфор, в общем, никого не взволновала, а 5 ящиков были благополучно доставлены в столицу.

В марте 1834 г. в С-Петербург было доложено о находке в одном из курганов под Керчью (вероятно, около древнего Нимфея) прекрасной бронзовой вазы, содержащей жжёные кости покойного. По мнению керчь-еникальского градоначальника, «сия древняя редкость <...> должна остаться для украшения Керченского музея, ибо в случае пересылки она в пути совершенно уничтожится, быв (т.е. будучи – Ю.В.) в некоторых местах весьма ветха и сделана из тончайшего слоя бронзы» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 28, л. 1]. В столице империи по этому поводу придерживались совсем другого мнения. Вскоре в Министерство внутренних дел был спущен следующий циркуляр: «Государь император, изъявив желание видеть оную <вазу>, высочайше повелел послать в Керчь чиновника Эрмитажа с тем, чтобы он уложил сию урну в ящик со всею осторожностью и привёз бы оную с собою в С-Петербург» [там же, л. 6]. Для поездки был назначен титулярный советник Рыбин, которому было решено выдать «придворную рессорную коляску, в которой бы с удобностию можно было везти означенную урну» [там же, л. 6 об.]. Разумеется, всё было исполнено в соответствии с монаршей волей.

Забота о порядке доставки керченских древностей в С-Петербург была делом отнюдь не праздным, и из Керчи в столицу регулярно шли депеши с обозначением того, что и как будет доставлено. В подтверждение этого приведу один пример, относящийся к 1853-54 гг. Тогда министру уделов Л.А. Перовскому было сообщено, что новая партия находок направлена в столицу «на почтовых лошадях в двенадцати ящиках, уложенных в двух экипажах, тарантасе и фургоне, при двух таможенных досмотрителях, которым дана для следования с сими вещами подробная инструкция».

К этому было добавлено, что «означенным рядовым <досмотрителям> приказано по прибытию в Москву перенести ящики с древностями из экипажей в вагоны железной дороги и следовать с ними в С-Петербург» [РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 1]. Поскольку обратные прогоны экипажей из Москвы до Керчи были дороги, то было решено их продать, а вырученные таким образом деньги отправить керченскому градоначальнику. В общем, таким образом для казны было спасено 28 рублей серебром [там же, л. 119].

Среди важных археологических открытий 30-х гг. XIX в. под Керчью следует назвать некрополь у Карантинного шоссе, в некоторых могилах которого были найдены великолепные образцы античного столового серебра III в. до н.э. [Максимова, 1979, с. 73–75, рис. 23, Б; Тункина, 2010; Трейстер, 2010]. Эти замечательные находки незамедлительно поступали в Эрмитаж, при этом сам Николай I требовал, чтобы «все сии вещи прислать в С-Петербург, уложив оные бережно» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 31, л. 14]. В другой официальной бумаге говорится, что император повелевает прислать новые находки, «уложив их со всевозможною аккуратностию, дабы в дороге они не могли повредиться» [там же, л. 42 об.].

Спорить с императором, разумеется, не было никакой возможности, но, тем не менее, в Керчи пытались выразить некоторое несогласие с практикой изъятия из музея всех лучших находок. В этом отношении укажу на письмо от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, направленное министру внутренних дел Д.Н.Блудову 8 декабря 1834 г. В нём, в частности, говорится [там же, л. 22 об. – 23]:

«Если Государю Императору угодно будет повелеть доставить некоторые вещи в С-Петербург, то покорнейше прошу Ваше Превосходительство испросить Высочайшее его Величество разрешение касательно отправления их в столицу, так как керченский градоначальник не имеет к тому способов; равномерно (т.е. равным образом – Ю.В.) я представляю на Ваше, Милостивый Государь, усмотрение просьбу г. градоначальника об исходатайствовании соизволения Его Величества, *дабы один из найденных Карейшею золотых венков, более повреждённый, – был оставлен в Керченском музее для украшения скудной его коллекции*»².

Трудно сказать, была ли выполнена просьба керченского градоначальника. Документов по этому поводу не имеется, но, скорее всего, в ней было отказано.

Среди комплексов Карантинного шоссе особый интерес привлекает погребение воина, очевидно, наёмника, открытое в 1834 г. [Виноградов, 1997; Алексинский, 2008]. Помимо серебряной посуды, в нём был найден железный меч типа махайра, железный шлем с серебряными украшениями, бронзовый щит, бронзовое зеркало и пр. Разумеется, в С-Петербург сразу были высланы все драгоценные предметы, а из прочих – только меч. В столице это вызвало большое недовольство, и даже президент Императорской академии художеств А.Н. Оленин требовал от Д.Н. Блудова «прика-

² Место, выделенное курсивом, в источнике подчёркнуто карандашом.

зять произвести <...> доставку <всех вещей> сколь возможно поспешно, бережно и осторожно» [РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 31, л. 82]. В ответе из Керчи указывалось на невозможность «доставки в С-Петербург шлема, щита и медальона (бронзового зеркала с крышкой – Ю.В.), ибо при таковой пересылке (на перекладных – Ю.В.) они бы уничтожились в пути и совершенно потерялись бы для науки» (там же, л. 90). В этом ответе, разумеется, был свой резон, но, несмотря на это, почти все названные предметы, кроме бронзового щита, были доставлены в столицу. Справедливости ради следует отметить, что все они до сих пор хранятся в Государственном Эрмитаже, а вот оставленный в Керчи бронзовый щит действительно был утерян для науки.

В 1836 г. Д.В. Карейша при раскопках кургана в саду П. Дюбрюкса обнаружил замечательный сосуд – большой лекиф афинского мастера Ксенофанта. В 1837 г. Керчь посетил император Николай I, тогда, наряду с другими боспорским древностями, «на Высочайшее усмотрение» был представлен и лекиф. Император высоко оценил эту вазу, заявив, что подобной не видел ни в одном из европейских музеев (Виноградов, 2007, с. 10). Лекиф Ксенофанта, естественно, был отправлен в Императорский Эрмитаж, где стал одним из украшений экспозиции [см.: Передольская, 1945; Скржинская, 1999; Виноградов, 2006, 2007].

В высшей степени любопытное открытие было сделано директором Керченского музея А.Б. Ашиком в районе Глиница в 1837 г. В огромном кургане был обнаружен мраморный саркофаг, «наполненный множеством золотых и серебряных вещей на значительную сумму по внутренней ценности, не говоря уже об относительной стоимости этой находки» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, л. 18). Это была гробница со знаменитой золотой маской, споры о которой не утихают до сих пор (см.: Бутягин (ред.), 2009). Для нас в этом отношении важно отметить, что сразу же было решено все вещи и саркофаг отправить в С-Петербург, но потом в Министерстве императорского двора это решение частично изменили и требовали «саркофаг прислать <...>, если он хорошей работы и хорошей сохранности» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 47, л. 26). Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов, получив разъяснения от керченского градоначальника, доложил по этому поводу в С-Петербург, что «1) мраморный саркофаг, хотя и хорошо сохранён, но не имеет ничего изящного и составляет одну лишь грубо обтёсанную тяжёлую массу, неудобную для перевозки, а потому <...> саркофаг посылать не следует; 2) что из числа драгоценных вещей, в нём открытых, есть весьма непрочные, как например, золотой венец, браслеты и проч., которые быв (будучи – Ю.В.) отправлены чрез почту, как бы ни были хорошо уложены, разломаются и потеряются для науки. Затем г. градоначальник ходатайствует, чтобы дозволено было вещи, неспособные к перевозке, оставить для Керченского музея, а прочие или же все вещи переслать в С-Петербург в рессорном экипаже с нарочным чиновником» (там же, л. 42).

Ждать нарочного чиновника не пришлось. Как уже было сказано, в 1837 г. Керчь посетил император Николай I, и он, увидев все эти вещи, приказал отправить их в Эрмитаж. В числе отправленных предметов, наряду с золотой маской, были также

золотой венец, браслеты и т.д. (там же, л. 45), некоторые из которых первоначально предполагалось оставить в Керченском музее. Министру внутренних дел 6 декабря 1837 г. было указано: «На будущее же время принять за правило – из вещей, найденных при разрытии курганов в двух экземплярах, один экземпляр оставлять для обогащения Керченского музея» (там же, л. 45 об. – 46). Это решение, принятое самим императором при ходатайстве генерал-адъютанта М.С. Воронцова (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 71, л. 7 об.; ф. 6, д. 179, л. 20), вероятно, по-своему было правильным, и его без труда можно было выполнить, если дело касалось двух чернолаковых ваз или двух одинаковых терракотовых статуэток, но второй куль-обинский сосуд (представим, что такая счастливая находка имела место!), как следует полагать, в Керчи не оставили бы ни при каких обстоятельствах.

В подтверждение этих слов приведу всего два примера. В 1839 г. при раскопках некрополя у Карантинного шоссе было найдено богатое женское погребение, в котором, в частности, находились два золотых перстня со вставкой в виде вырезанного из граната изображения Афины. Перстни отличались друг от друга лишь незначительными деталями (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 61, л. 11 об. – 12; Ашик, 1839, с. 76–77, рис. I, 3, 12; КБН, с. 108, табл. XV, 15). В С-Петербург поначалу был направлен один из них, но в 1853 г. для Эрмитажа был затребован и второй (см.: Максимова, 1955, с. 442, табл. I, 5; Соколов, 1973, с. 54, № 39; Неверов, 1988, с. 40–41, кат. 11–12), о чём подробнее будет сказано чуть ниже.

Теперь противоположный пример. В 1840 г. А.Б. Ашиком, наряду с прочими находками, были обнаружены две краснофигурные вазы. В С-Петербурге они вызвали определённый интерес, но керчь-еникальский градоначальник решил направить в столицу только одну вазу, а вторую, на которой была представлена сцена сражения аримаспа с грифоном, оставил в Керченском музее. Своё решение он мотивировал тем, что сосуд с подобной росписью уже был отправлен в Эрмитаж ранее, а «Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть, чтобы двойные экземпляры с открываемых вещей оставляемы были в Керчи» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 71, л. 7). У нас нет архивных документов, указывающих на то, что эта ваза была затребована в С-Петербург, так что есть основания считать, что в отношении расписной керамики царский указ неукоснительно соблюдался.

Чрезвычайно любопытна также гробница в кургане, раскопанном тем же А.Б.Ашиком в 1838 г., который вошёл в научную литературу под названием «курган Ашика». В гробнице было обнаружено погребение воина с весьма показательным набором вооружения, в составе которого выделяются великолепно украшенные греческие поножи (Виноградов, 2004). Ещё более знаменит курган на землях Мирзы Кекуватского, раскопанный приблизительно в это же самое время Д.В. Карейшей. В нём был открыт монументальный каменный склеп с богатым погребением знатного воина, находки из которого, поступившие в Эрмитаж, стали хрестоматийно известными (Артамонов, 1966, с. 66; Виноградов, 2012а; Виноградов и др., 2012, с. 97–104).

В ряду случайных открытий, конечно, необходимо выделить находку боль-

шого мраморного саркофага, сделанную в 1834 г. в гробнице, высеченной в скале Мирмекийского акрополя (Саверкина, 1962; Виноградов, 2010б; Бутягин, Виноградов, 2016). Любопытно, что Николай I, осмотрев направленные ему рисунки этого саркофага, поначалу приказал «означенный саркофаг оставить в Керчи, а рисунки с оного и описание передать в Императорскую академию художеств» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 38, л. 14). Это решение, однако, было пересмотрено, и в 1851 г. замечательный памятник древнегреческого скульптурного искусства поступил в Эрмитаж (Саверкина, 1962, с. 247; Бутягин, Виноградов, 2016, с. 11–13). Мирмекийский саркофаг, можно считать, является самым лучшим произведением античного искусства такого рода не только среди находок, происходящих из Северного Причерноморья, но и всех поступивших тем или иным путём в собрание императорского музея.

Произведения античного прикладного искусства, найденные под Керчью, продолжали регулярно поступать в С-Петербург и позднее. К примеру, в 1848 г. в С-Петербург были направлены вещи, «которые по редкости своей заслуживают особого внимания и могут быть помещены в Императорский Эрмитаж» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 132, л. 1). На сей раз их доставил г-н Г.С. Кушников – директор девичьего института в Керчи, которые впоследствии получил название Кушниковского (о нём см.: Быковская, Небожаева, 2017, с. 210).

В истории открытия керченских древностей, как известно, имеются и весьма постыдные моменты, вызванные по большей мере пересечением честолюбий тогдашних археологов. В 1850 г. керченский мещанин М. Щербина сообщил в музей об обнаруженной им мраморной статуе, затем в этом месте была найдена и вторая скульптура (см.: Шкорпил, 1908; Бич, 1958). А.Б. Ашик попытался приписать это открытие себе, из-за чего впал в немилость у петербургского начальства и был уволен с поста директора Керченского музея (Петрова, 1997, с. 191; Тункина, 2002, с.301-302). Пара статуй, однако, была доставлена в Эрмитаж и стала украшением экспозиции, посвящённой монументальной скульптуре Северного Причерноморья (Кобылина, 1972, с. 12, табл. XXI; Соколов, 1973, с. 126–127, № 132-133).

Для развития российской археологии очень многое сделал министр внутренних дел Л.А. Перовский, которому наряду с прочим было поручено руководство археологическими исследованиями (о нём см.: Петрова, 1997; Тункина, 2002, с. 252–255). Им были составлены «Дополнительные правила для произведения археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», утверждённые 12 января 1852 г. Николаем I (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 179, л. 16–19). В интересующем нас аспекте эти правила требовали, чтобы список всех найденных при раскопках вещей направлялся в Министерство иностранных дел, где решался вопрос о том, «какие из открытых предметов должны быть отправлены в С-Петербург и какие должны оставаться в Керченском музее древностей, где к сохранению их в целости и порядке должны быть приняты все меры». Документ предусматривал и то, что «в случае открытия какого-либо особенно примечательного памятника древности, о сём в то же время должен быть уведомляем керчь-еникальский градоначальник, который обязывается немедленно извещать о том

Министерство внутренних дел для доведения до Высочайшего сведения». Этот документ позволяет в полной мере согласиться с мнением Л.А. Перовского, что Николай I «изволит обращать особое внимание на открываемые <...> босфорские древности, состоящие в мраморных изваяниях, надписях и тому подобного» (там же, л. 37).

По вопросу о передаче керченских древностей в другие музеи, прежде всего в Одесский, Л.А. Перовский придерживался весьма жёсткой линии. В своём письме от 20 апреля 1853 г. он указывал, что никакие предметы нельзя передавать в Одессу, пока он сам «не рассмотрит двойные экземпляры, в Керченском музее имеющие, дабы не передать в Одесский музей экземпляров лучших в сравнении с теми, которые уже находятся в музее Эрмитажа» (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 15, л. 57 об.). Если «лучшие экземпляры» имелись в Керченском музее, то их следовало обменять на аналогичные, но худшего качества из Эрмитажа (там же, л. 58). В августе 1852 г. Керчь посетил профессор Московского университета П.М. Леонтьев. Осмотрев собрание музея, он высказал просьбу передать часть находящихся в нём керамических и стеклянных предметов в университет, поскольку там ничего подобного не имелось (там же, л. 174 об.). Л.А. Перовский и тут был непреклонен – «распоряжение об этом не может быть сделано прежде, чем я сам буду в Керчи» (там же, л. 186). Чиновник явно стремился к тому, чтобы ни один сколько-нибудь стоящий древний предмет не прошёл мимо его внимания и, соответственно, мимо эрмитажного собрания.

Некоторые приобретения керченских древностей для Московского университета всё-таки были сделаны, но в отношении их Л.А. Перовский сделал К.Р. Бегичеву специальные указания в письме от 21 мая 1854 г. Он разрешал делать покупки, но указывал, что из них могут быть переданы в университет «только такие древности, которые, <...> не заключая в себе значительного интереса, не могут поступить в собрание Эрмитажа или Керченского музея» (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 132 об.).

В истории Эрмитажа очень многое связано с открытием Нового Эрмитажа. Строительство этого величественного здания было закончено в 1851 г. Все предназначенные для него коллекции были распределены по залам, а торжественное открытие прекрасного музея состоялось 5 февраля 1852 г. (Пиотровский, 1990, с. 66; 2000, с. 44; Коршунова, 1993, с. 60). В Новом Эрмитаже имелся специальный Кабинет керченских древностей, и туда были направлены последние ценные памятники, ещё находившиеся к тому времени в Керчи. Необходимые распоряжения по этому поводу были сделаны ещё 8 февраля 1851 г., когда император потребовал от А.Б. Ашика привезти в С-Петербург «некоторые керченские древности, назначенные в Новый Эрмитаж, как из тамошнего музея, так и из числа найденных в прошедшем году медицинским чиновником Арпа» (РО НА ИИМК РАН, Ф. 6., д. 157, л. 7)³. В числе этих древностей, можно считать, находился и упомянутый выше большой мирмекийский саркофаг.

После открытия Нового Эрмитажа изъятие лучших вещей из Керченского музея

³ Арпа – медицинский работник, проводивший раскопки под Керчью. О нём см.: Тункина, 2002, с. 295, 301.

не прекратилось. И здесь следует вернуться к находке двух золотых перстней с гранатовой вставкой в виде головы Афины, сделанной в 1839 г. в некрополе у Карантинного шоссе. Один из них, как уже говорилось, сразу после обнаружения был отправлен в С-Петербург, а второй остался в Керчи. Однако не прошло 15 лет, и в августе 1853 г. граф Л.А. Перовский направил новому директору Керченского музея А.Е. Люценко специальное послание, в котором говорилось: «До Государя Императора дошло, что в Керченском музее имеется большой перстень с изображением Минервы, лицо которой сделано рельефно из граната, а каска и другие украшения золотые. Так как Его Величеству угодно видеть сей перстень, то предписываю Вам доставить оный ко мне» (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 38, л. 1). А.Е. Люценко, естественно, незамедлительно отправил этот перстень в С-Петербург, а вместе с ним ещё один предмет, – найденный «вчерашний день (т.е. вчера – Ю.В.) в земляной гробнице на северной покатости горы Митридат в числе монист, составлявших ожерелье погребённой, небольшой сердоликовый камень с вырезанным на нём изображением, которое <...> заслуживает внимания» (там же, л. 3). Перстень был получен, и из Петербурга в Керчь по этому поводу сообщалось, что император, «находя сей аграф (т.е. перстень – Ю.В.) лучше того, который хранится в Музее Эрмитаж, повелеть соизволили поместить его в оный», а А.Е. Люценко предписывалось исключить этот предмет из списка древностей, имеющихся в Керченском музее (там же, л. 5). Стоит указать, что в «Древностях Боспора Киммерийского» обстоятельства изъятия перстня из Керченского музея описаны несколько иначе. Там о заинтересованности императора ничего не сказано, но отмечено, что всё было сделано по приказу Л.А.Перовского, «который, заметив в нём (втором перстне – Ю.В.) некоторую разность в изображении против первого кольца, нашёл неудобным разрознить их» (КБН, с. 108). Таким образом, в эрмитажное собрание попали два очень схожих между собой перстня, обнаруженных в одной керченской гробнице в 1839 г. Это мероприятие по прошествии более 140 лет вряд ли можно осуждать.

Нет сомнения, что А.Е. Люценко отправлял в С-Петербург лучшие из своих находок, а вещи качеством похуже решил оставлять в Керчи. Такое «самоуправство» не нашло понимания в столице, и в 1854 г. Л.А. Перовский потребовал от А.Е. Люценко, чтобы в С-Петербург были направлены все те вещи, которые тот предполагал сохранить в музее. В результате было прислано 34 предмета, осмотрев которые, Л.А.Перовский решил оставить для Эрмитажа только три: золотой браслет, «золотой оттиск монеты Евбиота или Евмела» и золотой оттиск с монеты императора Тиберия (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 55). После этого все остальные предметы были возвращены в Керчь, но А.Е. Люценко было строжайше указано, чтобы он принял за правило «на будущее время присылать <...> одновременно все открываемые золотые и серебряные вещи», означая при этом те, которые из них ему хотелось бы оставить для музея (там же, л. 55).

Практика таких «изъятий» вполне объясняет один исторический факт, на котором стоит остановиться особо. Дело в том, что когда Керчь была захвачена неприятелем

во время Крымской войны (май 1855 г.), то в Керченском музее не было обнаружено никаких особо ценных экспонатов. Английские газеты подняли тогда большой шум по поводу «похищения сокровищ Керченского музея» (Жиль, 2009, с. 264). На самом деле никакого похищения не было, а лучшие экспонаты уже с 1851 г. на вполне законном основании, разумеется, по меркам того времени (меркам международным, а не только императорской России), находились в Эрмитаже.

Надо признать, что в событиях Крымской войны керченские археологи проявили себя очень достойно (Виноградов, 2017б). Ещё в апреле 1854 г. многие экспонаты из музея были эвакуированы в г. Бердянск⁴. Туда же в марте 1855 г., т.е. буквально накануне захвата Керчи, были направлены находки, сделанные во время раскопок А.Е. Люценко в начале этого года (РО НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 47, л. 33). Более того, даже в такой сложнейшей обстановке директор Керченского музея рапортовал Л.А. Перовскому, что другие вещи, «как например: глиняные статуэтки и некоторые сосуды, предназначенные мною для помещения в Императорском Эрмитаже и уже реставрированные, <...> будут представлены <...> в непродолжительном времени» (там же, л. 33 об.). Из числа находок 1855 г. в музее к 15 марта оставались лишь «несколько урн без рисунков и один большой стеклянный сосуд об одной ручке, наполненный какою-то прозрачной жидкостью с красноватым осадком на дне» (там же, л. 34 об.). В общем, ничего особенно ценного англичане и французы найти там никак не могли.

Незадолго до этих трагических событий многие из упомянутых выше памятников классического искусства, а также археологические контексты, из которых они происходят, стали доступны для специалистов и всех интересующихся историей и культурой античного Причерноморья благодаря публикации фундаментального труда «Древности Босфора Киммерийского» (СПб, 1854). Это издание не потеряло своего научного значения до наших дней.

Настало время сказать и то, что керченские древности поступали в Эрмитаж не только благодаря стараниям археологов, но и из случайных находок, сделанных керченскими жителями, а также порой из их грабительских раскопок. Летом 1831 г., т.е. на следующий год после открытия Куль-Обы, Министерством императорского двора было сделано одно очень важное распоряжение. Тогда греку Д. Бавро, способствовавшему возвращению некоторых похищенных из Куль-Обы ценных предметов (в том числе знаменитой золотой бляхи в виде фигуры оленя), было выплачено 1200 руб.

⁴ К.Р. Бегичев писал по этому поводу Л.А. Перовскому 24 апреля 1854 г., когда вражеские корабли уже появились около Такильского маяка: «По распоряжению г. градоначальника древние вещи, отобранные согласно секретного предписания Вашего Сиятельства от 23 февраля № 289, отправляются сегодня на пакет-ботном пароходе “Таганрог” в г. Бердянск, для хранения впредь до востребования в ведомстве Бердянской таможни. В числе отправляемых вещей заключаются почти все наши рисованные вазы; стеклянные, глиняные и другие мелочи наиболее замечательные и все без исключения золотые вещи. Также <будут вывезены> замечательнейшие из книг библиотеки музеума» (НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 40, л. 137).

Одновременно указывалось на необходимость «объявить всем жителям Керчи, что ежели кто найдёт подобные сим вещи или какие-либо другие и представит оные начальству, то получит за сие должное вознаграждение; находимые же вещи присылать в С-Петербург» (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 10, л. 56).

Когда дело надзора за археологическими исследованиями в Российской империи было сосредоточено в руках графа Л.А. Перовского, то он большое внимание уделил не только организации раскопок, но и приобретению древних вещей от частных лиц. В октябре 1851 г. по его рекомендации упоминавшийся выше керченский мещанин М. Щербина был награждён серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на аннинской ленте, ему было также выдано 300 руб. серебром (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 180, л. 1).

В том же году Л.А. Перовский составил инструкцию «О порядке приобретения древних вещей, находимых около Керчи», состоящую из 9 пунктов (там же, л. 4–7; Виноградов, 2015). Для учёта всех необходимых действий, связанных с покупкой древностей у населения (кто и что сдал, кто принял, как вещь оценена владельцем, какую цену назначили в Петербурге, удовлетворила ли эта цена владельца и т.д.), керчь-еникальскому градоначальнику из Министерства внутренних дел была выслана специальная книга (РО НА ИИМК РАН, ф. 6, д. 180, л. 10–11). Предложенная тогда система покупок, надо признать, была довольно громоздкой, практика оценки древностей – произвольной, но она была одобрена императором, и в Керчь-Еникальском градоначальстве все сведения о предметах, предложенных для покупки в Эрмитаж, стали записываться в соответствующую книгу, а выписки из неё периодически направляться в С-Петербург.

После создания в 1859 г. Императорской археологической комиссии сложившаяся система, при которой лучшие произведения античного прикладного искусства, обнаруженные при раскопках на берегах Керченского пролива, непременно направлялись в Эрмитаж, продолжала своё успешное существование (см.: Виноградов, 2012б; 2019). В Положении об императорской археологической комиссии (§ 11) по этому поводу было сказано: «Замечательнейшие из вещей, открываемых комиссией или поступивших в неё, представляются на воззрение Государя Императора и, с соизволения Его Императорского Величества, помещаются в Императорский музей Эрмитаж или в другие Высочайше назначенные места» (Медведева и др, 2009, с.39). Весьма показательно в этом отношении, что этот год был ознаменован тем, что было заведено специальное дело «О доставке в Археологическую комиссию древних вещей, найденных близ Керчи в 1859 году» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1859 г., д. 21).

Раскопки по-прежнему были в основном направлены на поиски драгоценностей в курганных и грунтовых некрополях. Среди археологических памятников, исследованных в то время под Керчью, в первую очередь следует назвать некрополь Юз-Оба с прилегающими к нему курганными группами на двух мысах – Ак-Бурунском и Павловском (Виноградов и др., 2012). Этот памятник, ярко характеризующий своеобразие культуры боспорской аристократии IV в. до н.э., справедливо рассматрива-

ется как одна из жемчужин в мировом культурном наследии. Огромное научное значение имело изучение курганного некрополя Нимфея, в котором была открыта серия элитарных варварских погребений, свидетельствующих о тесных связях этого греческого города с местными племенами во второй половине V в. до н.э. (Силантьева, 1959). Чрезвычайно важные археологические комплексы были открыты также на Темир-горе (см.: Ростовцев, 1925, с. 395–396; Яковенко, 1972; 1977; Вахтина, 1991; Кузнецова, 2002).

В самой Керчи в 1894 г. директор Керченского музея К.Е. Думберг раскопал курган, получивший название «Львиный». В кургане была обнаружена большая мраморная скульптура льва (Виноградов, 2012, с. 225–226; Горончаровский, 2017), которая стала одним из украшений античной экспозиции Эрмитажа (см.: Максимова, Наливкина, 1955, с. 305, 307, рис. 16; Кобылина, 1972, с. 13, табл. XXIII; 1984, с. 213, 293, табл. СIII, 2; Соколов, 1973, с. 131, № 138). Таким же украшением является расписная гробница, обнаруженная в январе 1900 г. (Виноградов, 2012, с. 227) По поводу этого открытия К.Е. Думберг телеграфировал председателю Императорской археологической комиссии А.А. Бобринскому (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1900 г., д. 5, л. 6.): «Найден саркофаг весом 120 пудов, украшенный многими интересными фресками. Уникум заслуживает Эрмитажа. Если исходатайствуете даровой паровоз прямым сообщением Керчь – Петербург, привезу»⁵.

Этот саркофаг, на котором, помимо других изображений, представлен художник-живописец за работой, естественно, был доставлен в С-Петербург. Он по достоинству оценивается как один из важнейших памятников для изучения боспорской живописи (Ростовцев, 1913–1914, с. 376–389; Гайдукевич, 1949, с. 307–401; Ернштедт, 1955, с. 269–270; Соколов, 1973, с. 109–111, № 113–115; Виноградов, 2021).

Вообще же история изучения боспорских расписных склепов – особый и в высшей степени важный сюжет. Разумеется, специалистов волновал вопрос сохранения этих бесценных росписей. Кардинальный выход из непростой ситуации был предложен В.В. Стасовым, который в письме С.Г. Строганову от 17 мая 1873 г. предлагал «выпилить эти фрески с частью стены или камня, на котором они написаны, и перевезти их сюда (т.е. в Петербург – Ю.В.)» (Кукина, 2017, с. 35). Такое предложение не нашло поддержки, но теперь, по прошествии полутора веков, порой представляется, что этим путём при соблюдении всех возможных предосторожностей можно было перевезти и поместить в экспозиции Эрмитажа росписи, по крайней мере, одного (Стасовского) склепа. Все эти рассуждения, однако, не имеют никакого значения.

В ряду археологических открытий начала XX в. следует особо выделить некрополь на Госпитальной улице. Его изучение является очень большой заслугой дирек-

⁵ Необходимо отметить, что К.Е. Думберг признавал систему распределения археологических находок между Керченским музеем и Императорским Эрмитажем несовершенной. По его словам, она лишает обитателей Керчи возможности «гордиться своим музеем и хранящимися в нём ценностями» (Виноградов, 2012, с. 203).

тора Керченского музея В.В. Шкорпила (Виноградов, 2012, с. 288-289). Материалы из этого некрополя, хранящиеся сейчас в Государственном Эрмитаже, являются по-настоящему бесценными для изучения культуры Боспора в период поздней Античности (Засецкая, 1979; 1990).

Богатство находок, сделанных под Керчью, с годами по понятным причинам уменьшалось, но раскопки боспорских некрополей продолжались с завидной целеустремлённостью. Надо признать, что император Николай II, следуя сложившейся традиции, уделял археологии большое внимание⁶. Показательно, что археологические находки из Керчи регулярно отправлялись в С-Петербург даже тогда, когда разразилась мировая война и масштаб раскопок в Керчи сильно сократился (см.: РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1917 г., д. 4, л. 6, л. 11).

В Эрмитаж поступали также произведения античного искусства, приобретённые у керченских коллекционеров и торговцев боспорскими древностями (Боровкова, 1999, с. 74–79; Неверов, 1999). В их числе следует назвать Е.Р. Запорожского⁷ и И.А. Терлецкого⁸. Важное значение имела покупка собрания древностей, принадлежавшего А.В. Новикову (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1903 г., д. 277).

Без всякого преувеличения можно признать, что Эрмитаж за сравнительно небольшой срок (всего несколько десятилетий) стал обладателем коллекций боспорских древностей, являющихся в своём роде уникальными и в высшей степени важными для изучения классической культуры Северного Причерноморья. Надо признать, что тогда же была надлежащим образом осмыслена самоценность данного собрания и необходимость его сохранения для грядущих поколений. Эту мысль очень хорошо выразил директор Эрмитажа С.А. Геденов, писавший министру Императорского двора 28 октября 1865 г. по поводу предположения о передаче эрмитажных дублетов в Одесский музей: «<...> здесь, где дело идёт о единственной в мире коллекции древностей Киммерийского Боспора, Эрмитаж почитает неприкосновенность её жизненным для себя вопросом, себя же, в той мере, какая подлежит влиянию его, ответственным в этой неприкосновенности перед всей Россией. Каждый из предметов, входящих в состав керченских древностей, принадлежит как часть одного целого той или другой знаменитой и в археологическом мире всеизвестной находке. От охранения в ненарушимой целостности даже ничтожнейших к таким находкам относящихся мелочей зависит и самое значение Императорского музея, как единственного обладателя единственным на свете сокровищем» (цит. по: Пиотровский, 1990, с. 225).

⁶ Председатель Археологической комиссии А.А. Бобринский в своём дневнике записал 13 марта 1911г.: «Сегодня я и члены Археологической комиссии представляли государю в Царскосельском Александровском дворце добытые в течение года предметы старины. Государь был очень внимателен и любезен. <...> Многим интересовался и высказывал знание по многим отраслям нашей археологии» (Дневник, 1928, с. 148).

⁷ О покупке у Е.Р. Запорожского серебряного блюда см.: РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1891 г., д. 21.

⁸ У А.И. Терлецкого, к примеру, были приобретены меч в золотой оправе (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902г., д. 157), краснофигурная ваза (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1914 г., д. 4, л. 16) и др. вещи.

Следует отметить, что несколько позднее Императорская археологическая комиссия стала направлять некоторые находки, обнаруженные во время раскопок на Боспоре, в различные музеи страны. К примеру, первые материалы античных коллекций Исторического музея (г. Москва) поступили туда из Императорской археологической комиссии. Это были материалы из раскопок А.А. Бобринского, К.Е. Думберга, Ю.А. Кулаковского и В.В. Шкорпила (Журавлёв, Фирсов, 2002, с. 17). Можно обратить внимание также, что в 1902 г. из Артиллерийского исторического музея в Археологическую комиссию поступила просьба передать туда из Керченского музея остатки бронзового шлема, бронзовые кнемиды и железные мечи (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, 1902 г., д. 32, л. 101). Археологическая комиссия была согласна передать только мечи, обещая увеличить их число при будущих раскопках (там же, л. 125). Правда, к Эрмитажу все эти «перераспределения» не имели никакого отношения.

Завершая краткий очерк о взаимоотношениях Керченского музея с Эрмитажем в императорское время, необходимо хотя бы в нескольких словах сказать о советском периоде. Тогда, как известно, приоритеты археологических исследований были смещены в сферу изучения культуры рядового населения древнегреческих государств, их экономической системы, которая, как представлялось, должна детерминировать все стороны политической, общественной и идеологической жизни общества. Работы археологов теперь нацеливались не на раскопки аристократических курганов, а на изучение поселений и грунтовых некрополей. С этой целью в Ленинграде была создана Боспорская (Керченская) экспедиция, приступившая к изучению «малых» городов Боспора. Отдельные находки из раскопок тех лет поступали в Государственный Эрмитаж вплоть до 1991 г. Их количество сильно различается по отдельным памятникам: городище Порфмий – 1 предмет, усадьба около Мирмекия – 10, некрополь Мирмекия – 78, городище Мирмекий – 3523, Илурат – 91, Нимфей (городище и некрополь) – 1999⁹. Как видим, по количеству находок, хранящихся в музее, Нимфей намного превосходит все остальные памятники. Такое положение объясняется тем, что на городище с 1939 г. работает экспедиция Государственного Эрмитажа (Худяк, 1962, с. 5; Борисковская (отв. ред.), 1999, с. 15). Среди выдающихся открытий, сделанных в Нимфее в последние советские годы, следует назвать святилище второй половины III в. до н.э. Стены этой постройки были покрыты цветной штукатуркой, на которой посетители святилища оставили многочисленные надписи, а также прочертили изображения различных животных и кораблей (Грач, 1984; 1987; Höckmann, 1999; Sokolova, 2007, p. 175–177). Мировую известность получило изображение корабля «Исида», которое сейчас является одним из украшений эрмитажной экспозиции, посвященной боспорским городам.

В заключение следует ещё раз констатировать, что благодаря трудам нескольких поколений археологов в Эрмитаже сформировалось уникальное собрание бо-

⁹ Благодарю за консультацию сотрудника Государственного Эрмитажа А.М. Бутягина.

спорских древностей. В данной статье основное внимание было уделено археологическим открытиям, сделанным в Восточном Крыму (Европейский Боспор), и то далеко не всем. В этом отношении необходимо хотя бы упомянуть о выдающихся памятниках Азиатского Боспора (Большая и Малая Близницы, Семибратние курганы, Артюховский курган, Ахтанизовский клад и др.). Таким великим культурным наследием, конечно, можно и нужно гордиться! Перед новым поколением археологов стоит задача не только бережного сохранения всех этих сокровищ, но всестороннего их изучения и полной публикации коллекций. Точнее, здесь надо говорить не о поколении, а о поколениях, поскольку одному поколению исследователей с этой грандиозной задачей никак не справиться.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексинский Д.П.* Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи // ТГЭ. Т. 41. 2008. С. 31–70.
- Ашик А.Б.* О вновь найденных древностях близ Керчи // ЖМВД. 1839. № 1, январь. С. 60–90.
- Бич О.И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи // СА. 1958. Т. 28. С. 87–90.
- Борисковская С.П.* (отв. ред.) Древний город Нимфей. Каталог выставки. СПб, 1999.
- Боровкова В.Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Древности Керчи. 4. Керчь, 1999.
- Брашинский И.Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene. IV. 1965. С. 89–110.
- Бутягин А.М.* (ред.). Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб, 2009.
- Бутягин А.М., Виноградов Ю.А.* Мирмекийский саркофаг. СПб, 2016.
- Быковская Н.В., Небожаева Н.В.* И все учились // Керченская старина. Вып. I. Симферополь, 2017, с. 208–226.
- Вахтина М.Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород, 1991. С. 3–11.
- Виноградов Ю.А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // Stratum + ПАВ. Петербург, Кишинёв, 1997. С. 73–80.
- Виноградов Ю.А.* О так называемом кургане Ашика (1838 г.) // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А.А.Формозова. СПб, 2004. С. 49–56.
- Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 2005. С. 211–296.
- Виноградов Ю.А.* О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. Вып. 13. 2006. С. 134–161.
- Виноградов Ю.А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб, 2007.
- Виноградов Ю.А.* Куль-Оба // Польша Дюбрюкс. Сборник сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 420–425.
- Виноградов Ю.А.* Большой саркофаг из Мирмекия // Польша Дюбрюкс. Собрание сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 458–462.
- Виноградов Ю.А.* Курганы на землях Мирзы Кекуватского // ДБ. Вып. 16. 2012. С. 39–50.
- Виноградов Ю.А.* Страницы истории боспорской археологии. Эпоха императорской археологической комиссии (1859 – 1917). БИ. Вып. 27. Симферополь-Керчь, 2012.
- Виноградов Ю.А.* О склепах македонского типа на Боспоре // БИ. Вып. 30. 2014. С. 171–189.

- Виноградов Ю.А.* Небольшой этюд по истории боспорской археологии: Л.А. Перовский о приобретении древностей у населения // БИ. Вып. 31. 2015. С. 396–404.
- Виноградов Ю.А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // БИ. Вып. 34. 2017. С. 112–223.
- Виноградов Ю.А.* Керченские археологи во время Крымской войны // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб, 2017. С. 23–44.
- Виноградов Ю.А.* Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. 2-е изд. СПб, 2019. С. 354–536.
- Виноградов Ю.А.* Расписной саркофаг 1900 г. из Керчи // БИ. Вып. 42. 2021. С. 65–88.
- Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. Симферополь-Керчь, 2012.
- Власова Е.В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. Т. III. М., 2010. С. 199–262.
- Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949.
- Гёрс К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. М. 1876. Кузнецов В.Д. Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.
- Горончаровский В.А.* Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб, 2017. С. 111–129.
- Грач Н.Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1. С. 81–88.
- Грач Н.Л.* Нова пам'ятка елліністичного часу з Німфею // Археологія. 1987. Вып. 57. С. 81–94. Дневник А.А. Бобринского (1910–1911 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 127–150.
- Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. I. М.-Л., 1955. С. 248–285.
- Жиль А.Ф.* Письма о Кавказе и Крыме. Нальчик, 2009.
- Журавлёв Д.В., Фирсов К.Б.* Античные и скифо-сарматские коллекции в историческом музее // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Евксинского. М., 2002. С. 16–19.
- Засецкая И.П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 5–17.
- Засецкая И.П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV – начало VII в.) // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 97–106.
- Иванова А.П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961.
- Калашиник Ю.П.* Петербург и античная археология // Санкт-Петербург и античность. СПб, 1993. С. 69–77.
- Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972.
- Кобылина М.М.* Скульптура // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 212–214.
- Коршунова М.Ф.* Императорский Эрмитаж // Санкт-Петербург и античность. СПб, 1993. С. 60–61.
- Кузнецов В.Д.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010. С. 430–469.
- Кузнецова Т.М.* Загадки Темир-горы // БФ. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб, 2002. С. 79–90.

- Кукина Д.А. История открытия Стасовского склепа в Керчи // Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии. СПб, 2017. С. 31–39.
- Максимова М.И. Резные камни // АГСП. I. М.–Л., 1955. С. 437–445.
- Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979.
- Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // АГСП. I. М.–Л., 1955. С. 297–324.
- Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.
- Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб, 2009. С. 21–247.
- Неверов О.В. Античные камеи в собрании Эрмитажа. Л., 1988.
- Неверов О.Я. Отдел античного мира. История собирательства // Эрмитаж. История и современность. СПб, 1990. С. 171–176 .
- Неверов О.Я. Коллекция А.В. Новикова // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы. Материалы Международной научной конференции. СПб, 1999. С. 58–60.
- Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // ТОАМ. Т. I. 1945. С. 47–67.
- Петрова М.М. Археология в жизни министра внутренних дел России А.А. Перовского // Археология Крыма. 1997. Т. I. С. 190–191
- Пиотровский Б.Б. Эрмитаж. История и коллекции. Бергамо, 1981.
- Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа // Эрмитаж. История и современность. СПб, 1990. С. 17–79.
- Пиотровский Б.Б. История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000.
- Розанова Н.П. Посвятительная надпись Санергу и Астаре // ВДИ. 1949. № 2. С. 86–93.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913–1914.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. (Л.), 1925.
- Саверкина И.И. Мраморный саркофаг из Мирмекия // ТГЭ. Т. VII. 1962. С. 247–266. [Сансе Е.] Письмо графа де Сансе к А.Н. Оленину // ЗООИД. Т. 15. 1889. С. 78–86.
- Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 5–107.
- Скржинская М.В. Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3. С. 121–130.
- Соколов Г.И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973.
- Трейстер М.Ю. О хронологии некоторых погребальных комплексов из раскопок Д.В. Карейши и А.Б. Ашика 1834–1835 гг. // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 589–601.
- Тункина И.В. Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб, 2000. С. 357–379.
- Тункина И.В. К истории открытия Н.Ю. Патиниоти в 1821 г. близ Керчи // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции. Ч. 2. СПб, 2001. С. 279–287.
- Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIXв.). СПб, 2002.
- Тункина И.В. Раскопки Д.В. Карейши и А.Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835) // Польш Дюбрюкс. Сборник сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 533–588.
- Тункина И.В., Застрожнова Е.Г., Шаров О.В. Первое золото Фанагории: «браслет Ван дер Вейде» // Stratum plus. 2018. № 4. С. 371–383.

- Тункина И.В., Застрожная Е.Г., Шаров О.В. Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 4. М., 2018. С. 142–155.
- Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962.
- Шкорпил В.В. Из архива Керченского музея древностей. III: О находке двух древних статуй в 1850 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 56–63.
- Яковенко Э.В. Курган на Темир-горе // СА. 1972. № 3. С. 259–267.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 140–145.
- Яковенко Э.В. Скифы Східного Криму в V–III вв. до н.э. Київ, 1974.
- Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 140–145.
- Bларамберг J. Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée. Paris, 1822.
- Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Russia, Tahtary and Turkey. Vol. II. London, 1816.
- Höckmann O. Naval and Others Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1999. Vol. 5. 4. P. 303–356.
- Montpéroux de D. Voyage autour du Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. T. V. Paris, 1843.
- Sokolova O. Fragment of a Wall with Polychrome Painting // Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 2017. P. 175–177.

REFERENCES

- Aleksinskiy D.P. Antichnyy zheleznyy shlem iz pogrebeniya voyna u Karantinnogo shosse bliz Kerchi. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Т. 41. 2008, pp. 31–70.
- Ashik A.B. O vnov' naydennykh drevnostyakh bliz Kerchi. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 1839. № 1, pp. 60–90.
- Bich O.I. Arkhivnyye dannye o statuyakh, naydennykh v Kerchi. *Sovetskaya arkheologiya*. 1958. Т. 28, pp. 87–90.
- Bларамберг J. *Notice sur quelques objets d'antiquité, découverts en Tauride dans un tumulus près du site de l'ancienne Panticapée*. Paris, 1822.
- Boriskovskaya S.P. (ed.) *Drevniy gorod Nimfey. Katalog vystavki*. St. Petersburg, 1999.
- Borovkova V.N. *Kolleksionery i trgovtsy kerchenskimi drevnostyami. Drevnosti Kerchi*. 4. Kerch', 1999.
- Brashinskiy I.B. Novye materialy k datirovke kurganov skifskoy plemennoy znati Severnogo Prichernomor'ya. *Eirene*. IV. 1965, pp. 89–110.
- Butyagin A.M. (ed.) *Tayna zolotoy maski. Katalog vystavki*. St. Petersburg, 2009.
- Butyagin A.M., Vinogradov YuA. *Mirmekiyskiy sarkofag*. St. Petersburg, 2016.
- Bykovskaya N.V., Nebozhayeva N.V. I vse uchilis'. *Kerchenskaya starina*. Т. I. Simferopol', 2017, pp. 208–226.
- Clarke E.D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Russia, Tahtary and Turkey. Vol. II. London, 1816.

- Dnevnik A.A. Bobrinskogo (1910–1911 gg.). *Krasnyy arkhiv*. 1928. T. 1 (26), pp. 127–150.
- Ernshtedt E.V. Monumental'naya zhivopis' Severnogo Prichernomor'ya (obshchiy obzor pamyatnikov zhivopisi). *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya*. I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 248–285.
- Gaydukevich V.F. *Bosporskoye tsarstvo*. Moscow; Lenigrad, 1949.
- Gerts K. *Istoricheskiy obzor arheologicheskikh issledovaniy i otkrytiy na Tamanskom poluostrove s kontsa XVIII stoletiya do 1859 goda*. Moscow, 1876.
- Goroncharovskiy V.A. Delo o L'vinom kurgane. *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genuet'tsev*. St. Petersburg, 2017, pp. 111–129.
- Grach N.L. Otkrytiye novogo istoricheskogo istochnika v Nimfeye. *Vestnik drevney istorii*. 1984. № 1, pp. 81–88.
- Grach N.L. Nova pamyatka ellinistichnogo chasu z Himfeyu. *Arkheologiya*. 1987. T. 57, pp. 81–94.
- Höckmann O. Naval and Others Graffiti from Nymphaion. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1999. Vol. 5. 4, pp. 303–356.
- Ivanova A.P. *Skul'ptura i zhivopis' Bospora*. Kiyev, 1961.
- Kalashnik Yu.P. Peterburg i antichnaya arkheologiya. *Sankt-Peterburg i antichnost'*. St. Petersburg, 1993, pp. 69–77.
- Khudyak M.M. *Iz istorii Nimfeya VI–III vv. do n.e.* Leningrad, 1962.
- Kobyлина M.M. *Antichnaya skul'ptura Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1972.
- Kobyлина M.M. Skul'ptura. *Arkheologiya SSSR. Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya*. Moscow, 1984, pp. 212–214.
- Korshunova M.F. Imperatorskiy Ermitazh // *Sankt-Peterburg i antichnost'*. St. Petersburg, 1993, pp. 60–61.
- Kukina D.A. Istoriya otkrytiya Stasovskogo sklepa v Kerchi. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' Bospora Kimmeriyskogo: ot graficheskoy fiksatsii k fotografii*. St. Petersburg, 2017, pp. 31–39.
- Kuznetsov V.D. Fanagoriya – stolitsa aziatskogo Bospora. *Antichnoye naslediyе Kubani*. T. I. Moscow, 2010, pp. 430–469.
- Kuznetsova T.M. Zagadki Temir-Gory. Bosporskiy fenomen. Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 79–90.
- Maksimova M.I. Reznyye kamni. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya*. I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 437–445.
- Maksimova M.I. *Artyukhovskiy kurgan*. Leningrad, 1979.
- Maksimova M.I., Nalivkina M.A. Skul'ptura. *Antichnye goroda Severnogo Prichernomor'ya*. I. Moscow; Leningrad, 1955, pp. 297–324.
- Marti Yu. Yu. Sto let *Kerchenskogo muzeya*. Kerch', 1926.
- Medvedeva M.V., Vseviy L.M., Musin A.E., Tikhonov I.L. Ocherk istorii deyatel'nosti Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii v 1859–1917 gg. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya*. St. Petersburg, 2009, pp. 21–247.
- Montpéroux de D. *Voyage autour du Caucase chez les tcherkesses et les abkhases en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée*. T. V. Paris, 1843.
- Neverov O.Ya. *Antichnye kamei v sobranii Ermitazha*. Leningrad, 1988.
- Neverov O.Ya. Otdel antichnogo mira. Istoriya sobiratel'stva. *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'*. St. Petersburg, 1990, pp. 171–176.
- Neverov O.Ya. Kolleksiya A.V. Novikova. *Bosporskiy gorod Nimfey: novyye issledovaniya i*

- materialy. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* St. Petersburg, 1999, pp. 58–60.
- Peredol'skaya A.A. Vazy Ksenofanta. *Trudy Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha.* T. I. 1945, pp. 47–67.
- Petrova M.M. Arkheologiya v zhizni ministra vnutrennikh del Rossii A.A. Perovskogo. *Arkheologiya Kryma.* 1997. T. I, pp. 190–191.
- Piotrovskiy B.B. *Ermitazh. Istoriya i kolleksii.* Bergamo, 1981.
- Piotrovskiy B.B. Istoriya Ermitazha. *Ermitazh. Istoriya i sovremennost'.* St. Petersburg, 1990, pp. 17–79.
- Piotrovskiy B.B. *Istoriya Ermitazha. Kratkiy ocherk. Materialy i dokumenty.* Moscow, 2000.
- Rozanova N.P. Posvyatitel'naya nadpis' Sanergu i Astare. *Vestnik drevney istorii.* 1949. № 2, pp. 86–93.
- Rostovtsev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na Yuge Rossii.* St. Petersburg, 1913–1914.
- Rostovtsev M.I. *Skifiya i Bospor.* (Leningrad), 1925.
- Saverkina I.I. Mramornyy sarkofag iz Mirmekiya. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha.* T. 7. 1962, pp. 247–266.
- [Sanse Ye.] Pis'mo grafa de Sanse k A.N. Oleninu. *Zapiski Odschestva istorii i drevnostey.* T. 15. 1889, pp. 78–86.
- Shkorpil V.V. Iz arkhiva Kerchenskogo muzeya drevnostey. III: O nakhodke dvukh drevnikh statuy v 1850 g. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii.* 1908. № 42, pp. 56–63.
- Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* 1959. № 69, pp. 5–107.
- Skrzhinskaya M.V. Afinskiy master Ksenofant. *Vestnik drevney istorii.* 1999. № 3, pp. 121–130.
- Sokolov G.I. *Antichnoye Prichernomor'ye. Pamyatniki arkhitektury, skul'ptury, zhivopisi i prikladnogo iskusstva.* Leningrad, 1973.
- Sokolova O. Fragment of a Wall with Polychrome Painting. *Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage.* Los Angeles, 2017. P. 175–177.
- Treyster M.Yu. O khronologii nekotorykh pogrebal'nykh kompleksov iz raskopok D.V. Kareyshi i A.B. Ashika 1834–1835 gg. *Pol' Dyubryuks. Sbornik sochineniy. T. I.* St. Petersburg, 2010, pp. 589–601.
- Tunkina I.V. Ivan Alekseyevich Stempkovskiy: Materialy k biografii. *SYSSITIA. Pamyati Yuriya Viktorovicha Andreyeva.* St. Petersburg, 2000, pp. 357–379.
- Tunkina I.V. K istorii otkrytiya N.Yu. Patinioti v 1821 g. bliz Kerchi. *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Vol. 2. St. Petersburg, 2001, pp. 279–287.
- Tunkina I.V. *Russkaya nauka o klassicheskikh drevnostyakh Yuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.).* St. Petersburg, 2002.
- Tunkina I.V. Raskopki D.V. Kareyshi i A.B. Ashika v Vostochnom Krymu (1831–1835). *Pol' Dyubryuks. Sbornik sochineniy.* T. I. St. Petersburg, 2010, pp. 533–588.
- Tunkina I.V., Zastrozhnova E.G., Sharov O.V. Pervoye zoloto Fanagorii: «braslet Van der Veyde». *Stratum plus.* 2018. № 4, pp. 371–383.
- Tunkina I.V., Zastrozhnova E.G., Sharov O.V. Zolotoy braslet G. Van der Veyde iz nekropolya Fanagorii. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. T. 7. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii.* T. 4. Moscow, 2018, pp. 142–155.
- Vakhtina M. Yu. «Skifskiy put'» v Prikuban'ye i nekotoryye drevnosti Kryma v epokhu arkhaiski. *Voprosy istorii i arkheologii Bospora.* Voronezh; Belgorod, 1991, pp. 3–11.

- Vinogradov Yu.A. O pogrebenii voina u Karantinnoho shosse pod Kerch'yu. *Stratum + PAV*. Peterburg; Kishinov, 1997, pp. 73–80.
- Vinogradov Yu.A. O tak nazyvayemom kurgane Ashika (1838 g.). *Nevskiy arkheologo-istoriograficheskiy sbornik. K 75-letiyu A.A.Formozova*. St. Petersburg, 2004, pp. 49–56.
- Vinogradov Yu.A. Bospor Kimmeriyskiy. *Greki i varvary Severnogo Prichernomor'ya v skifskuyu epokhu*. St. Petersburg, 2005, pp. 211–296.
- Vinogradov Yu.A. O smysle izobrazheniy na bol'shom lekife Ksenofanta. *Bosporskie issledovaniya*. T. 13. 2006, pp. 134–161.
- Vinogradov Yu.A. *Bol'shoy lekif Ksenofanta*. St. Petersburg, 2007.
- Vinogradov Yu.A. Kul'-Oba. *Pol' Dyubryuks. Sbornik sochineniy*. T. I. St. Petersburg, 2010, pp.420–425.
- Vinogradov Yu.A. Bol'shoy sarkofag iz Mirmekiya. *Pol' Dyubryuks. Sobraniye sochineniy*. T. I. St.-Petersburg, 2010, pp. 458–462.
- Vinogradov Yu.A. Kurgan na zemlyakh Mirzy Kekuvatskogo. *Drevnosti Bospora*. T. 16. 2012, pp.39–50.
- Vinogradov Yu.A. *Stranitsy istorii bosporskoy arkheologii. Epokha imperatorskoy arkheologicheskoy komissii (1859 – 1917)*. *Bosporskie issledovaniya*. T. 27. Simferopol'; Kerch', 2012.
- Vinogradov Yu.A. O sklepkh makedonskogo tipa na Bospore. *Bosporskie issledovaniya*. T. 30. 2014, pp. 171–189.
- Vinogradov Yu.A. Nebol'shoy etyud po istorii bosporskoy arkheologii: L.A. Perovskiy o priobretenii drevnostey u naseleniya. *Bosporskie issledovaniya*. T. 31. 2015, pp. 396–404.
- Vinogradov Yu.A. Kul'tura bosporskoy elity pri Spartokidakh. *Bosporskie issledovaniya*. T. 34. 2017, pp. 112–223.
- Vinogradov Yu.A. Kerchenskiye arkheologi vo vremya Krymskoy voyny. *Rossiyskiye arkheologi XIX – nachala XX v. i kurgannyye drevnosti evropeyskogo Bospora*. St. Petersburg, 2017, pp. 23–44.
- Vinogradov Yu.A. Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya i izucheniye drevnostey Bospora Kimmeriyskogo. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): istoriya pervogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya rossiyskoy arkheologii ot osnovaniya do reformy*. 2-ye izd. St. Petersburg, 2019, pp. 354–536.
- Vinogradov Yu.A. Raspisnoy sarkofag 1900 g. iz Kerchi. *Bosporskie issledovaniya*. T. 42. 2021, pp. 65–88.
- Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. *Yuz-Oba. Kurgannyy nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istoriya izucheniya i topografiya*. Simferopol'; Kerch', 2012.
- Vlasova E.V. Drevnosti ellinskiye i mestnyye. *Antichnoye naslediyе Kubani*. T. III. Moscow, 2010, pp. 199–262.
- Yakovenko E.V. Kurgan na Temir-Gore. *Sovetskaya arkheologiya*. 1972. № 3, pp. 259–267.
- Yakovenko E.V. *Skifi Skhidnogo Krimu v V–III vv. do n.e.* Kiiv, 1974.
- Yakovenko E.V. Pogrebeniye bogatoy skifyanki na Temir-Gore // *Skify m sarmaty*. Kiyev, 1977. S.140–145.
- Zasetskaya I.P. Bosporskiye sklepy gunnskoy epokhi kak khronologicheskii etalon dlya datirovki pamyatnikov vostochnoyevropeyskikh stepey. *Kratkie soobscheniya Instituta archeologii AN SSSR*. 1979. T. 158, pp. 5–17.
- Zasetskaya I.P. Otnositel'naya khronologiya skleпов pozdneantichnogo i rannesrednevekovogo

bosporskogo nekropolya (konets IV – nachalo VII v.). *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*. T. 30. 1990, pp. 97–106.

Zhil' A.F. *Pis'ma o Kavkaze i Kryme*. Nal'chik, 2009.

Zhuravlov D.V., Firsov K.B. Antichnyye i skifo-sarmatskiye kollektsii v Istoricheskom muzeye. *Na krayu oykumeny. Greki i varvary na severnom beregu Ponta Evksinskogo*. Moscow, 2002, pp. 16–19.

Резюме

В истории российской археологии большое значение имели взаимоотношения Керченского музея с Императорским Эрмитажем. Лучшие находки, происходящие из раскопок на берегах Керченского пролива, передавались в Петербург. По существу работы археологов были направлены на получение произведений античного искусства. Результатом этой системы стало создание замечательного собрания древностей Боспора Киммерийского в Эрмитаже.

Ключевые слова: история археологии, Боспор Киммерийский, курганы, прикладное искусство, музейные собрания.

Summary

In the history of Russian archeology, the relationship between the Kerch Museum and the Imperial Hermitage was of great importance. The best finds from excavations on the shores of the Kerch Strait were transferred to St. Petersburg. The work of archaeologists was aimed mostly at obtaining works of ancient art. The result of this system was the creation of a remarkable collection of antiquities of the Cimmerian Bosphorus in the Hermitage.

Key words: history of archeology, Cimmerian Bosphorus, mounds, applied art, museum collections.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник
Института истории материальной
культуры РАН,
С-Петербург.
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher
of the Institute for the history
of Material Culture RAS,
St. Petersburg.
vincat2008@yandex.ru

В.Н. ЗИНЬКО, А.В. ЗИНЬКО
V.N. ZINKO, A.V. ZINKO

90 ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТИРИТАКИ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ¹

90 YEARS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF TYRITAKE ON THE CIMMERIAN BOSPORUS

В 1931 г. на южной окраине поселка Камыш-Бурун, что тогда находился в 11 км к югу от Керчи (сейчас это южная часть города), было начато строительство железорудного комбината, которое сопровождалось производством больших земляных работ. Поэтому зимой 1931-1932 гг. в Керченский историко-археологический музей (КИАМ) стали поступать сведения об обнаружении остатков древних сооружений и античной керамики. Выехавшие на место строительства музейные сотрудники увидели, что большой косогор, плавно понижающийся к дороге, ведущей из Керчи в Эльтиген, оказался срезанным в юго-западной части двумя большими уступами. Высота образовавшихся земляных бортов колебалась от 3 до 5 м, а их срезы показывали наличие мощных культурных напластований. Во многих местах были обнаружены остатки хозяйственных ям, пифосов, фундаменты больших и малых построек. 16 июня 1932 г. экспедиция музея приступила к систематическим раскопкам на юго-западном участке городища (рис.1), где земляными работами строительства были затронуты часть древней крепостной стены с башнями и непосредственно примыкающие к ним городские постройки [Марти Ю. 1941, с.11].

В течение первых трех полевых сезонов экспедицией КИАМ под руководством директора музея Ю. Ю. Марти (рис.2) исследовался юго-западный участок нижнего города (раскопы I-II, 1932–1934 гг.), где были открыты куртины и башни эллинистического времени, а также крупный комплекс рыбозасолочных ванн римского времени [Марти В., 1941]. Уже в процессе раскопок первых лет Ю. Ю. Марти под юго-западной стеной эллинистической башни I были открыты остатки более ранних фортификационных строений [Марти Ю., 1941, с.13-14]. Судя по находкам керамики, эти строительные остатки можно датировать позднеархаическим временем.

В 1933 г. общее руководство раскопками на Тиритаке, а затем и Керченской археологической экспедицией ИИМК АН СССР принял Л. М. Славин. В западной части городища им были заложены два новых раскопа – V и VI (рис.1), работы на которых велись до 1936 г. Как уже стало традиционно для исследований Тиритаки, наиболее полно на этих участках были раскопаны слои римского периода. До максимальной

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

глубины были доведены исследования лишь в юго-западном углу участка и на очень ограниченной площади вскрыты постройки классического и архаического периодов [Книпович, Славин, 1941, с.37]. Наиболее ранние фрагменты греческой расписной керамики, датируемой серединой VI в. до н.э. [Книпович, Славин, 1941, с.40-41, рис.54], и 3 обломка лепных сосудов с резным орнаментом [Книпович, Славин, 1941, с.40, рис.53] были найдены в нижних наслоениях южной и отчасти средней части участка V-VI.

В эти же годы в центральной части городища был заложен небольшой разведочный раскоп VIII, а на западном склоне зачищено несколько участков борта одной из строительных террас (пункты I – IV). В раскопе VIII на площади около 13 кв. м непосредственно на материке лежал глинисто-песчаный слой с примесью золы. Керамический материал (в основном хиосские пухлогорлые амфоры) из этого слоя датируется второй половиной VI-V вв. до н.э. [Книпович, Славин 1941, с.56-57, рис.82-83].

С 1935 г. Керченскую археологическую экспедицию ИИМК АН СССР возглавил В. Ф. Гайдукевич (рис.4), который продолжил исследования на ранее начатых раскопах, а также заложил новые раскопы в периферийных районах городища. На участке I-II в предвоенный период В.Ф. Гайдукевич расширил площадь исследования вокруг башни II и открыл остатки ранней крепостной стены шириной около 1,70-1,80 м. Оборонительная стена сохранилась не только под кладкой башни, но и тянется от нее на юго-восток на протяжении почти 7 м, притом строго параллельно куртине I [Гайдукевич, 1952, с.18, рис.5]. Подошвой стены, которая сохранилась на высоту всего лишь 1-2 ряда кладки, служит материк в виде плотного слежавшегося морского песка. В 1936 г. в целях выявления древнейшей южной крепостной стены на всем протяжении куртины I от башни II до башни I был расширен раскоп. Значительная часть ранней стены на этом пространстве оказалась полностью разобрана, и только непосредственно около башни I обнаружались небольшие остатки фундамента стены. Продолжение того же фундамента ранней крепостной стены перекрыто башней I и лишь немного выступает за линию ее фасада [Гайдукевич, 1952, с.19-20, рис.6]. В.Ф.Гайдукевич датировал остатки этой ранней крепостной стены первой половиной V в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с.20].

В 1935 г. в юго-восточной части Тиритаки был разбит раскоп X (рис.1) площадью 220 кв. м, а в 1936 г. он был несколько расширен в западную сторону. Здесь были открыты строительные остатки I – V вв. н.э., а также позднеархаического времени, представленные «редкими вкраплениями керамики VI в. до н.э.» в нижней части предматерикового слоя [Гайдукевич, 1952, с.47]. В том же году В. Ф. Гайдукевичем было принято решение перейти к систематическому обследованию окраин Тиритаки в разных ее пунктах в целях выяснения всей системы укрепления античного города. Работы эти были начаты небольшим разведочным раскопом XIII на юго-восточном крае городища, который представлял собой крутой склон. В течение 1936 – 1938 гг.

был раскопан значительный участок города, но здесь не обнаружили строительных остатков более ранних, чем первых веков н.э. В этом отношении выявилась картина, совершенно сходная с соседним участком X. Лишь на материке залегал незначительный по толщине культурный слой, содержащий керамику V - IV вв. до н.э., а также с отдельными находками конца VI в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с.55].

В 1937 г. в западной части верхнего города был заложен раскоп XIV (рис.5), который в последующие годы стал одним из основных, и в 1940 г. исследованная на нем площадь составила 1187.5 кв. м. Толщина культурных слоев на этом участке достигает 3,25 м. Как подчеркивал В. Ф. Гайдукевич, существенной особенностью участка XIV является то, что здесь остатки наиболее раннего периода жизни Тиритаки обнаружены не в виде обычных фрагментов архаической импортной керамики, встречающихся почти во всех районах городища, а в виде четко выраженного слоя со строительными остатками, занимающими достаточно большую площадь [Гайдукевич, 1952, с.74].

Исследователь установил, что застройка этого участка городища происходила в следующем порядке. Первоначально на западной окраине был построен ряд зданий, ориентированный узкими сторонами на восток – запад. Несколько позднее в связи с возведением вокруг города оборонительной стены вдоль западной границы Тиритаки также стали возводить каменную ограду. Местами она прошла через разобраны дома, остатки стен которых были перекрыты оборонительной оградой. Но некоторые здания, оказавшиеся на линии ограды, не уничтожались, а включались в эту ограду. Ранняя крепостная стена Тиритаки, по мнению В. Ф. Гайдукевича, была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному, скоротечному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с.88-89].

В 1939-1940 гг., а затем в 1946-1947 гг. проводились раскопки на участке XV, примыкающем с северо-востока к раскопу V-VI (рис.1). На большей части площади культурные слои оказались скрыты при строительстве в позднеантичное время. Однако там, где В. Ф. Гайдукевичу удавалось прокопать слой III – V вв. н.э. ниже полов помещений, на поверхности материка встречались мелкие фрагменты «клазоменских сосудов, расписанных чешуйчатый орнаментом второй половины VI в. до н.э., обломки ионийских сосудов, украшенных поясками» [Гайдукевич, 1952, с.108].

На основании систематических раскопок 1932 – 1940 гг. В. Ф. Гайдукевич относил появление в Тиритаке греческого населения ко времени около середины VI в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с.131]. В то же время он справедливо отмечал, «что тот материал, который имеется в наличии и относится к доримскому времени, все же еще недостаточен для того, чтобы можно было уже набросать, хотя бы в самых общих чертах, картину устройства города и главных особенностей последнего в его хозяйственной и культурной жизни. Слишком капитально была перестроена Тиритака в первые века н.э., когда она заняла на Боспоре одно из первых мест как крупнейший пункт рыбного промысла» [Гайдукевич, 1952, с.132].

В послевоенные годы (1946–1952, 1957 гг.)² раскопки на городище продолжил В. Ф. Гайдукевич³. Работы проводились им на исследованных ранее раскопах V, VI, XIV, XV и на новых раскопах XVI–XXI, разбитых в северной, западной и восточной частях городища (рис.6). В итоге были открыты новые участки городской застройки и разнообразные производственно-хозяйственные комплексы (винодельни, рыбозасолочные цистерны и другие сооружения), отражавшие различные периоды существования Тиритаки. Помимо них, удалось раскрыть два участка северной оборонительной стены. В эти же годы (1948 и 1952 гг.) в окрестностях городища проводились разведки. В 1948 г. к северу от него были обнаружены следы поселения эпохи поздней бронзы⁴, а к юго-западу – поселение конца VI – IV вв. до н. э. [Гайдукевич, 1947б, с. 89–91; Гайдукевич, 1952б, с. 112–113; Гайдукевич, 1952в, с. 20–21, рис. 1–2; Гайдукевич, 1958а, с. 150–218; Наливкина, 1960, с. 268].

Очень важный материал к ранней истории Тиритаки дали наблюдения и разведочные раскопки, произведенные В.Ф. Гайдукевичем в 1952 г. на территории западнее городища, на территории обогатительной фабрики и депо железорудного комбината. Было установлено, что с конца VI по IV в. до н.э. включительно рядом с укрепленным городским поселением существовало открытого типа поселение, располагавшееся на возвышенности, обращенной в сторону морского залива (теперь Чурубашское озеро) [Гайдукевич, 1958, с.183]. Серо-золистый слой с находками IV - первой половины III в. до н.э. в северной части этого поселения в настоящее время выявлен в районе бывшего депо во время раскопок погребальных сооружений первых вв. н.э. [Зинько А., 2011].

Как ни фрагментарны были строительные остатки, представленные в самом нижнем культурном слое городища, все же они позволили В. Ф. Гайдукевичу «установить, что уже на рубеже VI-V вв. до н.э. восточный край верхнего плато Тиритаки был застроен домами» [Гайдукевич, 1958, с.179]. А учитывая позднеархаические здания, открытые на западной окраине города, исследователь сделал заключение о «широком заселении всего плато к концу VI-началу V в. до н.э.» [Гайдукевич, 1958, с.179].

После долгого перерыва в 1974 г. исследования на городище проводил сотрудник КИАМ Д. С. Кирилин. В северо-западной части городища, где намечалось строительство столовой и кафе «Тиритака», им было заложено два раскопа – XXII и XXIII,

² В 1957 г. исследовался юго-западный участок раскопа XXI. Работы проводились Тиритакским отрядом Советско-Польской Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством М. А. Наливкиной [Наливкина, 1960, с. 268].

³ В 1944 г. в рамках работ, проводившихся ИИМК по оценке ущерба, причиненного памятникам археологии немецко-фашистскими захватчиками, городище было осмотрено В. Д. Блаватским и И. Б. Зеест (Керченско-Таманская экспедиция ИИМК).

⁴ Отдельные находки, относящиеся к этому периоду (две целые и одна фрагментированная каменные антропоморфные плиты и топоры из диорита и базальта), были обнаружены и на территории городища [Книпович, Славин, 1941, с. 38–40, рис. 50–52; Гайдукевич, 1952, с. 20, рис. 1].

площадь которых должна была составить 8300 кв. м, а мощность культурных напластований варьировалась в пределах 1,5–5,5 м. Однако раскопки велись лишь в северо-западном углу городища на раскопе XXII, к северу от места, где должны были построить столовую и кафе «Тиритака», и примыкавшего с запада к раскопу XX В.Ф. Гайдукевича (рис.6). Здесь на участке площадью 1000 кв. м «вещественный материал послойно прослеживается до IV в. н.э.» [Кирилин, Молев, Гладкова, 1975, с.286; Молева, 2016]. В процессе раскопок были открыты участки северной и западной крепостных стен, две винодельни, рыбозасолочные цистерны и жилые постройки IV в. до н. э. – IV в. н. э. (рис.7), а также хозяйственный комплекс и полуземлянки второй половины VIII-первой половины X в. Какие археологические работы проводились на месте котлована под кафе и столовую (раскоп XXIII), сведений не сохранилось. К сожалению, за исключением небольшой заметки в «Археологических открытиях» 1974 г. [Кирилин, Молев, Гладкова, 1975], результаты этих работ Д.С. Кирилина так и не были опубликованы. Не сохранилась в полном объеме и полевая документация [Зинько, Зинько А., 2018].

В 1983–1985 гг. небольшие раскопки на Тиритаке и ее некрополе провела экспедиция КИАМ под руководством О. Д. Чевелева [Чевелев, 1985, с. 371; Чевелев, 1989, с. 127-128; Шестаков, 1984, с. 11]. В западной части городища был разбит раскоп XXIV (150 кв. м), а в восточной – раскоп XXV (200 кв. м). На обоих участках были прослежены слои и комплексы позднеримского и ранневизантийского времени [Сазанов, 1984, с. 7; Иващенко, 1984, с. 18; Сазанов, 1986, с. 128; Сазанов, Иващенко, 1987, с. 223; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 87, рис. 1]. Особо следует отметить, что работы на раскопе XXIV, который располагался к юго-востоку от раскопа XIV В.Ф.Гайдукевича, были остановлены на уровне построек и рыбозасолочных цистерн римского времени. На территории некрополя, помимо погребальных комплексов, экспедицией О. Д. Чевелева были исследованы четыре полуземлянки и несколько десятков хозяйственных ям последней трети – последней четверти VI в. до н. э. [Зинько, 2007, с. 38].

Спустя два десятилетия в 2002 г. работы на Тиритаке продолжила Боспорская охранно-археологическая экспедиция под руководством В. Н. Зинько. Им был начат многолетний научно-исследовательский проект «Боспорский город Тиритака», который состоял из трех основных частей: комплексные археологические исследования, создание археологического парка и регулярное издание результатов всех проведенных исследований. За 20-летний период работы научным коллективом под руководством В. Н. Зинько проделан значительный объем работ по всем направлениям, по результатам которых Тиритака стала одним из самых изученных городищ Европейского Боспора.

В рамках этого проекта городище на протяжении двадцати лет исследовалось на четырех участках (раскопы XXVI–XXIX) общей площадью более 3000 кв. м (рис.8). Одновременно раскапывался ее курганно-грунтовой некрополь [Зинько, Зинько А.,

2012, с. 156–168; Зинько, Пономарев, Никитаев, 2013, с. 182–194; Zinko A., 2014], а в окрестностях Тиритаки и прилегающей к ней акватории Керченского пролива (Камыш-Бурунская бухта) были проведены наземные [Зинько, 2007; Зинько А., 2010, с. 139-140; Зинько А., 2014а, с. 38-39] и подводные разведки [Зинько А., 2010а, с. 139-140; Зинько А.В., 2014б, с. 172–176; Зинько, Шамрай, 2012, с.46-47]. В эти же годы проводились геoarхеологические и сейсмоакустические исследования по реконструкции палеотопографии Тиритаки и, в частности, установления границ палео-Камыш-Бурунского залива и их изменения в античный и раннесредневековый периоды [Arslanov, Morhange, 2008; Porotov, Zinko, ZinkoA., 2009; Зинько, Поротов, Мысливец, 2011, с. 83–95; Kelterbaum, Brückner, 2012; Зинько, Зверев, Федин, Поротов, Мысливец, Путанс, 2012, с. 177–179; Myslivets, Porotov, Zinko, 2012, p. 200–203; Поротов, Зинько, 2013, с. 3–20; Зинько, 2016, с. 6–8; Поротов, Мысливец, Зинько, Зинько, Гайданов, Зверев, 2014, с. 41–48]. Целый ряд программ нашего проекта носил международный характер и в них участвовали зарубежные (Германия, Польша, Франция) учреждения и специалисты.

Начало наших археологических раскопок было положено в центральной части верхнего плато Тиритаки на участке XXVI (рис.8; рис.8.1), где в 2002 – 2011 гг. были исследованы культурные слои начиная с салтово-маяцкого поселения VIII – Хвв. н.э. до самых ранних археологических комплексов, датируемых второй третью VI-первой третью V в. до н.э., причем наиболее ранние комплексы были впервые выявлены при раскопках городища. Общая мощность культурных напластований – около 4,6 м, а позднеархаического времени в среднем более 1,4 м. Последние стратиграфически можно разделить на два строительных периода. К первому и наиболее раннему строительному периоду, который датируется 565-560 – около 540-530 гг. до н.э., относятся первые постройки эллинских колонистов. Культурные напластования этого I строительного периода по всей площади раскопа отчетливо не выделяются, лишь в отдельных местах зачищены небольшие участки. В целом этот горизонт представлен заглубленными в материк объектами: полуземлянками (рис.9) и хозяйственными ямами, фиксируемыми лишь с уровня предматерикового слоя – темного стерильного слоя погребенной почвы [Зинько, 2014, с.22 – 60].

Помимо многочисленных обломков греческих амфор и столовой посуды, в сыпьи этих заглубленных сооружений были выявлены лишь единичные мелкие фрагменты лепной керамики. Этот материал настолько незначителен и фрагментарен, что делать какие-либо этнокультурные выводы на нем практически не представляется возможным. Можно лишь заключить, что для I строительного периода Тиритакского поселения присутствие варварского населения среди эллинских колонистов не фиксируется. Это подтверждается и материалами палеоботанических исследований из этих ранних построек. Во всех образцах основную массу составляют зерновки двух зерновых культур: пшеницы голозерной и ячменя пленчатого с преобладанием зерновок ячменя. Количество зерновок других культурных растений очень незначительное [Зинько, Пашкевич, 2010].

Культурные напластования и сооружения II строительного периода выявлены на всей площади раскопа XXIV, за исключением северо-западной части, где исследования были остановлены на слоях первых веков н.э. Во II строительном периоде, который датируется нами около 540-530 гг. – 480-470 гг. до н.э., отчетливо выделяются две фазы: II-А и II-Б, границей которых служат горизонты пожарищ и разрушений. В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных домов на всем исследуемом участке города. В последнее десятилетие VI в. до н.э. эти постройки сгорают, но затем быстро восстанавливаются. В рамках последующей фазы II-Б происходит перестройка отдельных помещений зданий и сооружение новых хозяйственных объектов. Завершается эта фаза сильным пожаром и разрушениями, которые можно датировать 480-470 гг. до н.э.

В планировочном отношении раскопанные на участке XXVI шесть позднеархаических сырцово-каменных домов являются многокамерными, с одно- (дом 6), двух- (дом 2 фаза II-А, дом 5) и трехсторонним (дом 2 фаза II-Б, дом 4) расположением крытых помещений вдоль внутреннего двора (рис.10). Постройки были одноэтажными и перекрывались одно- или двускатной саманной кровлей. Вход в дом установлен только в одном случае – в доме 6, где он находился в южной части и вел через небольшой проулок к улице. В остальных случаях можно только предполагать, что он находился или в южной (дома 1, 3, 5) или западной части зданий. Во всех домах в некоторых помещениях имелись открытые очаги, а в доме 1 и доме 4 исследованы для поздней строительной фазы II-Б помещения с большими сырцово-каменными печами, которые, вероятно, имели и какие-то технологические функции. В позднеархаических тиритакских домах использован равнозначно параллельный принцип планировки и они представляли собой четко спланированные наземные безордерные многокамерные постройки типичной схемы, характерной для раннего периода Греции. Размеры тиритакских построек сравнительно невелики от 170 – 180 кв.м (дом 6) до 275 кв. м (дом 2), а площадь внутреннего двора колеблется от 25 – 30 % (дом 6) до 50 % (дом 5) от всей площади застройки. В то же время типы ранних домов были неустоявшимися, о чем свидетельствует расположение дворов в ряде случаев (дома 5 и 6) в северных частях сооружений. Планировка зданий прямоугольная, но с многочисленными отклонениями, обусловленными как небрежностью разбивки на местности самих домов, так и нечеткостью планировки городских кварталов в целом [Зинько, 2014, с. 292 – 308].

Все дома, исследованные в центральной части верхнего города Тиритакки, вероятно, составляли единый квартал, ориентированный, как и здания, углами по сторонам света (рис.11). К сожалению, на участке раскопок не удалось выявить следы позднеархаических улиц и поэтому можно лишь предполагать, что одна из них должна проходить у юго-восточных стен домов 5 и 6. Другая улица, вероятно, могла находиться у северо-восточных стен домов 4 и 6. Учитывая результаты прежних раскопок, площадь города в раннеархаическое время могла составлять не менее 5 га. За вычетом улиц и сооружений общественного назначения жилая застройка равнялась

около 3-3,6 га. Поэтому общую численность городского населения Тиритаки в последней трети VI-первой четверти V в. до н.э. можно определить в пределах 2100 - 2900 жителей [Зинько, 2014, с.314].

Судя по исследованным археологическим комплексам, в большинстве своем это были свободные эллины, сравнительно невысокого достатка. В домах II строительного периода были найдены многочисленные фрагменты амфор и столовой посуды, среди которых на 37 обломках имеются граффити. В основном это бытовые граффити, среди которых полностью сохранились имена жителей позднеархаической Тиритаки – Антес и Пифоман. Найдены также фрагменты чернолаковой посуды, свидетельствующие о частном почитании божеств, среди которых предположительно установлен Аполлон Дельфиний, верховный покровитель милетских колонистов. Исключительное место в аспекте изучения магических представлений боспорских эллинов занимает граффито с надписью и разнообразными схематическими рисунками и наколами на специально изготовленном для этой цели остраконе из донца чернолакового килика начала V в. до н.э. [Русяева, 2014, с. 481 – 512].

В отличие от построек I строительного периода, в слоях и домах II строительного периода было найдено уже и небольшое количество обломков лепных сосудов – не более 4,5 % (без учета амфорной тары). Эта лепная керамика находит свои аналогии среди различных варварских культур, в частности, среди кизил-кобинской, скифской, меотской и фракийской. Все это дает возможность предполагать появление не ранее конца VI-начала V в. до н.э. среди эллинского населения Тиритаки незначительного числа представителей различных варварских племен, пользующихся лепной керамикой, характерной для скифов, тавров, меотов и фракийцев. Это определенным образом отличает эту колонию от близлежащих, где изначально констатируется присутствие варваров [Зинько, 2014, с.311].

Изменился во II периоде и состав выращиваемых зерновых культур. Так, в слое пожара 480 – 470 гг. до н.э. найдены зерновки пленчатой пшеницы однозернянки (*Triticum monosocum*) и почти втрое меньше здесь было зерновок голозерной пшеницы. Это, очевидно, следует объяснить налаживанием активных контактов с ближайшим местным населением. Судя по археологическим данным, тиритакцы могли заимствовать пшеницу однозернянку для своих посевов у представителей кизил-обинских племен [Зинько, Пашкевич, 2010, с. 281].

Благодаря полученным нами данным в центральной части верхнего города (раскоп XXVI) можно не просто внести коррективы, но совершенно по-новому представить процесс основания и становления боспорского города Тиритака. Вывод колонии в эту часть побережья Боспора Киммерийского состоялся около 565 – 560 гг. до н.э. Впервые удалось обнаружить объекты и выделить I период (вторая треть VI в. до н.э.) жизни на поселении, когда колонисты обитали в небольших заглубленных постройках, обозначенных в русскоязычной археологической литературе термином «полуземлянки». Во II период (последняя треть VI-первая четверть V в. до н.э.) застройки возводятся стационарные наземные сырцово-каменные дома. Для II строительного периода города

выделяется две фазы – II-A и II-B, которые завершаются пожарами и разрушениями. На основании наших раскопок Тиритака предстает как ранний крупный городской центр европейского побережья Боспора Киммерийского, имеющий определенные элементы регулярной прямоугольной квартальной структуры, который уже в конце VI в. до н.э. был укреплен сравнительно мощными крепостными стенами [Зинько, 2015]. Для выяснения ситуации на западной и северной окраине города, где ранее В.Ф. Гайдукевичем были открыты городские крепостные стены (раскопы XIV, XX и XXI), в 2008 г. в северной части у крепостной стены – нами были заложены раскопы XXVIII (к западу от раскопа XXI) и XXIX (к востоку от раскопа XXI), а у западной крепостной стены – раскоп XXVII, включивший южную часть старого раскопа XIV В.Ф. Гайдукевича.

На участке раскопок у западной крепостной стены в 2008 – 2013 гг. проводил исследования отряд Национального музея в Варшаве под руководством А. Твардецкого [Зинько В. и др., 2009; 2010; 2011; Zin'ko, Twardecki, 2013]. Первые итоги совместных с польскими учеными работ были обобщены на международной конференции «Тиритака. Античный город на Боспоре Киммерийском», которая прошла в ноябре 2013 г. в Варшаве [Zinko V., 2014; Twardecki, 2014].

В результате наших раскопок в западной части города (рис.12) было установлено, что в рамках фазы II-A начинается строительство сырцово-каменных построек, которые окружали прямоугольную незастроенную площадь. Здесь на площади около 350 кв.м исследованы многочисленные ямы-ботрасы с амфорами и столовой посудой, а также зольные пятна с фрагментами чернофигурных кубков, которые в некоторых случаях собираются в целые формы⁵. Весь этот участок на западной окраине города использовался в сакральных целях и являлся западным теменосом Тиритаки (рис.13). С севера он был ограничен большой 3-камерной постройкой (дом А), в одном из помещений которой располагалось святилище с многочисленными сакральными предметами, исследованное еще В.Ф. Гайдукевичем. Преобладающее число находок из помещений этого здания датируется последней четвертью VI в. до н.э., хотя часть фрагментов – аттические чернофигурные кубки, амфоры, несомненно, заходят и в начало V в. до н.э. Все это позволило В.Ф. Гайдукевичу датировать это здание 540 – 480 – 470 гг. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с.85].

В южной части теменоса нами была открыта постройка (СК-VII), датируемая последней четвертью VI-первой четвертью V в. до н.э. В настоящее время она исследована еще не полностью, открыты лишь два помещения. Особый интерес представляет помещение 1 с остатками очага на глиняном полу в центральной части. Судя по находкам, слой заполнения этого помещения следует датировать концом VI-первой четвертью V в. до н.э., за исключением материала из перекопов. Среди различных находок особый интерес представляет комплекс из пяти костяных плоских заготовок, а

⁵ Подробный анализ чернофигурной керамики из раскопок в западной и центральной частях Тиритаки см. Петракова А.Е., Букина А.Г., 2021.

также многочисленные заготовки из верхних и нижних частей рога оленя со следами спила и обработки. Кроме того, на полу в центральной части помещения I найдены костяные инструменты: костяная проколка, инструмент из кости зайца с железным наконечником, небольшое костяное долото, а также изделия – костяная накладка, орнаментированная на токарном станке, костяное плоское кольцо. Различные поделки из кости и рога нередко встречаются при археологических исследованиях Тиритаки, однако впервые в одном помещении был выявлен комплекс, состоящий из орудий труда, заготовок для производства предметов, и готовые костяные изделия. Судя по находкам, в этом помещении располагалась позднеархаическая косторезная мастерская, в которой работал мастер достаточно высокой квалификации, использовавший при изготовлении костяных изделий токарный станок. Это первая косторезная мастерская, открытая в городе, к тому же датируемая таким ранним временем [Зинько, 2018].

С западной стороны теменоса также была выявлена двухкамерная постройка ранней строительной фазы II-A, перекрытая слоем пожара и крепостной стеной (рис.14). Ранее было известно, что при строительстве этой крепостной куртины два дома на западной окраине своими узкими сторонами были включены в раннюю оборонительную стену [Гайдукевич, 1952, с.86-87]. Нам же удалось установить, что часть ранних построек оказалась за пределами западной крепостной стены, а каменные цоколи других были ею перекрыты. Раскопки в западной части Тиритаки позволили не только повторно открыть раннюю крепостную стену города, но и впервые исследовать всю свиту культурных слоев с внешней и внутренней стороны этой куртины, а также продолжить ее исследование в южном направлении и открыть продолжение крепостной стены.

Древнейшая крепостная стена Тиритаки на западном участке имеет толщину 1,7-2 м. В.Ф. Гайдукевич полагал, что ранняя городская стена была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников [Гайдукевич, 1952, с.89]. Фрагменты ранней крепостной стены еще в 30-е гг. прошлого века были также открыты и в южной (нижней) части города (участки I, V, XV), и здесь она местами состояла из включенных внешних стен домов, сложенных их сырцовых кирпичей. Судя по всему, крепостной стеной был огорожен весь город на площади более 5 га. Особо следует отметить, что до сих пор не удалось выявить северную границу позднеархаического города, и поэтому его площадь может быть несколько больше. Раскопки, проводимые нами, северной окраины города (участок XXVIII-XXIX) показали, что крепостные стены и башни возводятся здесь не ранее конца IV-начала III в. до н.э., а слоев и построек позднеархаического времени не выявлено.

Стратиграфически нами установлено, что западная куртина строится после первого пожара города около 520 – 510 гг. до н.э., а слой следующего, второго пожара, датируемого 480 – 470 гг. до н.э., уже непосредственно соприкасается с каменной кладкой этой стены (рис.15) [Зинько, 2015, с.318]. Окруженный крепостными сте-

нами город активно строится (фаза II-Б II строительного периода), расширяются и перестраиваются городские усадьбы, открытые в центральной части Тиритаки, продолжает функционировать западный теменос, защищенный от степи возведенной западной крепостной стеной. Сооруженные в Тиритаке дома с некоторыми перестройками просуществовали до 480 – 470 гг. до н.э., когда и погибли в результате очередного военного катаклизма, сопровождавшегося сильным пожаром. В результате все стены домов в прилегающих к западной крепостной стене кварталах были просто утыканы бронзовыми наконечниками скифских стрел.

Последующие события в Тиритаке, связанные с правлением Археанактидов, без письменных источников установить сложно, так как сохранившихся построек, датированных второй третью V в. до н.э., выявить пока не удалось. Вероятно, этот ранее независимый полис вошел в военный союз во главе с Пантикапеем. Косвенным подтверждением этому может служить голова с диадемой, найденная при раскопках в 1936 г. в Тиритаке. Эта скульптура из известняка, созданная в эпоху Археанактидов, входит в один ряд с другими, найденными в Пантикапее, и отражает зарождение боспорской скульптуры [Иванова, 1952, с.353, рис.1].

Со сменой власти в 438 г. до н.э. в Пантикапее и приходом к власти династии Спартокидов, вероятно, следует связывать наиболее позднюю из открытых жертвенных ям с ритуальным жертвоприношением коней, совершенное в восточной части тиритакского теменоса у западной крепостной стены. Здесь в яме №19 были найдены остовы 4 коней: жеребенок, самка полувзрослая, примерно четырех лет; взрослая самка 10-летнего возраста; старый самец (примерно 17–20 лет). В аллегорической форме здесь имитируется состав всего табуна: молодой, взрослые самки молодого и зрелого возраста и матерый самец – вожак [Зинько, 2021].

По результатам новейших исследований Тиритака предстает как один из ранних городов европейского побережья Боспора Киммерийского, который уже в предпоследнем десятилетии VI в. до н.э. был укреплен крепостными стенами. Находясь в общепоспорском объединении во главе со Спартокидами, Тиритака до конца V в. до н.э. остается важнейшим южным крепостным форпостом боспорского государственного образования на европейском побережье Боспора Киммерийского.

Как выглядел город в классическую эпоху, восстановить пока практически невозможно. Слои этого времени, так же, как и эллинистические слои, в большей степени уничтожены жилыми и хозяйственными постройками первых веков н.э. Сохранились лишь незначительные фрагменты стен зданий, которые, к сожалению, не дают ни одного плана общественного или жилого городского здания. В то же время на всех раскопанных участках города найдено много фрагментов чернолаковой посуды, а также обломков клейменных амфор с о. Хиос, о. Фасос и других центров Эллады, а также южного Понта. Особо следует отметить находки фрагментов расписных аттических кратеров, гидрий, киликов, рыбных блюд и разнообразных терракот.

В эллинистическую эпоху Тиритака расширяется в северном направлении до естественной границы, где вдоль глубокой балки в конце IV-III вв. до н.э. впервые

возводится северная крепостная стена (рис.16). Большой участок крепостных стен IV-III вв. до н.э. был раскопан также в южной низменной части Тиритаки (рис.1; раскоп I-II), который в настоящее время практически полностью уничтожен ж/д насыпью. Начиная от башни I крепостная стена (куртина 1) идет с юго-востока на северо-запад к башне II. Протяженность крепостных сооружений, включая две башни, составляет около 41 м. От башни II стена изменяет свое направление и круто поднимается по склону. Далее стена снова поворачивает и проходит, постепенно поднимаясь по склону с юга – юго-востока на север – северо-запад. Этот отрезок крепостной стены (куртина 2), составляющий в длину 50 м, имеет на своем северном – северо-западном конце четырехугольную башню IV, обращенную передним фасадом на запад. Вероятно, за куртиной 2 находились южные городские ворота, а выступ, расположенный позади башни IV, связан с устройством такого проема в крепостной стене. За выступом открыты каменные плиты вымостки проезда, залегающие последовательно в несколько слоев. Все это свидетельствует, что эти городские ворота использовались на протяжении нескольких столетий [Марти Ю., 1941].

Как дальше проходила крепостная стена IV-III вв. до н.э., которая должна была защищать Тиритаку с западной степной стороны, пока не установлено. Открыт лишь ее небольшой участок у северо-западной угловой башни, также значительная часть северной стены с въездом и небольшой башней. Здесь в 1948-1949 гг. В.Ф. Гайдукевич исследовал на участке XIX-XX (рис.6) западную крепостную стену на протяжении 17 м [Гайдукевич, 1958]. Эта стена была построена в два этапа, после чего ее толщина достигла 2,30 м. Западная стена смыкалась с остатками большой четырехугольной башни, игравшей весьма ответственную роль, т.к. она являлась угловой башней, стоявшей на стыке западной оборонительной стены с северной стеной Тиритаки. Угловая северо-западная башня имела толстые стены, а внутри была полой. В наиболее сохранившейся части северной стены башни, где ее высота достигает 1,55 м, имеется четырехугольная сквозная амбразура – деталь, которая очень редко встречается в фортификационных сооружениях северопрichernоморских античных городов.

Очень важным явилось открытие крепостной стены, прикрывающей Тиритаку с севера (рис.6). Эта стена, судя по открытому на участке XX ее отрезку, шла от угловой северо-западной башни на восток – юго-восток. Северная крепостная стена по своей конструкции совершенно тождественна южной городской стене, открытой в 1932 г. Она состоит из основного массива стены шириной 2,30 м, к которому значительно позднее снаружи пристроен облицовочный панцирь шириной 1,35 м. Он сложен насухо из крупных тщательно обработанных блоков известняка, наружная грань которых снабжена рустом. Открытая часть фасада северной стены сохранилась в высоту до 2,5 м. Культурный слой, соответствующий нижним рядам кладки стены и башни, содержал чернолаковую керамику IV-III вв. до н.э., а также фрагменты амфор с клеймами, которые позволяют датировать время сооружения северной крепостной стены первой половиной III в. до н.э. [Гайдукевич, 1958, с.157].

Восточная часть северной крепостной стены города была раскопана В.Ф.Гайдукевичем в 1952 г. на участке XXI на протяжении 23 м, включая сюда и еще одну башню (рис.6; рис.16). В целом протяженность северной крепостной стены на участке от северо-западной до новой башни должна составлять по прямой 145 м. Однако эта новая башня не была конечной угловой, от нее оборонительная стена шла дальше в юго-восточном направлении к высокому обрыву на восточной границе города. Северная башня была прямоугольная (длина – 5,45 м, ширина – 3,90 м) и имела обширное внутреннее помещение, вымощенное плитами со входом со стороны города. От крепостной стены за линию фронта башня выступает на 3,10 м [Гайдукевич, 1958, с.156].

Значительный участок северной крепостной стены у северо-западной угловой башни был раскопан Д.С. Кирилиным в 1974 г. на участке XXIII [Кирилин и др., 1975]. Как и на остальных участках, стена состоит из рустованного наружного панциря и основного массива, сложенного из необработанных известняковых камней (рис.7). На расстоянии 25 м от северо-западной башни находился проезд в северной крепостной стене. Однако далее к востоку раскопки не проводились, поэтому ширина этого проезда неизвестна. Но как бы там ни было, можно считать установленным, что в крепостных стенах Тиритаки было, по крайней мере, двое ворот – южные и северные. Очевидно, были еще и западные ворота, которые еще предстоит открыть в будущем. Также ничего не известно о восточной крепостной стене города. Несмотря на то, что здесь городская территория проходила по восточному крутому краю плато, которое резко обрывается к приморской заболоченной низменности, какая-то преграда здесь должна была быть.

В 2008 г. нами были начаты раскопки к западу (раскоп XXVIII) и востоку (раскоп XXIX) от раскопа XXI, где ранее В.Ф. Гайдукевичем была выявлена часть северной крепостной стены с башней (рис.8; рис.16). В результате этих исследований были открыты новые участки северной крепостной стены на протяжении более 50м. Так же, как и на остальных участках, к этой стене в первой половине I в. н.э. с внешней стороны была пристроена новая стена из рустованных блоков (рис.17). К западу от промежуточной северной башни была выявлена боевая калитка шириной 1,10 м, сооруженная в IV-III вв. до н.э. При строительстве рустованного панциря в первой половине I в. н.э. этот боевой проход был несколько заужен. Восточная часть северной стены была нами раскопана до самого обрыва. Ее восточный торцевой край оказался разрушен, а вдоль края обрыва шла подпорная стена, сооруженная помещиком Олива в конце XIX в. Есть все основания полагать, что в результате абразии обрыва вдоль восточного края городища безвозвратно утрачен участок города шириной более 10 – 15 м вместе с восточной крепостной стеной, небольшой участок которой был ранее выявлен в низинной южной части В.Ф. Гайдукевичем (рис.6; раскоп IV). В целом на протяжении тысячелетия, с конца VI в. до н.э. по VI в. н.э., крепостные стены Тиритаки защищали жителей города от нападения врагов. Стены неоднократно ремонтировались и перестраивались, охватывая новые городские территории, как это видно, в западной и северных частях города [Зинько, 2015].

Судя по исследованным участкам, во второй половине IV-начале III в. до н.э. в городе развернулось большое строительство. Укрепляются крепостные стены, благоустраиваются городские улицы, возводятся постройки. Непосредственно вдоль южной крепостной стены (участок I) проходила улица, вымощенная большими прямоугольными плитами [Марти Ю., 1941, с.18]. В центральной части южного района города проходила улица шириной 4,80-5,30 м, вымощенная фрагментами керамических черепков и щебнем. Здесь же, на участке XV, исследованы остатки здания, от которого уцелела только часть двух помещений, относящихся к последней четверти IV-началу III в. до н.э. [Гайдукевич, 1952, с.108-109].

Остатки еще одного сильно разрушенного большого дома IV в. до н.э. с мощеным внутренним двором раскопаны в западной части Тиритаки на участке XIV (рис.5). Помещения, от которых сохранились лишь незначительные фрагменты каменных стен, располагались с северной и восточной сторон большого мощенного каменными плитами двора. В плиты вымостки вмонтирован водосточный канал, состоящий из известняковых блоков, в которых вырублен желоб. Среди этих блоков оказалась плита с остатками греческой надписи. Сохранились лишь буквы по обоим краям плиты, основная же часть надписи уничтожена. Надпись состояла из 9 строк и, судя по форме букв, относится к V в. до н.э. Сверху водосток перекрыт небольшими прямоугольными известняковыми плитками. Здесь найдены фрагменты разнообразной чернолаковой и простой посуды, обломки терракот, амфор, кровельной черепицы, а также бронзовые боспорские монеты [Гайдукевич, 1952, с.89 – 91].

На западной окраине города была также обнаружена небольшая аттическая мраморная статуя Диониса. Исследователи датировали ее первой половиной III в. до н.э. и предположили, что она стояла в закрытом помещении, вероятно, в домашнем святилище греческого купца или состоятельного рыбопромышленника, обосновавшегося в Тиритаке [Ернштедт, 1941, с.186; Гайдукевич, 1952, с.73]. Проводя раскопки в 2018 г. непосредственно у западной крепостной стены Тиритаки (раскоп XXVII), нами на южной окраине западного теменоса был открыт новый эллинистический сакральный комплекс. К западу от него, с внешней стороны западной крепостной стены, и был найден в 1937 г. мраморный торс Диониса.

Этот сакральный комплекс представлял собой небольшую сырцово-каменную постройку СК-IX, которая была почти квадратной формы (рис. 18). Она располагалась внутри большого двора и была пристроена к южному фасу стены №7, частично исследованной еще В.Ф. Гайдукевичем в границах раскопа XIV. Внутри помещение было заполнено развалом сырцовых стен. При расчистке заполнения СК-IX был выявлен археологический материал, который представлен фрагментами амфорной керамики, а также каменным алтарем и костяным votивным предметом из фрагмента левой большой берцовой кости быка⁶, из прекрасно вырезанной многофигурной компози-

⁶ Определение материала было произведено А.К. Каспаровым.

ции – обнаженный бог Гарпократ со спутниками – патеками (рис.19). Учитывая планировку и находку сакральных предметов, можно утверждать, что помещение СК-IX с двумя входами являлось частным святилищем, функционировавшим в пределах II-I вв. до н.э. Эта небольшая одноэтажная постройка, судя по найденным в ней каменному алтарю и персонажам, изображенным на костяном вотивном предмете, предназначалась для отправления синкретического культа Диониса-Гарпократа [Зинько, Зинько А., 2020; Зинько, 2021].

Представление о городских домах второй половины III – I вв. до н.э. дает небольшая постройка, прилегающая своей северо-западной стороной к улице с черепичной мостовой, открытая в южной части Тиритаки (рис.6; раскоп V-VI). Открытый дом состоял из двух смежных помещений общей площадью около 40 кв. м. С восточной стороны к дому примыкал небольшой хозяйственный двор, вымощенный каменными плитами. В восточной части двора выявлены три хозяйственные ямы, содержавшие находки керамики эллинистического и римского времени. Одна из ям, четырехугольное устье которой образовано из вертикально поставленных каменных плит, служила зернохранилищем. Здесь же на дворе у ям найден бронзовый штамп, служивший для изготовления золотых бляшек с изображением бюста Афродиты. находку бронзового штампа, которым работал боспорский торевт, живший в конце III-начале II в. до н.э. в Тиритаке, нельзя не признать очень важной по своему значению [Гайдукевич, 1952, с.43, сл.].

В южной части города также был открыт интересный производственный комплекс второй половины III-II вв. до н.э. – винодельня (рис.6). Винодельня (Т1) представляла собой прямоугольное здание, вытянутое в плане с северо-запада на юго-восток и состоящее как минимум из двух помещений. В юго-западной стене, сохранившаяся высота которой равна 1 м, находился дверной проем. Внутренняя ширина винодельни 5,25 м, длина ее была не менее 8 м. Главное место в первом помещении занимает давяльная площадка в виде цементного пола, сделанного во всю ширину помещения. Она имеет небольшой наклон в сторону резервуара, который примыкает к краю площадки в средней ее части. На давяльной площадке виноград растапывали ногами. Никаких других приспособлений для извлечения виноградного сока в этой винодельне нет. Следует признать, что она по своему техническому устройству значительно проще других боспорских виноделен, в которых обычно, кроме давяльной площадки, имелся еще и пресс, применявшийся для окончательной выжимки сока. Здание винодельни имело черепичную крышу. Об этом свидетельствуют многочисленные фрагменты боспорских черепиц, среди которых отдельные имели клейма. Среди других находок можно отметить боспорские бронзовые монеты III-II вв. до н.э., фрагменты керамической посуды, амфоры [Гайдукевич, 1952, с.27, сл.].

В городской усадьбе у северной крепостной стены Д.С. Кирилиным на раскопе XXII в 1974 г. была открыта еще одна эллинистическая винодельня (рис.20). В западной части помещения винодельни находилась большая прямоугольная давяльная площадка в виде белого цементного пола, на которой виноград растапывали нога-

ми. В восточной части располагались два прямоугольных резервуара для сока. В I в. н.э. при перепланировке этого участка они были перекрыты стеной и винодельня перестала функционировать.

Значительно лучше изучены постройки Тиритаки первых веков н.э. Город оставался в границах эллинистических стен, но интенсивно перестраивался. На его территории создаются большие комплексы по переработке рыбы и изготовлению вина. Эта специализация городского хозяйства возникла еще в тот период, когда боспорские города вошли в состав Понтийского царства. Владыка Понта Митридат Евпатор VI вел постоянные войны с Римом и содержал большую армию. Боспор Киммерийский поставлял Митридату значительную часть необходимого для войск продовольствия. Тиритака стала центром производства соленой рыбы и в какой-то степени вина. Эта тенденция сохранилась и в первые века при боспорских царях из династии Тибериев Юлиев, которые проводили политику по укреплению границ Боспорского царства.

В южной части города этого времени открыта улица шириною до 5 м, северовосточнее которой был исследован район с рыбозасолочными ваннами. Эта часть городской территории располагалась на верхней террасе, поддерживаемой подпорной стеной. Улица имела каменную мостовую из больших плит и проходила с севера на юг. К западу от улицы раскрыт жилой дом I в. н.э., состоящий из четырех помещений и двора с плитовой вымосткой. Мощный двор занимает центральную часть здания, а по периметру двора проходила крытая галерея. Эта городская усадьба просуществовала несколько столетий и была разрушена в конце III в. н.э. [Книпович, Славин, 1941, с.47].

В восточной части Тиритаки открыты на расстоянии 60 м одна от другой две винодельни (Т3 и Т7) II-III вв. н.э. В них сохранились некоторые интересные детали, свидетельствующие о том, что с течением времени в конструкции виноделен вносились отдельные частные усовершенствования. Особенно важно, что винодельни Т3 и Т7 позволяют точно определить, какие именно прессы действовали в винодельнях первых веков н.э. Винодельня Т3, как и прочие подобные сооружения на Боспоре, представляла собой четырехугольное здание с перекрытиями и черепичной кровлей [Гайдукевич, 1958а, с.416 – 421]. Главное место в винодельне занимают три расположенные рядом давяльные площадки, к которым примыкают три резервуара. На внутренних стенках резервуаров винодельни Т3 сохранилось 8 – 10 слоев цементного покрытия, общая толщина которых достигает местами 0,10 м. Общая емкость всех трех цистерн равна почти 6 тысячам литров. В юго-восточной части помещения на расстоянии 1,80 м от резервуаров, прямо напротив средней давяльной площадки, находится каменная гиря от рычажно-винтового пресса [Гайдукевич, 1958а, с.416 – 421].

Значительно лучше изучены постройки Тиритаки первых веков н. э. Город оставался в границах старых стен, но интенсивно перестраивался. На его территории создаются большие комплексы по переработке рыбы и изготовлению вина. В южной части города раскопана улица шириной до 5 м, северовосточнее которой был исследован

дован район с рыбозасолочными цистернами. В восточной части Тиритаки открыты на расстоянии 60 м одна от другой две винодельни II-III вв. н.э., а в других частях города раскопано еще несколько винодельческих комплексов. [Гайдукевич, 1958а].

Одной из главных отраслей хозяйства Тиритаки в первые века н.э. было рыболовство и обработка рыбы. При раскопках постоянно встречаются каменные грузила для рыболовецких сетей, костяные иглы для плетения сетей, а также большое количество каменных якорей для рыбацких лодок. Но особенно ярко о размахе рыбного производства свидетельствуют рыбозасолочные цистерны, раскрытые во всех районах города [Зинько А., 2006, 2015]. У южной крепостной стены раскопан комплекс из 16 рыбозасолочных ванн. Единовременно в этих ваннах можно было засолить 1600 ц рыбы [Марти В., 1941]. Рыбозасолочные комплексы открыты также в восточной части города, они прилегали к морю и широко использовались в обработке рыбы.

В центре Тиритаки в 2004-2005 гг. раскопан еще один комплекс по переработке рыбы. Он состоял из трех больших цистерн, расположенных в восточной части городской усадьбы ЖКХ-1 (рис. 21). На дне северной цистерны обнаружен слой до 0,20 м, образованный костными остатками и чешуей керченской сельди. Судя по большой глубине цистерн, они могли предназначаться для приготовления специального боспорского рыбного соуса, который высоко ценился в древнем мире. К западу от цистерн располагался мощный камнем двор, где было несколько жилых и хозяйственных построек, среди которых особое внимание заслуживает комплекс по переработке кожи (рис. 22) [Зинько А., 2010а]. Эта городская усадьба была возведена в первые века н.э. и просуществовала длительное время. Во второй половине III в. н.э. две рыбозасолочные цистерны были засыпаны. Позднее постройки, расположенные в западной части комплекса, были частично восстановлены и перестроены в IV в. н.э. Лишь в первой половине VI в. н.э. это усадьба была окончательно разрушена. Учитывая открытые сооружения, размах рыбного промысла в Тиритаке на протяжении I – III вв. н.э. был для условий античного хозяйства грандиозен. Всего раскопками на территории города открыто 16 рыбозасолочных комплексов, относящихся главным образом к I – III вв. н.э.⁷

В процессе проводимых с 2002 г. исследований городища Тиритака открыт ряд культово-сакральных объектов, относящихся к I – VI вв. н.э. В основном это небольшие домашние сакральные зоны, места так называемых «строительных» и иных жертвоприношений, ямы-ботрасы, а также большое святилище (СК-1), расположенное в центральной части раскопа XXVI. Эта сакральная постройка (рис.21) первоначально представляла собой однокамерное прямоугольное здание с внутренними размерами 12,5 x 5,7 м. В юго-западной стене находился дверной проем шириной 1,5 м. Строительство святилища следует датировать первой половиной I в. н.э. [Зинько А.,

⁷ См. статью А.В. Зинько в этом сборнике.

2008]. В это время происходит перепланировка всей застройки городской территории.

Перед входом и с восточной стороны здания святилища было значительно свободное пространство, вымощенное известняковыми плитами. На всем этом участке прослежено две, последовательно сменявшие друг друга вымостки (вымостка XXIII и XXIV). Наиболее ранняя вымостка XXIV сохранилась на площади около 64 кв. м и сложена из плоских необработанных плит известняка. Поверхность плит заглажена, а под одной из плит у юго-восточной стены святилища обнаружена строительная жертва. В качестве нее была принесена верхняя челюсть лошади, которая имеет следы пребывания в огне.

В 2,3 м к Ю-В от святилища найдена верхняя часть амфоры, перевернутая горлом вниз. С трех сторон ее горловина была огорожена уложенными в один ряд бутовыми камнями. Размеры оградки по внешнему обводу составляют 1,26 x 1,20 м. Ниже находилась квадратная яма глубиной менее 1 м, стенки которой были частично облицованы каменной кладкой, а дном служил суглинок. Вероятно, это сооружение служило алтарем для возлияний. Возможно, со святилищем были связаны две винодельни, расположенные в 6 – 8 м к юго-востоку. От них сохранились лишь по одной цистерне и в одном случае площадка для установки тарапана. Цистерна ранней винодельни была в первой половине III в. н.э. использована под яму-ботрас [Зинько А., Зинько, 2022.]. Позднее рядом сооружается новая винодельня, которая существует до начала V в. н.э.

Во второй половине III здание святилища претерпевает перепланировку и делится стеной на два помещения. В глубине дальнего помещения II вдоль задней северо-восточной стены фрагментарно сохранились два алтаря в виде прямоугольных каменных загоронок из поставленных на ребро плоских известняковых камней. Подобные по конструкции алтари неоднократно встречались на позднеантичных памятниках Боспора и были связаны с местными культами и верованиями. Святилище было заброшено не позднее середины V в. н.э. Северо-восточная часть здания разбирается, а в юго-восточном помещении возводится несколько очагов и оно функционирует еще до середины VI в. н.э. Неоднократные перестройки и нивелировки уровня полов и двора уничтожили большую часть сакральных предметов из святилища, поэтому сложно утверждать, каких божеств в нем почитали. [Зинько А., 2008].

Еще одно святилище было исследовано в 2010 г., у северной крепостной стены Тиритаки, где в раскопе XXVIII проводилось исследование помещения I (рис.8; рис.16). Восточная часть данного помещения находится в раскопе XXI, где экспедицией В.Ф. Гайдукевича в 1951-1952 гг. были открыты городские крепостные укрепления, состоящие из башни, оборонительной стены и построек, примыкавших к куртине с южной стороны. Именно здесь при рытье разведочной траншеи в 1957 г. М.А. Наливкиной был найден уникальный мраморный двурожковый светильник, датированный I в. н.э. [Наливкина, 1960, с.268].

В помещении святилища была расчищена вымостка из тщательно уложенных больших плоских необработанных камней. При зачистке западной части помеще-

ния у восточного фаса западной стены найден алтарь в виде небольшого каменного ящика, сложенного из нескольких грубо обработанных известняковых плиток (рис.23). Рядом находилась каменная крышка, стоявшая на ребре. Справа от алтаря, у западной стены помещения, вертикально стоял каменный антропоморф. В помещении среди фрагментов амфорной тары и столовой посуды первых веков н.э. найдены части керамической маски Диониса и два фрагмента большого мраморного плоского блюда. Есть все основания полагать, что в помещении I располагался сакральный комплекс, связанный с почитанием Диониса [Зинько, 2021]. При расчистке алтаря были обнаружены два золотых боспорских статера II в. н.э.: Евпатора, датированный 166 г. н.э. и Савромата II, датированный 179 г. н.э. [Абрамзон, Зинько, 2011].

Сакральный комплекс в помещении I, по-видимому, принадлежит к категории так называемых частных святилищ. Частные культы и святилища в античную эпоху были самыми распространенными сакральными действиями и культовыми объектами. Круг адептов того или иного культа, в нашем случае культа Диониса, или участников сакральных действий был небольшим. Это подразумевает, прежде всего, семейный характер таких святилищ. Кем бы ни были лица, посвятившие два золотых статера Дионису в сакральном комплексе в помещении I, они, несомненно, принадлежали к весьма обеспеченному слою населения Тиритаки [Зинько, 2021].

Строительные комплексы и напластования позднеримского и ранневизантийского периодов в той или иной степени сохранности были исследованы нами на участках работ. Наиболее полно они были представлены на раскопе XXVI. В последние десятилетия нами были впервые исследованы слои второй половины III – VII вв. н.э. в центральной части Тиритаки (раскоп XXVI). Как было установлено, в I в. н.э. одновременно с укреплением старых крепостных стен все городские сооружения в центральной части города были капитально перестроены, однако при этом сохраняются основные градостроительные оси планировки, установленные еще в последней трети VI в. до н.э. В зависимости от расположения все постройки в центральной части города можно условно разделить на две группы. В первую группу объединены комплексы центральной и восточной части раскопа, располагавшиеся в пределах верхней террасы. Во вторую – комплексы западной части раскопа, находившиеся соответственно в пределах нижней террасы, ограниченной на исследованном участке с востока подпорной стеной.

Центральную часть раскопанного участка XXVI во второй половине III – середине V в. занимал на площади около 300 кв. м. сакральный комплекс. Он состоял из большой одноэтажной постройки – здание святилища и Г-образного мощеного двора, на котором находились отдельные подсобные постройки. Вдоль восточной продольной стены святилища располагалась крытая галерея шириной до двух метров. Восточнее святилища располагалась территория, на которой к середине III в. находились несколько городских усадеб, но во второй половине III в. они пришли в упадок. Лишь отдельные помещения этих усадеб сохранились фрагментарно, но из-за плохой сохранности реконструировать планировку и размеры всей застройки этого

участка не удалось. Хотя, судя по наличию большого количества хозяйственных ям и очагов, датируемых второй половиной III в. – первой половиной V в., эта городская территория ранневизантийской Тиритаки довольно активно использовалась.

К западу от 1-й продольной (керамической) улицы, разделяющей верхнюю и нижнюю террасы и пересекающей исследованный участок верхнего города с северо-востока на юго-запад, располагался квартал из нескольких городских усадеб. Большая городская усадьба ЖКХ-I, площадь которой была не менее 225 кв. м, состояла из нескольких помещений, двух комплексов цистерн и хозяйственного двора.

Второй половиной V-третьей четвертью VI в. датируются археологические комплексы, частично сохранившиеся в северной, центральной и восточной частях раскопа, где было исследовано несколько жилых и хозяйственных построек и связанных с ними хозяйственных дворов. На этом же уровне также была прослежена одна из городских улиц – I-я продольная (керамическая) улица. К западу от этой улицы находились три городские усадьбы, а к востоку от нее – какое-то двухкамерное здание, окруженное П-образной площадью, мощенной каменными плитами и водостоками. К востоку от этой каменной площади находились две городские усадьбы с хозяйственными дворами и жилищно-хозяйственными постройками. К сожалению, в полном объеме застройку этого периода реконструировать не удалось. В качестве нижней хронологической границы для этого периода определена вторая половина V в., когда одновременно перестали функционировать и были заброшены комплексы, а в качестве верхней границы – третья четверть VI в. При этом более надежно археологическим материалом коррелируется только верхняя дата, которая согласуется с данными письменных источников о вторжении в 576 г. на Боспор племен тюркютов и утигуров. Таким образом, вполне возможно, что именно эти события послужили толчком к тому, что жизнь в боспорском городе Тиритака прервалась в очередной раз.

История Боспора в V в. н.э., особенно его первой половины, пока не поддается какому-то целостному воссозданию и вызывает большие споры среди ученых. Но, судя по раскопкам, жизнь на Тиритаке возрождается в конце IV-V вв. н.э. Не подлежит сомнению, что этому городу придавалось серьезное значение в V-VI веках н.э., когда Византийская империя стремилась утвердиться на берегах Боспора Киммерийского. В нач. VI в. н.э. в юго-восточной части города возводится христианская базилика, раскопанная В.Ф. Гайдукевичем в приморской части города в 1937 г. [Гайдукевич, 1952, с. 67 сл.]. Несмотря на неполную сохранность, план сооружения читается достаточно четко (рис.24). В сочетании с сопровождающими находками архитектурных деталей из проконесского мрамора оно было отнесено В.Ф. Гайдукевичем к типу трехнефных базилик. Мраморные детали архитектурного убранства хранятся в Керченском музее, а археологическая документация позволяет с достаточной полнотой восстановить облик древней христианской постройки. Это наиболее поздняя монументальная постройка, известная на территории Тиритаки. Тиритакскую базилику (рис.25) можно отнести к базиликам эллинистического типа, который характерен именно для Константинопольской архитектурной школы. В

то же время наличие апсиды, не выступающей наружу, характерно для построек Сирии. Аналогичное устройство восточной части имели многие базилики Северной Африки, Малой Азии, Палестины, Закавказья. Оно встречается также в Греции на островах Эгейского моря. Эта культовая постройка является уникальной по сохранности для боспорских базилик VI в.

На основании проведенных нами исследований город Тиритака в ранневизантийское время был довольно крупным и важным центром в южной части европейского побережья Боспора Киммерийского. Кварталы, ранее открытые В.Ф. Гайдукевичем, на южной и восточной окраине города сохранили регулярную застройку и направление основных улиц. Также и в центральной части города выявлены кварталы и улицы, в основе своей повторяющие городскую планировку первых веков. В основе планировки Тиритаки в ранневизантийское время была городская усадьба, состоящая из жилого одно-двухэтажного дома и расположенных во дворе хозяйственных комплексов и построек. Размеры тиритакских усадеб были сравнительно невелики – от 150 кв.м до 300 кв.м [Зинько, Зинько А., 2020, с.179]. Все это свидетельствует о том, что здесь проживало достаточно однородное городское население сравнительно невысокого достатка. Жилищно-хозяйственные постройки блокировались в кварталы и занимали всю городскую территорию общей площадью до 10 га и ограниченную ветхими крепостными стенами, капитально перестроенными еще в I в. н.э. Основными занятиями жителей этого боспорского города были рыбный промысел и сельское хозяйство, а также некоторые ремесла. Можно также предполагать, что самые большие городские усадьбы с производственными и хозяйственными постройками могли принадлежать незначительной по численности социальной верхушке из среды зажиточных горожан.

Строительные комплексы финального этапа существования Тиритаки в ранневизантийское время датируются в пределах последней четверти VI-третьей четверти VII в. и прослежены лишь в северо-западной и восточной части раскопа XXVI, наименее пострадавшей при строительстве на территории городища в 30-е гг. XXв. Здесь были открыты лишь частично сохранившиеся комплексы – постройки, небольшие участки мощеных дворов, хозяйственные ямы, врытые в землю пифосы и амфоры. Это остатки обычной рядовой жилой и хозяйственной городской застройки, однако функциональное назначение и планировку открытых сооружений и жилищно-хозяйственных комплексов выяснить не удалось.

Заканчивается этот период тюркским погромом 576 г., в ходе которого город, вероятно, был покинут жителями, однако жизнь в нем после недолгого перерыва продолжалась еще несколько десятилетий. Этот заключительный этап затухания жизни на городище датируется последней четвертью VI-третьей четвертью VII в. От пожаров в последней четверти VII в. погибли восстановленные жилые и хозяйственные постройки в Тиритаке [Гайдукевич, 1952, с.49 – 55, 67 – 72; 1958, с.172-173; Зинько, Зинько А., 2021, с.80], а также христианская базилика в припортовой части города. Город был окончательно заброшен и оставлен жителями, а на его территории в VIII – IX вв. функционирует салтово-маяцкое селище [Зинько, Пономарев, 2009].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Зинько В.Н.* Золотые статыры Евпатора и Савромата II из раскопок Тиритаки // ПИФК. 4 (34) М-Магнитогорск-Новосибирск, 2011. С.166 – 179.
- Алексеев А.Ю.* Скифская хроника (Скифы в VI – I вв. до н.э. Историко-археологический очерк). СПб., 1992. 206 с.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25 (Боспорские города I. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг.). С. 15–134.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 85 (Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг.). С. 150–218.
- Гайдукевич В.Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА. 1958а. № 85.
- Ернштедт Е.В.* Статуэтка Диониса из Тиритаки // СА, VII, 1941, с.174 – 188.
- Зинько А.В.* Рыболовный промысел в Тиритаке в III в.н.э. // БИ. Вып. XI. Симферополь-Керчь, 2006. С.177 – 186.
- Зинько А.В.* Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002 – 2005 гг. // ТГЭ, XLII. Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2008. С. 329 – 338.
- Зинько А.В.* Разведки на сельской округе Тиритаки в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні – 2009: Зб. наук. пр. / за ред. Д.Н. Козака. Київ-Луцьк, 2010. С. 139-140.
- Зинько А.В.* О кожевенном деле в боспорском городе Тиритака // Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010а. С.145 – 150.
- Зинько А.В.* Охранные исследования на некрополе Тиритаки и подводные разведки у мыса Ак-Бурун // Археологічні дослідження в Україні – 2013: Зб. наук. пр. / за ред. Д.Н. Козака. Київ-Луцьк: Волинські старожитності, 2014а. С. 38-39.
- Зинько А.В.* Изменения приморской полосы в окрестностях Тиритаки в античную и ранневизантийскую эпохи // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014б. С. 172–176.
- Зинько А.В.* К вопросу о рыболовном промысле в ранневизантийской Тиритаке // ТГЭ. Т. LXXIV. Византия в контексте мировой культуры. СПб, 2015. С. 369 – 376.
- Зинько А.В., Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В.* Археологические и антропологические исследования некрополя Тиритаки (по материалам раскопок 2011-2012 гг.) // XIV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Археологический объект в контексте истории. Керчь, 2013. С. 182–194.
- Зинько А.В., Шамрай А.М.* Подводные разведки в припортовой части Тиритаки // Археологічні дослідження в Україні – 2011: Зб. наук. пр. / за ред. Д.Н. Козака. Київ-Луцьк: Волинські старожитності, 2012. С. 46-47.
- Зинько А.В., Зинько В.Н.* Керамический комплекс из цистерны ЦВ-III в Тиритаке // XXIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Сакральное и материальное / Материалы международной научной конференции. Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2022. С.100 – 107.
- Зинько В.М.* Ранняя хора Тиритакского полиса // Археологія. 2007. №3. С.37 – 42.
- Зинько В.Н.* Основы городской планировки Тиритаки в VI-V вв. до н.э. // Материалы XIII

Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Проблемы урбанизации». Керчь, 2012. С. 152 – 156.

Зинько В.Н. Военно-политическая история Европейского Боспора (в свете новейших археологических открытий) //Материалы XIV Боспорских чтений «Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Археологический объект в контексте истории». Керчь, 2013. С.195 – 199.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. / при участии А.В. Буйских, И. Глушек, А.К. Каспарова, М.А. Котина, А.С. Русяевой, Т.Н. Шевченко / Боспорские исследования. Supplementum 11. Киев: ТОВ «Оранта Арт Бук», 2014. 592 с.

Зинько В.Н. Городские стены позднеархаической Тиритаки //С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в Античности. М., 2015. С.137 – 140.

Зинько В.Н. Косторезная мастерская в боспорском городе Тиритака //ПИФК. 3(61) М.-Магнитогорск - Новосибирск, 2018. С.73 – 79.

Зинько В.Н. Святилища Диониса в Тиритаке (старые находки – новые открытия) // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Новые открытия, новые проекты / Материалы международной научной конференции. Отв.ред. В.Н.Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь, 2021. С.126 – 131.

Зинько В.Н., Бейлин Д.В., Зинько А.В. Исследования Боспорской охранно-археологической экспедиции в 2006-2007 гг. // Археологічні відкриття в Україні 2006-2007 рр. Київ, 2008. С. 106–108.

Зинько В.Н., Зверев А.С., Федин М.М., Поротов А.А., Мысливец В.И., Путанс В.А. Керченский пролив в районе Камыш-Бурунской косы по данным высокоразрешающего сейсмоакустического профилирования // Морские берега – эволюция, экология, экономика: Материалы XXIV Международной береговой конференции, посвященной 60-летию со дня основания Рабочей группы «Морские берега» (Туапсе, 1–6 октября 2012 г.) / под ред. Л.А. Жиндарева. Краснодар: Издательский дом «Юг», 2012. Т. 1.С. 177–179.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Ранневизантийские слои Тиритаки (по материалам раскопок 2002–2005 гг.) // Византия в контексте мировой культуры. Тезисы докладов научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А.В. Банк. СПб., 2006. С. 12-13.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Новые исследования некрополя Тиритаки // Древности Боспора. – М., 2012. Вып. 16. С. 156–168.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д.С. Кирилина в 1974г. // БИ – Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь, 2018. С.302 – 331.

Зинько В.Н., Зинько А.В. Основы планировочной структуры боспорского города Тиритака в ранневизантийское время //МАИЭТ. Вып. XXV. Симферополь, 2020. С.168 – 186.

Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А. Работы Боспорской охранно-археологической экспедиции в 2008 г. // Археологічні відкриття в Україні в 2008 р. Київ, 2009. С. 62-63.

Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А. Работы Боспорской экспедиции в 2009 г. // Археологічні відкриття в Україні в 2009 р. / за ред. Д.Н. Козака. Київ-Луцьк, 2010. С. 141–143.

Зинько В.Н., Зинько А.В., Твардецкий А., Белик Ю.Л. Исследования Боспорской ОАЭ // Археологічні відкриття в Україні в 2010 р. / за ред. Д.Н. Козака. Київ-Полтава, 2011. С. 117-118.

Зинько В.Н., Пашкевич Г.А. Палеоботанические материалы ранних комплексов Тиритаки // БИ. – Симферополь-Керчь, 2010. Вып. XXIV. С. 65–83.

- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / при участии А.К. Каспарова, В.Е. Науменко, Д.Ю. Пономарева, И.А. Пономаревой, А.В. Поротова / Боспорские исследования. Supplementum. 5. Киев: АДЕФ-Україна, 2009. 328 с.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Бейлин Д.В.* Археологические разведки на хоре Тиритаки // БИ. – Симферополь-Керчь, 2007. Вып. XVI. С. 291–310.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В.* Исследования хоры Нимфея и городища Тиритака // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ: Шлях, 2004. С. 129–133.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю., Зинько А.В.* Археологические исследования хоры Нимфейского полиса и боспорского города Тиритака в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Запоріжжя, 2005. С. 129–133.
- Зинько В.Н., Поротов А.В., Мысливец В.И.* Развитие рельефа Западного побережья Керченского полуострова в позднем голоцене (приморская полоса античных городов Нимфея и Тиритаки) // Экологическая безопасность прибрежной и шельфовой зон и комплексное использование ресурсов шельфа. Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2011. Вып. 25. Т. 1. С. 83–95.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Из истории исследований Тиритаки: раскопки Д.С. Кирилина в 1974г. // БИ – Вып. XXXVII. Керчь-Симферополь, 2018. С. 302 – 331.
- Зинько В.Н., Зинько А.В.* Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // БИ – Вып. XLI. Керчь-Симферополь, 2020. С. 133 – 146.
- Зинько А.В., Зинько В.Н.* Турбулентность этнополитических процессов в Восточной Таврике в VI–VII вв. // МАИЭТ – Вып. XXVI. Симферополь, 2021. С. 71 – 89.
- Иванова А.П.* Голова из известняка, найденная в Тиритаке // МИА. № 25. М.-Л., 1952. С. 348 – 356.
- Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А.* Раскопки Тиритаки // Археологические открытия 1974 года / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1975. С. 286.
- Книпович Т.Н., Славин Л.М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса). С. 37–60.
- Марти В.Ю.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941а. № 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса). С. 93–95.
- Марти Ю.Ю.* Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. 1941а. № 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса). С. 11–24.
- Молева Н.В.* Несостоявшийся музей (исследования Тиритаки в середине 70-х гг. XX века) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 294–299.
- Наливкина М.А.* Мраморный светильник из Тиритаки // СА. 1960. № 1. С. 268–272.
- Петракова А.Е., Букина А.Г.* Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. Санкт-Петербург-Керчь, 2021. 312 с.
- Поротов А.В.* Геолого-геоморфологические особенности района Тиритакского городища // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / при участии А.К. Каспарова, В.Е. Науменко, Д.Ю. Пономарева, И.А. Пономаревой, А.В. Поротова / Боспорские исследования. Supplementum. 5. Киев: АДЕФ-Україна, 2009. С. 9–14.
- Поротов А.В., Зинько В.Н.* Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры

- Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // БИ. Симферополь-Керчь, 2013. Вып. XXVIII. С. 3–20.
- Поротов А.В., Мысливец В.И., Зинько В.Н., Зинько А.В., Гайанов В.Г., Зверев А.С.* Развитие рельефа побережья Керченского пролива в районе мыса Камыш-Бурун в позднем голоцене (по данным геоархеологических и сейсмоакустических исследований) // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 2014. № 2. С. 41–48.
- Русяева А.С.* Каталог граффити Тиритаки // Тиритака. Раскоп XXVI. Том II. Археологические комплексы VI-V вв. до н. э. / В.Н. Зинько при участии А.В. Буйских, И. Глушек, А.К. Каспарова, М.А. Котина, А.С. Русяевой, Т.Н. Шевченко / Боспорские исследования. Supplementum, 11. Киев: ТОВ «Оранта Арт Бук», 2014. С.481 – 512.
- Сазанов А.В.* Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Тезисы докладов конференции. Керчь, 1984. С.17.
- Сазанов А.В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых обществ. Тезисы докладов III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С. 128.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* Исследование Тиритаки в 1983–1985 гг. и проблемы истории позднеантичного Боспора // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 223.
- Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1. С. 84–102.
- Чевелев О.Д.* Исследования Керченской экспедиции // Археологические открытия 1983 года / под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1985. С. 371.
- Чевелев О.Д.* Варвары в Тиритаке VI–III вв. до н. э. по материалам раскопок некрополя // Проблемы исследований античных городов. Тезисы докладов III научных чтений, посвященных памяти проф. В. Д. Блаватского. М., 1989. С. 127-128.
- Шестаков С.А.* Охранные раскопки Тиритакского некрополя в 1983 году // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Тезисы докладов конференции. Керчь, 1984. С. 11.
- Arslanov Kh., Morhange Ch., Porotov A., Zinko V., Maslennikov A.* The assessment of radiocarbon reservoir age for antique time on the shoreline of the Kerch strait (Black sea) //IGCP 521 Fourth Plenary Meeting and Field Trip. - Abstracts book. – Bucharest-Varna, October 4 – 16, 2008. P. 3 – 5.
- Kelterbaum D., Brückner H., Dikarev V., Gerhard S., Pint A., Porotov A., Zin'ko V.* Palaeogeographic changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during mid- and late-Holocene // Geoarchaeology: An International Journal 27 (2012) P. 206 – 219.
- Porotov A., Zinko V., Zinko A.* The coastal change on the Crimean shore of Kerch strait since the Bronze Age (Black sea). //IGCP 521-INQUA “Caspian-Black Sea-Mediterranean Corridor during last 30 ky: Sea level change and human adaption”. Fifth Plenary Meeting and Field Trip. Abstracts book. Izmir-Chanakkale, Turkey, 22 – 31 August 2009. P.97.
- Twardecki A.* The ancient site of Tyritake in the Cimmerian Bosphorus, Polish excavations 2008 – 2013 // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Warsaw, 2014. P. 15 – 46.
- Zinko A.* Research on the Tyritake necropolis // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Warsaw, 2014. P. 95 – 110.
- Zinko A.V., Zinko V.N.* The relief of the western coast of the Cimmerian Bosphorus in antiquity (according to geoarchaeological research) //Mediterranean Geoarchaeology Workshop.

Shaping the Mediterranean basin: island, coastlines and cultures across time. Cagliari, 14-15 May 2015, Italy, p.18.

Zinko V. Tyritake in Archaic times // Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Warsaw, 2014. P. 47 – 62.

Zin'ko V. Twarddecki A. A Late Roman Kitchen from Tyritake // 5th International Congress on Black Sea Antiquities. Summaries of Papers. Belgrade, 2013, p. 94.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Zin'ko V.N. Zolotyie statory Evpatora i Savromata II iz raskopok Tiritaki. *PIFK*. 4 (34). M-Magnitogorsk-Novosibirsk, 2011, pp.166 – 179.
- Alekseev A. Yu. Skifskaya khronika (Skify v VI – I vv.do n.e. Istoriko-arkheologicheskii ocherk). SPb. 1992, 206 p.
- Arslanov Kh., Morhange Ch., Porotov A., Zin'ko V., Maslennikov A. The assessment of radiocarbon reservoir age for antique time on the shoreline of the Kerch strait (Black Sea) //IGCP 521 *Fourth Plenary Meeting and Field Trip. Abstracts book*. Bucharest-Varna, October 4 – 16, 2008, pp. 3 – 5.
- Chevelev O.D. Issledovaniia Kerchenskoii ekspeditsii. *Arkheologicheskie otkrytiia 1983 goda*. Ed. Rybakov B.A. M. 1985, 371 p.
- Chevelev O.D. Varvary v Tiritake VI–III vv.do n.e. po materialam raskopok nekropolia. *Problemy issledovaniia antichnykh gorodov. Tezisy dokladov III nauchnykh chtenii, posviashchennykh pamiati prof.V.D.Blavatskogo*. M., 1989, pp. 127-128.
- Ernshtedt E.V. Statuetka Dionisa iz Tiritaki. *SA*, VII. 1941, pp.174 – 188.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *MIA*. № 25 (*Bosporskie goroda I. Itogi arkheologicheskikh issledovaniia Tiritaki i Mermekii v 1935–1940 gg.*)1952, pp. 15–134.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki i Mermekii v 1946–1952 gg. *MIA*. № 85 (*Bosporskie goroda. Raboty Bosporskoii ekspeditsii 1946–1953 gg.*). 1958, pp. 150–218.
- Gaidukevich V.F. Vinodelie na Bospore. *MIA*. № 85.1958a.
- Ivanova A.P. Golova iz izvestniaka, naidennaia v Tiritake. *MIA*. № 25. M.-L., 1952, pp.348 – 356.
- Kelterbaum D., Brückner H., Dikarev V., Gerhard S., Pint A., Porotov A., Zin'ko V. Palaeogeographic changes at Lake Chokrak on the Kerch Peninsula, Ukraine, during mid- and late-Holocene. *Geoarchaeology: An International Journal* 27 (2012), pp. 206 – 219.
- Kirilina D.S., Molev E.A., Gladkova T.A. Raskopki Tiritaki. *Arkheologicheskie otkrytiia 1974 goda*. Ed. Rybakov B.A. M. 1975. 286 p.
- Knipovich T.N., Slavina L.M. Raskopki yugo-zapadnoi chasti Tiritaki. *MIA*. № 4 (*Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa*). 1941, pp. 37–60.
- Marti V.Yu. Rybozasolochnye vannы Tiritaki. *MIA*. № 4 (*Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa*).1941a, pp. 93–95.
- Marti Yu.Yu. Gorodskie krepostnye steny Tiritaki ii prilgaiushchii kompleks rybozasolochnykh vann. *MIA*. № 4 (*Arkheologicheskie pamiatniki Bospora i Khersonesa*).1941a, pp. 11–24.
- Moleva N.V. Nesostoiavshiiis muzei (issledovaniia Tiritaki v seredine 70-kh gg. XX veka) // *XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti ii srednevekov'ia*. *Issledovateli i issledovaniia*. Kerch'. 2016, pp. 294–299.
- Nalivkina M.A. Mramorniye svetil'nik iz Tiritaki. *SA*. № 1. 1960, pp. 268–272.
- Petrakova A.E., Bukina A.G. *Atticheskaia chernofignurnaia ii chernolakovaia keramika Tiritaki*. SPb. Kerch', 2021. 312 p.

- Porotov A., Zinko V., Zinko A. The coastal change on the Crimean shore of Kerch strait since the Bronze Age (Black sea). *IGCP 521-INQUA "Caspian-Black Sea-Mediterranean Corridor during last 30 ky: Sea level change and human adaption". Fifth Plenary Meeting and Field Trip. Abstracts book.* Izmir-Chanakkale, Turkey, 22 – 31 August 2009. 97p.
- Porotov A.V. Geologo-geomorfologicheskie osobennosti raiona Tiritakskogo gorodishcha. *Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. / pri uchastii A.K.Kasparova, V.E.Naumenko, D.Yu. Ponomareva, I.A. Ponomarevoi, A.V. Porotova. Bosporskie issledovaniia.* Supplementum. 5. Kiev: ADEF-Ukraina, 2009, pp. 9–14.
- Porotov A.V., Zin'ko V.N. Izmenenie urovnia moria i rel'ef primorskoj polosy khory Tiritaki i Nimfeia v antichnoe vremia (zapadnoe poberezh'e Kerchenskogo proliva) *Bl. XXVIII. Simferopol'-Kerch'.* 2013, pp. 3–20.
- Porotov A.V., Myslivets V.I., Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Gaianov V.G., Zverev A.S. Razvitie rel'efa poberezh'ia Kerchenskogo proliva v raione mysa Kamysh-Burun v pozdnem golotsene (po dannym geoarkheologicheskikh ii seismoakusticheskikh issledovaniim). *Vestnik MGU. Ser.5. Geografii.* № 2. 2014, pp. 41–48.
- Rusyaeva A.S. Katalog graffiti Tititaki. *Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. II. Arkheologicheskie komplekсы VI-V vv.do n.e. / Ed. V.N. Zin'ko pri uchastii A.V.Buiskikh, I.Glushek, A.K.Ksparova, M.A.Kotina, A.S.Rusiaevoi, T.N. Shevchenko Bosporskie issledovaniia.* Supplementum. 11. Kiev: TOV «Oranta Art Book», 2014, pp. 481 – 512.
- Sazanov A.V. Rezul'taty issledovaniia pozdnikh sloev gorodishcha Tiritaki. *Problemy istorii i arkheologii Vostochnogo Kryma. Tezisy dokladov konferentsii.* Kerch', 1984. 17 p.
- Sazanov A.V. *Bospor v rannevizantiiskoe vremia. Khoziaistvo i kul'tura doklassovykh obshchestv. Tezisy dokladov III konferentsii molodykh uchenykh IA AN SSSR.* M., 1986. 128 p.
- Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. Issledovanie Tiritaki v 1983–1985 gg. Ii problem istorii pozdneantichnogo Bospora. *Zadachi sovetskoj arkheologii v svete reshenii XXVII s'ezda KPSS. Tezisy dokladov Vsesoiuznoi konferentsii.* (Suzdal', 1987). M., 1987. 223p.
- Sazanov A.V., Ivashchenko Yu.F. *K voprosu o datirovках pozdneantichnykh sloev gorodov Bospora. SA.* № 1.1989, pp. 84–102.
- Shestakov S.A. Okhrannye raskopki Tiritakskogo nekropolia v 1983 godu. *Problemy istorii ii arkheologii Vostochnogo Kryma. Tezisy dokladov koferentsii.* Kerch', 1984. 11p.
- Twardecki A. The ancient site of Tyrítake in the Cimmerian Bosphorus, Polish excavations 2008 – 2013. *Tyrítake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus.* Warzaw, 2014, pp. 15 – 46.
- Zin'ko A.V. Rybolovnyi promysel v Tiritake v III v.n.e. *Bosporskie issledovaniia.* XI. Simferopol'-Kerch', 2006, pp.177 – 186.
- Zin'ko A.V. Bosporskii gorod Tiritaka v rannevizantiiskuiu epokhu. Po materialam raskopok 2002 – 2005 gg. *TGE. XLII. Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury.* SPb., 2008, pp. 329 – 338.
- Zin'ko A.V. Razvedki na sel'skoi okruge Tiritaki v 2009 g. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini 2009.* /Ed.Kozak.D.N. Kiiv-Luts'k, 2010, pp. 139–140.
- Zin'ko A.V. O kozhevnom dele v bosporskom gorode Tiritaka. *Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Remiosla i promysly.* Kerch' 2010a, pp.145 – 150.
- Zin'ko A.V., Shamrai A.M. Podvodnye razvedki v priportovoi chasti Tiritaki. *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini–2011. Ed.Kozak.D.N. Kiiv-Luts'k: Volyns'ki starozhytnosti,* 2012, pp. 46–47.
- Zin'ko A.V., Ponomarev D.Yu., Nikitaev A.V. Arkheologicheskie ii antropologicheskie issledovaniia nekropolia Tiritaki (po materialam raskopok 2011-2012 gg.) *Bosporskie chteniia. Bospor*

- Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istorii.* Kerch', 2013, pp. 182–194.
- Zinko A. Research on the Tyritake necropolis. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus.* Warsaw, 2014, pp. 95 – 110.
- Zin'ko A.V. Okhrannye issledovaniia na nekropole Tiritaki i podvodnye razvedki u mysy Ak-Burun *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini– 2013. Ed. Kozak. D.N. – Kiiiv-Luts'k: Volyns'ki starozhytnosti,* 2014a, pp. 38-39.
- Zin'ko A.V. Izmeneniia primorskoj polusy v okrestnostiakh Tiritaki v antichnuiu i rannevizantiiskuiu epokhi. *XV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Aktual'nye problemy khronologii.* 2014b, pp. 172–176.
- Zinko A.V., Zinko V.N. The relief of the western coast of the Cimmerian Bosphorus in antiquity (according to geoarchaeological research). *Mediterranean Geoarchaeology Workshop, Shaping the Mediterranean basin: island, coastlines and cultures across time.* Cagliari, 14-15 May 2015, Italy, p. 18.
- Zin'ko A.V.K. voprosu o rybolovnom promysle v rannevizantiiskoi Tiritake. TGE.Vol.. LXXIV. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury.* SPb. 2015, pp. 369 – 376.
- Zin'ko A.V., Zin'ko V.N. Turbulentnost' etnopoliticheskikh protsessov v Vostochnoi Tavrike v VI-VII vv. *MAIET. XXVI.* Simferopol', 2021, pp.71–89.
- Zin'ko A.V., Zin'ko V.N. Keramicheskii kompleks iz tsisterny Ts V-III v Tiritake. *XXVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti ii srednevekov'ia. Sakral'noe i material'noe. Materialu mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Ed. Zin'ko V.N., Zin'ko E.A. Simferopol'-Kerch', 2022, pp. 107.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu., Zin'ko A.V. Issledovaniia khory Nimfeia i gorodishcha Tiritaka. *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini v 2002-2003 gg.* Kiiiv: Shliakh, 2004, pp. 129–133.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu., Zin'ko A.V. Arkheologicheskie issledovaniia khory Nimfeiskogo polisa i bosporskogo goroda Tiritaka v 2004g. *Arkheologichni doslidzhinnia v Ukraini v 2003-2004 gg.* Zaporizhzhia, 2005, pp. 129–133.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Rannevizantiiskie sloi Tiritaki (po materialam raskopok 2002–2005 gg.). *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, posviashchennoi stoletiiu so dnia rozhdeniia A.V. Bank.* SPb, 2006, pp. 12–13.
- Zin'ko V.N. Rannia khora Tiritakskogo polisa. *Arkheologiiia.* №3. 2007, pp. 37– 42.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu., Beilin D.V. Arkheologicheskie razvedki na khore Tiritaki. *Bosporskie issledovaniia.* XVI. Simferopol' - Kerch', 2007, pp. 291–310.
- Zin'ko V.N., Beilin D.V., Zin'ko A.V. Issledovaniia Bosporskoj okhranno-arkheologicheskoi ekspeditsii v 2006-2007 gg. *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini v 2006-2007 gg.* Kiiiv, 2008, pp. 106–108.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. I. *Arkheologicheskie komplekisy VIII-X vv. / pri uchastii A.K.Kasparova, V.E.Naumenko, D.Yu.Ponomareva, I.A.Ponomarevoi, A.V.Porotova.* Bosporskie issledovaniia. Supplementum. 5. Kiev: ADEF-Ukraina, 2009. 328p.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetskii A. Raboty Bosporskoj okhranno-arkheologicheskoi ekspeditsii v 2008 g. *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini v 2008. / Ed Kozak D.N.* Kiiiv, 2009, pp. 62-63.
- Zin'ko V.N., Pashkevich G.A. Paleobotanicheskie materialy rannikh kompleksov Tiritaki *Bosporskie issledovaniia.* XXIV. Simferopol' - Kerch' 2010, pp. 65–83.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetskii A. Raboty Bosporskoj ekspeditsii v 2009 g. *Arkheologichni vidkryttia v Ukraini v 2009. / Ed Kozak D.N.* Kiiiv-Luts'k, 2010, pp. 141–143.

- Zin'ko V.N., Porotov A.V., Myslivets V.I. Razvitie rel'efa zapadnogo poberezh'ia Kerchenskogo poluostrova v pozdnem golotsene (primorskaia polosa antichnykh gorodov Nimfeia i Tiritaki). *Ecologicheskaia bezopasnost' pribrezhnoi i shel'fovoi zon i kompleksnoe ispol'zovanie resursov shel'fa*. Vyp. 25. Vol. 1. Sevastopol': EKOSI- Gidrofizika, 2011, pp.83–95.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V., Tvardetskii A., Belik Yu.L. Issledovaniia Bosporskoii OAE. *Arkheologichni vidkryttaa v Ukraini v 2010. / Ed Kozak D.N. Kiiv-Poltava, 2011, pp. 117–118.*
- Zin'ko V.N. Osnovy gorodskoi planirovki Tiritaki v VI–V vv.do n.e. *Materialy XIII Bosporskikh chtenii. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti ii srednevekov'ia.Problemy urabnizatsii*. Kerch', 2012, pp. 152–156.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Novye issledovaniia nekroolia Tiritaki. *Drevnosti Bospora*. Vyp.16., 2012, pp. 156–168.
- Zin'ko V.N., Zverev A.S., Fedin M.M., Porotov A.A., Myslivets V.I., Putans V.A. Kerchenskii proliv v raione Kamysh-Burunskoi kosy po dannym vysokorazreshaiushchego seismoakusticheskogo profilirovaniia. *Morskii berega-evoliutsiia, ekologiia, ekonomika: Materialy XXIV Mezhdunarodnoi beregovoi konferentsii, posviashchennoi 60-letiiu so dnia osnovaniia Rabochei grupy "Morskii berega"*. Vol.1.(Tuapse, 1–6 October 2012 g.) / Ed. Zhindarev L.A. Krasnodar: Publishing House– Yug, 2012, pp. 177–179.
- Zin'ko V.N. Voенно-politicheskaiia istoriia evropeiskogo Bospora (v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii). *Materialy XIV Bosporskikh chtenii. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Arkheologicheskii ob'ekt v kontekste istoriivaniia*. Kerch', 2013, pp.195–199.
- Zin'ko V., Twardecki A. A Late Roman Kitchen from Tyritake. *The 5th International Congress on Black Sea Antiquities. Summaries of Papers*. Belgrade 2013, P. 94.
- Zin'ko V.N. Tiritaka. Raskop XXVI. Vol. II. Arkheologicheskie komplekсы VI–V vv.do n.e. / pri uchastii A.V. Buisikh, I.Glushchek, A.K. Kasparova, M.A. Kotina, A.S. Rusiaevoi, T.N.Shevchenko. *Bosporskie issledovaniia*. Supplementum. 11. Kiev: TOV «Oranta Art Book», 2014. 592 p.
- Zin'ko A. Research on the Tyritake necropolis. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus*. Warzaw, 2014, pp. 95–110.
- Zin'ko V. Tyritake in Archaic times. *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosporus*. Warzaw, 2014, pp. 47–62.
- Zin'ko V.N. Gorodskie steny pozdnearkhaicheskoi Tiritaki. *S Mitridata duet veter. Bospor i Prichernomor'e v antichnosti*. M., 2015, pp.137–140.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Iz istorii issledovaniia Tiritaki: raskopki D.S.Kirilina v 1974 g. *Bosporskie issledovaniia*. XXXVII. Simferopol' - Kerch', 2018, pp. 302–331.
- Zin'ko V.N. Kostoreznaia masterskaia v bosporskom gorode Tiritaka. *PIFK – 3(61)*. M.-Magnitogorsk - Novosibirsk, 2018, pp. 73–79.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Osnovy planirivochnoi struktury bosporskogo goroda Tiritaka v rannevizantiiskoe vremia. *MAIET*. XXV. Simferopol', 2020, pp. 168–186.
- Zin'ko V.N., Zin'ko A.V.Sakral'nyi kompleks iz raskopok bosporskogo goroda Tiritaka. *Bosporskie issledovaniia*. XLI. Simferopol' - Kerch', 2020, pp.133–146.
- Zin'ko V.N.Sviatilishcha Dionisa v Tiritake (starye nakhodki – novye otkrytiia). *XXII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Novye otkrytiia, novye proekty.Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ed. Zin'ko V.N., Zin'ko A.V. Simferopol' - Kerch', 2021, pp. 126–131.

Резюме

В статье рассматривается 90-летний период научно-исследовательских археологических работ на территории боспорского города Тиритака, которые были начаты Керченским музеем летом 1932 г. В 1935 г. эти исследования были продолжены В.Ф. Гайдукевичем и проводились им до 1957 г. Впоследствии, в 1974 г., проводились раскопки сотрудниками Керченского музея Д.С. Кирилиным, а в 1983 – 1985 гг. О.Д. Чевелевым. Спустя два десятилетия в 2002 г. работы на Тиритаке продолжила Боспорская охранно-археологическая экспедиция под руководством В. Н. Зинько. Им был начат многолетний научно-исследовательский проект «Боспорский город Тиритака», который состоял из трех основных частей: комплексные археологические исследования, создание археологического парка и регулярное издание результатов всех проведенных исследований. За 20-летний период научным коллективом под руководством В. Н. Зинько проделан значительный объем работ по всем направлениям, по результатам которых Тиритака стала одним из самых изученных городищ Европейского Боспора.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Тиритака, археологические раскопки, 90 лет исследований, старые и новейшие результаты.

Summary

The article deals with the ninety-year period of archaeological research work on the territory of the Bosporan city of Tyritake. It was started by the Kerch Museum in the summer of 1932. Since 1935 these studies were continued by the Institute of the History of Material Culture expedition headed by Gaidukevich V.F. He conducted excavations until 1957. Subsequently, they were carried out by the employees of the Kerch Museum. In 1974, Kirilin D.S. led the excavations, and in 1983–1985 gg. Chevelev O.D. continued them. Two decades later, in 2002, the Bosporan Protective and Archaeological Expedition under the supervision of Zin'ko V.N. started up work on Tyritake again. Zin'ko V.N. initiated a multi-year scientific research project «Bosporan city of Tyritake». It consisted of three main parts: complex archaeological research; creation of an archaeological park, and regular publication of the results of all carried out research. Over the twenty-year period of work, the research team under the guidance of Zin'ko V.N. has done a significant amount of work in all areas. As a result, Tyritake has become one of the most studied settlements of the European Bosphorus.

Key words: Cimmerian Bosphorus, Tyritake, archaeological excavations, ninety years of research, old and the latest results.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник,
Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского,
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма.
295007, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, 4.
zinko@bf-demetra.ru

Зинько Алексей Викторович, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории
и археологии Крыма.
a.zinko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor N. Zin'ko, DSc,
Leading Researcher,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Research center of History
and Archaeology of the Crimea
Prospekt Vernadskogo, 4,
295007, Simferopol, Russian Federation.
zinko@bf-demetra.ru

Alexej V. Zin'ko, Csc,
Senior Researcher,
Crimean Federal University,
Research center of History
and Archaeology of the Crimea.
a.zinko@mail.ru

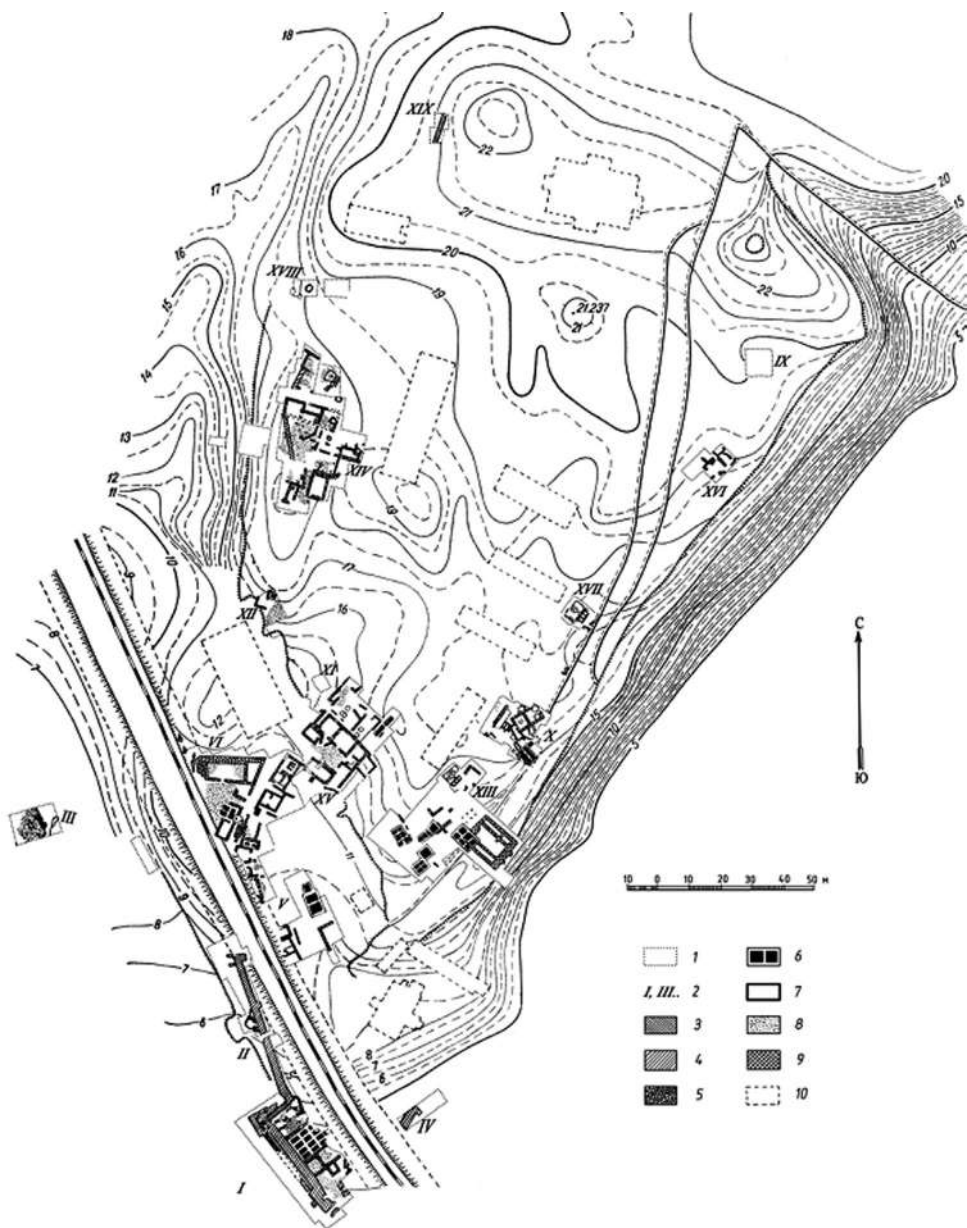

Рис. 1. Тиритака. Общий план раскопов 1932 – 1940 гг. 1 – раскопанные участки; 2 – номера раскопов; 3 – ранняя крепостная стена; 4 – эллинистическая крепостная стена; 5 – стены зданий античной эпохи; 6 – рыбозасолочные цистерны; 7 – резервуары виноделен; 8 – каменные вымостки; 9 – раннесредневековые постройки; 10 – участки застройки XXв. (по: Гайдукевич, 1952).

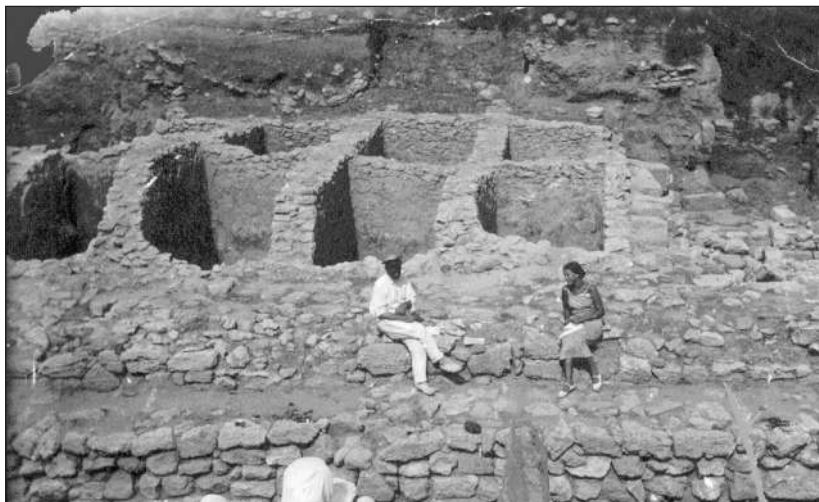

Рис. 2. Тиритака, раскоп I-II, вид с юга. У южной крепостной стены на фоне рыбзасолочных цистерн сидит Ю.Ю. Марти. Раскопки КИАМ 1932 г.

Рис. 3. Тиритака. Остатки стен в северной половине раскопа V, вид с юго-запада. Раскопки ГАИМК, 1933 г.

Рис. 4. Тиритака, В.Ф. Гайдукевич (сидит слева в первом ряду) с сотрудниками экспедиции 1935 г.

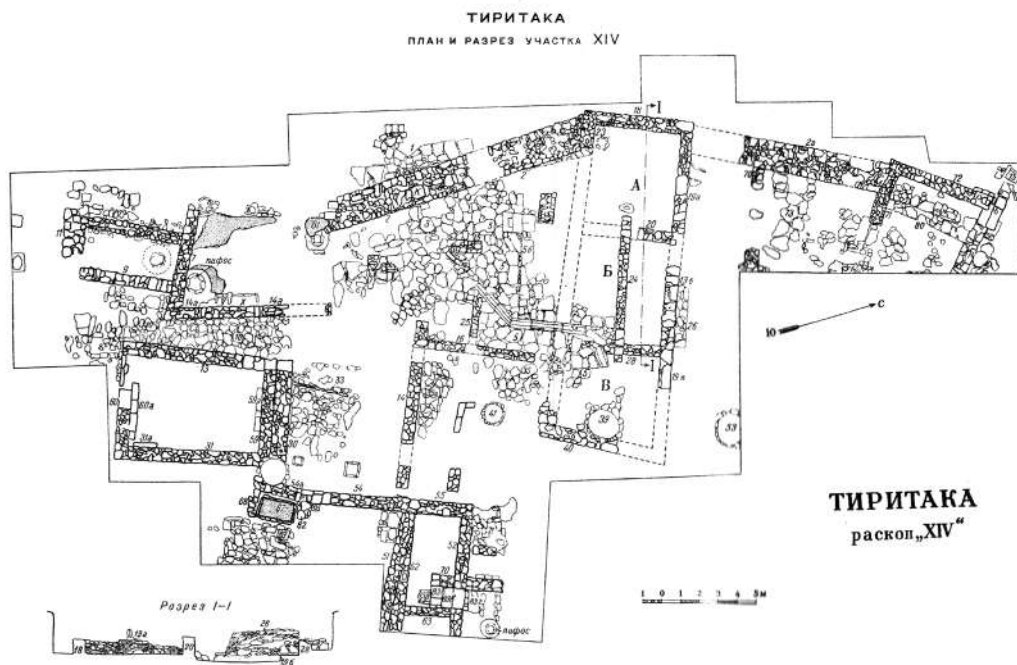

Рис. 5. Тиритака, план раскопа XIV, 1940 г.

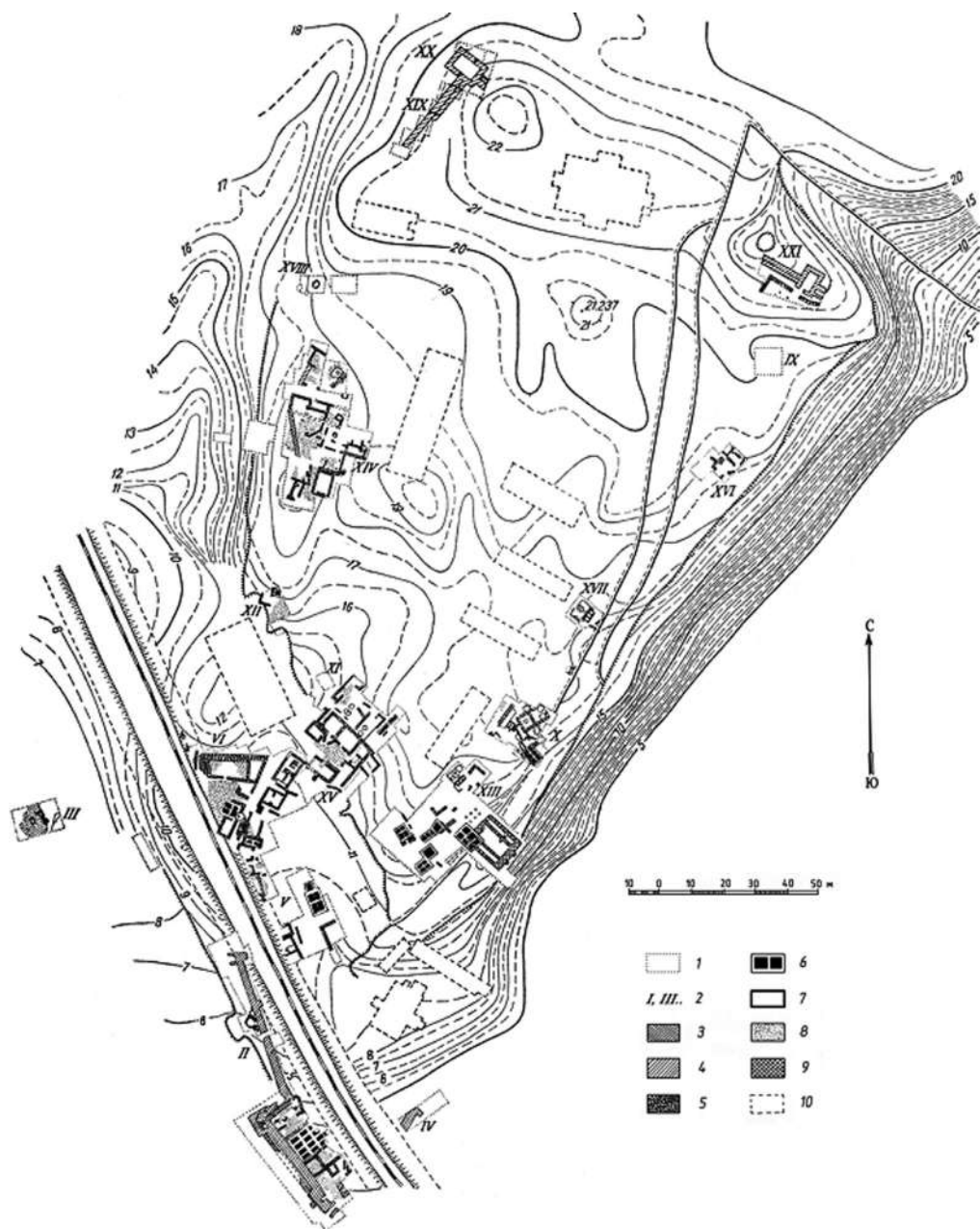

Рис. 6. Тиритака. Общий план раскопов 1946 – 1952 гг. 1 – раскопанные участки; 2 – номера раскопов; 3 – ранняя крепостная стена; 4 – эллинистическая крепостная стена; 5 – стены зданий античной эпохи; 6 – рыбозасолочные цистерны; 7 – резервуары виноделен; 8 – каменные вымостки; 9 – раннесредневековые постройки; 10 – участки застройки XX в. (по: Гайдукевич, 1958).

Рис.7. Тиритака. Раскоп XXII Д.С. Кирилина. Вид с С-В.

Рис. 8.1. Тиритака. Раскоп XXVI В.Н. Зинько. Вид сверху с запада. 2013 г.

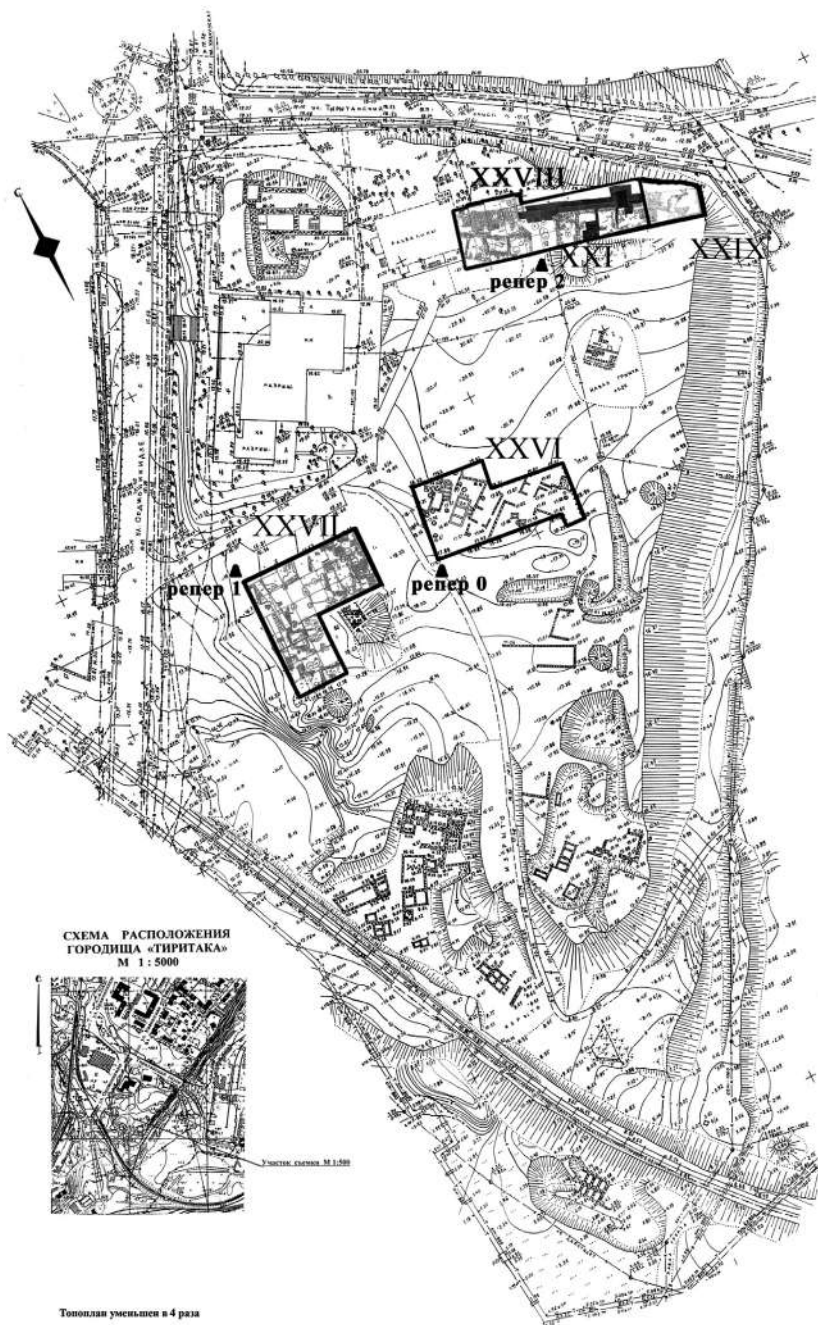

Рис. 8. Тиритака. Общий план раскопов 2002 – 2021 гг.

Рис. 9. Тиритака. Раскоп XXVI. Полуземлянка № 1, вид с юга.

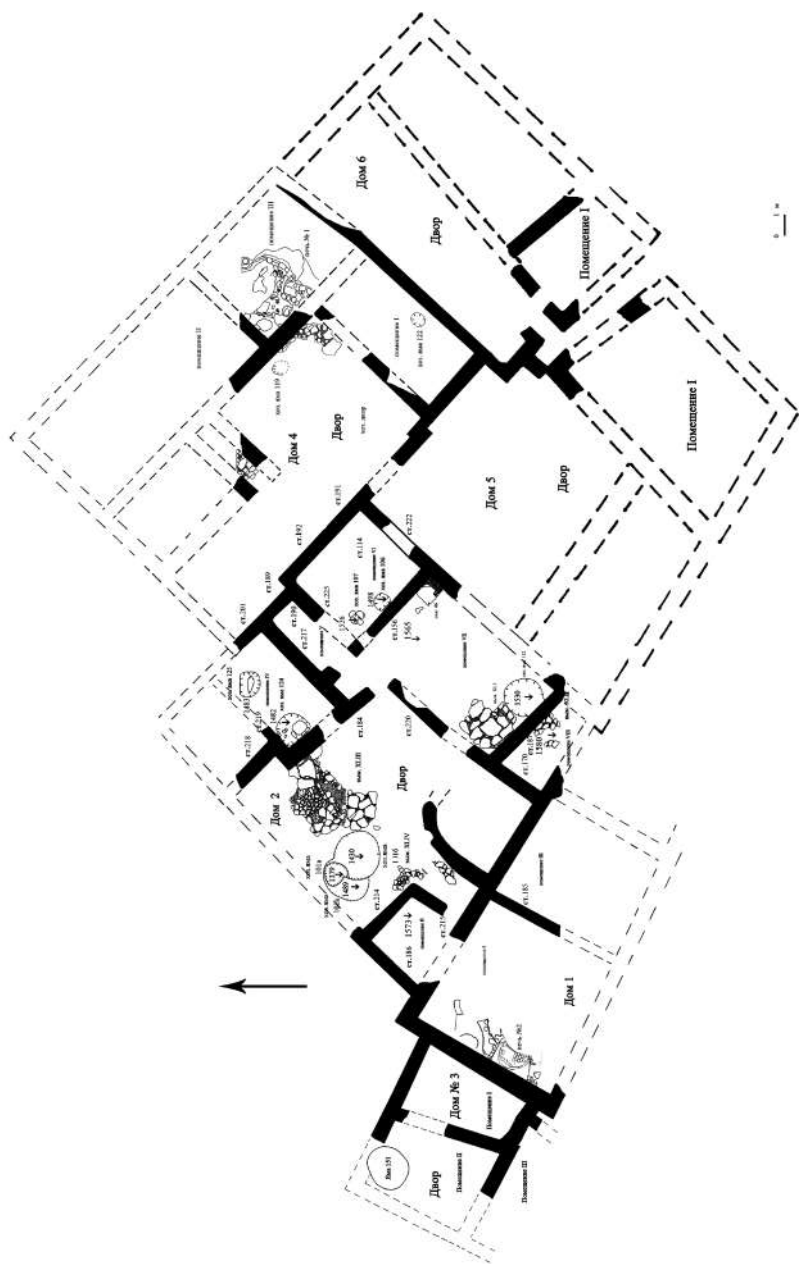

Рис. 10. Тиргатак. Раскоп XXVI. Реконструкция планировки домов позднелезянского квартала.

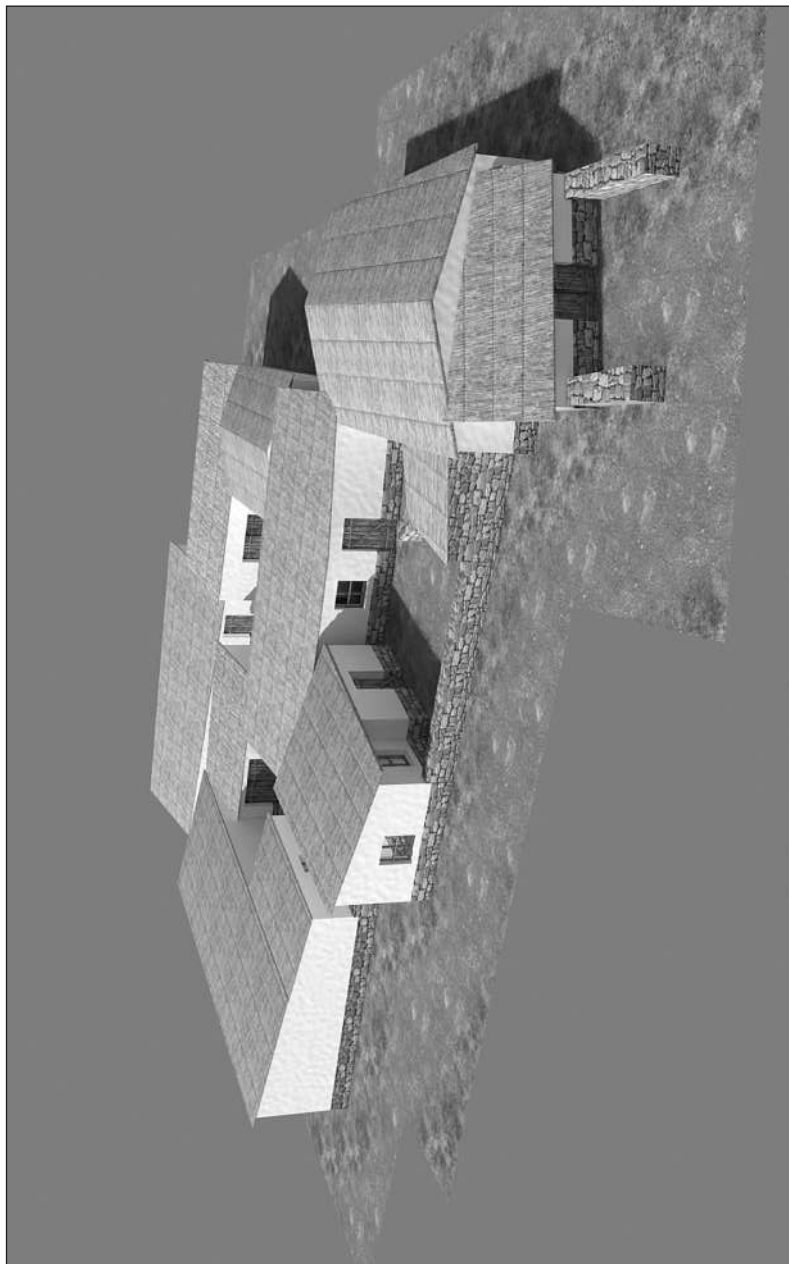

Рис. 11. Тиригака. Объемная реконструкция позднеархаических домов на раскопе XXVI. Вид с запада.

Рис. 12. Тиритака. Раскоп XXVII, вид с востока сверху, 2017 г.

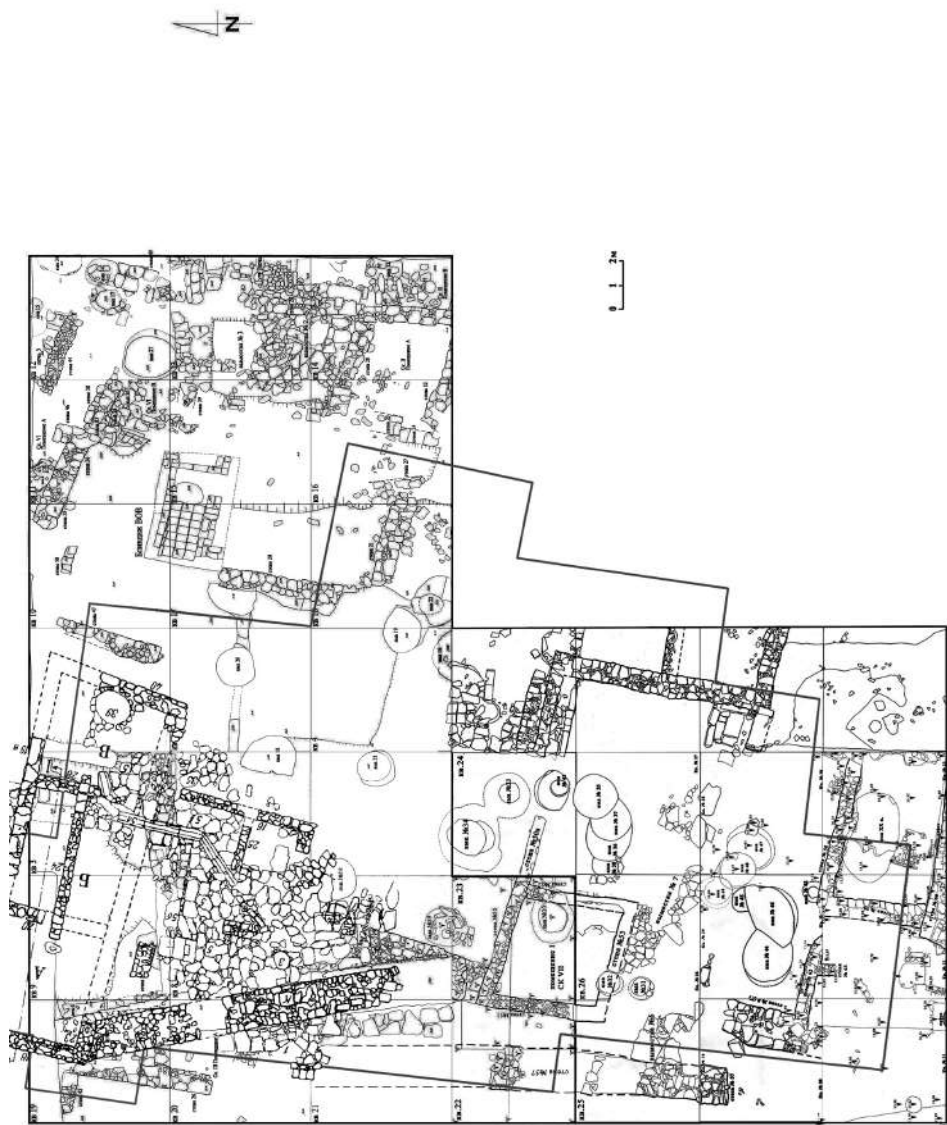

Рис.13. Тиритака. Раскоп XXVII, план западного теменоса.

Рис. 14. Тиритака. Раскоп XXVII. Остатки каменных цоколей построек последней трети VI в. до н.э., перекрытые крепостной стеной. Вид с запада.

Рис. 15. Тиритака. Раскоп XXVII. Слои 2-х пожаров у основания западной крепостной стены. Вид с запада.

Рис. 16. Тиритака. Северная крепостная стена (объединенные раскопы XXI, XXVIII, XXIX). Вид сверху, 2017 г.

Рис. 17. Тиритака. Северная крепостная стена и прилегающие с юга дома на расколе XXVII. Вид сверху.

Рис. 18. Тиритака. Раскоп XXVII. Эллинистическое святилище (СК-IX), вид с юга.

Рис. 19. Тиритака. Раскоп XXVII. Вотивный костяной предмет с изображением Гарпократа.

Рис. 20. Триггака. Раскоп XXII. Винодельня, исследованная Д.С. Кириллиным в 1974 г. Вид с востока.

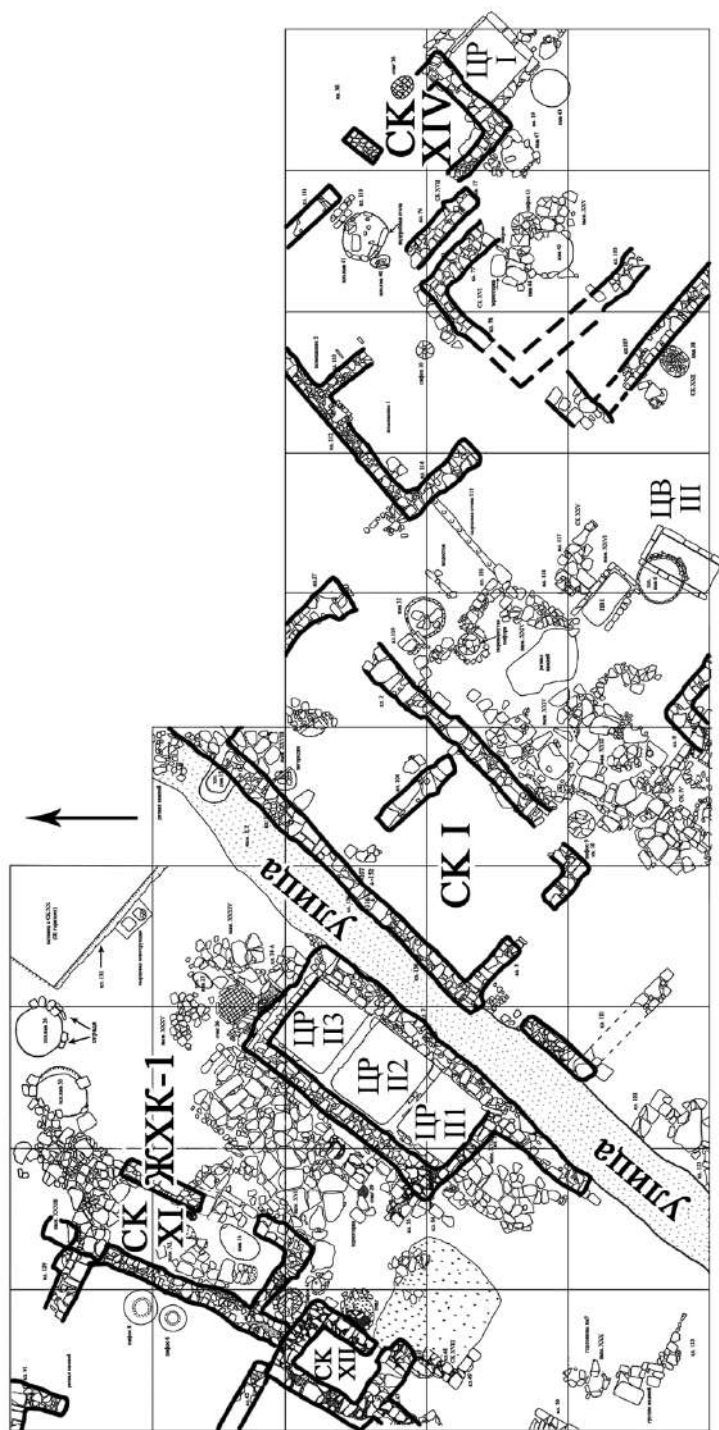

Рис. 21. Тиритака. План раскопа XXVI с постройками I – V вв. н.э.

Рис. 22. Тиргатака. Раскол XXVI. Комплекс по обработке кожи в ЖКХ-1. Вид с запада.

Рис. 23. Тиритака. Раскоп XXVIII. Святылище Диониса, вид с востока.

Рис. 25. Тиритакская базилика. Современное состояние, фото 2014 г.

MEMORIAL

ПАМЯТИ ГОЧИ РЕВАЗОВИЧА ЦЕЦХЛАДЗЕ IN MEMORY OF GOCHA R. TSETSKHLADZE

11 сентября 2022 г., когда уже завершалась подготовка этого юбилейного номера «Боспорских исследований», пришла печальная весть: на 60 году ушел из жизни Гоча (Георгий) Ревазович Цецхладзе – археолог, историк античного мира, автор и издатель множества научных трудов, выдающийся организатор науки, человек необычной судьбы, специалист по античной истории и археологии Древней Греции и Северного Причерноморья.

Гоча Ревазович Цецхладзе родился 12 декабря 1962 г. в Грузии. Уже в школьные годы его заинтересовали археологические раскопки, производившиеся на окраине родного города. Вскоре он стал постоянным участником экспедиции, которой руководил известный грузинский археолог А.Ю. Кахидзе. Экспедиция раскапывала древнеколхидский могильник в Пичвнари (V в. до н.э.). С этого времени проблемы греческой колонизации Причерноморья стали основной темой научной

работы Гочи Цецхладзе. В годы учебы его выбрали президентом Малой академии наук Грузинской ССР, которая объединяла школьников, склонных к научной работе. За научную работу о раскопках в Пичвнари Гоча Цецхладзе получил высшую награду Академии наук Грузии, которую ему вручил сам президент академии Евгений Харадзе. Закончив в 1980 г. школу, Гоча три года подряд пытался поступить на исторический факультет Тбилисского государственного университета, наивно полагая, что знания и «заслуги» перед наукой освобождают его от уплаты обычного в то время для Грузии коррупционного «взноса» в размере, который его семья не могла себе позволить. Когда на третий год декан факультета дружески объяснил ему, что при всем уважении к Гоче и его учености он не может сделать для него исключение. Тогда старшие коллеги из других республик Советского Союза, в частности преподаватель исторического факультета Харьковского государственного университета В.А.Латышева, посоветовали ему выбрать другой вуз страны, что он и сделал, поступив в 1983 г. в Харьковский университет.

После окончания университета и аспирантуры Гоча Цецхладзе уезжает на стажировку в Великобританию, где впоследствии и обосновался. Он работал на раскопках греческих колоний, расположенных вдоль Черноморского побережья Грузии, России и Украины, а также преподавал в Лондонском и Мельбурнском университетах. Был избран почетным профессором ряда европейских университетов. В 2009г. Г.Р. Цецхладзе стал директором раскопок в Центральной Анатолии в Пессинусе. Он основал и руководил работой редакций нескольких периодических англоязычных изданий по античной истории и археологии. Гоча Ревазович организовал и провел на протяжении более двух десятков лет шесть международных конгрессов о черноморских древностях. Седьмой конгресс планировал провести осенью 2021 г. в Фессалониках, но из-за пандемии все было отменено.

С 2019 г. Гоча Ревазович вошел в редакционную коллегию «Боспорских исследований» и на протяжении всех последующих лет плодотворно участвовал в работе нашего издания. В 2018 г. он в последний раз приезжал в Керчь, в которой давно не был. Ему было довольно трудно ходить, но, несмотря на это, он посетил раскопки в нескольких боспорских городах, среди которых его особенно заинтересовали работы, проводимые в Тиритаке. Мы всегда будем помнить его как очень глубокого и эрудированного ученого, тактичного и доброжелательного человека, готового к открытой научной дискуссии и просто к дружеской помощи.

Редколлегия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века
АДУ	– Археологічні дослідження в Україні
АО	– Археологические открытия в СССР. Москва
БИ	– Боспорские исследования
ВВ	– Византийский временник
ВДИ	– Вестник древней истории
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры, Ленинград
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГИМ ОПИ	– Государственный исторический музей, отдел письменных источников
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИАКр.	– История и археология Крыма
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИВ РАН	– Институт востоковедения РАН
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
КИАМ	– Керченский историко-археологический музей
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
КСИАУ	– Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии, Ленинград
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по археологии России
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва- Ленинград
СА	– Советская археология. Москва
РА	– Российская археология

Список сокращений

ХА	– Хазарский альманах
ХСб.	– Херсонесский сборник
AMV	– Acta Musei Varnaensi
BMGS	– Byzantine and Modern Greek Studies
PCA	– Post-Classical Archaeologies
RA	– Revista Arheologică, Chisinau

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
-------------------	---

СТАТЬИ

<i>Поротов А.В., Зинько В.Н.</i> Основные результаты археолого-палеогеографических исследований приморской территории Тиритакского городища	5
<i>Букина А.Г.</i> Фрагменты аттических чашевидных кратеров из Тиритаки.....	23
<i>Зинько В.Н., Котина А.В. Каспаров А.К.</i> Жертвенно-сакральный комплекс с Западного теменоса Тиритаки.....	45
<i>Шонов И.В.</i> Монетные выпуски Пантикапея 105 – 89 гг. до н.э.	73
<i>Виноградов Ю.А.</i> Расписной склеп Анфестерия в Керчи	93
<i>Суханов Е.В.</i> Что дают разные археологические источники для изучения хронологии салтово-маяцкой культуры?	116
<i>Ганцев В.К.</i> Технология производства вина в византийской Таврике	144
<i>Корженков А.М., Моисеев Д.А., Овсяченко А.Н., Ларьков А.С.</i> Сейсмические деформации в церкви монастыря Святого Георгия в Феодосии	163

ПУБЛИКАЦИИ

Каспаров А.К.
Морфологические типы лошадей,
обнаруженных в яме № 19 193

Зинько А.В.
Рыбозасолочные комплексы из раскопок Тиритаки 201

ИСТОРИЯ НАУКИ

Виноградов Ю.А.
Керченский музей и Императорский Эрмитаж 221

Зинько В.Н., Зинько А.В.
90 лет археологических исследований
Тиритаки на Боспоре Киммерийском 244

MEMORIAL

Памяти Гочи Ревазовича Цецхладзе 297

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 299

CONTENTS

PREFACE 3

ARTICLES

Porotov A.V., Zinko V.N.
The principal results of archaeologic-palaeogeographical study
of the maritime area of the Tiritaka's settlement 5

Bukina A.G.
Fragments of athenian calyx-kraters
found in Tyritake 23

Zinko V.N., Kotina A.V., Kasparov A.K.
Sacrificial-Sacred complex from
the Western temenos of Tyritake 45

<i>Shonov I. V.</i> Coin issues of Panticapaeum 105 – 89 gg. BC.....	73
<i>Vinogradov I.U.A.</i> Painted Crypt of Anthesterius in Kerch	93
<i>Sukhanov E.V.</i> What do different archaeological sources give for studying the chronology of the saltovo-mayatsk culture?.....	116
<i>Gantsev V. K.</i> Wine production technology in Byzantine Taurica.....	144
<i>Korzhenkov A.M., Moisieiev D.A., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S.</i> Seismic deformations of the church of the St. George monastery in Feodosiya	163

PUBLICATION

<i>Kasparov A. K.</i> Morphological types of horse found in pit № 19.....	193
<i>Zinko A.V.</i> Fish-salting complexes from the excavations of Tyritake	201

HYSTORY

<i>Vinogradov I.U.A.</i> The Kerch Museum and the Imperial Hermitage	221
<i>Zinko V.N., Zinko A.V.</i> 90 years of archaeological research of Tyritake on the Cimmerian Bosphorus.....	244

MEMORIAL

In memory of Gocha R. Tsetskhladze	297
List of abbreviations	299

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XLV

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год

Сайт журнала: <http://bospor-issled.cfuv.ru>

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученых степеней доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям наук:
5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.2 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки).

Перевод на английский *Н.М. Красина*

Корректор *Г.Н. Хлебникова*

Компьютерная верстка *Г.В. Воробьева*

Подписано в печать 29.11.2022 г.

Дата выхода в свет 30.12.2022 г.

Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 24,7.

Тираж 300 экз. Заказ 564.

Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.